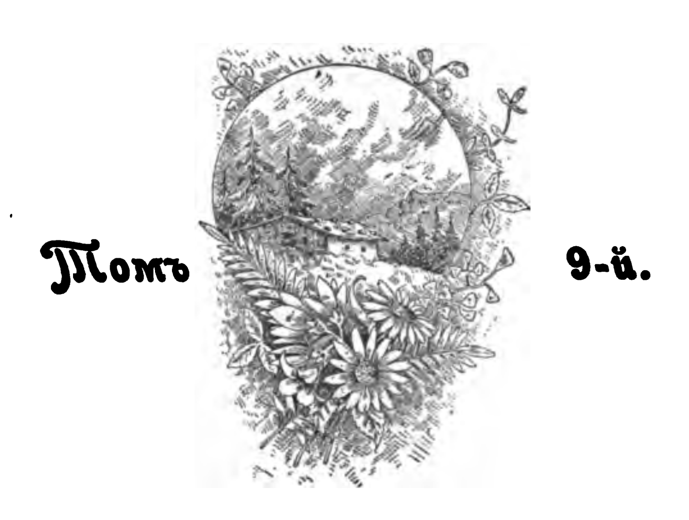
СБОРНИКЪ

ХАРЬКОВСКАГО

ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКАГО

ОБЩЕСТВА.

Томъ 9-й.

ХАРЬКОВЪ.

Типографія Губернскаго Правленія. Петровскій пер., д. № 17.

1897.

Девятый томъ Сборника Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества печатается и выпускается въ свѣтъ по опредѣленію Историко-Филологическаго Общества при ИМПЕРАТОРСКОМЪ Харьковскомъ Университетѣ, состоявшемуся въ засѣданіи 24 апрѣля 1896 г.

Предсѣдатель Профессоръ *М. Дриновъ.*

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Отчетъ о дѣятельности Историко-Филологическаго Общества въ 18^{95}/$_{96}$ ак. г.

Фот. С В. Кульженко. Кіевъ.

Н. А. Лащенковъ.

О. Николай Лащенко и его труды по мѣстной церковной исторіи.

---

24 сентября текущаго 1896 г. скончался одинъ изъ достойнѣйшихъ мѣстныхъ пастырей—протоіерей Харьковской Троицкой церкви о. Николай Алексѣевичъ Лащенко. Смерть его была неожиданностью для всѣхъ: онъ захватилъ тяжелую форму воспаленія легкихъ и умеръ на третій день болѣзни, на 67-мъ году своей жизни; очевидно, организмъ его уже ранѣе былъ истощенъ непосильными трудами. Да и вообще здоровье его было непрочное, между тѣмъ, вся его жизнь представляла изъ себя подвигъ безпрерывнаго труда. Онъ не щадилъ своихъ силъ, своего здоровья и всецѣло отдавался исполненію долга и общественному служенію. Это былъ идеальный приходской священникъ—всецѣло преданный своей нелегкой обязанности, весьма образованный и даже ученый—и въ то же время необычайно простой, обходительный, въ высшей степени скромный и деликатный, непоколебимо твердый въ своихъ убѣжденіяхъ, независимый и настойчивый въ требованіяхъ нравственнаго долга—и въ то же время въ высшей степени гуманный, терпимый, совершенно лишенный того духа религіозной исключительности, который несовмѣстимъ съ истинно христіанскимъ чувствомъ и настроеніемъ, не уходившій въ себя, близко стоявшій къ жизни, со всѣми ея подъ-часъ мелкими житейско практическими требованіями, —и въ то же время съумѣвшій сохранить въ полной неприкосновенности свою нравственную чистоту, благодаря удивительному безкорыстію и полному равнодушію къ житейскимъ выгодамъ. Присутствуя на похоронахъ о. Николая, я слышалъ отзывы о немъ прихожанъ—тутъ не было разногласія: всѣ въ одинъ голосъ, въ частной, совершенно откровенной бесѣдѣ другъ съ другомъ хвалили его, жалѣли объ этомъ образованномъ, добромъ, простомъ, безкорыстномъ, отзывчивомъ къ людскому горю пастырѣ, говорили, что это былъ лучшій представитель старыхъ временъ... И вотъ среди этихъ разговоровъ и характеристикъ я услышалъ одно замѣчаніе, которое меня поразило своею глубиною и вѣрностью. Я увидѣлъ въ немъ ключъ къ разгадкѣ всего нравственнаго облика покойнаго; имъ была опредѣлена основная черта его личности. „Благородная и деликатная натура была у о. Николая", замѣтила

одна изъ его прихожанокъ. Да, дѣйствительно, благородство и деликатность являются типической особенностью его натуры. Они создали ему одинаково ровное, мягкое отношеніе ко всѣмъ, съ кѣмъ ему приходилось сталкиваться въ жизни—не только къ высшимъ и равнымъ, но и къ низшимъ; они помогли ему сохранить полную нравственную связь съ представителями другого поколѣнія—собственными дѣтьми, несмотря на то, что эти послѣднія избрали себѣ иныя образовательныя средства, другой жизненный путь, иную общественную среду; они, наконецъ, нашли себѣ яркое выраженіе и въ его научной дѣятельности. И какъ цѣнна эта черта, особенно въ такой жизни, какую велъ о. Николай,—въ частныхъ соприкосновеніяхъ съ людьми разнообразныхъ общественныхъ положеній, характеровъ, міровоззрѣній! Какъ дорога она была для его прихожанъ, повѣрявшихъ ему „своя тайная и сокровенная", прибѣгавшихъ къ нему за совѣтами и поддержкою въ самые трудные моменты своей жизни. И о. Николай оказывалъ эту нравственную поддержку всѣмъ, пользуясь при этомъ одинаковымъ авторитетомъ и довѣріемъ и у иного выдающагося представителя умственной культуры, ищущаго на закатѣ дней своихъ утѣшенія и отрады въ высокихъ наставленіяхъ христіанской жизни, и у простолюдина, съ его непосредственною вѣрою и религіознымъ чувствомъ.

Не ограничиваясь многосложными обязанностями приходскаго священника, о. Николай сверхъ того служилъ обществу и на другихъ поприщахъ—былъ законоучителемъ, цензоромъ проповѣдей, членомъ духовной консисторіи, послѣдніе же годы своей жизни онъ особенно пристрастился къ научнымъ работамъ и напечаталъ цѣлый рядъ изслѣдованій по мѣстной церковной старинѣ. Въ этой области о. Николай Лащенко сразу занялъ видное мѣсто, какъ серьезный ученый, основывающій свои выводы на новыхъ неизданныхъ матеріалахъ, имъ же самимъ открываемыхъ и объясняемыхъ. Къ сожалѣнію, смерть пресѣкла преждевременно эту его дѣятельность и онъ не успѣлъ довести до конца задуманнаго труда „Матеріалы къ столѣтію Харьковской епархіи", труда, который могъ бы доставить ему имя продолжателя Нестора Слободско-Украинской церковной исторіи—арх. Филарета. Но и то, что написано о. Ник. Лащенко, весьма цѣнно и должно сдѣлать имя его незабвеннымъ въ лѣтописяхъ Харьковской исторіи вообще и церковной въ особенности. Его сочиненія отличаются вполнѣ научнымъ характеромъ и, благодаря богатству своего фактическаго содержанія, долго еще сохранятъ за собою характеръ цѣнныхъ историческихъ пособій.

У о. Николая несомнѣнно существовала живая потребность научной дѣятельности и духовнаго общенія съ ея представителями: вкусъ къ научному историческому изученію онъ получилъ въ Кіевской Духовной Академіи и развилъ его въ себѣ еще шире самостоятельнымъ чтеніемъ и

штудированіемъ различныхъ источниковъ и пособій по мѣстной исторіи, которая была дорога ему, какъ уроженцу здѣшняго края (онъ родился въ с. Гавриловкѣ, Изюмскаго уѣзда и воспитывался въ Харьковской духовной семинаріи и всю свою служебную дѣятельность посвятилъ г. Харькову). Потребность въ общеніи съ другими научными дѣятелями, занимавшимися изученіемъ края въ различныхъ отношеніяхъ, побудила его сдѣлаться членомъ Харьковскаго Губернскаго Статистическаго Комитета и Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества, тѣмъ болѣе что и сами эти учрежденія не могли не обратить вниманія на такого любителя и знатока мѣстной церковной старины, какъ о. Н. Лащенко. Секретаремъ Харьковскаго губ. статист. комитета состоялъ въ то время П. С. Ефименко, глубоко преданный мѣстнымъ изслѣдованіямъ и обладавшій по истинѣ изумительной способностью привлекать къ сотрудничеству въ созданный имъ „Харьковскій Сборникъ“ (научно-литературное приложеніе къ „Харьковскому Календарю“) подходящихъ лицъ. И о. Николай Лащенко сразу сдѣлался однимъ изъ самыхъ энергическихъ и полезныхъ работниковъ комитета, однимъ изъ самыхъ усердныхъ и сознательныхъ сотрудниковъ его научнаго органа. Всѣ свои труды онъ сталъ помѣщать въ „Харьковскомъ Сборникѣ“ не получая за нихъ никакого денежнаго гонорара; между тѣмъ какъ по своему интересу они могли бы найти помѣщеніе и въ такомъ изданіи, которое оплачивало бы статьи своихъ сотрудниковъ. Очевидно, о. Николай былъ человѣкомъ стойкихъ принциповъ и жизненныхъ правилъ, неспособнымъ изъ-за благъ земныхъ насиловать свою совѣсть и убѣжденія. Войдя въ статистическій комитетъ, сочувствуя его задачѣ и безкорыстнымъ стремленіямъ его членовъ къ изученію края, онъ сталъ нести сюда и всѣ результаты своихъ мѣстныхъ изысканій. И они помѣщались здѣсь въ такомъ видѣ, какъ доставлялись авторомъ—въ видѣ спокойныхъ, научныхъ, богатыхъ данными изслѣдованій и статей, отражавшихъ въ себѣ, какъ въ зеркалѣ, достойную личность ихъ автора. Онъ не смотрѣлъ на исторію, какъ на средство для оправданія или опроверженія тѣхъ или иныхъ теорій: онъ правдиво, на основаніи документовъ, изображалъ прошлое, съ его свѣтлыми и темными сторонами, и его пониманіе этихъ свѣтлыхъ и темныхъ сторонъ было таково, что подъ нимъ могли бы подписаться всѣ друзья истины и добра. Стремясь находить объективную историческую истину, желая имѣть твердую основу для своихъ характеристикъ, онъ углубился *въ архивы* и оттуда извлекъ главный матеріалъ для своихъ работъ. Но чувствуя, что этотъ матеріалъ можетъ оказаться нѣсколько одностороннимъ, онъ усердно разъискивалъ также и частные источники—письма, домашнія бумаги разныхъ дѣятелей, прибѣгалъ, наконецъ, и къ живымъ устнымъ преданіямъ. Какъ и въ жизни, такъ и въ своей научной дѣятельности онъ относился въ выс-

шей степени деликатно и терпимо къ чужимъ мнѣніямъ—подчасъ критиковалъ ихъ и не соглашался съ ними, но дѣлалъ это спокойно и скромно, не выдвигая на первый планъ своей личности.

Наиболѣе крупными трудами покойнаго являются біографическіе очерки двухъ харьковскихъ іерарховъ—перваго слободскоукраинскаго епископа Христофора Сулимы и многоученаго архіепископа Филарета Гумилевскаго. Самостоятельная Харьковская епархія была учреждена въ 1799 г. (до тѣхъ поръ она была соединена съ Бѣлгородской). Въ 1899 г. истекаетъ столѣтіе со времени ея открытія. „Смѣемъ думать, писалъ по этому поводу о. Николай, что это событіе столѣтія не пройдетъ безслѣдно; желательно, по крайней мѣрѣ. чтобы къ этому дню былъ составленъ общій очеркъ столѣтней церковно-исторической жизни епархіи въ біографіяхъ архіереевъ и выдающихся духовныхъ дѣятелей. Этотъ очеркъ былъ бы нѣкоторымъ дополненіемъ и продолженіемъ великаго труда „Нестора нашей епархіи“ Высокопреосв. Филарета. Разумѣемъ его „Ист. стат. опис. Харьк. епарх.“. Іерархія Харьк. епархіи весьма достопримѣчательна. Между 14 епископами ея мы встрѣчаемъ архипастырей, которые украшались разнообразными христіанскими доблестями или отличались рѣдкимъ богословскимъ образованіемъ: стоитъ вспомнить имена Мелетія, Иннокентія, Филарета, Макарія. Были пресвитеры—усердные сотрудники епископовъ, были и міряне, достойные памяти. Въ печати уже есть жизнеописанія нѣкоторыхъ харьковскихъ архипастырей: Мелетія въ трудѣ г. Кульжинскаго, Иннокентія—свящ. Т. Буткевича, Филарета—г. Листовскаго. Едва ли кто станетъ сомнѣваться, что такой біографіи, полной и хорошей, заслуживаетъ и Макарій. Высокопреосвящен. Макарій, скончавшійся митрополитомъ въ Москвѣ, близокъ намъ по времени; еще живы и дѣйствуютъ многіе изъ духовныхъ лицъ Харьк. еп., не говоря о сверстникахъ и ученикахъ его. Вотъ почему желательна и и возможна скорѣйшая біографія его. Сойдетъ со сцены поколѣніе живыхъ людей свидѣтелей его трудовъ, изсякнетъ голосъ живаго преданія о немъ, и чѣмъ дальше, тѣмъ уже труднѣе будетъ воспроизвести величественный образъ этого бывшаго свѣтила русской церкви. Съ своей стороны, въ видѣ опыта, мы рѣшаемся представить въ качествѣ сыраго матеріала, отрывочныя свѣдѣнія, относящіяся къ первому десятилѣтію Слободской епархіи, за время управленія ею перваго епископа Христофора Сулимы, о которомъ въ печати мы почти ничего не имѣемъ. Представляемые матеріалы были извлечены нами преимущественно изъ архива Харьк. Дух. Консисторіи въ послѣдній годъ нашей службы въ должности члена оной и потомъ не могли уже быть дополнены, провѣрены и приведены въ болѣе строгую систему*).“

*) Матеріалы къ столѣтію Харьк. каѳедры, Х. 1896 г. стр. 1—2, прим.

Въ этихъ словахъ мы находимъ цѣлую программу для осуществленія труда, въ которомъ дѣйствительно чувствуется насущная потребность; авторъ отмѣчаетъ то, что уже сдѣлано, и указываетъ на то, что нужно сдѣлать. Онъ же самъ кладетъ и первое прочное основаніе этому труду біографіей перваго харьковскаго епископа Христофора Сулимы; и хотя онъ называетъ свой опытъ отрывочными матеріалами, но это въ дѣйствительности настоящая ученая монографія объемомъ въ 18 печатныхъ листовъ. Авторъ, можно сказать, впервые открылъ намъ эту достойную личность и начерталъ во всѣхъ подробностяхъ ея жизнь и дѣятельность. Здѣсь мы находимъ обктоятельныя данныя о происхожденіи, молодыхъ годахъ жизни Сулимы, о принятіи имъ монашества, о пребываніи въ Мотронинскомъ мон., въ Новгородъ Сѣверской, Гамалѣевской и Черниговской Елецкой обители, о назначеніи викарнымъ епископомъ Ѳеодосійскимъ и за тѣмъ Слободско-украинскимъ. Далѣе авторъ подробно очерчиваетъ дѣятельность Христофора по управленію Харьковской епархіей. Говоритъ о тогдашней консисторіи, духовныхъ правленіяхъ, представляетъ новыя данныя о Коллегіумѣ, характеризуетъ отношеніе Христофора къ университету, среднимъ и низшимъ училищамъ, представляетъ біографію Фотіева. Снѣсарева, разсказываетъ объ отношеніи Сулимы къ монастырямъ и церквямъ— городскимъ и сельскимъ, о поднятіи образовательнаго уровня священниковъ.

Другое крупное произведеніе о. Николая—это *„Высокопреосвященный Филаретъ, архіепископъ Харьковскій, по письмамъ къ его другу, валковскому помѣщику Романовскому“* (въ Харьк. Сборникѣ на 1891 и 1892 г.). Тутъ мы находимъ прежде всего біографическія данныя о Романовскомъ, а затѣмъ цѣлый рядъ указаній на административную дѣятельность преосв. Филарета въ Харьковской епархіи и его характеръ, на его заботы о поднятіи образовательнаго уровня духовенства, на строгую самостоятельность въ управленіи епархіей (характерно между прочимъ здѣсь то, что преосвященный не терпѣлъ доносовъ), на предпочтеніе, оказываемое имъ молодымъ энергичнымъ священникамъ передъ старыми, на устройство женскаго епархіальнаго училища, на заботы о Хорошевскомъ монастырѣ, на частныя отношенія его къ дворянамъ, на составленіе историко-статистическаго описанія Харьковской епархіи, на нѣкоторыя его мнѣнія и черты характера.

Весьма важной по своему содержанію является небольшая статья о. Николая о В. Н. Каразинѣ—*„Вас. Наз. Каразинъ, какъ помѣщикъ села Кручика“* (Харьк. Сборн. на 1887 г., стр. 52—64). Здѣсь на основаніи документовъ консисторскаго архива сообщаются любопытныя подробности о договорѣ, заключенномъ В. Н. Каразинымъ съ приходскими священниками его села Кручика, договорѣ, который матеріально обезпечивалъ священника и давалъ ему возможность не брать платы за исполненіе разныхъ требъ; въ связи съ этимъ говорится объ устройствѣ его сельской Думы и

народнаго училища. Статья эта обратила на себя вниманіе историка русскаго крестьянства Вас. Ив. Семевскаго, воспользовавшагося ею для своей работы „Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII и первой половинѣ XIX вѣка". По поводу ея появилась также замѣтка и въ „Харьковскомъ Сборникѣ" (на тотъ же 1887 г.), *„Домовыя церкви въ покояхъ Слободско-украинскихъ помѣщиковъ* (Харьк. Сбор. на 1889 годъ, стр. 1—34) содержитъ въ себѣ рядъ фактическихъ данныхъ, почерпнутыхъ изъ архивныхъ матеріаловъ. *Къ біографіи Г. Ѳ. Квитки* (Харьков. Сборн. на 1889 годъ, стр. 195—200). Небольшая замѣтка, отличающаяся однако критическимъ характеромъ, дополняющая и исправляющая нѣкоторыя показанія прежнихъ біографовъ. *„Памяти ректора Харьковскаго университета П. П. Гулака-Артемовскаго"* (Харьк. Сборн. на 1890 г.) Здѣсь мы находимъ два неизданныхъ письма къ Гулаку-Артемовскому (преосв. Иннокентія и Гедеона). *„Двухсотлѣтіе Покровскаго храма Харьковскаго архіерейскаго дома"* (Харьк. Сбор. на 1889 г., стр. 200—202), *„Посѣщеніе Харьковскаго Коллегіума Бѣлгородскимъ епископомъ Самуиломъ Миславскимъ"* (Ibidem, стр. 202—208), *„Воспоминаніе о преосв. Мелетіи, архіепископѣ Харьковскомъ"* (Ibidem, стр. 209—212)—все это мелкія замѣтки, содержащія однако новые матеріалы.

Съ живымъ сочувствіемъ относился о. Николай Лащенко и къ нашему историко-филологическому обществу, которое также посвящаетъ свои труды историческому, церковному и этнографическому изученію края. Онъ регулярно посѣщалъ его засѣданія, внимательно выслушивалъ доклады, дѣлалъ подъ-часъ свои замѣчанія и принималъ участіе въ разныхъ предпріятіяхъ общества. Всѣмъ памятно, напримѣръ, то сердечное усердіе, какое онъ обнаружилъ въ дѣлѣ устройства надгробнаго памятника украинскому философу Г. С. Сковородѣ и въ передачѣ обществу бумагъ Е. С. Гордѣенка... Общество смотрѣло на него какъ на одного изъ самыхъ почтенныхъ, уважаемыхъ своихъ членовъ.

Въ нынѣшней же книжкѣ „Сборника" нашего общества напечатана посмертная статья о. Николая о небезъизвѣстномъ въ свое время литераторѣ Евстафіѣ Ивановичѣ Станевичѣ. Она отличается большими достоинствами. Въ руки автора попали документы, касающіеся Станевича; но онъ не ограничился пересказомъ ихъ содержанія—наоборотъ тщательно собралъ все то, что имѣлось въ печати объ этомъ дѣятелѣ (а разыскать это было очень трудно—приходилось по крупицамъ собирать въ разныхъ статьяхъ, изданіяхъ и новѣйшихъ трудахъ)—и далъ богатый содержаніемъ біографическій очеркъ, приведенный въ связь съ тогдашними литературными направленіями и теченіями. Станевичъ принадлежалъ къ группѣ писателей-старовѣровъ и былъ поклонникомъ извѣстнаго Шишкова. И у о. Николая выступаютъ передъ нами въ своихъ письмахъ и мнѣніяхъ Шишковисты, а также и нѣкоторыя

другія лица. Такъ онъ приводитъ неизвѣстные въ печати письма митр. Евгенія, Шишкова, Державина, Шихматова. Особенно подробно останавливается о. Ник. Лащенко на печальной судьбѣ одного анти-мистическаго сочиненія Станевича: „Бесѣда надъ гробомъ младенца о безсмертіи души"; эпизодъ этотъ имѣетъ и общій интересъ для уясненія все еще неизвѣстной въ подробностяхъ исторіи мистицизма въ Россіи и отношенія къ нему разныхъ дѣятелей.

Отмѣтимъ, въ заключеніе, еще одну черту покойнаго о. Ник. Лащенка, также характеризующую его скромность. Обладая въ избыткѣ всѣми данными, необходимыми для обработки и освѣщенія сырыхъ историческихъ матеріаловъ, о. Николай охотно передавалъ найденные имъ интересные документы другимъ лицамъ. Такъ, напримѣръ, бывшему секретарю статистическаго комитета П. С. Ефименку онъ отдалъ рукопись записокъ Ярославскаго, а мнѣ сообщилъ нѣкоторыя свѣдѣнія о колоколѣ Назарія Александровича Каразина.

Миръ праху твоему, честный труженикъ, подвизавшійся добрымъ подвигомъ на благо общее!

Д. Багалѣй.

Д. А. Матовъ.

(некрологъ).

15 сентября н. г., въ Дрезденѣ, умеръ молодой, талантливый славистъ, Дмитрій Апостоловичъ Матовъ, связанный съ Харьковомъ многими узами: воспитанникъ 1-й Харьковской гимназіи и Харьковскаго университета, онъ оставилъ о себѣ здѣсь хорошую память. Несмотря на свою молодость (онъ умеръ 32 лѣтъ), Матовъ успѣлъ составить себѣ почетное имя въ славистикѣ. Я не берусь дѣлать оцѣнку его трудовъ, это будетъ сдѣлано, несомнѣнно, спеціалистами; въ этихъ строкахъ я хочу только отдать послѣдній долгъ замѣчательному человѣку, любимому всѣми товарищу, о которомъ съ душевною болью, не вѣря самому себѣ, приходится теперь говорить, какъ о мертвомъ. И въ гимназіи, и въ университетѣ, несмотря на большія способности и огромныя знанія, Д. А. не выдѣлялся изъ среды товарищей; не выдѣлялся не потому, что *не могъ*, а потому, что *не хотѣлъ*. Еще будучи студентомъ, онъ долженъ былъ перенести временный перерывъ въ занятіяхъ: въ 1886 г. разразилась сербско-болгарская война, и Матовъ, въ числѣ другихъ студентовъ болгаръ, учившихся въ Россіи, отправился въ Болгарію, чтобы принять участіе въ войнѣ. Тогдашній князь Александръ I, разумѣется, задержалъ ихъ въ Софіи. По окончаніи университетскаго курса М. не остался въ Россіи. Несмотря на то, что здѣсь онъ могъ съ успѣхомъ примѣнить къ дѣлу и свой талантъ, и свои знанія, онъ предпочелъ отправиться на родину, въ Македонію (онъ былъ уроженецъ г. Велеса, турецкій подданный), и устроился учителемъ болгарской гимназіи свв. Кирилла и Меѳодія въ Солуни. Но уже въ сентябрѣ 1890 г. Матовъ былъ въ Вѣнѣ. „Въ теченіе 2 лѣтъ учительствованія, писалъ онъ въ одномъ частномъ письмѣ, я наткнулся на такія затрудненія и въ преподаваніи, и въ частныхъ занятіяхъ, что изо дня въ день крѣпло во мнѣ рѣшеніе пробыть еще годикъ въ какомъ нибудь университетскомъ городѣ. И вотъ я въ Вѣнѣ, уже около 2 мѣсяцевъ. Здѣсь, какъ вы знаете, Ягичъ, который руководитъ семинаріемъ по славистикѣ“. Не довольствуясь пребываніемъ въ Вѣнѣ, гдѣ онъ слушалъ Ягича и Мерингера, въ началѣ 1892 года онъ переѣхалъ въ Лейпцигъ, гдѣ работалъ подъ руководствомъ

Лескина и другихъ, а въ августѣ былъ уже на Балканскомъ полуостровѣ, но не въ Солуни, гдѣ за время его отсутствія произошли разныя перемѣны въ личномъ составѣ гимназіи, которымъ онъ не сочувствовалъ, да по полученнымъ имъ частнымъ свѣдѣніямъ ему, какъ видно изъ его письма, ѣхать туда было опасно. Въ Софіи же не нравился ему „царящій тамъ духъ времени, писалъ онъ изъ Лейпцига, а кромѣ того опасался, что въ случаѣ проговоришься, не ровенъ часъ – попадешь и въ кутузку". Однако пришлось все таки поселиться въ Софіи, хотя этого ему не очень хотѣлось. „Лучше, писалъ онъ, когда бы у меня былъ вполнѣ свободный выборъ—въ Солунь или въ Софію"... „Въ крайнемъ случаѣ и въ Софію поѣду, рѣшившись закупорить ротъ".

Въ Софіи, однако, оказалось, повидимому, не такъ уже дурно, какъ представлялось Матову; мин. нар. просвѣщенія оцѣнило его дарованія: онъ получилъ мѣсто профессора Высшаго Училища, гдѣ первое время читалъ славянскую этнографію. Кромѣ того, онъ былъ сдѣланъ редакторомъ „Сборника за нар. умотвор., наука и книжнина", и членомъ комиссіи по пересмотру болгарскаго правописанія. „Трудненько, писалъ онъ, когда подойдетъ статья болѣе или менѣе неграмотнаго писателя, каковыхъ у насъ достаточно, главнѣе всего по причинѣ неустановленности правописанія. Съ матерьялами по народной словесности еще хуже. Записываютъ неточно, небрежно и не умѣютъ усвоить себѣ фонетическое правописаніе этого отдѣла". Много волненія и непріятностей пришлось перенести Матову изъ за реформы правописанія, не только отъ болгаръ, но и отъ русскихъ, которые обвиняли комиссію въ стремленіи удалить правописаніе отъ русскаго. „Поднялась страшная орава, писалъ онъ въ частномъ письмѣ. Ругаютъ насъ, на чемъ свѣтъ стоитъ. Ни одного благопріятнаго отзыва, ни одного опроверженія по существу".

Ученые планы Матова были обширны. Но „вечиронька на столи, а смерть за плечима"; весною нынѣшняго года у М. появились припадки болѣзни, сведшей его въ могилу. Этимъ зловѣщимъ признакамъ никто здѣсь не придавалъ важнаго значенія. Въ прошломъ году были даже предположенія о возможности пріѣзда его нынѣшнимъ лѣтомъ въ Харьковъ. Однако долгое молчаніе на письмо, посланное въ Софію въ концѣ августа, начинало уже безпокоить, какъ вдругъ было получено оттуда же извѣстіе о его смерти, какъ громомъ поразившее всѣхъ знавшихъ его. Онъ былъ патріотъ въ лучшемъ и наиболѣе чистомъ значеніи этого слова. Если его неудавшееся участіе въ сербской войнѣ можно назвать юношескимъ увлеченіемъ, то подвигомъ истиннаго патріота была его служба въ Солуни, подъ угрозой постоянныхъ непріятностей. И съ тѣмъ бо̀льшимъ уваженіемъ слѣдуетъ отнестись къ этому поступку Матова, что въ Россіи онъ могъ бы устроиться

и выгоднѣе, и безопаснѣе. На пользу Болгаріи дѣйствовалъ Матовъ и научнымъ путемъ, въ качествѣ профессора и редактора Сборника, а также и учеными трудами, особенно своей статьей по этнографіи Македоніи, гдѣ онъ доказываетъ право Болгаріи на эту до сихъ поръ еще турецкую страну. Эта статья, отличающаяся осторожностью и прочностью выводовъ, принесла Матову заслуженную извѣстность.

Съ большою любовью относился Матовъ къ странѣ, давшей ему образованіе, и къ людямъ, окружавшимъ его въ годы юности. Полны печали строки того письма, въ которомъ онъ выражалъ глубокую скорбь о смерти А. А. Потебни. Чутко прислушивался онъ всегда ко мнѣнію своего руководителя и профессора М. С. Дринова, всей душой привязавшагося къ своему ученику. Въ особенности волновался Матовъ по поводу долгаго молчанія Марина Степановича относительно новаго правописанія *). О своихъ гимназическихъ и университетскихъ товарищахъ онъ всегда вспоминалъ въ письмахъ, а съ нѣкоторыми былъ даже въ перепискѣ. „Читая ихъ (письма), я переношусь въ прошлое! Есть кое-что отраднаго въ немъ!" Онъ очень жалѣлъ, когда на одного изъ нашихъ товарищей напали печатно въ довольно рѣзкой формѣ за небольшую статью. „Нужно же было, писалъ онъ, указать и хорошія стороны его работы".

Пора уже кончить, но я все еще не могу выпустить пера изъ рукъ; точно будто дорогой покойникъ лежитъ передо мной и будто этимъ я могу оттянуть хоть на короткое время моментъ прощанія съ нимъ на вѣки. Я не буду заканчивать своей замѣтки обычными словами,—они неумѣстны передъ свѣжей могилой такого человѣка. Когда умираетъ молодой человѣкъ, полный силъ, энергіи, знаній, таланта, въ расцвѣтѣ лѣтъ, предъ широко раскрытыми дверями извѣстности, тогда нельзя говорить громкихъ словъ; тогда надо молчать отъ горя и подступающихъ къ горлу слезъ.

М. Масловъ.

---

*) Съ большимъ удовольствіемъ сообщалъ онъ о томъ, что факультетъ, по представленію М. С. Дринова, удостоилъ его степени кандидата.

Памяти Р. I. Каширенинова.

(некрологъ).

Рафаилъ Iосифовичъ Каширениновъ родился 29 февраля 1868 г. въ семьѣ уѣзднаго врача г. Льгова (Курской губ.). Это былъ нервный, впечатлительный и болѣзненный ребенокъ, любимецъ семьи. Дѣтство свое до 9-лѣтняго возраста онъ провелъ въ родномъ городѣ, а затѣмъ поступилъ въ гимназію въ Курскѣ, куда переселились и его родители. Ученіе Каширенинову давалось легко: онъ прошелъ гимназію безъ задержекъ и въ 1886 г. очень успѣшно окончилъ курсъ. Въ этомъ же году онъ поступаетъ въ Харьковскій университетъ на историко-филологическій факультетъ и съ жаромъ отдается университетскимъ занятіямъ, тщательно записывая слушаемые курсы и подготовляясь къ нимъ, когда то нужно было, на дому. Съ особенною любовью и интересомъ онъ относился къ лекціямъ проф. А. А. Потебни, и по окончаніи курса въ университетѣ не разъ говорилъ, что этому профессору онъ очень многимъ обязанъ въ своемъ развитіи. Поэтому, по смерти Потебни, К-въ является однимъ изъ усердныхъ сотрудниковъ въ разборѣ и перепискѣ трудовъ покойнаго профессора, оставшихся въ рукописяхъ.

Къ сожалѣнію этой бодрости и силѣ духа не соотвѣтствовали силы физическія. Надѣленный и отъ природы здоровьемъ не крѣпкимъ, К-въ во время университетскаго курса перенесъ двѣ тяжкихъ болѣзни (нервную горячку и брюшной тифъ), оставившихъ въ его организмѣ неизгладимые слѣды и заставившихъ его отложить свои окончательные экзамены въ университетѣ до 1893 г. Закончивъ ихъ очень удачно, но съ большимъ напряженіемъ своихъ слабыхъ силъ, К-въ рѣшилъ не браться ни за какое обязательное дѣло, пока здоровье не окрѣпнетъ, и заниматься въ это время излюбленными предметами: исторіей литературы, исторіей языка въ направленіи, указанномъ Потебней и музыкой (теоретически и практически). Онъ много читаетъ, посѣщаетъ драму и оперу и относится ко всему узнанному и услышанному вдумчиво, серьезно, тонко анализируя явленія; онъ изучаетъ теорію музыки и начинаетъ учиться, уже по окончаніи университета, игрѣ на скрипкѣ. Это были подготовительныя работы къ задачѣ, намѣченной имъ въ дали: изучивъ теорію строенія и классификаціи пѣсенъ народныхъ, созданную Потебней, и овладѣвъ удобнымъ при передвиженіяхъ инструментомъ (скрипкой), заняться записываніемъ народныхъ мотивовъ. Но неувѣренность въ своихъ силахъ, строгость къ себѣ и скромность, доходившая иногда до самоуничиженія, скоро начали ему нашептывать, что

все это лишь мечты и воздушные замки, что можно и этимъ заниматься въ свободное время, но необходимо найти ближайшія точки для приложенія своихъ силъ и знаній. Онъ начинаетъ искать уроковъ по своимъ силамъ: въ возможно меньшемъ количествѣ и въ женскомъ учебномъ заведеніи. Въ 1895 г. во 2-й х. ж. гимназіи освобождается 12 уроковъ русскаго языка; ихъ и занимаетъ Каширениновъ, и временно успокаивается отъ волновавшихъ его думъ. По обыкновнію своему онъ уходитъ въ это дѣло съ головой: изучаетъ и сравниваетъ имѣющіеся подъ руками учебники, продумываетъ каждое слово въ томъ, что наутро готовится сказать; перечитываетъ по нѣсколько разъ одно и то же сочиненіе ученическое, стараясь не упустить малѣйшей неточности, погрѣшности; старается добиться отъ учащихся въ отвѣтахъ возможной точности, основательности. Горячая, нервная работа, кажущаяся, для этой мнительной натуры, неуспѣшность въ занятіяхъ—съ одной стороны, съ другой—недостатокъ времени для личныхъ любимыхъ занятій,—все это скоро стало вносить разладъ и безпокойство въ эту чуткую, съ высокими запросами и стремленіями, душу, тяжко отзываясь на хрупкомъ организмѣ. Уже въ началѣ 1896 года К-въ начинаетъ ощущать упадокъ силъ и частыя недомоганія, не позволявшія ему иногда посѣщать уроки; это было источникомъ новыхъ тревогъ. Скоро К-въ пришелъ къ сознанію, что работа ему не по силамъ, но неудобство передать ученицъ къ экзаменамъ новому учителю, извѣстнаго рода долгъ передъ ними, къ чему такъ чутокъ былъ покойный, нервно поддерживали угасавшія силы, и К-въ рѣшилъ докончить учебный годъ. Но въ апрѣлѣ онъ былъ вынужденъ прекратить посѣщеніе гимназіи, чувствуя, какъ быстро таетъ его здоровье. Въ душѣ его порвалась струна увѣренности въ своей пригодности на жизненномъ пиру. Кругъ интересовъ его начинаетъ быстро сужаться, силы гаснутъ, и за мѣсяцъ до кончины онъ могъ заниматься лишь самымъ легкимъ чтеніемъ и неутомительной физической работой (поливать цвѣты въ саду, вырывать сорную траву и т. п.), жалуясь на страшную усталость и отсутствіе интереса къ чему бы то ни было. Въ среднихъ числахъ іюня н. г. К-ва перевезли изъ Харькова въ имѣніе тетки, с. Букрѣевку (Курск. губ.), гдѣ 24 іюня онъ и скончался отъ паралича сердца.

Для родныхъ и товарищей покойнаго, а равно и для лицъ, которымъ онъ втайнѣ благотворилъ—(обезпеченный для скромной жизни отцомъ, К-въ все заработанное жалованье отдавалъ частью бѣднымъ ученицамъ, частью недостаточнымъ студентамъ)—утрата эта очень тяжела и вызываетъ самыя горячія сожалѣнія. Тягостно, больно слышать, а тѣмъ болѣе видѣть, какъ гаснетъ богато-одаренная, отзывчивая, чуткая къ страданіямъ ближняго, душа, гаснетъ, не успѣвъ показать міру и части своихъ духовныхъ сокровищъ.

А. Ветуховъ.

ОТЧЕТЪ

о дѣятельности Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества за $18\frac{95}{96}$ акад. годъ.

Въ засѣданіи 12 сентября 1895 г. доложенъ былъ денежный отчетъ за 18⁹⁴/₉₅ г. и представлены оправдательные документы на произведенные расходы и остатокъ въ 604 р. 64 к. По провѣркѣ членомъ Общества Г. Ѳ. Шульцомъ отчетъ былъ утвержденъ подписью членовъ.

Постановлено продолжать научныя чтенія для женщинъ съ платой по 6 руб. за всѣ курсы или по 2 руб. за каждый курсъ въ отдѣльности, съ передачей сбора лекторамъ, за отчисленіемъ 10% въ пользу Общества.

Постановлено выпустить въ свѣтъ „Пособіе для устройства научныхъ и литературныхъ чтеній" (первое изданіе въ 650 экз.), отдѣльно оттисками главу о поэзіи (500 экз.), второе изданіе „Тетради для записыванія прочитанныхъ книгъ" (3000 экз.).

Н. Ѳ. Сумцовъ и В. И. Харціевъ отказались отъ дальнѣйшаго редактированія сочиненій Е. С. Гордѣенка; постановлено уплатить изъ переданной Е. С. Гордѣенкомъ въ распоряженіе Общества суммы за отпечатанные листы 240 р. 20 к., за портреты Е. С. Гордѣенка 63 р., увѣдомить Е. С. Гордѣенка объ отказѣ Н. Ѳ. Сумцова и В. И. Харціева и предложить ему высказать свои желанія относительно дальнѣйшаго веденія Обществомъ печатанія его сочиненій.

Предсѣдателемъ и секретаремъ единогласно избраны уже несшіе ранѣе эти обязанности М. С. Дриновъ и Н. Ѳ. Сумцовъ.

Въ засѣданіи 12 октября 1895 г. *Д. И. Багалѣй* прочелъ докладъ о П. П. Гулакѣ-Артемовскомъ, причемъ обратилъ вниманіе Общества на печальное состояніе памятника на могилѣ Г. А. Общество постановило имѣть въ виду изданіе полнаго собранія сочиненій Г. А. и рѣшило войти въ Правленіе Харьковскаго университета съ просьбой объ ассигнованіи около 150

руб. на исправленіе памятниковъ на могилахъ П. П. Гулака-Артемовскаго и И. С. Рижскаго.

А. С. Лебедевъ сдѣлалъ сообщеніе о дѣятельности еп. бѣлгородскаго Ѳеоктиста Мочульскаго (напечатано въ настоящемъ 9 т. Сборника). Въ обсужденіи реферата А. С. Л. приняли участіе М. С. Дриновъ, Д. И. Багалѣй и Н. А. Лащенковъ.

Избрана коммиссія для разсмотрѣнія сочиненій на премію имени А. А. Потебни изъ трехъ членовъ Общества Н. Ѳ. Сумцова, М. Е. Халанскаго и М. Д. Линды.

Въ засѣданіи Историко-Филологическаго Общества 27 октября 1895 г. присутствовали: предсѣдатель М. Дриновъ, секретарь Н. Сумцовъ, члены: Н. Алякритскій, Я. Денисовъ, М. Масловъ, В. Савва. Евгеній Трефильевъ, В. Харціевъ, А. Ветуховъ, М. Линда, Р. Кашпрениновъ, А. Вязигинъ, П. Гинкинъ, Т. Никитскій, Е. Рѣдинъ, прот. Лащенко, Г. Гинце, М. Плохинскій, П. Лейкфельдъ, В. Бузескулъ, Шепелевичъ, Нетушилъ, Г. Шульцъ, И. М. Собѣстіанскій. Н. Куплевасскій, Ляпуновъ, письменно передали свои голоса Д. И. Багалѣй В. П. Бузескулу, Д. Н. Овсянико-Куликовскій Е. К. Рѣдину и С. В. Соловьевъ И. М. Собѣстіанскому.

Прочитанъ и утверженъ протоколъ засѣданія 12 октября 1895 г.

Н. Ѳ. Куплевасскій обратилъ вниманіе Общества, что при предполагаемой перестройкѣ Каплуновской церкви могила И. С. Рижскаго можетъ отойти подъ церкву. По сему поводу постановлено войти въ Правленіе Императорскаго Харьковскаго университета съ просьбой, чтобы Правленіе снеслось съ епархіальнымъ начальствомъ и просило объ обозначеніи мѣста погребенія И. С. Рижскаго, если могила войдетъ въ предѣлы храма.

Секретарь доложилъ о циркулярномъ распоряженіи г. министра народнаго просвѣщенія о порядкѣ ходатайства объ измѣненіи уставовъ ученыхъ, учебныхъ и благотворительныхъ Обществъ.

Секретарь доложилъ о просьбѣ сыръ-дарьинскаго областного стат. комитета объ обмѣнѣ изданіями. Постановлено выслать первые 6-ть томовъ Сборника Х. И.-Ф. Общества.

Секретарь доложилъ о полученіи отъ губернской типографіи счета за отпечатанные и полученные 650 экз. „Пособія для устройства науч.-литер чтеній“ въ 430 руб. 60 коп. и счета за отпечатанные и также уже полученные 520 экз. „Основы поэтики“ въ 22 руб. 90 коп. Постановлено уплатить губернской типографіи по этимъ счетамъ четыреста пятьдесятъ три рубля 50 коп. (453 р. 50 к.), причемъ для уплаты 200 р. взять изъ университетской ассигновки и остальные 253 р. 50 к. изъ членскихъ взносовъ и др. сбереженій.

Предсѣдатель сообщилъ, что согласно постановленію, сдѣланному въ засѣданіи 12 сентября сего года, онъ обращался къ Е. С. Гордѣенку съ письменной просьбой отъ 19 числа того же мѣсяца сообщить Обществу свои желанія относительно дальнѣйшаго хода дѣла по изданію его сочиненій. Въ отвѣтъ на это Е. С. Гордѣенко прислалъ два письменныхъ заявленія, отъ 27 сентября и 25 октября, которые и предполагалось доложить въ нынѣшнемъ засѣданіи. Но теперь сдѣлалось извѣстнымъ, что заслуженный проф. А. Н. Стояновъ за нѣсколько часовъ до открытія этого засѣданія имѣлъ случай бесѣдовать съ Е. С. Гердѣенкомъ объ этомъ вопросѣ, послѣ чего просилъ архиваріуса М. М. Плохинскаго сообщить Обществу въ нынѣшнемъ же его собраніи, что Е. С. Гордѣенко въ настоящее время склоненъ замѣнить вышеозначенныя два свои заявленія новымъ, именно выраженіемъ желанія, чтобы изданіе его сочиненій было отложено на нѣсколько лѣтъ и чтобы до того времени эти сочиненія хранились въ Историческомъ архивѣ Общества. По выслушаніи этого сообщенія, сдѣланнаго по предложенію предсѣдателя М. М. Плохинскимъ, Общество постановило: а) болѣе раннія письменныя заявленія, отъ 27 сентября и 25 октября, не докладывать въ нынѣшнемъ засѣданіи, и б) просить Е. С. Гордѣенка доставить Обществу письменную формулировку своихъ новыхъ желаній.

Доложено было, что отъ типографіи Харьковскаго губернскаго правленія 5 октября получено письмо съ просьбой сообщить ей, будетъ ли возобновлено въ скоромъ времени пріостановленное въ іюнѣ печатаніе трудовъ Е. С. Гордѣенка и какъ поступить съ выписанной на все это изданіе бумагой, удержать ли ее для послѣдняго, или же типографія можетъ израсходовать ее на какое-нибудь другое изданіе. Вмѣстѣ съ симъ типографія проситъ увѣдомить ее, куда отправить напечатанные уже листы, въ случаѣ Общество прекратитъ изданіе. Постановлено отвѣтить на это письмо по полученіи вышеупомянутаго письменнаго заявленія Е. С. Гордѣенка.

Далѣе секретаремъ Общества было доложено, что для полученія денегъ на уплату расходовъ по изданію трудовъ Е. С. Гордѣенка необходимо дополнить сдѣланное по сему вопросу въ засѣданіи 12 сентября постановленіе указаніемъ на источникъ, откуда должна быть взята необходимая для этого сумма. Рѣшено сдѣлать это дополненіе и редактировать постановленіе такимъ образомъ: На покрытіе расходовъ по изданію сочиненій Е. С. Гордѣенка, взять, отбросивъ копейки, триста три руб. изъ суммы въ 3,600 р. находящейся на храненіи въ Обществѣ взаимнаго кредита приказчиковъ въ Харьковѣ по книжкѣ отъ 9 января 1895 г. за № 776.

Перейдя къ вопросу о вознагражденіи редакторовъ, которые во время обсужденія этого вопроса удалилися изъ зала засѣданій, предсѣдатель сообщилъ что имъ полученъ отъ одного изъ редакторовъ, именно отъ В. И.

Харціева письменное заявленіе слѣдующаго содержанія: «Принявъ на себя, по желанію Е. С. Гордѣенка и съ согласія Общества, обязанность редактора матеріаловъ Е. С. Гордѣенка, я съ января мѣсяца текущаго года до мая мѣсяца этого же года вмѣстѣ съ профессоромъ Н. Ѳ. Сумцовымъ занимался подготовленіемъ этихъ матеріаловъ къ печати. Черновая наша совмѣстная съ Н. Ѳ. Сумцовымъ работа состояла въ разборѣ представленныхъ въ наше распоряженіе рукописныхъ и печатныхъ матеріаловъ, въ группировкѣ ихъ по отдѣламъ и въ выработкѣ общаго плана изданія, съ каковымъ планомъ, между прочимъ замѣчу, согласился и Е. С. Гордѣенко, которому хорошо былъ извѣстенъ ходъ нашей работы. Дальнѣйшая моя работа состояла въ перечитываніи трудовъ Е. С. Гордѣенка и извлеченія изъ нихъ свѣдѣній для характеристики его литературно-публицистической дѣятельности, что входило въ програму изданія. Воспользовавшись имѣвшимися у Е. С. Гордѣенка автобіографическими набросками и устными разспросами, я совмѣстно съ Н. Ѳ. Сумцовымъ приступилъ къ печатанію автобіографическихъ свѣдѣній о Е. С. Гордѣенкѣ, причемъ по его желанію эта работа была дважды переписана. На этомъ мои редакторскія занятія были временно прекращены и въ настоящее время я долженъ заявить Обществу, что я не могу продолжать пріостановленное Е. С. Гордѣенкомъ изданіе какъ по личнымъ обстоятельствамъ, такъ и по причинамъ отъ меня не зависящимъ. Къ личнымъ обстоятельствамъ я отношу то, что вслѣдствіе прекращенія изданія въ іюнѣ мѣсяцѣ и потери для дѣла всѣхъ каникулъ, я теперь не расчитываю на достаточное количество времени для успѣшнаго продолженія работы по служебнымъ обязанностямъ. Къ причинамъ отъ меня не зависящимъ я долженъ отнести способъ изданія матеріаловъ Е. С. Гордѣенка, требующій очень частыхъ личныхъ свиданій съ нимъ и далеко не обезпечивающій успѣшнаго хода работы. Въ виду того, что мною потрачено на занятія по редакціи упомянутыхъ матеріаловъ 15 недѣль и въ среднемъ еженедѣльно приходилось работать по 10 часовъ, я имѣю честь покорнѣйше просить Общество, буде оно найдетъ возможнымъ вознаградить мой трудъ, принять во вниманіе, при оцѣнкѣ этого труда, размѣры того вознагражденія, которое получаетъ преподаватель, давая уроки въ средне-учебныхъ заведеніяхъ». Къ этому заявленію предсѣдатель добавилъ, что В. И. Харціевъ словесно выразилъ ему готовность довольствоваться среднимъ вознагражденіемъ, получаемымъ частными преподавателями, именно двумя рублями за одинъ часъ, что въ общемъ составитъ 300 рублей. При этомъ предсѣдатель сообщилъ, что и другой изъ редакторовъ профессоръ Н. Ѳ. Сумцовъ выразилъ готовность довольствоваться такимъ же точно вознагражденіемъ. Далѣе въ отвѣтъ на выраженное нѣкоторыми членами желаніе предсѣдатель объяснилъ, что изъ переданныхъ Обществу Е. С. Гордѣенкомъ манускриптовъ и печатныхъ тру-

довъ редакторами отобраны для печатанія 72 статьи, которыя своевременно и были сданы въ губернскую типографію и сданы въ томъ предметномъ и хронологическомъ порядкѣ, котораго рѣшено было держаться при печатаніи. Вмѣстѣ съ статьями въ типографію былъ переданъ и обстоятельный ихъ списокъ въ такомъ же точно порядкѣ изложенный. Въ настоящее время эти статьи, за исключеніемъ тѣхъ, которыя вошли въ напечатанные до пріостановки изданія 9½ листовъ, и одной статьи, на которой пріостановлено печатаніе, возвращены типографіей, вмѣстѣ съ означеннымъ спискомъ Обществу и временно хранятся у секретаря Общества, у котораго хранится и біографическій матеріалъ, выбранный редакторами изъ протоколовъ городской думы и земскихъ собраній, въ которыхъ участвовалъ Е. С. Гордѣенко, а также и изъ дѣлъ архива Харьковскаго Университета. Означенный тутъ біографическій матеріалъ не былъ передаваемъ въ типографію, такъ какъ требовалъ еще обработки, которою редакторы и предполагали было заняться въ теченіе минувшаго лѣта. Это обстоятельство нисколько не могло задержать печатаніе трудовъ Е. С. Гордѣенка, такъ какъ біографическую часть изданія рѣшено было печатать подъ особою нумераціею. Выборъ вышеозначенныхъ 72 статей и установка порядка ихъ печатанія были сдѣланы съ одобренія Е. С. Гордѣенка. Объ этомъ, кромѣ заявленій редакторовъ, свидѣтельствуетъ и вышеуказанный списокъ статей, около конца котораго (подъ № 62) рукою Е. С. Гордѣенка внесена статья № 62. «Объ отношеніи Харькова къ земству», также находящаяся въ сданныхъ для печати статьяхъ. По выслушаніи этого доклада члены Общества, принявъ во вниманіе, что редакторами профессоромъ Н. Ѳ. Сумцовымъ и В. И. Харціевымъ сдѣлано больше половины дѣла по изданію трудовъ Е. С. Гордѣенка, признали заявленное ими желаніе относительно вознагражденія ихъ труда слишкомъ скромнымъ, и единогласно постановили выдать по 400 рублей каждому, а всего восемьсотъ рублей, которые и уплатить имъ изъ предоставленной на сей предметъ Е. С. Гордѣенкомъ въ распоряженіе Ист.-Фил. Общества суммы въ 1600 рублей, находящейся на храненіи въ Обществѣ взаимнаго кредита прикащиковъ въ Харьковѣ по книжкѣ отъ 9 января 1895 года за № 776. При этомъ профессору Н. Ѳ. Сумцову и В. И. Харціеву выражена благодарность Общества за понесенные труды по изданію сочиненій Е. С. Гордѣенка.

Въ томъ же засѣданіи *А. С. Вязигинъ* сдѣлалъ сообщеніе о трудахъ Зибеля по средневѣковой исторіи, и *В. П. Бузескулъ* о трудахъ Зибеля по новой исторіи. По предложенію предсѣдателя, память знаменитаго германскаго ученаго историка почтена была вставаніемъ.

М. М. Плохинскій сдѣлалъ сообщеніе о хожденіи Каплонскаго въ Италію (въ концѣ XVII в.). Постановлено напечатать это хожденіе въ VIII т. Сборника.

С. А. Ризниковъ сдѣлалъ сообщеніе объ исторіи составленія договора Мстислава Давидовича съ нѣмцами. Указавъ на необходимость изученія дошедшихъ до насъ экземпляровъ этого договора, какъ дипломатическихъ памятниковъ, референтъ ограничился анализомъ шести экземпляровъ, изданныхъ въ Русск. Лит. Актахъ подъ литерами А, В, С, D, Е и F, не признавая научнаго значенія за Карамзинскимъ текстомъ въ виду почти полной достовѣрности изданія его по экземпляру F, а также очевидныхъ подновленій въ выраженіяхъ и орѳографіи. Изъ анализа экземпляровъ договора референтъ вывелъ заключеніе, что до насъ не дошелъ оригиналъ готландской редакціи, а оригиналъ рижской неизвѣстенъ. Понятіе о первомъ можно составить лучше всего по экземпляру А, написанному при Ѳеодорѣ Ростиславичѣ и скрѣпленному его печатью, тождественной съ печатями на двухъ другихъ грамотахъ его (Р. Л. А., № XXXVII и С. Г. Г. и Д. II, № 3); но при этомъ нельзя игнорировать и экземплярами С (не вполнѣ исправной, хотя, вѣроятно, офиціальной копіей) и В (офиціальной копіей, при Александрѣ Глѣбовичѣ, но съ слѣдами сознательныхъ измѣненій со стороны смольнянъ). Понятіе объ оригиналѣ рижской редакціи можно составить лучше всего по экземпляру Е, который, по издавна отсутствующей у него печати и невыдержанности употребленія буквъ *ѣ* и *ъ*, долженъ быть признанъ позднѣйшей и, вѣроятно, офиціальной копіей съ него. Для той же цѣли весьма важенъ экземпляръ D, какъ офиціальная копія съ оригинала рижской редакціи, страдающая пропускомъ 26 §, имѣвшагося въ этомъ оригиналѣ. Экземплярамъ D и Е значительно уступаетъ по достовѣрности экз. F, какъ позднѣйшій неофиціальный списокъ и притомъ крайне неисправный (интерполяція, пробѣлы, масса описокъ). Референтъ полагаетъ, что дѣятельностью первоначальныхъ переводчиковъ и писцовъ и позднѣйшихъ списывателей и исправителей нельзя объяснить крупныхъ различій между готландской и рижской редакціями въ системѣ изложенія (порядкѣ статей), способѣ выраженія того же матеріала и, отчасти, въ самомъ содержаніи, принимая во вниманіе значительное сходство экземпляровъ одной и той же редакціи; а потому, по мнѣнію референта, должно признать оригиналы этихъ редакцій вполнѣ самостоятельными памятниками. М. С. Дриновъ и Б. М. Ляпуновъ сдѣлали критическія замѣчанія по поводу нѣкоторыхъ филологическихъ соображеній референта.

Въ засѣданіи 17 ноября секретарь доложилъ, что програмы научныхъ чтеній для женщинъ утверждены г. министромъ народнаго просвѣщенія; постановлено открыть чтеніе по нимъ лекцій.

Доложено сообщеніе Московскаго Психилогическаго Общества о похищеніи изъ его книжнаго склада 44 экз. 7 т. Сборника И.-Ф. Общества (соч. Сковороды) и о передачѣ 3 оставшихся экз. въ книжный магазинъ Рус. Мысли

По предложенію Д. И. Багалѣя, постановлено возбудить ходатайство объ отведеніи Историческому Архиву болѣе просторнаго помѣщенія.

Я. А. Денисовъ сдѣлалъ сообщеніе о дохміѣ у Эсхила и *Н. Ѳ. Сумцовъ*—Къ литературной исторіи Касьянъ съ Красивой Мечи Тургенева". Въ послѣднемъ сообщеніи указано на „Mauprat" Жоржъ-Зандъ, какъ на источникъ тургеневской повѣсти.

Въ засѣданіи Историко-Филологическаго Общества 29-го ноября 1895 года присутствовали: 1) предсѣдатель М. Дриновъ, 2) секретарь Н. Сумцовъ, 3) А. Лебедевъ, 4) Н. Алякритскій, 5) Багалѣй, 6) Ф. Павловскій, 7) М. Халанскій, 8) В. Бузескулъ, 9) Я. Денисовъ, 10) Д. Овсянико-Куликовскій, 11) прот. Лащенко, 12) М. Плохинскій, 13) Т. Никитскій, 14) П. Гинкинъ, 15) Е. Рѣдинъ, 16) Б. Ляпуновъ, 17) Р. Каширяниновъ, 18) А. Ветуховъ, 19) М. Линда, 20) М. Масловъ, 21) Г. Ирмеръ, 22) Сер. Соловьевъ, 23) Б. Краевскій 24) Д. Миллеръ, 25) А. Ефименко, 26) Г. Шульцъ.

Въ началѣ засѣданія предсѣдатель Общества проф. М. С. Дриновъ заявилъ, что настоящее засѣданіе посвящено памяти А. А. Потебни, по случаю истеченія 4-й годовщины со дня его кончины и въ настоящее засѣданіе должно состояться первое присужденіе преміи имени А. А. Потебни.

Секретарь проф. Н. Ѳ. Сумцовъ въ краткихъ чертахъ изложилъ исторію распространенія и популяризаціи научныхъ положеній А. А. Потебни и указалъ на рядъ попытокъ приложенія ихъ въ педагогической практикѣ.

Прочитанъ былъ отзывъ комиссіи о двухъ сочиненіяхъ на тему „Наполеонъ I въ русской художественной литературѣ", представленныхъ на премію имени А. А. Потебни. По выслушаніи и обсужденіи этого отзыва и представленныхъ при семъ сочиненіи постановлено выдать авторамъ половинныя преміи имени А. А. Потебни по 50 рублей каждому. Авторами оказались: студ. 4 курса Историко-Филологическаго факультета Николай Грунскій (соч. подъ эпиграфомъ изъ Пушкина „Хвала! Онъ русскому народу" и проч) и студ. 2 курса Юридическаго факультета В. Рогачевскій (соч. подъ эпиграфомъ „Все въ немъ было тайной").

Предсѣдатель доложилъ, что отъ члена Ист.-Фил. Общества Е. С. Гордѣенка имъ получены слѣдующія два заявленія отъ 7 и 16 ноября 1895 г. „Находя преждевременнымъ печатаніе теперь сборника моихъ сочиненій, покорнѣйше прошу Васъ ходатайствовать предъ Харьковскимъ Историко-Филологическимъ Обществомъ о передачѣ всѣхъ моихъ сочиненій, а также и денегъ, остающихся по расчету, въ Харьковскій Университетъ для цѣлей, изъясняемыхъ мною въ заявленіи на имя г. ректора университета, а прежнія мои заявленія по сему предмету прошу И.-Ф. Общество оставить безъ послѣдствій". Въ дополненіи къ этому заявленію 16 ноября Е. С. Гордѣенко говоритъ: „считаю нужнымъ пояснить, что я прошу о передачѣ моихъ со-

чиненій и денегъ остающихся по расчету, въ университетъ съ тѣмъ, чтобы всѣ мои сочиненія въ теченіи 20 лѣтъ хранились въ университетской библіотекѣ, а деньги отданы были въ Харьковскую контору государственнаго банка для приращенія процентами также на двадцать лѣтъ. По истеченіи же упомянутаго времени сумма, наросшая процентами, имѣетъ быть употреблена на изданіе Сборника моихъ сочиненій, а остатокъ, если онъ окажется, поступаетъ въ распоряженіе университета, по усмотренію правленія или совѣта университета".—При обсужденіи этихъ заявленій М. Д. Линда находилъ, что, принимая во вниманіе общественныя заслуги и преклонный возрастъ Е. С. Гордѣенка, слѣдуетъ удовлетворить его просьбу въ той формѣ, что отложить, согласно съ его желаніемъ, печатаніе его сочиненій на 20 лѣтъ, не отказываясь отъ права собственности, тѣмъ болѣе что черезъ 20 лѣтъ ассигнованный на изданіе сочиненій Е. С. Гордѣенка капиталъ составитъ крупную сумму и отъ него несомнѣнно получился бы крупный остатокъ, который далъ бы И.-Ф. Обществу средства для важныхъ работъ и крупныхъ изданій. Нельзя упускать изъ виду, что средства И.-Ф. Общества слагаются изъ временныхъ и случайныхъ университетскихъ субсидій и членскихъ взносовъ. Передача пожертвованія Е. С. Гордѣенка въ И. Х. Университетъ нарушаетъ прямые интересы Общества и его права, основанныя на первоначальномъ актѣ при передачѣ Е. С. Гордѣенкомъ Обществу его бумагъ и капитала. Н. Ѳ. Сумцовъ заявилъ, что онъ находитъ мнѣніе М. Д Линды вполнѣ основательнымъ и сомнѣвается, чтобы можно было возразить что-либо по существу дѣла, и если Общество рѣшится на передачу въ ущербъ своимъ интересамъ, то тутъ несомнѣнно подѣйствуетъ тотъ важный мотивъ, что всѣ бумаги и остающійся капиталъ передаются такому близкому и дорогому для Общества учрежденію, какъ Харьковскій университетъ, при которомъ состоитъ И.-Ф. Общество и поддержкой котораго пользуется.— М. Д. Линда просилъ внести его заявленіе въ протоколъ.—Въ дальнѣйшихъ сужденіяхъ А. С. Лебедевъ и М. С. Дриновъ высказались за передачу, и съ общаго согласія постановлено: 1) передать въ фундаментальную библіотеку Харьковскаго университета всѣ бумаги и печатные статьи Е. С. Гордѣенка, равно какъ и портреты его, 2) передать университету остающійся капиталъ въ 2497 руб., 3) подать о томъ г. ректору соотвѣтствующую просьбу, 4) для передачи назначить коммиссію въ составѣ предсѣдателя М. С. Дринова, завѣдывающаго архивомъ Д. И. Багалѣя, проф. Г. Ѳ. Шульца и бывшихъ редакторовъ В. И. Харціева и Н. Ѳ. Сумцова 5) доставить г. ректору университета копіи съ заявленій Е. С. Гордѣенка отъ 10 января, 7 и 16 ноября 1895 года, съ поясненіемъ, что изложенныя въ послѣднемъ изъ этихъ заявленій (отъ 16 ноября) условія Историко-Филологическое Общество считаетъ неизмѣнными въ теченіе двадцати лѣтъ и 6) взять остальную сум-

му изъ Общ. взаимн. кред. прикащиковъ по кн. 779 для передачи капитала въ университетъ.

Н. Ѳ. Сумцовъ заявилъ, что на изданное „Пособіе для уст. литер. чтеній" обнаруживается большой спросъ, что за 2 мѣсяца разошлось около половины изданія и число требованій увеличивается. Постановлено поручить Педагог. Отдѣлу пересмотрѣть его для 2-го изданія и издать вторично въ исправленномъ и дополненномъ видѣ.

Служителю при архивѣ Петру Полозову постановлено выдать къ Рожд. празднику 10 руб. наградныхъ и купить для него валенки.

М. Е. Халанскій сдѣлалъ сообщеніе о членѣ въ русскомъ языкѣ по остаткамъ его въ старинныхъ русскихъ памятникахъ, преимущественно въ сочиненіяхъ прот. Аввакума. Въ обсужденіи реферата приняли участіе М. С. Дриновъ, Б. М. Ляпуновъ и Д. Н. Овсянико-Куликовскій.

Прочитанъ и утвержденъ протоколъ предыдущаго засѣданія Ист.-Фил. Общества.

Постановлено высылать изд. И.-Ф. О. Подольскому епархіальному статистическому комитету въ обмѣнъ на его изданія.

Копія:

Восемнадцатаго января сего 1896 г. въ Правленіе Императорскаго Харьковскаго университета, согласно съ постановленіемъ Х. И.-Ф. Общества отъ 29 ноября 1895 года, препровождены:

1) Сундукъ съ разными бумагами и книжными матеріалами Е. С. Гордѣенка, поименованными въ описи архива, со вложеніемъ, кромѣ того, а) папки (въ сѣрой бумагѣ) со статьями Е. С. Гордѣенка, приготовленными для печати (о задачахъ земства, о сельскомъ хозяйствѣ и дворянскомъ землевладѣніи, о гимназическомъ обученіи, технолог. институтѣ о желѣзнодорожныхъ безпорядкахъ, объ углепромышленности, о городскомъ хозяйствѣ, городскомъ банкѣ и о славянскихъ водахъ) б) папки (въ бѣлой газетной бумагѣ) съ матеріалами для біографіи Е. С. Гордѣенка (извлеченія изъ думскихъ и земскихъ журналовъ, статьи о школахъ, о кустарныхъ промыслахъ и о пожертвованіи Е. С. Г—ка на эти предметы) и в) связка фототипій съ двухъ портретовъ Е. С. Гордѣенка.

2) Отпечатанныя въ 1895 г. статьи Е. С. Гордѣенка, частью въ листахъ, частью сброшюрованныя.

3) Отпечатанный еще ранѣе подъ редакціей А. А. Русова Историческій очеркъ Харьковскаго земства, прекращенный печатаніемъ на 7 листѣ въ брошюрованныхъ оттискахъ, и

4) Капиталъ на изданіе сочиненій Е. С. Гордѣенка въ двѣ тысячи четыреста девяносто семь (2497) руб. января 18 дня 1896 года. М. Дриновъ, Н. Сумцовъ, М. Плохинскій, Д. Багалѣй, Г. Ѳ. Шульцъ, В. Харціевъ.

Въ началѣ засѣданія Историко-Филологическаго Общества 7 февраля предсѣдатель, проф. *М. С. Дриновъ*, сказалъ прочувствованное слово въ память безвременно скончавшагося И. М. Собѣстьянскаго и опредѣлилъ научное значеніе его трудовъ, преимущественно по отзывамъ западныхъ ученыхъ. Память покойнаго была почтена вставаніемъ. Портретъ И. М. Собѣстьянскаго, некрологи и статьи о немъ М. С. Дринова вошли въ 8 т. Сборника.

Секретарь доложилъ, что академія наукъ выслала въ даръ обществу всѣ свои изданія, какими она располагаетъ нынѣ, около 400 книгъ, на сумму до 1000 р. Опись составляется и будетъ приложена къ 8 т. Сборника. Постановлено выразить академіи наукъ глубокую благодарность за ея цѣнный даръ.

Доложено о законченной передачѣ въ правленіе университета всѣхъ бумагъ Е. С. Гордѣенка и капитала на ихъ изданіе.

Подняты вопросы о собираніи портретовъ дѣятелей Харьковскаго университета, о составленіи біографіи профессоровъ по каѳедрамъ, о пополненіи университетской библіотеки недостающими сочиненіи профессоровъ Харьковскаго университета. Всѣ предложенія эти приняты и для ближайшей разработки ихъ назначена коммиссія въ составѣ 5 лицъ: Д. И. Багалѣя, А. С. Лебедева, Д. П. Миллера, М. М. Плохинскаго, и Н. Ѳ. Сумцова. Присутствовавшій въ засѣданіи ректоръ университета благосклонно высказалъ свою готовность содѣйствовать трудамъ комиссіи.

Дано цензурное разрѣшеніе на печатаніе и изданіе подъ ред. члена Общества проф. В. П. Бузескула перевода статьи Мишле о Вико, съ содержаніемъ которой проф. Бузескулъ познакомилъ общество.

Постановлено печатать сборникъ, начиная съ слѣдующаго 9 тома, по 300 экз. и для авторовъ статей по 200 экз. оттисковъ.

Секретарь доложилъ, что изданное Обществомъ Пособіе для устройства литературныхъ чтеній вызвало похвальные отзывы и почти все разошлось. Постановлено выпустить 2-е изданіе въ количествѣ 2400 экз., съ поправками и дополненіями, и. по отпечатаніи немедленно отправить его въ Ученый Комитетъ М. Н. Просвѣщенія.

Секретарь доложилъ, что, по подсчетѣ, въ складѣ Общества оказалось I т. Сборника—63 экз., II—53, III—45, IV—48, V—64, VI—72 и VII—129.

М. С. Дриновъ сдѣлалъ сообщеніе о былевой похвальбѣ, причемъ указалъ на возможность происхожденія похвальбы поворотить землю, взявши за кольцо, изъ письменыхъ источниковъ, старославянскихъ и можетъ быть, даже древне-классическихъ.

Н. Ѳ. Сумцовъ сдѣлалъ краткій обзоръ малорусскихъ религіозныхъ сказаній XVII вѣка и нѣсколько подробнѣе остановился на сказаніяхъ о провалившихся городахъ.

Въ засѣданіи *историко-филологическаго общества* 24 апрѣля сдѣланы сообщенія о скончавшихся: А. С. Геевскомъ, А. И. Незеленовѣ, В. А. Яковлевѣ, хорватскомъ ученомъ Облакѣ, заслушанъ отвѣтъ сербскаго ученаго Миличевича на поздравительную къ нему телеграмму общества по случаю 45 л. его ученой дѣятельности, назначено нѣсколько депутатовъ на X Археологическій съѣздъ въ Ригѣ, заявлено о полученіи изъ Праги медали въ память Шафарика, постановлено уплатить въ губернскую типографію за пособіе 2 изданія, опредѣлены статьи для 9 т. Сборника и 3 части Трудовъ педагогическаго отдѣла, постановлено пріобрѣсти покупкой нѣсколько пудовъ дѣлъ волчанской дворянской опеки, отобранныхъ проф. Д. И Багалѣемъ, разрѣшенъ расходъ на снятіе фотографій съ портретовъ дѣятелей Харьковскаго университета стараго времени; заслушанъ докладъ проф. *Д. Н. Овсянико-Куликовскаго* объ И. С. Тургеневѣ и дано цензурное разрѣшеніе на его изданіе; постановлено выпустить 3-е изданіе тетрадей для записыванія прочитанныхъ книгъ въ количествѣ 3000 экз.; по предложенію предсѣдателя и секретаря, въ члены общества избранъ директоръ 2 Харьковской гимназіи *Іос. Ѳед. Тихій*.

Въ засѣданіи Историко-Филологическаго Общества 17 мая *В. И. Савва* сдѣлалъ сообщеніе объ исторіи чина царскаго вѣнчанія. По мнѣнію референта вѣнчаніе на государство внука в. к. Ивана III Дмитрія Іоанновича не было слѣдствіемъ наслѣдованной изъ Византіи, благодаря браку Ивана III съ Софіей Палеологъ, идеи царя, какъ представителя православія, но находилось въ связи съ освобожденіемъ Руси отъ монголо-татарскаго ига. Изъ обряда вѣнчанія Дмитрія Іоанновича ясно видно, что это было вѣнчаніе на великое княженіе бармами и шапкою, относительно которыхъ въ то время еще не сложилось убѣжденія, будто онѣ были присланы византійскимъ императоромъ в. к. Владиміру Мономаху. Референтъ отмѣтилъ два момента въ исторіи развитія обряда царскаго вѣнчанія московскихъ государей: первоначальный обрядъ вѣнчанія в. к. Дмитрія Іоанновича и царя Ивана IV былъ замѣненъ болѣе сложнымъ, составленіе котораго было слѣдствіемъ того царскаго чина, который привезъ съ собою митрополитъ евгринскій, присланный константинопольскимъ патріархомъ для повторенія вѣнчанія Ивана IV на царство; второй моментъ— образованіе еще болѣе сложнаго обряда вѣнчаніи Ѳеодора Алексѣевича, какъ слѣдствіе суда надъ Никономъ восточныхъ патріарховъ, формулировавшихъ отношенія между царемъ и патріархомъ. Для сравненія обрядовъ вѣнчаній на царство Московскихъ государей съ такими же обрядами византійскихъ императоровъ, референтъ привелъ обрядъ вѣнчанія императора Льва I Великаго и позднѣйшіе обряды по Кодину и Кантакузину. Отмѣтивъ постепенное уподобленіе обрядовъ царскихъ вѣнчаній московскихъ государей такимъ

же обрядамъ въ Византіи, референтъ указалъ на чисто русскія особенности первыхъ, отмѣтивъ огромную разницу между позднѣйшими обрядами императорскихъ вѣнчаній въ Византіи и вѣнчаніемъ внука Ивана III. Послѣднее, по мнѣнію референта, можетъ быть сравниваемо съ обрядомъ кесарскаго вѣнчанія, изложеннымъ въ De Cerim. aulae Byzantinae императора Константина Багрянороднаго, которое и могло быть его источникомъ.

Присутствовавшій въ засѣданіи извѣстный византистъ профессоръ Д. Ѳ. Бѣляевъ сдѣлалъ нѣсколько дополненій и поправокъ къ реферату В. И. Саввы, главнымъ образомъ относительно перевода и толкованія нѣкоторыхъ византійскихъ терминовъ.

Рефератъ профессора церковнаго права *М. А. Остроумова* былъ посвященъ вопросу о первоначальномъ происхожденіи и значеніи текста такъ называемаго Синопсиса (сокращеннаго изложенія) церковныхъ правилъ, который въ древнемъ славянскомъ переводѣ составляетъ основаніе нашей печатной Кормчей книги. Извѣстно, что этотъ Синопсисъ въ началѣ XII вѣка былъ истолкованъ Аристиномъ и въ истолкованномъ видѣ получилъ обширное употребленіе въ православной церкви, особенно послѣ того, какъ въ началѣ XIII в. былъ переведенъ св. Саввою сербскимъ на славянскій языкъ и изъ Сербіи перешелъ въ Болгарію, Россію и Румынію. Вопреки господствующему мнѣнію референтъ утверждалъ, что у насъ въ сущности нѣтъ никакихъ положительныхъ доказательствъ въ пользу того, чтобы Синопсисъ уже съ самаго начала имѣлъ такое самостоятельное значеніе и употребленіе, какое онъ получилъ во времена близкія къ Аристину. Первое положеніе, защищавшееся референтомъ, состояло въ томъ, что Синопсисъ въ до-Аристиновское время первоначально имѣлъ служебное, а не самостоятельное значеніе, которое онъ получилъ только впослѣдствіи, и главнымъ образомъ послѣ толкованій Аристина. Мысль о служебномъ значеніи Синопсиса референтъ доказывалъ, во-первыхъ, тѣмъ, что въ до-Аристиновскія времена Синопсисъ, судя по сохранившимся рукописямъ, не списывался отдѣльно отъ полнаго текста правилъ, а помѣщался всегда (за единственнымъ, впрочемъ, исключеніемъ) въ такихъ каноническихъ сборникахъ, въ которыхъ содержался и полный текстъ правилъ, именно въ сводѣ церковныхъ правилъ или Номоканонѣ S. Схоластика (L титуловъ) и въ Номоканонѣ Фотія (XIV титутовъ); во-вторыхъ, тѣмъ, что редакція Синопсиса, приписываемая Симеону магистру и логоѳету, по расположенію правилъ соотвѣтствующая сборнику Схоластика, помѣщается именно въ рукописяхъ, содержащихъ этотъ сборникъ, а редакція, приписываемая Стефану Ефесскому и по расположенію правилъ соотвѣтствующая Номоканону Фотія, встрѣчается въ рукописяхъ, содержащихъ именно этотъ Номоканонъ, откуда явствуетъ, что обѣ редакціи были связаны съ сборниками, содержащими полный текстъ пра-

вилъ; наконецъ, въ третьихъ, тѣмъ, что въ Мюнхенской рукописи № 122 Синопсисъ прямо представляетъ изъ себя „указатель“ къ Номоканону Фотія (въ обработкѣ Ѳеодора Веста) и что сохранилось въ Бодлеянской библіотекѣ другая рукопись, содержащая сводъ Схоластика, въ которой есть несомнѣнные слѣды такого же указателя. Всѣ эти факты невольно внушаютъ мысль, что Синопсисъ первоначально имѣлъ лишь служебное, значеніе и вѣроятно именно игралъ роль указателя. Что такой указатель впослѣдствіи могъ превратиться въ самостоятельный или независимый текстъ, это референтъ доказывалъ примѣромъ „правилъ св. Василія о времени согрѣшающихъ“. (22 глава Кормчей), которыя первоначально были именно такимъ указателемъ къ правиламъ Василія Великаго и въ качествѣ такого указателя помѣщались въ Сводѣ Схоластика, какъ это доказано проф. А. С. Павловымъ. Второе положеніе, развивавшееся референтомъ, состояло въ томъ, что текстъ Синопсиса выработался изъ оглавленій или заглавій, прилагавшихся къ полному тексту правилъ (т. е. не къ Номоканону, и къ синтагмѣ правилъ). Этотъ тезисъ референтъ доказывалъ сравненіемъ теперешняго (Аристиновскаго) текста Синопсиса съ сохранившимися въ подлинникѣ или въ древнѣйшихъ латинскихъ переводахъ правилъ (Исидора, Діонисія). Сравненіе это обнаруживаетъ буквальное сходство между многими заглавіями правилъ и текстомъ Синопсиса, какъ, напр., въ правилахъ Апостольскихъ Лаодикійскаго, Халкидонскаго и седьмого вселенскаго соборовъ. Въ одномъ изъ древнѣйшихъ латинскихъ переводовъ именно Галльскомъ (по Маассену) сохранились заглавія къ правиламъ никейскаго I собора (Canon canonis constitutus apud Niceam), весьма напоминающія собою греческій Синопсисъ этихъ правилъ. Наконецъ въ Вѣнской рукописи № 45 мы прямо имѣемъ Синопсисъ въ видѣ заглавій къ правиламъ, при чемъ здѣсь оказываются выписанными и нѣкоторыя правила въ полномъ текстѣ. Всѣ эти факты, по мнѣнію референта, невольно приводятъ къ мысли, что Синопсосъ выработался изъ заглавій къ полному тексту правилъ и выработался, конечно, постепенно въ продолженіе цѣлыхъ вѣковъ, при-чемъ переписчики вносили въ него различныя добавленія и сокращенія, отъ чего и произошли замѣчаемые въ различныхъ спискахъ варіанты. Такимъ образомъ и съ этой стороны подтверждается его первоначальное зависимое значеніе.

Въ обсужденіи реферата проф. Остроумова дѣятельное участіе принялъ присутствовавшій въ засѣданіи въ видѣ гостя извѣстный спеціалистъ по каноническому праву проф. А. С. Павловъ. Отмѣтивъ сначала, что докладъ проф. О. представляется спеціальнымъ даже для спеціалистовъ и признавъ его весьма интереснымъ и цѣннымъ въ научномъ отношеніи, проф. Павловъ не нашелъ возможнымъ согласиться съ положеніемъ референта о первоначальномъ служебномъ значеніи Синопсиса и высказалъ по этому поводу

нѣсколько замѣчаній, встрѣтившихъ затѣмъ возраженія со стороны проф. Остроумова.

Предсѣдательствовавшій въ собраніи, за болѣзнью М. С. Дринова, проф. А. С. Лебедевъ благодарилъ референтовъ отъ лица присутствовавшихъ за ихъ интересные доклады и почтенныхъ гостей Д. Ѳ. Бѣляева и А. С. Павлова, за ихъ любезное участіе въ обсужденіи ихъ.

Въ концѣ мая отправлена извѣстному ученому въ области польскаго фольклора *Яну Карловичу* привѣтственная телеграмма по случаю 25-лѣтія его почтенной научной дѣятельности и вскорѣ въ отвѣтъ было получено на имя Общества благодарственное письмо г. Карловича.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Научныя чтенія для женщинъ весной 1896 года.

Программа чтеній по Римской исторіи В. В. Лапина.

А. Введеніе.

1. Общій ходъ всемірной исторіи. Понятіе объ историческихъ законахъ: каузальные и эволюціонные законы. Неудачныя (апріорныя) попытки открыть общій планъ всемірно-историческаго процесса. Дѣйствительный ходъ историческаго движенія и мѣсто Римлянъ во всемірной исторіи. Побережья Средиземнаго моря, какъ средоточіе исторіи древнихъ народовъ, и географическій очеркъ Италіи Положеніе Рима. Древнѣйшія культурныя вліянія на римское населеніе. Религіозныя воззрѣнія Италійцевъ и Римлянъ. Населеніе Италіи и его отношенія (этническія) къ латинамъ. Греческая колонизація.

2. Римская исторіографія. Краткій обзоръ источниковъ римской исторіи и критика ихъ.

Б. Исторія римской республики.

Начальныя времена Рима. Римскія саги и критическій разборъ главнѣйшихъ изъ нихъ. Методы изслѣдованія. Нибуръ и его методы. Разработка римской исторіи послѣ Нибурга. Археологическая теорія о началѣ Рима. Современное состояніе этого вопроса. Главные выводы о начальныхъ временахъ Рима. Что такое, такъ называемая, „царская эпоха". Учрежденія, приписываемыя царямъ. Происхожденіе плебса и патриціата. Причины и ходъ борьбы между ними. Вліяніе борьбы патриціевъ и плебеевъ на исторію и учрежденія Рима до децемвирата. Трибунатъ и трибутныя комиціи. Децемвиратъ и его значеніе. Дальнѣйшее развитіе внутренней борьбы въ Римѣ и законы Лицинія. Ихъ политическое и соціальное значеніе. Краткій очеркъ завоеваній Рима въ Италіи и внѣ ея. Римскія провинціи во II в. до Р. Х. и управленіе ими. Очеркъ внутренняго состоянія римскаго государства. Вліяніе внѣ италійскихъ завоеваній на нравы, обычаи и религію Римлянъ. Роскошь и богатство въ Римѣ. Внѣшняя сила Рима и угрожающіе симптомы во внутреннемъ его состояніи. Экономическое положеніе низшихъ классовъ городскихъ и сельскихъ гражданъ. Оптиматы и пролетаріи. Попытка реформъ въ Римѣ до эпохи Гракховъ. Реформы Гракховъ и причины неудачъ ихъ. Упадокъ Римской республики и причины этого явленія. Переходъ къ имперіи и всемірно-историческое значеніе императорской эпохи.

Программа лекцій проф. Д. Н. Овсянико-Куликовскаго по общему языкознанію.

1. Языкъ, какъ явленіе. Принадлежность его къ разряду явленій психическихъ. Наука о языкѣ въ ряду другихъ наукъ. Задачи, методъ и матеріалъ науки о языкѣ. Краткія предварительныя свѣдѣнія изъ исторіи языкознанія. Сравнительная грамматика

2. Классификація языковъ. Семья индоевропейскихъ языковъ. Грамматическій строй. Понятія корня, суффикса, окончанія. Части рѣчи.

3. Фонетика. Краткія свѣдѣнія изъ физіологіи звуковъ рѣчи. Законы фонетики.

4. Морфологія. Психологическая природа и историческое развитіе морфологическихъ категорій. Существительное, прилагательное, причастіе, глаголъ.

5. Предложеніе и его части. Типы предложенія въ ихъ историческомъ развитіи.

6. Грамматика въ ея отношеніяхъ къ психологіи мысли и къ логикѣ. Мысль и языкъ.

7. Философія языка. Обзоръ идей Вильгельма Гумбольдта, Штейнталя и Потебни.

8. Современное состояніе науки о языкѣ.

Программа приватъ-доцента В. Саввы по русской исторіи.

Внутренній бытъ Московскаго государства въ XVI и XVII вв. по извѣстіямъ иностранныхъ писателей.

Значеніе записокъ иностранцевъ о Московскомъ государствѣ, какъ историческаго источника. Краткій обзоръ иностранныхъ писателей о московскомъ государствѣ. Управленіе и судопроизводство. Населеніе. Религіозный бытъ. Домашняя жизнь. Положеніе русской женщины. Образованность.

Программа чтеній проф. В. П. Бузескула по исторіи Аѳинъ.

Лекція I. Новый источникъ для исторіи государственнаго строя Афинъ и его значеніе. Общій ходъ развитія политическихъ формъ Греціи. Родовой бытъ. Монархія. Аристократія. Эпоха тираніи. Начало демократій.

Лекція II. Начальная исторія Аѳинъ. Вопросъ о родовомъ устройствѣ. Синойкизмъ. Сословія. Переходъ отъ монархіи къ аристократіи. Строй въ эпохупреобладанія аристократіи.

Лекція III. Начало борьбы демоса съ евпатридами. Причины этой борьбы. Положеніе земледѣльческаго населенія. Попытка Килона и ея послѣдствія. Вопросъ о преобразованіяхъ Дракона.

Лекція IV. Солонъ. Его характеристика. Его реформы. Въ чемъ состояла стахоія? Преобразованіе государственнаго строя. Вопросъ о жребіи и о геліэлѣ.

Лекція V. Недовольство Солоновыми реформами. Борьба партій. Архонтъ Домасій Писистратъ и его значеніе въ исторіи Аѳинъ. Сыновья Писистрата и паденіе тираніи въ Аѳинахъ

Лекція VI. Новая борьба партій. Клисѳенъ. Его отличіе отъ. Солона Его значеніе и реформы. Паденіе политическаго вліянія знатныхъ родовъ. Новыя филы и демы. Вопросъ о о жребіи. Остракизмъ. Стратегики и т. д.

Лекція VII. Ѳемистоколъ. Созданіе аѳинскаго флота и значеніе этого факта. Послѣдствія борьбы съ персами; дальнѣйшее развитіе демократіи и начало аѳинской гегемоніи. Вопросъ о такъ называемой Аристидовой реформѣ. Первоначальная организація аѳинскаго союза.

Лекція VIII. Ареопагъ, его могущество и паденіе (эфіальтова реформа). Сдерживающія начала въ аѳинскомъ государственномъ строѣ. Геліэя и ея значеніе. Порядокъ законодательства .„Обвиненіе въ противозаконіи“.

Лекція IX. Апогей могущества Аѳинъ и расцвѣтъ ихъ демократіи. Кимонъ. Вопросъ о Периклѣ въ новѣйшей литературѣ. Внутренняя политика Перикла. Нововведенія. Перемѣна въ организаціи аѳинскаго союза. Отношенія къ Спартѣ.

Лекція X. Пелопонесская война и ея значеніе для Аѳинъ. Вожди послѣ Перикла. Статеги и демагоги. Взгляды на Клеона. Алкивіадъ. Процессъ гермокопидовъ. Олигархи. Ихъ планы и переворотъ 411 г. Конецъ Пелопонесской войны. Тиранія Тридцати, гибель Ѳерамена и возстановленіе демократіи. Взглядъ на внутреннюю исторію Аѳинъ IV в.

Программа лекцій приватъ-доцента С. В. Соловьева по исторіи Западныхъ литературъ.

Трубадуры и труверы. Происхожденіе провансальской лирики. Трубадуры и рыцарство. Трубадуры и жонглеры. Біографіи Бернарда Вентадура, Арно Даніеля и Бертрана-де-Борнъ. Виды провансальской лирики. Любовная лирика и сирвенты. Альбигойцы. Паденіе лирики. Провансальская лирика въ Италіи.

Труверы. Народная лирика. Виды сѣверно-французской лирики. Каленъ Мюзе. Тибо Шампанскій. Карлъ Орлеанскій.

Миннезингеры. Германія въ эпоху Гогенштауфеновъ, Миннезангъ до Вальтера Фогельвейде. Вальтеръ. Миннезингеры-реалисты. Мейстерзингеры. Освальдъ Вольkенштейнъ—послѣдній миннезингеръ.

Рыцарскій эпосъ въ Германіи. Романы Круглаго Стола. Гартманъ фонъ-Ауэ: „Бѣдный Генрихъ", Григорій на камнѣ", Гартманъ и Кретьенъ-де-Труа. Вольфрамъ-фонъ-Эшенбахъ: „Титурель и Виллегальмъ", „Парциваль" и его источники. Легенды объ Іосифѣ Аримаѳейскомъ и о Гралѣ. Идеализмъ Вольфрама. Готфридъ Страсбургскій: „Тристанъ". Реализмъ Готфрида.

Программа лекцій приватъ-доцента М. Маслова по исторіи римской поэзіи.

Народно-устная поэзія Римлянъ, Историческія пѣсни. Обрядовыя пѣсни—салiи и арвальскія братья. Миѳъ и сказка. Апелланы и сатиры.

Начало художественной литературы. Ливій Андроникъ. Невій.

Драма. Внѣшняя обстановка: театръ, сцена, актеры, публика.

Плавтъ и переводная комедія.

Національная комедія и историческая трагедія. Энній. Теренцій.

Стихотворная публицистика. Люцилій.

Расцвѣтъ римской поэзіи, такъ называемый, „Золотой вѣкъ". Его характеристика.

Люкреціи Каръ и его поэма.

Катуллъ и современные ему поэты-лирики: Гельвій Цинна и Лициній Кальвъ.

Вѣкъ Августа. Характеристика всего періода. Внѣшнія условія. Книжная торговля. Издательское дѣло. Публика. Литературные кружки: кружокъ Мессалы и кружокъ Мецената.

Вергилій. „Пасторали". „Поэма о сельскомъ хозяйствѣ. Энфида". Средневѣковый Вергилій. Горацій.

Тибуллъ и Проперцій.

Овидій. Сборники его стихотвореній: Любовныя элегіи. Превращенія. Посланія съ Понта и сборникъ жалобъ.

По этимъ программамъ было весной 1896 г. прочитано около 50 лекцій (отъ 9 до 11 лекцій каждымъ лекторомъ). Число слушательницъ—111. Сборъ съ платныхъ 483 р. Лекторамъ уплачено по 60 р. 360 руб., расходовъ (на прислугу и публикаціи) 81 р. 40 к., въ пользу Общества поступили 41 руб. 60 коп.

ѲЕОКТИСТЪ МОЧУЛЬСКІЙ,

Архіепископъ Бѣлгородскій (1787—1799 г.) и Курскій (1799—1818).

О Ѳеоктистѣ Мочульскомъ уже есть біографическій очеркъ—въ недавно напечатанной статьѣ Ѳ. И. Титова: „Ѳеоктистъ Мочульскій, Архіепископъ Курскій" (Труды Кіевск. Духов. Акад. 1894 г. №№ 1 и 2).

Авторъ названной статьи справедливо относитъ архіепископа Ѳеоктиста къ числу самыхъ выдающихся іерарховъ русской церкви конца прошлаго и начала настоящаго вѣка, не безъ основанія сравниваетъ его, относительно просвѣтительной дѣятельности, съ знаменитымъ современникомъ его, московскимъ митрополитомъ Платономъ Левшинымъ, и сѣтуя, что, не смотря на такое значеніе архіепископа Ѳеоктиста, личность и дѣятельность его остаются почти никому неизвѣстными, задается цѣлію „познакомить читателей хотя въ общихъ чертахъ съ достопамятною личностію и дѣятельностію одного изъ забытыхъ доблестныхъ тружениковъ на поприщѣ духовнаго просвѣщенія и миссіонерскаго служенія".

Для этой цѣли г. Титовъ заботливо и съ любовію собралъ всѣ свѣдѣнія о Ѳеоктистѣ Мочульскомъ, разсѣянныя въ разныхъ печатныхъ сочиненіяхъ и журнальныхъ статьяхъ (онѣ у автора и указываются) и, на основаніи ихъ, далъ прекрасный біографическій очеркъ, какой только можно было составить по находившемуся въ его распоряженіи матеріалу, очеркъ, который дѣйствительно заполняетъ важный пробѣлъ въ исторіи россійскихъ іерарховъ. Но кромѣ печатнаго матеріала, есть еще нескудный, никѣмъ доселѣ неиспользованный, архивный матеріалъ (въ архивахъ Харьковской и Курской духовныхъ консисторій и Харьковской духовной семинаріи), дающій возможность очертить дѣятельность архіепископа Ѳеоктиста нѣсколько шире и освѣтить его личность полнѣе. Поэтому, располагая такимъ матеріаломъ (давно мною собраннымъ), позволяю себѣ думать, что предлагаемая мною теперь, основанная, главнымъ образомъ,

на этомъ—архивномъ матеріалѣ, статья о Ѳеоктистѣ Мочульскомъ не будетъ излишня и при упредившей ее статьѣ г. Титова [1])

Ѳеоктистъ Мочульскій родился въ 1732 году, въ Заднѣпровской Украйнѣ, принадлежавшей тогда польскому королевству (гдѣ именно,—свѣдѣній не имѣется). Первоначальное образованіе получилъ въ Переяславской семинаріи, а высшее въ Кіевской академіи, въ которой принялъ и монашество, и въ 1761 г. вызванъ былъ въ С.-Петербургъ въ сухопутный кадетскій корпусъ законоучителемъ. Послѣ шестилѣтней службы здѣсь въ должности законоучителя, Ѳеоктистъ, въ санѣ архимандрита, преемственно въ теченіе семнадцати лѣтъ (1767—1784 г.), былъ настоятелемъ монастырей: Глуховскаго—Петро-Павловскаго, Гамалѣевскаго—Харлампіева (Черниг. епарх.), Кіевскаго—Михайловскаго, Ростовскаго—Іаковлевскаго Зачатіевскаго, Полтавскаго—Крестовоздвиженскаго, Калязинскаго — Макаріева Троицкаго. Во время управленія Полтавскимъ Крестовоздвиженскимъ монастыремъ (1776—1779 г.), Ѳеоктистъ былъ и администраторомъ новоучрежденной тогда Славенской епархіи, при первомъ архіепископѣ ея Евгеніи Булгарисѣ—грекѣ, въ качествѣ его коадъютера; въ этомъ званіи онъ, какъ знатокъ греческаго языка, помогалъ епископу—греку въ завѣдываніи дѣлами епархіальнаго управленія и вообще посредствовалъ въ его сношеніяхъ съ паствой. 4 Генваря 1784 г. рукоположенъ въ епископа Сѣвской и Брянской епархіи, которою и управлялъ въ теченіе 3-хъ лѣтъ, заботясь главнымъ образомъ о благоустроеніи ея духовныхъ школъ—семинаріи и училищъ. 9 Февраля 1787 г. переведенъ въ епархію Бѣлгородскую и потомъ, по раздѣленіи этой епархіи на Харьковскую и Курскую, получилъ въ управленіе епархію Курскую, въ которой епископствовалъ (съ 17 октября 1799 г. до 30 Апрѣля 1818 г.) до конца своей жизни. (См. „Краткія свѣдѣнія о Бѣлгородско-Курскихъ іерархахъ“, свящ. П. Солнцева, въ „Харьков. Епарх. Вѣдом.“ 1871 г.).

Такъ какъ собранный мною архивный матеріалъ относится исключительно къ дѣятельности Преосвященнаго Ѳеоктиста въ двухъ послѣднихъ епархіяхъ, то она собственно и будетъ предметомъ настоящаго изложенія.

---

[1]) Когда статья моя была уже готова, Алексѣй Михайловичъ Мочульскій, членъ Харьковскаго Окружнаго Суда, родственникъ Преосв. Ѳеоктиста, любезно предложилъ мнѣ изъ своего семейнаго архива, въ пользованіе для моей работы, нѣсколько писемъ Преосв. Ѳеоктиста и я пользуюсь ими съ искреннѣйшею благодарностію; нѣкоторыя мѣста изъ этихъ писемъ оказались весьма пригодными для внесенія ихъ въ текстъ статьи.

I.

Духовно-учебныя заведенія, о благоустроеніи которыхъ такъ заботился Преосв. Θеоктистъ въ епархіи Сѣвской, были главнѣйшимъ предметомъ его архипастырскихъ заботъ и въ епархіяхъ Бѣлгородской и Курской.

Высшее учебное заведеніе въ Бѣлгородской епархіи—Харьковскій Коллегіумъ, въ которомъ учебное дѣло стояло такъ высоко, между прочимъ, благодаря обилію матеріальныхъ средствъ, бывшихъ въ его распоряженіи, оказался, относительно этихъ средствъ, ко времени вступленія Преосв. Θеоктиста на Бѣлгородскую епархію въ печальномъ положеніи. Его имущества отобраны были въ казну, а вмѣсто нихъ на содержаніе всѣхъ вообще духовныхъ школъ Бѣлгородской епархіи велѣно было выдавать изъ коллегіи экономіи по 2000 р., изъ которыхъ только половина должна была идти въ пользу Харьковскаго Коллегіума, другая-же—на Бѣлгородскую Семинарію (о ней рѣчь ниже) и другія низшія школы. Сообщая въ письмѣ къ ректору Коллегіума отъ 26 октября 1787 г. о такомъ уменьшеніи средствъ Коллегіума, Преосв. Θеоктистъ писалъ: „старайтесь объ успѣхахъ въ ученикахъ; о деньгахъ на учителей и казенныхъ питомцевъ я буду заботиться". И дѣйствительно, Преосв. Θеоктистъ усердно заботился о деньгахъ на нужды Коллегіума—по его ходатайству Императрица, въ проѣздъ чрезъ Бѣлгородскую епархію въ 1787 г. на югъ, пожаловала на Харьковскій Коллегіумъ 1000 рублей; по его же ходатайству, Св. Синодъ отпустилъ въ 1793 г. на школы Бѣлгородской епархіи 1470 рублей для ремонта его зданій, изъ которыхъ на Коллегіумъ Преосв. Θеоктистъ распорядился выдать болѣе 1000 рублей. А въ замѣнъ этихъ стараній о матеріальномъ благосостояніи Коллегіума настоятельно требовалъ отъ Коллегіума успѣховъ въ учебномъ дѣлѣ, чему впрочемъ опять самъ же непосредственно помогалъ, какъ высшій руководитель въ этомъ дѣлѣ.

Заботясь о полнотѣ преподаванія въ Коллегіумѣ, Преосв. Θеоктистъ старался удержать въ силѣ учебную программу Преосв. Самуила [1]), включавшую въ себѣ, между прочимъ, и предметы такъ называемыхъ „прибавочныхъ классовъ",—не смотря на то, что эти „прибавочные классы" теперь уже отошли отъ Коллегіума и присоединены были къ Главному Народному Училищу. [2]) Ордеромъ Коллегіумскому Правленію отъ 14 іюля

---

[1]) Преосв. Самуилъ епископствовалъ въ Бѣлгородѣ съ 28 дек. 1768 г. до 24 сент. 1771 г.

[2]) „Прибавочные классы" учреждены были при Коллегіумѣ въ 1768 г. собственно для дѣтей дворянскихъ, но посѣщать ихъ могли и должны были и дѣти духовенства,—учив-

1795 г. онъ прямо предписывалъ преподавать въ Коллегіумѣ Физику и Естественную Исторію и рекомендовалъ преподавать („полезно было бы преподавать") Геометрію и Механику „для общежитія необходимыя науки",— именно по примѣру Главнаго Народнаго Училища: „Стыдно для семинаріи не обучать тому, чему обучаютъ въ народныхъ училищахъ. Харьковской же семинаріи [1]) весьма удобно заимствовать всѣ тѣ науки отъ прибавочныхъ классовъ и народныхъ училищъ, потребна только къ тому люботщательность учителей"... Но предлагая такую сложную программу для коллегіума, главными предметами въ ней Преосв. Ѳеоктистъ считалъ однако же лишь тѣ, которые имѣли прямое отношеніе къ будущему пастырскому служенію учениковъ Коллегіума.

Въ самомъ началѣ своего правленія, въ 1787 г., іюля 26, Преосв. Ѳеоктистъ ректору Коллегіума писалъ: „Почтенно любезнѣйшій о Христѣ братъ, отецъ ректоръ!—Въ монастырѣ вашемъ вся церковная отправа пенсіонерами отправляема быть должна (кромѣ монастырской церковной отправы); а сіе для того, чтобы учениковъ заблаговременно предуготовлять въ священно-церковно-служительскіе чины и чтобы впредь не было нареканія отъ прихожанъ на неискусство семинаристовъ въ церковнослужительствѣ. Еще однажды притверждаю, чтобъ всѣ ученики отъ низшихъ классовъ до высшихъ катихизисъ наизусть знали и въ чтеніи церковныхъ поученій искусны были. Всѣ ученики—не токмо богословіи и философіи, но и реторики,—проповѣди сочинять и сказывать должны, и для того въ реторикѣ къ тому пріучивать ихъ; по крайности велите имъ выучивать печатныя проповѣди и сказывать въ классахъ при ученикахъ и учителѣ; потомъ въ церкви на заутренѣ или вечернѣ, а искуснѣйшіе и на литургіи могутъ, особливо въ простые дни. Семинаристы, опредѣленные къ священно-служительству, если не будутъ искусны въ пѣніи и уставѣ церковномъ, по крайности должны быть исправны въ книгочтеніи, катихизисѣ и поученіяхъ церковныхъ. Я чаю, что семинаристы въ пѣніи и уставѣ церковномъ искусны будутъ, если будутъ въ томъ упражняться. Сему научиться легче и скорѣе можно, нежели языкамъ и другимъ на-

шіяся въ Коллегіумѣ, соотвѣтственно чему сдѣлано было и росписаніе учебныхъ часовъ въ Коллегіумѣ и въ прибавочныхъ классахъ. Объ этихъ „прибавочныхъ классахъ" и учебной программѣ Преосв. Самуила для Коллегіума, и вообще о Коллегіумѣ, см. „Очеркъ исторіи Харьк. Коллегіума", свящ. Димитрія Федоровскаго, въ Духовн. Бесѣдѣ 1863 г, „Очеркъ Исторіи Харьк. Коллегіума", П. С-ва, въ Харьк. Епарх. Вѣдом. 1880 г., и мою статью: „Харьковскій Коллегіумъ, какъ просвѣтительный центръ Слободской Украины до учрежденія въ Харьковѣ Университета",—въ Чтен. въ Импер. Общ. Ист. и Древн. Росс. 1885 г. т. IV.

[1]) Преосв. Ѳеоктистъ не любилъ называть Коллегіумъ этимъ именемъ, а предпочиталъ называть его Семинаріей—потому, что не желалъ и не допускалъ, чтобы это существовавшее въ Харьковѣ учебное заведеніе имѣло въ чемъ либо преимущество предъ устроенной его заботами Семинаріей въ Бѣлгородѣ, какъ это пояснено будетъ ниже.

укамъ, и для того въ сиропитательномъ домѣ въ каждой камерѣ должна быть слѣдованная псалтырь и поученія церковныя, чтобъ пенсіонеры въ свободные часы могли пріучиваться вышеписанному. Можетъ быть, вы сыщете въ томъ какое-либо неудобство; но къ преодолѣнію онаго прилагайте всѣ возможныя мѣры, о семъ вамъ пастырски притверждаю."

Это распоряженіе Преосвящ. Ѳеоктиста, какъ видно, вызвало въ Коллегіумѣ недовольство, отголоски котораго явственно слышатся въ письмѣ Преосвященнаго къ тому же ректору — отъ 2 августа того же года: „Любезнѣйшій о Христѣ братъ, Харьковскаго Коллегіума отецъ Ректоръ! Доволенъ я вашими обѣщаніями о исполненіи быть имѣемомъ по всѣмъ моимъ предписаніямъ; ожидаю и точнаго исполненія по онымъ. Предписанія мои г.г. учителямъ кажутся невмѣстными. Сіе отъ того произошло, что я предписаній моихъ прежде ничѣмъ не утверждалъ. Вотъ утвержденіе!.. Прочитайте токмо указъ изъ Св. Правительствующаго Синода, коимъ велѣно и неучоныхъ священно-церковно-служителей обучать чтенію церковныхъ поученій съ пристойнымъ произношеніемъ и предисловіе на церковныя поученія. Виновенъ ли я, что въ вашемъ монастырѣ церковныхъ поученій не читали, даже и церковныхъ поученій въ вашей монастырской церкви не было, и потому вамъ и г.г. учителямъ предписаніе мое о чтеніи церковныхъ поученій показалось невмѣстимымъ, отъ чего и всеобщее неудовольствіе на меня послѣдовало, будто я перемѣнилъ порядокъ ученія въ вашемъ Коллегіумѣ и обременилъ учителей и учениковъ; если и подлинно есть какое отягощеніе тѣмъ и другимъ, то—убавить, что не столь полезное и не столь нужное; а катихизисъ, обученіе проповѣданію слова Божія и церковное пѣніе быть должны и въ вашемъ Коллегіумѣ для всѣхъ тѣхъ учениковъ, кои священно-церковно-служительства желаютъ. Подумайте только съ отцемъ Префектомъ, какъ бы можно помѣстить и сіе между прочими науками; о семъ вамъ притверждая и Божіе благословеніе вамъ препровождая, есмь и пребуду"... и проч.

„Ѣдучи отъ васъ въ Сумы", писалъ Преосв. Ѳеоктистъ въ другомъ письмѣ къ тому же, „свидѣтельствовалъ я священниковъ и діаконовъ, и самые учительные — въ катихизисѣ и священной исторіи невѣжы. Да и какъ имъ сочинять проповѣди, когда катихизиса и священной исторіи не знаютъ; хотя бы и богословію прошли, не стыдно свидѣтельствовать ихъ и въ знаніи катихизиса; если отнынѣ всѣ мои предписанія останутся тщетными, то я предприму другія мѣры, будучи вашъ пастырь". Затѣмъ собственноручная приписка: „Содрагаюсь, когда читаю святаго Златоуста: „не мню многихъ быть въ іереяхъ спасающихся, но множайшихъ— погибающихъ".—Невѣжа или лѣнивецъ іерей, прихожанъ своихъ не ут-

верждающій въ вѣрѣ и законѣ, или не умѣющій утверждать ихъ по ихъ понятію,—не вождь ли слѣпой слѣпцамъ и идуще и ведуще не на путь спасенія? Для обученія прихожанъ не диспутовъ, не витіеватыхъ сплетеній, но яности надобно; надобно и краснорѣчія, но ихъ понятію соразмѣрнаго: не будетъ пріятно, когда не будетъ понятно! Премного теперь у меня ученыхъ ставленниковъ, но всѣ въ катихизисѣ неискусны—здѣсь ихъ учатъ".

Назначая ордеромъ отъ 16 іюня 1895 г. тему для имѣвшаго быть на публичномъ экзаменѣ диспута, именно—„о старой вѣрѣ: mala et impia consuetudo est contra deos disputandi", Преосв. Ѳеоктистъ замѣчаетъ: „подобные диспуты пріятнѣе и полезнѣе и посѣтителямъ, и самой семинаріи. Предметъ семинарныхъ наукъ учинить семинаристовъ способныхъ къ священному жительству; а что семинаристы многіе идутъ въ другія званія, сіе случайно, и для того притверждать семинаристамъ, чтобы они упражнялись въ чтеніи писанія, церковномъ пѣніи и поученіяхъ, пастырски притверждаю".

Съ цѣлію пріученія учениковъ къ церковному собесѣдованію Преосв. Ѳеоктистъ учредилъ для нихъ по воскреснымъ днямъ въ богословскомъ классѣ изъясненіе евангелія, а по праздничнымъ—толкованіе катихизиса. Это дѣло возложено было сначала на учителя Коллегіума протоіерея Андрея Прокоповича. А когда названный протоіерей, четыре года трудившись въ этомъ дѣлѣ, заявилъ (прошеніемъ отъ 5 ноября 1791 г.), что дальнѣйшее прохожденіе этой обязанности съ новою порученною ему должностію преподаванія философіи находитъ несовмѣстнымъ, и если Его Преосвященство благоволитъ уволить его отъ сей обязанности, то есть другой, способный къ толкованію христіанскаго ученія, священникъ Вознесенской Харьковской церкви Василій Фотіевъ, который и самъ званіе сіе на себя принять желаетъ", Преосвященный опредѣлилъ: „Желаніе священника Фотіева благопріемлемо и достохвально, и когда вступитъ въ означенную должность, то во всѣхъ церемоніяхъ духовныхъ имѣть ему мѣсто выше всѣхъ священниковъ Харьковскихъ, ниже только протопоповъ, и скуфью носить пастырски благословляю". Это назначеніе было въ высшей степени удачно. На первыхъ же порахъ истолковательныя бесѣды священника Фотіева привлекли, кромѣ учениковъ Коллегіума, и со стороны „множество обоего пола людей", такъ что правленіе Коллегіума, указывая на то, что „многіе, во время этихъ бесѣдъ становятся на столахъ и окошкахъ, и по чрезвычайной тѣснотѣ ломаютъ столы и разбиваютъ окошки, отъ чего и происходитъ лишняя, иногда ученическихъ, а иногда семинарскихъ денегъ на починку столовъ и окошекъ издержка", просило Преосвященнаго, „чтобы не употреблять на частыя починки въ богослов-

ской аудиторіи столовъ и окошекъ лишнихъ семинарскихъ денегъ и не обременять складкою учениковъ на таковыя же починки, разрѣшить изъясненію Евангелія и толкованію катихизиса быть не въ аудиторіи, а въ церкви—по окончаніи литургіи" (что и разрѣшено).

Опредѣляя объемъ учебной программы, Преосв. Өеоктистъ заботливо давалъ преподавателямъ въ Коллегіумѣ наставленія и относительно способовъ преподаванія.—По этимъ наставленіямъ, предметы вообще должны преподаваться болѣе практически и демонстративно, чѣмъ теоретически и отвлеченно; преподаваніе должно развивать умъ, не обременяя памяти. Препровождая въ Коллегіумъ свои „самократчайшія о логикѣ и риторикѣ правила" съ требованіемъ отъ учителей „дополнить ихъ, а особливо приличными примѣрами", Преосв. Өеоктистъ замѣчалъ: *„отрокамъ и юношамъ излишнія правила, какъ слабому желудку излишняя пища"* (въ письмѣ ректору Коллегіума отъ 20 Сент. 1789 г.). Не столько въ правилахъ, сколько въ примѣрахъ должны были ученики, по предписанію Преосвященнаго, испытываться и на экзаменахъ: „О правилахъ экзаменъ самократчайшій происходитъ, а болѣе экзаменуются ученики въ примѣрахъ" (въ ордерѣ Правленію Харьк. Коллегіума отъ 16 Іюня 1795 г.).—Въ высшихъ классахъ особое значеніе должны были имѣть упражненія въ сочиненіяхъ. Эти упражненія, начинаясь въ риторикѣ и продолжаясь въ философіи и богословіи, должны считаться, „яко первый предметъ для пользы и славы церкви святой". (Ордеръ отъ 14 Іюля 1795 г.) О нихъ учителя въ Правленіе Коллегіума должны были представлять отчеты съ представленіемъ и самыхъ работъ, непремѣнно имя же самими прочитанныхъ и исправленныхъ. Въ сочиненіяхъ полагалось высшее мѣрило степени развитія учениковъ, свидѣтельство ихъ умственной зрѣлости.

Благоустроя такимъ образомъ Харьковскій Коллегіумъ, Преосв. Өеоктистъ, въ виду имѣвшаго совершиться раздѣленія Бѣлгородской епархіи, заботился въ то же время объ устроеніи въ ней и другой Семинаріи—въ Бѣлгородѣ, съ тѣмъ, чтобы она для будущей Курской епархіи была такимъ же образовательнымъ центромъ, какимъ Харьковскій Коллегіумъ былъ для епархіи Бѣлгородской.—До Преосв. Өеоктиста въ Бѣлгородѣ была лишь малая Семинарія съ низшими классами—до піитики включительно [1]) Замысливъ возвести ее на степень полной Семинаріи, Преосвященный Өеоктистъ постепенно открывалъ въ ней, одинъ за другимъ, слѣдующіе за піитикой классы до богословія включительно,—и съ 1790 года въ Бѣлгородской Семинаріи сталъ преподаваться уже полный курсъ

---

[1]) См. мою статью: „Къ исторіи низшихъ духовныхъ и общественныхъ школъ въ Бѣлгородской епархіи въ XVIII вѣкѣ"—въ Харьк. Сборн. Историко-филолог. Общ. 1894 г.

наукъ тогдашней семинарской программы. При этомъ, находя прежнее помѣщеніе малой Семинаріи (въ монастырскихъ „покояхъ") для ново-устрояемой большой Семинаріи уже совсѣмъ непригоднымъ, приспособилъ для помѣщенія этой послѣдней, на первыхъ порахъ, домъ Консисторіи (переведя Консисторію въ домъ архіерейскій), а потомъ въ началѣ настоящаго столѣтія, по образованіи особой епархіи Курской, построилъ для Семинаріи (именно—въ 1801 году) каменный двухъ—этажный корпусъ, въ которомъ Семинарія и оставалась до 1883 года—до перевода ея въ Курскъ. „При небольшомъ только пособіи отъ казны (2140 р.) зданіе это воздвигнуто единственно попеченіемъ Преосвященнаго Ѳеоктиста, умѣвшаго склонить разныхъ благотворительныхъ лицъ пожертвовать на этотъ предметъ 12 тысячъ рублей; въ числѣ такихъ благотворителей, по актамъ Семинарскаго Правленія, извѣстны помѣщики Курской губерніи надворный совѣтникъ Аггей Григорьевичъ Изъ-ѣдиновъ и секундъ-маіоръ Андрей Васильевичъ Выродовъ, пожертвовавшіе на устройство дома и на содержаніе бѣдныхъ учениковъ Семинаріи 3000 руб." [1]).

Обязанная своимъ бытіемъ Преосв. Ѳеоктисту, Бѣлгородская Семинарія постоянно пользовалась его особымъ вниманіемъ и попеченіемъ. Онъ заботливо вникалъ во всѣ ея нужды, во всѣ подробности ея хозяйственнаго и учебнаго быта. Онъ самъ начерталъ для нея учебный планъ, чему и какъ обучать во всѣхъ ея классахъ—до богословскаго включительно [2]),—и неутомимо слѣдилъ за точнымъ его выполненіемъ. „Онъ

---

[1]) См. Труды Курск. Губ. Статист. Комитета, выпускъ первый, 1863 г., въ статьѣ Архангельскаго: „Курская Духовная Семинарія", стр. 343.

[2]) Учебный планъ для Семинаріи былъ готовъ уже въ 1787 году, то есть—еще до открытія въ ней высшихъ классовъ. По этому плану, въ основѣ котораго нетрудно примѣтить то же педагогическое начало, которое Преосвящ. Ѳеоктистъ съ такою настойчивостію рекомендовалъ преподавателямъ и въ Харьковскомъ Коллегіумѣ (преподавать болѣе практически, чѣмъ теоретически,—развивать умы, не обременяя излишними правилами памяти), такъ опредѣлялся кругъ учебныхъ занятій въ Семинаріи: а) *въ низшемъ классѣ.* По утру учитель обучаетъ учениковъ познанію буквъ, совокупному и раздѣльному чтенію, притомъ толкуетъ россійскую грамматику и начальныя правила латинской, т. е., какъ согласить имя прилагательное съ существительнымъ, учитъ самократчайше о принадлежностяхъ, касающихся до имени и до глагола. При этомъ ученики учатъ слова изъ книги *latinum alphabetum.* Послѣ обѣда толковать ученикамъ правила къ чистописанію и упражнять въ правописаніи; б) въ *грамматикѣ.* Повторивъ россійскую грамматику, толковать латинскую и назначать переводы съ латинскаго на россійскій, а по временамъ съ россійскаго на латинскій языки. Послѣ обѣда толковать книгу: „Зрѣлище Вселенныя" и ариѳметику, также продолжать *latinum alphabetum*; в) въ *синтаксисѣ.* По утру учитель толкуетъ ученикамъ: 1) правила латинской грамматики съ обстоятельнымъ объясненіемъ оныхъ краткими нравоучительными примѣрами 2) читаетъ школьные или домашніе разговоры, съ разборомъ по правиламъ грамматики и синтаксиса; 3) Зрѣлище вселенныя. При этомъ задаетъ переводы изъ классическихъ авторовъ.—Послѣ обѣда обучаетъ ариѳметикѣ и священной исторіи; г) въ *поэзіи.* Поутру, повторивъ синтаксиму, учитель толкуетъ: 1) логику и показываетъ сочиненія простыхъ и сложныхъ періодовъ; 2) разсказываетъ просодію, первѣе россійскую по россійской грамматикѣ потомъ латинскую, разбирая по правиламъ нравоучительные стихи Катона или Мурета;

почти каждодневно посѣщалъ классы, наблюдалъ за ходомъ ученія, перечитывалъ всѣ упражненія учениковъ, не только высшихъ, но и низшихъ классовъ, и собственноручно дѣлалъ на нихъ замѣчанія, какъ учителямъ, такъ и ученикамъ. (Памятники этой заботливости Преосвященнаго во множествѣ хранятся въ библіотекѣ Курской семинаріи). — Для облегченія ученія онъ самъ писалъ многіе учебники, какъ напримѣръ: 1) Драхма отъ сокровища божественныхъ писаній, то есть—сокращеніе правилъ при чтеніи Священнаго писанія, 2) Краткое наставленіе къ сказыванію проповѣдей; 3) Четверо-частный даръ юнымъ священно и церковно-служительскимъ дѣтямъ Курской епархіи, то есть краткое объясненіе: а) о церковномъ уставѣ; б) о пасхальныхъ кругахъ; в) о ирмолойномъ пѣніи, и г) о внѣшнемъ богослуженіи; 4) Дѣтское словенословіе и пѣснопѣніе, то есть—грамматика, логика, риторика и поэзія съ нотнымъ пѣніемъ; 5) Сокращеніе энциклопедіи и самократчайшія правила латинской грамматики; 6) Наставленіе учителю ирмолойнаго пѣнія. Даже во время рекреацій, бываемыхъ въ семинаріи въ маѣ мѣсяцѣ, Преосвященный старался занимать учениковъ играми съ литературнымъ оттѣнкомъ. На эти

---

3) вперяетъ ученикамъ знаніе объ употребительнѣйшихъ россійскихъ стихотвореніяхъ; 4) читаетъ для примѣра Ломоносовы сочиненія; 5) упражняетъ учениковъ въ сочиненіи россійскихъ стиховъ, *оставляя латинскіе, пока не окажутся благоуспѣшны въ сочиненіи на природномъ языкѣ;* 6) читаетъ нѣкоторыя піесы изъ Виргилія или Овидія. Послѣ обѣда учитъ географіи и оканчиваетъ ариѳметику; д) въ *Риторикѣ*. Поутру учитель толкуетъ ученикамъ логическія правила тѣ же, кои и въ поэзіи, вперяя наипаче ученикамъ ясное понятіе *de locis communibus;* читаетъ также *Rhetoricam Burgii* съ присовокупленіемъ нѣкоторыхъ мѣстъ изъ риторики Преосвященнаго Амвросія. При чтеніи риторическихъ и логическихъ правилъ учитель показываетъ примѣры, или имъ самимъ сочиненные, или избранные изъ хорошихъ авторовъ. Для познанія превосходнаго штиля въ сочиненіи рѣчей, читаетъ учитель рѣчи Ломоносова на россійскомъ и латинскомъ языкѣ съ надлежащимъ разборомъ. Ученики, третій годъ находящіеся въ риторикѣ, упражняются въ расположеніи большихъ рѣчей съ руководствомъ учителя и въ сочиненіи оныхъ; предметомъ ихъ сочиненій должны быть также разныя привѣтствія стихами и прозой; меньшіе же ученики будутъ упражняться въ періодахъ, хріяхъ и письмахъ.—Послѣ обѣда упражняются всѣ въ переводахъ, какъ съ латинскаго на россійскій, такъ и съ россійскаго на латинскій языки, притомъ учитель толкуетъ всемірную исторію; е) *въ философіи*. Поутру и послѣ обѣда, по распоряженію учителя толковать *Philosophiam Baumeisteri*, физику, естественную исторію, геометрію, книгу о должностяхъ человѣка и гражданина; притомъ назначать учениковъ на диспуты и упражнять въ сочиненіи привѣтствій, диссертацій и моральныхъ сочиненій, повторивъ *de locis communibus*; ж) *въ Богословіи*. Поутру и послѣ обѣда, по распоряженію учителя, по прочтеніи *Compendium Theologiae—Karpinsky*, читать *Theologiam—Procopowicz* и „Должности Священническія“. Притомъ упражнять учениковъ въ правильномъ сочиненіи проповѣдей, повторивъ ученіе *de locis communibus*.—Во вторникъ, четвергъ и субботу россійско-латинскіе классы послѣ обѣда не бываютъ, а учить учениковъ нотному и партесному пѣнію.—Въ субботу по утру часы опредѣляются для повторенія съ учениками, чему они чрезъ недѣлю научились, и для слушанія чтенія по церковнымъ книгамъ и гражданскимъ, также толковать въ низшихъ классахъ сокращенный катихизисъ, а въ Риторикѣ, Философіи и Богословіи - пространный катихизисъ.—Въ воскресенье и праздничные дни изъяснять поутру евангеліе въ Богословіи, или въ церкви послѣ ранней обѣдни для учениковъ всѣхъ классовъ. (Планъ напечатанъ въ означенной выше статьѣ Архангельскаго: „Курская Духовная Семинарія“, стр. 338—341).

случаи, по распоряженію его, ученики обыкновенно писали или приличныя рѣчи, или разговоры, священныя комедіи. Образецъ подобныхъ занятій существуетъ подъ именемъ: „Майская рекреація", печат. въ Харьковѣ въ Университетской типографіи 1815" *).

Благодаря такимъ заботамъ Преосв. Θеоктиста о Бѣлгородской Семинаріи, она скоро могла относительно какъ хозяйственнаго, такъ и учебнаго благоустройства, не только равняться, но и соперничать съ Коллегіумомъ. И Преосв. Θеоктистъ нерѣдко ставилъ ее въ образецъ Коллегіуму.

Такъ, въ письмѣ къ Ректору Коллегіума отъ 4 Марта 1792 г. Преосвященный излагалъ: „Reverendissime! Посылаю я къ вамъ пѣвчаго, Ахтырскаго дьячковскаго сына; онъ здѣсь не нуженъ, а вамъ можетъ быть пригодится; голосъ его посредственный дишкантовый—у меня всякихъ голосовъ довольно! Прежде регенты по епархіи ѣздили—дѣтей въ пѣвчіе хватали, родителей мучали; а теперь родители сами привозятъ—слышатъ и видятъ, что воспитаніе имъ добропорядочное; обучаются пѣвчеству—обучаются и въ Семинаріи; изъ прежнихъ пѣвчихъ тунеядцевъ нѣтъ теперь ни единаго—теперь всѣ пѣвчіе семинаристы: *вотъ для чего Бѣлгородская Семинарія нужна*".

Въ ордерѣ Харьковскому Семинарскому Правленію отъ 11 Авг. 1795 г., между прочимъ, значится: „Въ бытность нашу минувшаго Іюля въ Харьковѣ, жаловались намъ въ томъ сиротскомъ домѣ живущіе ученики, что имѣли они недостатокъ въ дровахъ, хлѣбѣ и проч. Сіе произошло отъ того, что Ректоръ и Префектъ не имѣли о томъ домѣ попеченія и присмотра. Намъ изъ Бѣлградскаго сиротскаго дома ежедневно приносятъ хлѣбъ и пищу ко усмотрѣнію—для чего бы и ректору Харьковской Семинаріи, никакими дѣлами не занятому (sic!), не стараться знать, что и какъ дѣлается не только въ семинарскихъ классахъ, но и въ сиротскомъ семинарскомъ домѣ ежедневно".

Въ ордерѣ тому же Правленію отъ 15 февраля 1797 г.:

„Въ Бѣлградскомъ сиротскомъ домѣ болѣе семидесяти учениковъ содержится, а въ Харьковскомъ и пятидесяти, сказываютъ, нѣтъ; ежели подлинно такъ, то стыдно и грѣхъ чиноначальникамъ Харьковской Семинаріи за нерадѣніе о сиротахъ; отнынѣ, чтобъ было въ Харьковскомъ сиротскомъ домѣ сто человѣкъ и употребить на содержаніе ихъ всю оставшуюся къ нынѣшнему февралю сумму, прибавивъ къ ней всѣ доходы отъ погребовъ и лавокъ монастырскихъ; сколько же изъ тѣхъ погребовъ и лавокъ было въ приходѣ за прошедшій годъ, прислать вѣдомость по первой почтѣ; а какъ теперь здѣсь продается казенный хлѣбъ

*) Ibidem, стр. 341—342.

и крупа, то на Харьковскую Семинарію надобно-ли ржаная мука и крупа, сообщить о томъ въ Бѣлоградское Семинарское Правленіе о покупкѣ муки и крупъ и на Харьковскую Семинарію; означить только количество, а цѣна вѣрна будетъ, яко подъ нашимъ смотрѣніемъ сіе дѣлается.— Харьковская Семинарія негодуетъ, что болѣе учениковъ въ Бѣлоградской. Причина тому та, что здѣсь смотрѣніе лучшее и люботщательнѣе. Ученики хотя малы, однако понимаютъ, гдѣ ихъ любятъ и объ нихъ пекутся. Приложить лучшее стараніе о семинарскомъ сиротскомъ домѣ пастырски притверждаю".

Въ 1793 г., получивъ изъ Бѣлгородскаго Семинарскаго Правленія репортъ о томъ, какъ въ теченіе ноября означеннаго года шло ученіе въ Бѣлгородской Семинаріи, Преосв. Ѳеоктистъ приказалъ препроводить этотъ репортъ въ Харьковскій Коллегіумъ, чтобы и оттуда присылались мѣсячные репорты о ходѣ ученія—по такому же образцу.—Репортъ этотъ интересенъ, какъ свидѣтельство о томъ, какъ на дѣлѣ выполнялся учебный планъ, начертанный Преосв. Ѳеоктистомъ для Семинаріи,—и потому считаю не лишнимъ привести его здѣсь in extenso:

„Сего 1793 года въ теченіе мѣсяца ноября въ классахъ Бѣлоградской Семинаріи ученіе продолжалось слѣдующимъ образомъ:

I. Въ богословскомъ.

1) Прочтено съ подлежащими объясненіями изъ богословіи главы de Scriptura N. Testamenti et de Deo praecise considerato. 2) Изъ пространнаго катихизиса—о Существѣ и Промыслѣ Божіемъ. 3) Изъ церковной исторіи первый періодъ отъ сотворенія міра до потопа. 4) Между тѣмъ ученики упражнялись въ переводѣ означеной богословіи на Россійскій языкъ, въ сочиненіи расположеній на проповѣди, въ сочиненіи проповѣдей и противорѣчій на изъясненные предметы.

II. Въ философскомъ.

1) Протолковано изъ логики о разсужденіяхъ, о умствованіяхъ и о чтеніи книгъ. 2) Изъ естественной исторіи отдѣленія четвертое и пятое. 3) Изъ ариѳметики о квадратахъ и кубахъ. 4) Изъ физики объ общихъ свойствахъ тѣлъ и о равновѣсіи жидкихъ тѣлъ. 5) Изъ пространнаго катихизиса о Богопочтеніи. 6) Между тѣмъ ученики упражнялись въ сочиненіи моральныхъ проповѣдей и диссертацій.

III. Въ риторическомъ.

1) Изъ риторики россійской прочтены фигуры реченій съ разборомъ примѣровъ таковыхъ же фигуръ и въ Бургіевой риторикѣ. 2) Изъ все-

общаго землеописанія повторено введеніе въ географію. 3) Изъ всемірной исторіи о знатныхъ отъ Авраама до смерти Моисея происшествіяхъ. 4) Изъ пространнаго катихизиса о Богопочтеніи. 5) Между тѣмъ ученики упражнялись въ переводѣ Муретовой рѣчи изъ Латинскаго языка на российскій и въ сочиненіи періодовъ и хрій.

IV. Въ піитическомъ.

1) Прочтено изъ россійской грамматики о союзѣ, междометіи и о сочиненіи словъ. 2) Изъ Логики отъ § 21 до § 34 и о умноженіи предложенія по правиламъ логическимъ. 3) Изъ всеобщаго землеописанія изъяснено о главнѣйшихъ частяхъ свѣта съ показаніемъ на глобусѣ и атласѣ. 4) Изъ россійскаго землеописанія о предѣлахъ Россіи, пространствѣ оной, моряхъ и горахъ. 5) Изъ ариѳметики о превращеніи именованныхъ чиселъ и сложеніи оныхъ. 6) Изъ сокращеннаго катихизиса о законѣ Божіемъ. 7) Между тѣмъ ученики упражнялись въ сочиненіи стихами и прозою.

V. Въ синтаксическомъ.

1) Прочтено изъ латинской грамматики о періодѣ, движеніи и уравненіи именъ. 2) Изъ зрѣлища вселенной разобраны 1-я и 2-я главы. 3) Изъ краткой Св. Исторіи 2-го періода восемь параграфовъ. 4) Изъ сокращеннаго катихизиса 4 первыя заповѣди. 5) Изъ ариѳметики о умноженіи и дѣленіи. 6) Между тѣмъ ученики упражнялись въ переводахъ съ латинскаго на россійскій, съ россійскаго на латинскій языки.

VI. Въ грамматическомъ.

1) Прочтено изъ россійской грамматики о глаголѣ и три спряженія. 2) Изъ сокращеннаго катихизиса десять членовъ символа вѣры. 3) Изъ краткой Св. Исторіи періода 2-го отдѣленія отъ потопа до переселенія Авраама въ землю ханаанскую и отъ переселенія Авраамова въ землю ханаанскую до исхода Израильтянъ изъ Египта. 4) Изъ ариѳметики о сложеніи и вычитаніи. 5) Между тѣмъ ученики упражнялись въ примѣрахъ грамматическаго разбора и въ чтеніи книги о должностяхъ человѣка и гражданина.

VII. Въ нижнемъ.

1) Изъ россійской грамматики прочтено о склоненіи именъ существительныхъ, прилагательныхъ и мѣстоименій. 2) Изъ сокращеннаго катихизиса о вѣрѣ евангельской. 3) Изъ правилъ для учащихся, какъ

ученики должны поступать предъ Богомъ и въ церкви. 4) Между тѣмъ ученики упражнялись въ склоненіи именъ существительныхъ и прилагательныхъ.

VIII. Въ греческомъ.

1) Прочтено ученикамъ 1-го разряда изъ греческой грамматики о прибавленіи и удареніяхъ. 2) Второго разряда—о характерѣ будущаго второго времени, о произведеніи и дѣленіи временъ. 3) Между тѣмъ ученики упражнялись въ переводѣ.

IX. Въ французскомъ.

1) Прочтено 1-го разряда ученикамъ изъ грамматики о членѣ, родѣ, числѣ, падежѣ и склоненіяхъ. 2) Разговоръ 2-й по-грамматически разобранъ. 3) Втораго разряда ученикамъ протолковано о употребленіи четырехъ членовъ. 4) Между тѣмъ ученики упражнялись въ переводѣ Езоповыхъ басенъ съ французскаго на россійскій языкъ.

X. Въ нѣмецкомъ.

1) Прочтено изъ грамматики объ именахъ прилагательныхъ, числительныхъ и мѣстоименіяхъ. 2) Между тѣмъ ученики упражнялись въ переводахъ съ нѣмецкаго на россійскій языкъ.

XI. Въ рисовальномъ.

Ученики упражнялись въ изображеніи человѣческаго тѣла и всей его пропорціи.

XII Въ нотномъ.

1-го разряда ученики выучили Богородичны 4-го гласа; 2-го разряда—ирмосы Рождества Христова“.

Сличеніе этого репорта съ помянутымъ учебнымъ планомъ показываетъ, что учебные предметы въ томъ и другомъ значатся одни и тѣ же; не видно въ репортѣ только геометріи, но за то есть въ немъ и такіе предметы, которыхъ нѣтъ въ планѣ—новые языки и рисованіе.—Письменныя работы, такъ видно поставленныя въ планѣ, являются съ такимъ же значеніемъ и по репорту. На нихъ, какъ замѣчено выше, болѣе всего обращалъ вниманіе и Преосвященный, слѣдя за успѣхами преподаванія въ заведенной имъ Семинаріи.—Такимъ образомъ учебный планъ, начертанный Преосв. Ѳеоктистомъ для Бѣлгородской Семинаріи, не оставался

только на бумагѣ, а съ самаго же начала получилъ надлежащее примѣненіе въ Семинаріи.

Особенно заботился Преосв. Өеоктистъ, чтобы ученики Бѣлгородской Семинаріи (также, какъ и Коллегіума) упражнялись и успѣвали въ составленіи и сказываніи проповѣдей. И заботы его на этотъ счетъ, повидимому, не были напрасны. Въ письмѣ къ нему отъ 26 Декабря 1789 г.—изъ Курска нѣкто Аөанасій Зубовъ заявлялъ: „Вчерашняго дня я, бывши у обѣдни въ своемъ приходѣ, съ отмѣннымъ вниманіемъ и удовольствіемъ слушалъ говоренную сыномъ здѣшняго дьякона и ученика Семинаріи проповѣдь, которому хотя не болѣе кажется 15 лѣтъ, но способнымъ изреченіемъ говорилъ ту весьма вразумительно. Слышу, что и въ другихъ церквахъ то произведено: сіи плоды ученія суть особенные знаки вашего попеченія, которое восхваляя не можно не удивляться успѣхамъ“.

Изъ исторіи Бѣлгородской Семинаріи, составленной, по приказанію Преосвященнаго Өеоктиста,[1]) преподавателями этой Семинаріи и напечатанной, по его же распоряженію, въ Московской синодальной типографіи въ 1805 году, видно, что, кромѣ предметовъ, означенныхъ въ вышеприведенномъ репортѣ 1893 г., въ составъ преподаванія въ это время входили еще геометрія, механика и врачебная наука. Общее число преподавателей было—12, а учащихся—960, въ числѣ которыхъ были и дѣти дворянъ.—Съ 1791 г. по 1805 г., то есть въ теченіе 14 лѣтъ, изъ Бѣлгородской Семинаріи въ священно и церковно-служительство, въ медицинскую науку, въ статскую и военную службу и въ Харьковскій университетъ поступило болѣе 1000 разныхъ классовъ учениковъ. (Въ Харьковскій университетъ, при самомъ основаніи его, изъ Бѣлгородской Семинаріи поступило 20 человѣкъ). Такъ, подъ руководствомъ своего просвѣщеннаго попечителя, росла, крѣпла и расширяла свою учебно-образовательную дѣятельность устроенная имъ въ Бѣлгородѣ Семинарія.

Кромѣ Бѣлгородской Семинаріи, Преосвященный Өеоктистъ устроилъ еще для Бѣлгородско-Курской епархіи, частію возстановивъ, частію открывъ вновь, нѣсколько низшихъ духовныхъ училищъ—такъ называемыхъ славяно-латинскихъ школъ или малыхъ семинарій—въ Курскѣ, Старомъ-Осколѣ, Обояни, Путивлѣ, Рыльскѣ, для подготовительнаго обученія дѣ-

[1]) На вѣдомости, представленной отъ Курскаго семинарскаго правленія „о наличіи штатной и неокладной семинарской суммы за 1804 годъ“, Преосвященный Өеоктистъ, поминая благодарнымъ словомъ жертвователей въ пользу семинаріи, между прочимъ написалъ: „Семинарія для присноpамятствія на вѣчныя времена должна составить исторію стихами или прозой о Бѣлгородской семинаріи по нынѣшнее время съ означеніемъ благодѣтелей, и велѣть семинарскому правленію сіе учинить нынѣшними вакаціями по нынѣшней учителямъ досужности“.

тей, поступавшихъ потомъ въ означенную семинарію,—и также имѣлъ эти училища подъ своимъ неослабнымъ надзоромъ и попеченіемъ.

Такъ, увидавъ на отпускномъ билетѣ одного ученика Курскаго духовнаго училища никуда негодный почеркъ въ подписи учителя, положилъ на этомъ самомъ билетѣ такое опредѣленіе: „Семинаріямъ и училищамъ, въ томъ числѣ и Курскому, предписано мною, чтобы учители, а особенно низшихъ классовъ, прилежали къ краснописанію, тѣмъ паче, что и ученики учителю во всемъ подражаютъ, и ежели въ низшихъ классахъ ученики не научатся краснописанію, то въ высшихъ классахъ тому научиться уже не могутъ. Того ради послать сей билетъ къ архимандриту Курскаго монастыря Аполлосу, Курскаго духовнаго училища попечителю, о учиненіи учителю Бѣлозерову реприманда за подписаніе сего билета никуда негоднымъ почеркомъ, съ подтвержденіемъ ему, чтобы онъ прилежалъ къ краснописанію; притомъ семинарскому правленію и всѣмъ Курской епархіи духовнымъ училищамъ притвердить указами изъ консисторіи, чтобы учители, между прочаго, обучали своихъ учениковъ и краснописанію прилежно и давали бы имъ собою примѣръ къ успѣхамъ въ наукахъ, въ благонравіи и въ краснописаніи". (Указъ консисторіи къ архимандриту Аполлосу отъ 17 Августа 1804 года).

Содержаніе сиротъ и малоимущественныхъ учениковъ въ этихъ училищахъ расчитано главнымъ образомъ (если не исключительно) на благотворительныя жертвованія, къ которымъ Преосвященный дѣлалъ убѣдительныя приглашенія, какъ это, напримѣръ, можно видѣть изъ слѣдующаго предложенія его архимандриту Курскаго Знаменскаго монастыря Іоакинфу съ братіею (отъ 8 октября 1817 г.): „Правленіе Курской Семинаріи представило мнѣ расчетъ о суммахъ для содержанія сиротъ и малоимущественныхъ учениковъ, въ училищахъ Курской епархіи обучающихся, въ коемъ расчетѣ предположено пожертвованіе и отъ Курскаго Знаменскаго монастыря по триста рублей ежегодно; надѣюсь, что вы съ братіею отъ ввѣреннаго вамъ монастыря изъ признательности къ пользамъ духовнаго просвѣщенія изъявите желаніе удѣлять ежегодно положенное количество денегъ на вспоможеніе учащимся, не оставите пригласить и другихъ, какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ лицъ къ такому общеполезному пожертвованію, по очевидности того, что таковыя приношенія составляютъ въ одно время и благотвореніе неимущимъ, и служеніе вѣрѣ и человѣчеству, всегда имѣющему нужду въ достойныхъ служителяхъ вѣры. Кто же именно изъявилъ желаніе пожертвовать какимъ либо количествомъ денегъ единовременно или ежегодно, о таковыхъ лицахъ можете меня увѣдомить въ послѣдствіи времени, но не позже среднихъ чиселъ слѣдующаго Ноября для донесенія о томъ коммиссіи духовныхъ училищъ". На такое предло-

женіе братія отвѣтила, что деньги по 300 руб. ежегодно въ назначенное отъ правленія Курской Семинаріи время доставлять въ оное имѣются. Кромѣ того, въ реестрѣ отдѣльныхъ пожертвованій значится: Курскаго Знаменскаго Богородицкаго монастыря экономъ іеромонахъ Никаноръ двадцать пять рублей единовременно и двадцать пять рублей ежегодно, пока будетъ находиться въ Курскомъ монастырѣ.

Приглашая другихъ къ пожертвованіямъ въ пользу бѣдныхъ священно-церковно-служительскихъ дѣтей, обучавшихся въ уѣздныхъ училищахъ, Преосвященный Ѳеоктистъ и самъ съ особою любовію жертвовалъ на этотъ предметъ изъ своихъ достатковъ. Въ письмѣ (отъ 9 Марта 1812 года г.) къ своему племяннику, Ивану Степановичу Мочульскому (Харьковскому губернскому землемѣру), по поводу предположеннаго имъ строенія новаго дома по обширному плану, несоотвѣтственно имѣвшимся на то средствамъ, Преосвященный Ѳеоктистъ заявлялъ: „Сожалѣю, что я вамъ въ томъ нынѣ пособить не могу; теперь у меня нѣтъ ни полушки въ наличности; какія у меня деньги были, отослалъ я въ приказъ общественнаго призрѣнія въ пользу бурсаковъ и полу-бурсаковъ, быть имѣющихъ при уѣздныхъ училищахъ; собралъ я на то и отъ другихъ пожертвованія до пяти тысячъ рублей“. Такая же заботливость о бѣдныхъ ученикахъ духовныхъ училищъ выражалась и въ другомъ письмѣ къ тому же Ивану Степановичу (отъ 23 Февраля 1812 г.), по поводу переселенія брата его Ѳедора Степановича, изъ Динабурга въ С.-Петербургъ. Не одобряя сего переселенія, Преосвященный писалъ: „Хорошо, ежели онъ (Ѳедоръ Степановичъ) будетъ жить такъ скромно, какъ Василій Осиповичъ (двоюродный племянникъ Преосвященнаго Ѳеоктиста); но ежели вздумаетъ жить по примѣру Ивана Осиповича и промотаетъ деньги къ нему посланныя 525 рублей при первыхъ порахъ, то чѣмъ далѣе мотать будетъ? Не возьметъ ли въ займы? Но чѣмъ будетъ отдать долгъ? Не надѣется ли онъ на меня? Но я близь гроба, и ежели бы у меня деньги были, то я бы пожертвовалъ ихъ на воспитаніе сиротъ священно-церковно-служительскихъ дѣтей и положилъ я не давать впередъ мотамъ ни полушки, хотя бы у меня и тысячи остались“.

Наконецъ, Преосвященный отнесся съ полнымъ вниманіемъ и къ самымъ начальнымъ, такъ называемымъ славяно-россійскимъ школамъ, побудивъ всѣ духовныя правленія открыть у себя этого рода училища. Въ циркулярномъ предписаніи духовнымъ правленіямъ отъ 19 Іюля 1970 г. Преосвященный Ѳеоктистъ высказывалъ даже желаніе („весьма полезно было бы“), чтобы не только при всѣхъ духовныхъ правленіяхъ, но и „при каждомъ приходѣ была россійская школа, въ которой бы малолѣтніе церковно-служительскія дѣти отъ пяти и шести лѣтъ (?) обучались россійской

грамотѣ самолегчайшимъ образомъ, какъ нынѣ въ семинаріи обучаютъ, и сіе удобно можно учинить, если при каждомъ приходѣ будетъ священно или церковно-служитель изъ семинаристовъ, въ наукахъ благоуспѣшенъ и порядокъ нынѣшняго обученія дѣтей совершенно знающій". Но такое *pium desiderium* (относительно *всѣхъ* приходовъ) едва ли самъ Преосвященный считалъ осуществимымъ, такъ какъ, высказавъ его, тотчасъ же предлагалъ: „того ради духовнымъ правленіямъ съ благочинными учинить разсмотрѣніе, въ какихъ бы приходахъ учредить можно россійскія школы, чтобы и окрестныхъ приходовъ священно-церковно-служители малолѣтнихъ дѣтей своихъ въ тѣ школы отдавать могли, дабы малолѣтніе ихъ дѣти младыхъ своихъ лѣтъ, къ ученію способныхъ, напрасно не теряли".

II.

Въ видахъ привлеченія къ учебнымъ заведеніямъ епархіи симпатій общества и покровительства сильныхъ, Преосв. Ѳеоктистъ любилъ, чтобы въ этихъ заведеніяхъ, особенно въ Харьковскомъ Коллегіумѣ, совершались торжественные акты—годичные и случайные, отправляемы были публично, и въ торжественной же обстановкѣ, ученическіе диспуты, чтобы учащіе и учащіеся говорили знатнымъ лицамъ привѣтственныя рѣчи, писали оды... И все это устроялось при его непосредственномъ участіи, по его указаніямъ, подъ его руководствомъ.

Такъ, ордеромъ отъ 6 генваря 1791 г. Преосвященный, въ ожиданіи прибытія въ Харьковъ свѣтлѣйшаго князя Г. А. Потемкина-Таврическаго (въ поѣздку его, по взятіи Измаила во вторую Турецкую войну, въ С.-Петербургъ), далъ Правленію Харьковскаго Коллегіума такое предложеніе: „Въ сію минуту получено здѣсь извѣстіе о прибытіи свѣтлѣйшаго князя въ Харьковъ. Я не сомнѣваюсь, что Правленіе, увѣрено будучи о томъ, въ тужъ минуту употребило всѣ возможныя тщанія къ заготовленію привѣтствій вожделѣннѣйшему гостю. Я только то здѣсь пастырски напоминаю, чтобы привѣтствія были кратки и приличны, и привѣтствователи благообразны, сладкогласны, въ привѣтствовательныхъ движеніяхъ искусны и отъ ногъ до головы хорошо одѣты. Я и самъ къ тому всерадостному дню прибыть въ Харьковъ желаю".

7 февраля того же года, по прибытіи въ Харьковъ, Преосвященный далъ ордеръ, чтобы „какъ господа учители, такъ и ученики богословія въ Коллегіумѣ сочинили Его свѣтлости приличныя привѣтствія, такія, которыя могли бы его свѣтлости и говорены быть и поднесены на бумагѣ.

Сіи привѣтствія должны быть кратки, витіеваты и приличны ожидаемой особѣ". Для сочиненія таковыхъ привѣтствій назначены изъ богословскаго класса 32 ученика.

Ордеромъ отъ 19 сентября того же года Преосвященный, извѣщая Правленіе Коллегіума, что прибудетъ въ Харьковъ для священнодѣйствія къ 30 числу сего же сентября, въ который день Его свѣтлость будетъ тезоименитъ, предписывалъ, „чтобы въ этотъ день въ честь свѣтлѣйшаго имянинника былъ актъ, и актъ долженъ быть такимъ, который бы можно было отослать въ Яссы для напечатанія". Вслѣдствіе этого, Правленіе Коллегіума объявило учителямъ, чтобы они употребили всетщательное стараніе исполнить волю и приказаніе Его Преосвященства доставленіемъ отъ себя сочиненій для изготовляемаго акта. Актъ же предположенъ быть таковъ: 1) при входѣ въ богословскую аудиторію пѣвчіе поютъ кантъ; 2) послѣ канта россійская говорится прелеминарная рѣчь для вшедшихъ разнаго званія особъ; 3) послѣ рѣчи—кантъ; 4) рѣчь большая предъ диспутами; 5) кантъ, когда положенія разноситься будутъ; 6, 7 и 8) словопренія, разговоры и кантъ; 9) разговоръ двухъ лицъ; 10) ода; 11) разговоръ между тремя лицами; 12) кантъ благодарный.

Долженъ былъ отозваться Коллегіумъ своими рѣчами и по случаю кончины свѣтлѣйшаго князя. На этотъ счетъ преподаватели Коллегіума получили отъ Коллегіумскаго Правленія предложеніе отъ 18 окт. 1791 г.— слѣдующаго содержанія: „Слухъ носится, что г. вице-губернаторъ Григорій Романовичъ Шидловскій послалъ просительное письмо къ Его Преосвященству о прибытіи его въ Харьковъ для отпѣнія по скончавшемся сего октября 5 дня свѣтлѣйшемъ князѣ Григоріѣ Александровичѣ панихиды и для отправленія въ разсужденіи сего печальнѣйшаго случая церемоніи, которая имѣетъ быть составлена въ народныхъ и казенныхъ училищахъ; въ соотвѣтствіе сему, дабы и нашей семинаріи съ стыдомъ безотвѣтной не остаться, должно приготовить приличныя печальнымъ обстоятельствамъ сочиненія на россійскомъ, латинскомъ и греческомъ языкахъ, которыя были бы сдѣланы чистымъ штилемъ, кратки, связны, имѣющія въ себѣ важность, красоту, пріятность и все то, что предписано отъ Его Преосвященства разными ордерами, для чего Харьковской семинаріи господамъ учителямъ симъ предлагается о пріуготовленіи таковыхъ сочиненій и о представленіи оныхъ въ Харьковское Семинарское Правленіе на разсмотрѣніе въ непродолжительномъ времени; кто же изъ господъ учителей что сочинить долженъ, о томъ прилагается у сего обстоятельное росписаніе". (Росписанія не найдено).

Въ 1798 г. Преосвященный Ѳеоктистъ представилъ Самому Государю—Императору Павлу I, „Высочайшему и Всемилостивѣйшему наукъ

Попечителю, Распространителю и Благодѣтелю за всещедро дарованныя суммы на Бѣлоградскую семинарію всепокорнѣйшее приношеніе отъ питомцевъ Бѣлоградскія семинаріи". Это приношеніе составляютъ: Ода Павлу I, Рондо: *Царю! живи вовѣкъ* и Исторія о древнемъ Саркеллѣ, нынѣшнемъ Бѣлгородѣ.

Здѣсь, въ привѣтственныхъ стихахъ, юные питомцы самоувѣренно, въ слухъ всей Россіи возвѣщали, что въ царствованіе Павла—

Стремятся въ море безмятежно
Сокровищъ полны корабли;
Поселянинъ, трудясь прилежно,
Богатствомъ хвалится земли,
Беллона къ намъ зефиромъ дышетъ,
Ѳемида судъ правдивый пишетъ
Для пользы всѣхъ перомъ златымъ,
Всѣ сладость счастія вкушаютъ,
Всѣ должность свято исполняютъ
Подъ скипетромъ, Монархъ, Твоимъ!

(Изъ Оды).

О состояніи наукъ въ школахъ Харьковскихъ и Бѣлгородскихъ говорилось:

Здѣсь изъясняются нынѣ тайны Божества,
Познаніе причинъ, наука естества.
Межъ риторствомъ простымъ и риторствомъ церковнымъ
Здѣсь учатъ составлять рѣчь родомъ стихотворнымъ;
Здѣсь учатъ разумѣть, что мусикіи тонъ,
Здѣсь учатъ и тому, чему училъ Невтонъ.
Здѣсь учатъ, что добро и что отъ зла навѣта,
Внушаютъ здѣсь и то, что было въ прежни лѣта;
Здѣсь зримъ на хартіи изображенъ міръ весь,
Здѣсь учатъ и тому, въ чемъ славенъ Апеллесъ;
И изъясняются языки здѣсь: славянскій,
Латинскій, греческій, французскій и германскій.
Языки разные, но сердце въ насъ одно,
И чувствіе души съ языками равно;
Устами вопіемъ: сколь мы благословенны,
Открыты зря для насъ науки здѣсь священны!
И сердцемъ купно мы возносимся къ тому,
Виновникъ Первѣйшій кто счастія сему.
Виновникъ же Первѣйшій сему есть Петръ Великій,

Открылъ въ Россіи онъ съ науками языки;
Подобно милостьми другихъ монаршихъ рукъ,
Въ Россіи счастіе возвысилось наукъ;
Но вящше нынѣ о семъ печется Павелъ Первый,
Отечества Отецъ, Отецъ сыновъ Минервы.

(Изъ „Исторіи о древнемъ Саркеллѣ").

Императоръ весьма благосклонно принялъ такое приношеніе и удостоилъ Преосвященнаго отвѣтнымъ письмомъ изъ Павловска отъ 7 Іюля 1798 г.—такого содержанія: „Преосвященный Епископъ Бѣлоградскій и Курскій Ѳеоктистъ! Благодарю Васъ за доставленіе привѣтственныхъ мнѣ стиховъ, отъ питомцевъ Бѣлоградской семинаріи подносимыхъ. Съ удовольствіемъ видя въ приношеніи семъ успѣхи ученія и словесность россійскую, въ нѣдрахъ ввѣренной вамъ паствы процвѣтающую, отношу оное къ рачительному вашему о томъ попеченію, за что изъявя мое благоволеніе, пребываю вамъ благосклонный *Павелъ*".

Не только въ семинаріяхъ, но даже и въ низшихъ духовныхъ училищахъ, предписывалось сочинять и говорить знатнымъ лицамъ привѣтствія. Такъ, въ ордерѣ Преосвященнаго отъ 1 Апрѣля 1804 г. смотрителю Курскаго училища архимандриту Аполлосу дано такое предложеніе: „По случаю въ скоромъ времени имѣющаго быть проѣзда графа Потоцкаго, по части просвѣщенія особенно занимающагося, предпріять вамъ надлежащія по Курскому духовному училищу мѣры, чтобы какъ чистота въ училищѣ, такъ и опрятность въ ученикахъ были соблюдены, при томъ велѣть учителю Драчеву изготовить и привѣтствіе самократчайшее, но во всемъ приличное, и ежели сочинено будетъ стихами, то, по аппробаціи вашей, можетъ проговорить одинъ изъ лучшихъ по лицу, голосу и одѣянію учениковъ, съ приличными жестами; а ежели сочинено будетъ прозою и ученика къ тому способнаго нѣтъ, то можетъ проговорить помянутый учитель Драчевъ; при произношеніи привѣтствія отнюдь не употреблять рукомаханія неприличнаго, дѣйствіе рукою должно быть сообразно сущности словъ, въ привѣтствіи содержимыхъ, и тому соотвѣтствовать должны и лицо, и глаза, и голосъ".

Само собою понятно, что насчетъ привѣтствій самому Преосвященному, въ подобающихъ случаяхъ, духовно-учебныя заведенія его вѣдомства не забывали и безъ его предписаній. Такъ, въ „извѣщеніи изъ Харьковскаго Семинарскаго Правленія Харьковской семинаріи почтеннѣйшимъ гг. учителямъ"—отъ 27 Марта 1791 года значится: „Слухъ носится о прибытіи Преосвященнаго архипастыря нашего въ городъ Харьковъ. Намѣреніе его, по увѣренію нѣкоторой знатной особы, состоитъ въ томъ, чтобы въ великій четвертокъ составить церковную церемонію умовенія ногъ. Нашъ

долгъ есть, по обязанности нашей, поздравить Пастыря приличными на прибытіе его привѣтствіями. А какъ слѣдуетъ скоро и праздникъ Воскресенія Христова и надѣяться должно, что Его Преосвященство соблаговолитъ здѣсь праздновать дни Пасхи, то для сего случая должно заготовить и другія привѣтствія, приличныя свѣтлому дню. Вслѣдствіе чего Харьковское Семинарское Правленіе симъ почтеннѣйшихъ гг. учителей извѣщая, ожидаетъ какъ этихъ, такъ и другихъ привѣтствій къ 5 числу апрѣля непремѣнно. Каковы же должны быть привѣтствія, о томъ слѣдуетъ росписаніе: 1) на прибытіе Его Преосвященства, изъ перваго класса стихи россійскіе, изъ высшаго грамматическаго класса—стихи латинскіе, изъ класса піитическаго—рѣчь коротенькая, латинская и россійская, изъ класса философскаго — рѣчь латинская, изъ класса высшаго греческаго — рѣчь греческая, изъ класса богословскаго — рѣчь латинская и россійская; 2) на приходъ въ классы, изъ перваго класса—стихи россійскіе, изъ высшаго грамматическаго — стихи россійскіе, изъ поэзіи— стихи латинскіе, изъ риторики—рѣчь латинская и краткій разговоръ, изъ философіи—рѣчь россійская, изъ греческаго аналогическаго класса—рѣчь россійская, изъ греческаго высшаго класса—рѣчь греческая, изъ греческаго, третьяго класса — рѣчь греческая, изъ класса богословскаго— рѣчь россійская; 3) на праздникъ Воскресенія Христова, изъ перваго класса—стихи россійскіе, .отъ г. учителя перваго класса—ода, изъ высшаго грамматическаго класса—стихи латинскіе, изъ поэзіи—приличный торжеству разговоръ россійскими стихами, изъ какой заблагоразсудитъ г. учитель сочинитъ матеріи, изъ риторики—рѣчь латинская и рѣчь россійская, изъ греческаго высшаго класса—рѣчь греческая, изъ философіи— рѣчь россійская, изъ богословіи — рѣчь латинская. — Сочиненія должны быть кратки, чистаго штиля и остромысленны, словомъ—таковы, каковы нравятся Его Преосвященству. О исполненіи вышеписаннаго благоволите, почтенные гг. учители, на семъ подписаться".

Въ такомъ же родѣ „предложеніе изъ Харьковскаго семинарскаго Правленія Харьковской семинаріи всѣхъ классовъ г.г. учителямъ, богословіи студентамъ и философіи ученикамъ"—отъ 1 марта 1792 года: „Извѣстно всякому, что по обычаю должно привѣтствовать архипастыря нашего въ слѣдующій день Воскресенія Христова; того для заблаговременно симъ предлагается, дабы всякъ, сочинивъ привѣтствіе, представилъ оное въ Харьковское Семинарское Правленіе сего марта къ 25 числу для разсмотрѣнія; кому же что должно дѣлать, о томъ прилагается росписаніе". А въ росписаніи значится: 1) стихи россійскіе—учитель греческаго аналогическаго класса; 2) стихи латинскіе—учитель высшаго грамматическаго класса, ученики философіи Лубяновскій и Танковъ; 3) рѣчь рос-

сійская—учитель низшаго грамматическаго класса, студенты богословія Иванъ Артюховскій и Крушедольскій; 4) рѣчь латинская—учитель низшаго грамматическаго класса, студенты богословія Вертеловскій, Прокоповичъ, Мокренскій, Крижановскій; 5) рѣчь греческая—учитель греческаго языка Тамаровъ, студентъ богословіи Саввинъ; 6) разговоръ—студенты богословіи Жебокритскій, Андріевскій, Гонцевичъ; 7) ода—учитель поэзіи, студенты богословіи Руфиновъ, Вирославскій; 8) кантъ—студенты богословіи Джунковскій, Приходьковъ; 9) сонетъ—студенты богословіи Назаревскій, Каневскій; 10) пѣснь похвальная — студентъ богословіи Крезовъ. Подъ росписаніемъ сдѣлана приписка, адресованная къ студенту богословіи Сергію Сычеву: „По росписанію сему требовать сочиненій отъ всякаго, кто не подалъ, и представить оныя въ Харьковское Семинарское Правленіе сего марта 23 дня. Требуется сіе не въ срокъ для того, что мало времени остается для порядочнаго совершенія привѣтствій, и для того, что нѣкоторые, представляя срокъ 25 числа марта, нижѐ думали о возложенной на нихъ отъ общества должности. Nemo sibi ipsi confidat. Nemo dicat: cras! cras! Hoc est corvinum".

Въ 1809 г. отъ воспитанниковъ Бѣлгородской семинаріи Преосвященному Θеоктисту въ день его тезоименитства 4 генваря была поднесена ода. Въ ней юные питомцы со свойственнымъ тому времени краснорѣчіемъ и ихъ возрасту увлеченіемъ сближали этотъ знаменательный день съ четвертымъ днемъ творенія: какъ въ началѣ вѣка Творецъ создалъ свѣтила, дабы онѣ посредствомъ свѣта являли времена и лѣта,—

Такъ въ день четвертый года нова
И Θеоктиста Богъ нарекъ,
Да свѣтъ въ немъ церковь зритъ Христова,
Такъ въ лѣпоту Его облекъ,
Облекши въ санъ первосвященства
Для насъ, для нашего блаженства,
Для тѣхъ пріятнѣйшихъ утѣхъ,
Какія Фебъ, въ лучахъ багрѣя,
И въ самомъ знакѣ Водолѣя
Ліетъ на земнородныхъ всѣхъ.

Въ полномъ сознаніи всей важности такихъ вѣщаній, ораторы приглашали смолкнуть самыя стихіи:

Перестаньте бури, непогоды
Стихій взаимность нарушать,
И благотишивый чинъ природы,
Вы не дерзайте возмущать!
Да движутся планеты стройно,

Да будетъ въ мірѣ все спокойно
Въ сей приснорадостнѣйшій день,
Чтобъ Ангелъ Церкви, Ангелъ мирный
Послушалъ въ сладость гласъ нашъ лирный,
Какъ плодъ младенческихъ устенъ.

Слѣдуетъ замѣтить, что, получая отъ учащихъ и учащихся привѣтствія, Преосвященный Ѳеоктистъ и имъ съ своей стороны посылалъ любвеобильные отвѣты. Такъ, на принесенное ему отъ Харьковской семинаріи привѣтствіе къ 25 декабря 1797 г. по поводу десятилѣтняго служенія его въ Бѣлгородской епархіи, отвѣчалъ письмомъ такого содержанія: „Почтеннѣйшіе сослужители и благопріятели мои, Харьковской семинаріи отецъ ректоръ Василій и отецъ префектъ, протоіерей Андрей! Со всѣми въ подвигахъ вашихъ сотрудниками сдѣлали вы мнѣ для нынѣшняго всерадостнаго праздника честь присылкою въ самый праздникъ поздравленій и желаній вашихъ съ присоединенными утѣшеніями вашими о десятилѣтнемъ моемъ здѣсь служеніи. Поздравленія, желанія и утѣшенія ваши возвеселиша душу мою. Утѣха Израилева, Предвѣчный Младенецъ, Царь вѣковъ и Отецъ будущаго вѣка, Виновникъ новолѣтія, да укрѣпляетъ ваши силы и въ слѣдующемъ новомъ и счастливомъ лѣтѣ для продолженія подвиговъ вашихъ къ воспитанію юношей для вящшей и вящшей пользы и славы отечества и церкви. Сіе желаніе мое тѣмъ болѣе усугубляю, чѣмъ извѣстнѣе мнѣ, что не таится вамъ сіе: яко единъ день предъ Господомъ, яко тысяща лѣтъ, и тысяща лѣтъ яко день единъ. Псалмопѣвецъ въ псалмѣ 101, стих. 26, 27, 28 и 29, описавъ предвѣчность Божію, кончину и обновленіе міра, предсказываетъ, что въ новомъ мірѣ будутъ вѣчности Его причастны и рабы Его, и сынове рабовъ Его даже во вѣки. Чрезъ рабовъ Божіихъ разумѣются ветхозавѣтные патріархи, чрезъ сыновъ ихъ—апостолы, чрезъ сыновъ апостольскихъ—всѣ благочестивые христіане, а особливо въ словѣ и ученіи трудящіеся. Всесильная благость Божія да содѣйствуетъ всѣмъ намъ къ достиженію предреченной той вѣчности, а я, подкрѣпляемъ святыми молитвами вашими, донелѣ дыханіе во мнѣ, пребуду со взаимною любовію, желаніемъ и утѣшеніемъ, вашимъ усерднѣйшимъ богомольцемъ, Ѳеоктистъ Епископъ Бѣлгородскій". Въ постскриптѣ собственною рукою Его Преосвященства написано: „Которые изъ учащихъ въ отлучкахъ, по возвращеніи ихъ, изъявить имъ мое желаніе, тогожъ пожелать и всѣмъ учащимся".

Императорскій Харьковскій Университетъ высоко цѣнилъ просвѣтительныя стремленія и просвѣтительную дѣятельность Преосвящ. Ѳеоктиста и въ торжественномъ засѣданіи 30-го Августа 1815 г. единогласно из-

бралъ его въ почетные члены Университета [1]). Преосвященный Θеоктистъ, отозвался на это избраніе слѣдующимъ письмомъ, съ такою силою выражавшимъ его, можно сказать, благоговѣйное отношеніе къ Университету, какъ высшему просвѣтительному центру въ краю: „Въ почтеннѣйшее Императорскаго Харьковскаго Университета Правленіе. Сему толико славному Святилищу наукъ и благонравія, святую церковь и любезнѣйшее Отечество украшающему, благоугодно было обновить глубокую старость мою принятіемъ меня въ число своихъ почетныхъ членовъ и присылкою ко мнѣ отъ 29 истекшаго генваря, къ неизобразимому обрадованію моему, драгоцѣннаго диплома, который я имѣлъ счастье получить сего февраля 8 дня, и сколько утѣшаетъ меня сей драгоцѣнный подарокъ, толико причиняетъ во мнѣ недомышленія о способѣ соотвѣтствовать толь лестному для меня наименованію. Остается во глубинѣ души моей то единое утѣшеніе, что пребудетъ во мнѣ навсегда приснопамятный долгъ мой приносить старческія моленія мои ко Всевышнему о изліяніи на преславное оное святилище наукъ новыхъ небесныхъ своихъ благословеній къ вящшему преуспѣянію во всѣхъ начинаніяхъ и подвигахъ, назидающихъ пользу и славу святыя церкви и любезнѣйшаго отечества.—Симъ единымъ имѣю честь служить нынѣ почтеннѣйшему Императорскаго Харьковскаго университета сословію и пребуду, донелѣ дыханіе во мнѣ, усерднѣйшимъ Богомольцемъ осьмидесяти седми лѣтній старецъ Θеоктистъ, Архіепископъ Курскій и Бѣлоградскій. Февраля 12 дня 1816 г.“ [2]).

III.

Заботясь о приготовленіи путемъ школьнаго образованія достойныхъ кандидатовъ священства, Преосвященный Θеоктистъ строго предписывалъ духовнымъ правленіямъ не представлять на духовныя должности недостойныхъ, нерѣдко самъ экзаменовалъ ставленниковъ, а духовенство, уже служащее, ревностно вразумлялъ насчетъ обязанностей его званія.

---

[1]) Изъ профессоровъ Харьковскаго Университета Преосв. Θеоктистъ, какъ можно судить по письмамъ его къ родственникамъ былъ наиболѣе близокъ съ извѣстнымъ въ то время профессоромъ русской исторіи Гавріиломъ Петровичемъ Успенскимъ, ученые труды котораго умѣлъ достойно цѣнить. Такъ въ письмѣ къ своему племяннику Ивану Степановичу Мочульскому (отъ 3 Ноября 1811 г.) Преосвященный поручаетъ ему передать помянутому профессору просьбу, чтобы онъ „учинилъ строгую корректуру“ печатаемой въ Харьковѣ славянской грамматики имъ, Преосвященнымъ, составленной, а о сочиненіи самаго Успенскаго: „Опытъ повѣствованія о древностяхъ русскихъ“ даетъ такой отзывъ (въ томъ же письмѣ): „Прочиталъ я книгу Гавріила Петровича: „Опытъ повѣствованія о древностяхъ русскихъ“; мастерски написано, усердно желаю прочитать и вторую часть“.

[2]) Письмо это, находящееся въ архивѣ Харьк. университета, сообщено мнѣ архиваріусомъ М. М. Плохинскимъ, которому много за это благодаренъ.

Такъ, въ предписаніи Харьковскому Духовному Правленію (отъ 19 іюля 1790 года) значится: „наблюдать, при избраніяхъ на духовныя должности, всѣ обстоятельства, въ консисторскихъ указахъ изъясненныя, и неискусныхъ въ чемъ либо, или не испытанныхѣ въ благонравіи и ищущихъ священно-служительскаго сана подлыми способами, отнюдь не присылать и одобреній имъ не давать, и для того діаконамъ, желающимъ священства, а церковно-служителямъ, желающимъ діаконства, чрезъ благочинныхъ подтвердить, чтобы они пріуготовляли себя къ тому при своихъ приходахъ заблаговременно и не надѣялись бы ни на какія ходатайства, и не извинялись бы сиротствомъ или другими какими несчастными случаями, поелику сиротство и несчастные случаи недостойнаго достойнымъ учинить не могутъ, и потому сироты и по другимъ какимъ-либо случаямъ злосчастіе претерпѣвающіе наиболѣе должны прилагать стараніе къ отличію себя въ церковномъ причтѣ примѣрнымъ искусствомъ и достоинствомъ, какъ обыкновенно бываетъ въ семинаріяхъ, гдѣ семинаристы сироты и неимущіе болѣе успѣваютъ въ наукахъ и благонравіи, нежели тѣ, кои на имущество родителей своихъ уповаютъ“.

Въ другомъ предписаніи тому же Правленію изъяснялось: „Многіе ставленники изъ окружныхъ селеній Курскаго Намѣстничества выговариваютъ *е*, какъ *я*; а *я*, какъ *е*; Харьковскаго же Намѣстничества изъ окружныхъ селеній выговариваютъ *ы*, какъ *и*; а *и*, какъ *ы*, и *ѣ* несообразно великороссійскому выговору, не наблюдая притомъ и оксій, отъ чего теряется пріятность въ чтеніи, и какъ таковые священники. не умѣя сами исправно читать, обучаютъ и своихъ дѣтей такъ же,—того ради Харьковскому Духовному Правленію благочинныхъ и десятоначальниковъ обязать подписками, чтобы они ставленниковъ во всемъ свидѣтельствовали вѣрно и прилежно, и неисправнымъ въ чемъ-либо не давали своихъ свидѣтельствъ, донелѣ не научатся; а притомъ находящихся въ ихъ вѣдомствѣ священно-церковно-служителей, кои имѣютъ школы для обученія священно-церковно-служительскихъ дѣтей россійской грамотѣ, освидѣтельствовали бы, исправно ли они выговариваютъ сами, и неисправныхъ обучать пастырски притверждаю“.

Подобнымъ же образомъ въ „Пастырскомъ увѣщаніи присутствующимъ въ Харьковскомъ Духовномъ Правленіи и въ вѣдомствѣ его состоящимъ благочиннымъ и священно-церковно-служителямъ“ внушалось: „Являются ко мнѣ ставленники во священно-церковно-служительство въ церковномъ чтеніи и пѣніи неискусны: иной дрободитъ, иной заикиваетъ, иной гугнивитъ, иной не выговариваетъ *ж*, *р*, *ч*, *ш* и пр. не по надлежащему, иной читаетъ не по оксіямъ и не по точкамъ; поютъ же почти всѣ неискусно по одной только наслышкѣ, и то розначо, и въ тонъ голосомъ не берутъ; а все сіе происходитъ отъ

того, что священно-служители за чтеніемъ и пѣніемъ не смотрятъ и церковнаго причта дѣтей отъ младыхъ лѣтъ къ тому не пріучаютъ. Того ради чрезъ благочинныхъ притвердить въ каждомъ приходѣ священникамъ, чтобы они какъ сами старались искусно читать и пѣть, такъ и за діаконами, гдѣ есть, а паче за дьячками и пономарями любопытательное смотрѣніе имѣли въ искусномъ чтеніи и пѣніи церковномъ; ихъ же долгъ стараться, чтобы малолѣтныя церковнаго причта дѣти не были праздны, но благовременно пріучали бы ихъ къ искусному чтенію и пѣнію церковному. Касательно нотнаго пѣнія, то посылаю при семъ тринадцать экземпляровъ напечатанныхъ ирмолойнаго пѣнія правилъ для раздачи благочиннымъ, чтобы всякъ изъ нихъ въ своемъ благочиніи, избравъ діакона или дьячка къ нотному пѣнію способнаго, освидѣтельствовалъ его способность къ обученію нотному пѣнію по правиламъ.... Я чаю, что не только священники, но и благочинные, даже и присутствующіе въ духовныхъ правленіяхъ не почтутъ себѣ за безчестіе имѣть понятіе о нотномъ ирмолойномъ пѣніи, сказывая всякъ съ Давидомъ святымъ: „*пою Богу моему дондеже есмь*", а болѣе всего—что священники, имѣя охоту къ церковному пѣнію, заохотятъ къ тому и малолѣтныхъ церковнаго причта дѣтей, а паче сиротъ, въ праздности живущихъ. Достохвально священникамъ въ праздные дни и часы упражняться во обученіи искусному чтенію и пѣнію малолѣтныхъ дѣтей, да и самихъ церковно-служителей, для славы церкви святой и пользы прихожанъ. Въ праздные-жъ дни и часы священникамъ быть въ праздности, а паче упражняться въ чемъ либо недостохвальномъ, стыдно и грѣшно, о чемъ благочинные священникамъ доказательно внушить имѣютъ, о чемъ и съ моей стороны пастырски всѣмъ совѣтую и притверждаю. Іюля 23 дня 1799 г."

Относительно „ученыхъ" (то есть учившихся въ духовныхъ школахъ) священниковъ Преосв. Θеоктистъ настоятельно требовалъ, чтобы они говорили проповѣди. И требованіе это, какъ видно, не оставалось безъ исполненія. Замѣчательно только, что Харьковъ въ этомъ отношеніи оказался далеко не передовымъ городомъ. Такъ, въ ордерѣ Преосвящ. Θеоктиста, данномъ консисторіи отъ 17 апрѣля, 1790 года значится: „Четвертый уже годъ, какъ Его Преосвященство прибылъ въ Бѣлградскую епархію, но чрезъ все сіе время ни изъ репортовъ духовнаго Харьковскаго Правленія, ни изъ получаемыхъ отъ онаго копій съ сказываемыхъ проповѣдей, ниже во многократную бытность Его Преосвященства въ Харьковѣ не примѣчено Его Преосвященствомъ, чтобы когда либо первоначальнѣйшіе священнослужители Харьковскіе говорили проповѣди, въ чемъ прочіе здѣшней епархіи учительные священнослужители упражняются достохвально; того ради послать указъ въ Харьковское духовное

Правленіе и велѣть учинить росписаніе о сказываніи проповѣдей всѣмъ учительнымъ священно-служителямъ, не исключая и перво-начальнѣйшихъ"... Но потомъ однако же и Харьковскіе проповѣдники удостоились, вмѣстѣ съ другими, получить отъ Его Преосвященства одобреніе и похвалу. На репортѣ изъ Харьковскаго Духовнаго Правленія съ приложеніемъ 22 проповѣдей, сказанныхъ въ городахъ: Харьковѣ, Валкахъ и Золочевѣ за мѣсяцъ Сентябрь 1793 года, Преосв. Ѳеоктистъ сдѣлалъ такую помѣтку: „1793 года Октября 9 дня. Присланныя при семъ проповѣди читалъ я съ особливымъ люботщаніемъ; всѣмъ протоіереямъ и священникамъ засвидѣтельствовать отъ Духовнаго Правленія именемъ моимъ пастырскую признательность, отличную же — отлично потрудившемуся отцу протоіерею Андрею Прокоповичу; сообщить о семъ въ Семинарское Правленіе, чтобы и прочіе учители и въ высшихъ классахъ ученики подражали ему".

Февраля 20 1794 года Синодальный Оберъ-Прокуроръ Мусинъ-Пушкинъ циркулярнымъ сообщеніемъ къ преосвященнымъ архіереямъ прописывалъ:

„Какъ преосвященнымъ архіереямъ совершенно извѣстно изъ духовнаго регламента, что каждый проповѣдывающій *слово Божіе своего сочиненія* (sic!) долженъ быть изъ ученыхъ и свѣдѣтельствованныхъ къ сему, и о томъ сдѣлано довольное наставленіе, изъ чего должна быть заимствована проповѣдь, о чемъ и какое заключать въ себѣ нравоученіе, отъ какихъ выраженій проповѣднику удаляться и даже какія употреблять тѣлодвиженія, нынѣ же примѣчено, что въ нѣкоторыхъ городахъ сказывающіе сочиненія своего проповѣди въ высокоторжественные и другіе праздничные дни, отступя отъ оныхъ предписанныхъ правилъ, вмѣсто полезнаго нравоученія входятъ разсужденіемъ своимъ о другихъ стороннихъ матеріяхъ, упоминая даже о политическихъ, совсѣмъ къ проповѣди слова Божія не относящихся дѣлахъ, приводя къ тому изъ исторіи неприличные примѣры въ выраженіяхъ нелѣпыхъ, соблазнительныхъ и нетерпимыхъ въ обществѣ: то онъ, Оберъ-Прокуроръ, за долгъ себѣ поставляетъ увѣдомить о семъ преосвященныхъ архіереевъ, что настоитъ нужда взять должную предосторожность и изыскать всѣ возможныя средства къ отвращенію таковаго заблужденія; все сіе относится однако къ пастырскому преосвященныхъ попеченію и прозорливости, а онъ съ своей стороны нужнымъ находитъ, согласно духовному регламенту, сдѣлать безъ замедленія такое распоряженіе, чтобы сочиняемыя учеными людьми проповѣди вездѣ сказываемы были народу не инако, какъ по предварительномъ ихъ въ епаршескихъ и ближайшимъ къ нимъ городахъ самими преосвященными разсмотрѣніи и аппробаціи, въ отдаленныхъ же городахъ цензуру

сію поручить, по разсмотрѣнію архіерейскому, другимъ изъ тамошнихъ ученыхъ духовныхъ особъ, имѣющихъ къ сему довольное просвѣщеніе и способность, снабдя ихъ потребными на то наставленіями".

Согласно этому сообщенію, Преосвященнымъ Θеоктистомъ предписано подтвердить всѣмъ ученымъ священно-служителямъ, дабы они, при сочиненіи проповѣдей, наблюдали предписанныя въ духовномъ регламентѣ правила во всей ихъ точности, не касаясь ни мало до другихъ постороннихъ и къ проповѣди слова Божія не относящихся матерій, и тѣ сочиняемыя проповѣди представляли бы предварительно — въ Бѣлгородѣ, Корочѣ и Богатомъ на разсмотрѣніе и аппробацію къ Его Преосвященству, а въ прочихъ городахъ къ нарочнымъ цензорамъ, коихъ, по обширности Бѣлоградской епархіи и по довольному количеству въ ней ученыхъ и въ сочиненіи и сказываніи проповѣдей трудящихся священно-служителей, учредить 20 человѣкъ — въ довольномъ просвѣщеніи и способности испытанныхъ; затѣмъ, по произнесеніи проповѣдей, присылали бы ихъ къ Его Преосвященству прямо, а изъ отдаленныхъ городовъ чрезъ цензоровъ съ ихъ свидѣтельствомъ, и во всемъ томъ какъ сочинителей, такъ и цензоровъ снабдить подлежащими инструкціями, о цензорахъ же сочинить вѣдомость.

По этой вѣдомости, сочиненной Консисторіею и утвержденной Его Преосвященствомъ, цензура проповѣдей поручалась:

Въ Бѣлгородѣ, Корочѣ и Богатомъ—Преосвященному Θеоктисту.

Въ Курскѣ и Льговѣ—Курскаго Знаменскаго монастыря архимандриту Амвросію.

Въ Фатежѣ и Дмитріевѣ—Протоіерею Іоанну Золотницкому.

Въ Суджѣ и Обояни—Обоянскаго Знаменскаго монастыря Строителю іеромонаху Авдію.

Въ Рыльскѣ—благочинному и присутствующему въ Духовномъ Правленіи Іоанну Грунскому.

Въ Путивлѣ—протоіерею Матвѣю Глѣбову.

Въ Тимѣ и Щиграхъ—протоіерею Іоанну Уманову.

Въ Старомъ Осколѣ и Новомъ Осколѣ—протоіерею Козьмѣ Хмызникову.

Въ Харьковѣ и Золочевѣ—Харьковской семинаріи ректору архимандриту Василію.

Въ Волчанскѣ и Чугуевѣ—той же семинаріи префекту іеромонаху Іераксу.

Въ Богодуховѣ и Красномъ Кутѣ—протоіерею Іоанну Линицкому.

Въ Ахтыркѣ и Лебединѣ—присутствующему въ духовномъ правленіи священнику Іоанну Назоревскому.

Въ Валкахъ—протоіерею Василію Снѣсареву.

Въ Сумахъ и Бѣлопольѣ—присутствующему въ духовномъ правленіи священнику Іоанну Крышинскому.

Въ Недригайловѣ—протоіерею Василію Залѣсскому.

Въ Миропольѣ—протоіерею Гавріилу Якубинскому.

Въ Хотмыжскѣ—протоіерею Стефану Ковальскому.

Въ Изюмѣ—протоіерею Іосифу Погорѣловскому.

Въ Купянскѣ—протоіерею Василію Попову.

Въ Ливенскѣ и Валуйкахъ—протоіерею Петру Бѣлозорову.

Что касается примѣси къ проповѣди Слова Божія „постороннихъ матерій", о которой Оберъ-Прокуроръ Св. Синода циркулярно давалъ знать преосвященнымъ архіереямъ,—то она, какъ видно, дѣйствительно была въ обычаѣ у нѣкоторыхъ проповѣдниковъ и въ Бѣлгородской епархіи; но, согласно предписанію преосвященнаго Ѳеоктиста, за этою вольностію проповѣдниковъ слѣдили и брали противъ нея мѣры. Такъ, указомъ изъ консисторіи отъ 23 апр. 1802 г. предписано было архимандриту Курскаго Знаменскаго монастыря Лаврентію сдѣлать священнику Курскаго дѣвичьяго монастыря Василію Щелкунову, производившему между монахинями соблазнъ какими-то шутливыми проповѣдями, „чтобы онъ при чтеніи поученій не дѣлалъ никакихъ смѣхотворныхъ выраженій и жестовъ, подъ опасеніемъ запрещенія въ священно-дѣйствіи".

Поучая священно-церковнослужителей относительно исполненія прямыхъ обязанностей ихъ служенія, Преосв. Ѳеоктистъ вмѣстѣ съ тѣмъ указывалъ имъ и домашнія, приличныя ихъ званію занятія, которымъ они въ свободное отъ служебныхъ обязанностей время должны отдаваться, во избѣжаніе праздности. Такъ, въ указѣ отъ 26 апр. 1793 г. предписывалось: „Какъ по слѣдствіямъ оказывается, что причиною вѣнчанія священно-церковнослужителями беззаконныхъ браковъ бываетъ помраченіе ихъ ума отъ винопитія, или отъ не—упражненія въ книгочтеніи, то благочиннымъ о пристрастныхъ къ винопитію священно-церковнослужителяхъ репортовать нынѣ Его Преосвященству немедленно, а впредь—ежемѣсячно; неупражняющихся въ книгочтеніи заохочивать къ сему благопристойному и спасительному предмету, при книгочтеніи благопотребно и какое либо художество и рукодѣліе, священно-церковнослужителямъ приличное, а особливо нынѣ, когда обработывать землю имъ запрещено, [1]) чтобы не быть въ праздности, многимъ порокамъ, болѣзнямъ и бѣдствіямъ поводъ подающей".

---

[1]) Запрещеніе священно-церковнослужителямъ обработывать землю заключается въ указѣ Имп. Павла I (отъ 18 дек. 1797 г.) объ обработкѣ церковной земли прихожанами и въ послѣдовавшемъ за тѣмъ высочайше утвержденномъ (въ янв. 1798 г.) опредѣленіи Св.

„Винопитіе“, упоминаемое въ приведенномъ указѣ, дѣйствительно было выдающимся порокомъ въ духовенствѣ. И Преосвящ. Θеоктистъ энергично, хотя и безъ замѣтнаго успѣха, боролся противъ этой язвы, многихъ губившей въ духовенствѣ. Въ предписаніи, данномъ Консисторіи отъ 26 Февраля 1812 г., напомнивъ указъ Св. Сѵнода отъ 22-го Марта 1800 г. объ исправнѣйшемъ прохожденіи благочинными ихъ должности и, между прочимъ, объ отобраніи отъ нихъ, равно какъ и отъ всѣхъ довѣренныхъ изъ бѣлаго духовенства особъ, мнѣній о ближайшихъ средствахъ къ отвращенію священно-церковнослужителей отъ противныхъ званію ихъ дѣяній, паче же къ удержанію отъ гнуснаго пьянства, Преосвящ. Θеоктистъ ставилъ на видъ, что „хотя напечатанные церковными литтерами экземпляры означеннаго синодскаго указа и разосланы, при указѣ изъ Консисторіи, по всѣмъ Курской епархіи соборнымъ и приходскимъ церквамъ, монастырямъ и пустынямъ для частаго прочтенія и точнаго исполненія, но къ сожалѣнію, совсѣмъ не видно достодолжнаго ихъ исполненія, такъ какъ по вѣдомостямъ о качествахъ священно-церковнослужителей и по дѣламъ, въ Консисторіи и духовныхъ Правленіяхъ производящимся, видно, что многіе изъ священно-церковнослужителей и монашествующихъ оказываются въ должностяхъ неисправными и обращающимися въ дѣяніяхъ, званію ихъ не приличныхъ, и наипаче въ пьянствѣ [1]), въ семъ гнусномъ и всякаго честнаго и благомыслящаго человѣка недостойномъ порокѣ, влекущемъ за собою всякія неистовства и разслабляющемъ какъ душевныя, такъ и тѣлесныя силы“. Въ силу этого, всѣмъ духовнымъ правленіямъ, монастырямъ, пустынямъ и благочиніямъ повелѣвалось „учинить точнѣйшія справки, имѣются ли въ церквахъ и монастыряхъ означеннаго синодскаго указа печатные экземпляры, прочитываются ли оные, равно какъ и прочія Св. Сѵнода предписанія, священно-церковно-служителями и монастырскими настоятелями съ братіею, и часто ли прочитываются, и чинится ли по онымъ исполненіе, а также

Сѵнода, вмѣстѣ съ Сенатомъ, о томъ, чтобы, присоединивъ церковную землю къ общему количеству земли, прихожанамъ принадлежащей, предоставить послѣднимъ пользоваться ею подъ условіемъ доставлять священно-церковнослужителямъ натурою такое количество хлѣба, также сѣна, соломы и гуменнаго корму, какое можно собрать по средней пропорціи урожая, или же, по взаимному соглашенію, замѣнять натуральныя даянія денежными, по справочнымъ цѣнамъ. Это положеніе дѣйствовало недолго—оно было отмѣнено указомъ Имп. Александра I отъ 3 апр. 1801 г.

[1]) Изъ множества совершавшихся священно-церковнослужителями въ пьяномъ видѣ некрасивыхъ дѣяній, восходившихъ на святительскій судъ Преосв. Θеоктиста, останавливаетъ на себѣ вниманіе въ особенности одно—по его необычайности, именно—„дѣло о закладѣ Судженской Округи, села Нѣмчи, пятницкой церкви священникомъ Іоанномъ Плетневымъ въ питейномъ дому дароносицы съ святыми тайнами“. (Прот. Курск. Дух. Конс. 1792 г. Ноября 16. № 157).

часто ли священно-церковно-служители отправляютъ, по силѣ онаго же сvнодскаго указа, свою церковную службу, ходятъ-ли въ двухъ и болѣе комплектныхъ приходахъ неочередные священно-церковно-служители къ богослуженію и упражняются ли въ домахъ своихъ въ чтеніи нужныхъ и полезныхъ церковныхъ книгъ". Изъ отзывовъ на это требованіе, какіе должны были быть и, нужно думать, дѣйствительно были доставлены ото всѣхъ правленій, благочиній и монастырей, мы, къ сожалѣнію, знаемъ только одинъ, по которому, впрочемъ, можно, кажется, предполагать и объ остальныхъ. Это—отзывъ архимандрита Курскаго Знаменскаго монастыря Аполлоса. Онъ отвѣчалъ, „что печатный церковными литерами экземпляръ указа Св. Сvнода отъ 22 марта 1800 г. находится въ трапезѣ, въ коей онъ и прочитывается по два раза въ мѣсяцъ, а прочія Св. Сvнода указныя повелѣнія чрезъ мѣсяцъ и болѣе; чинится по нимъ и надлежащее выполненіе относительно до отправленія служенія. Если же кто-либо изъ братіи когда либо сдѣлается хмѣленъ, то отъ начальника таковому сила онаго указа внушается при братіи съ увѣщаніемъ и приведеніемъ Свящ. Писанія, напоминающаго, что пьяница не наслѣдуетъ царства небеснаго".

IV.

Не менѣе, чѣмъ приходское духовенство, доставляли Преосвященному Ѳеоктисту заботъ и монашествующіе—съ ихъ неустроеннымъ житіемъ и распущенными нравами.

Приведу нѣсколько относящихся сюда данныхъ, заимствованныхъ изъ архива Курскаго Знаменскаго монастыря.

Іеромонахъ названнаго монастыря Досиѳей чрезъ ученика Курскаго духовнаго училища Булгакова передалъ (дѣло было въ 1805 году) іеромонаху Симону подписанный на имя сего послѣдняго билетъ, коимъ сей Симонъ якобы приглашается на ужинъ и маскарадъ въ домъ гражданскаго губернатора Протасова. Дѣло разбиралось въ Курскомъ Духовномъ Правленіи. Ученикъ Булгаковъ прямо показалъ, что билетъ тотъ данъ былъ ему Досиѳеемъ для передачи Симону; а Досиѳей хотя и запирался, но такъ какъ, кромѣ показанія ученика, онъ обличался еще и тѣмъ, что при сличеніи въ ономъ Правленіи, по приказанію губернатора, частнымъ приставомъ подписи, сдѣланной на билетѣ, съ письмомъ Досиѳея,—подпись оказалась руки Досиѳеевой,—то былъ признанъ виновнымъ, и Правленіе полагало мнѣніемъ перевести его въ Глинскую пустынь, „яко состоящую въ отдаленности отъ жилищъ". Консисторіею же положено и

Его Преосвященствомъ утверждено: „поелику означенный іеромонахъ Досиѳей не раздѣлался еще съ іеромонахомъ Самуиломъ по дѣлу о шести стахъ рубляхъ, то, не выводя его изъ Курскаго монастыря, оштрафовать за прописанный проступокъ вамъ, архимандриту, по своему усмотрѣнію". По полученіи сего указа и объявленіи его Досиѳею при братіи, ему Досиѳею велѣно было положить за учиненный имъ проступокъ, въ примѣръ прочимъ, 50 поклоновъ; но онъ при той братіи объявилъ: „я класть поклоны не буду, а пусть положитъ ихъ архимандритъ Аполлосъ". А потому оштрафованъ былъ вычетомъ 5 рублей изъ принадлежащихъ на его часть кружечныхъ денегъ, кои отосланы были архимандритомъ Аполлосомъ при репортѣ въ консисторію къ отдачѣ въ Семинарское Правленіе для употребленія на сиротъ, обучающихся въ мѣстной семинаріи.

Того же монастыря монахъ Филоѳей подалъ Преосвященному Ѳеоктисту 11 марта 1812 г. доношеніе слѣдующаго содержанія:

1. Прошлаго 1811 г. генваря 14 дня іеромонахъ Антоній въ Богоявленской церкви въ алтарѣ Николая Чудотворца, вшедши въ ризахъ, стоявшаго діакона Арсенія въ стихарѣ, между церковными вратами и престоломъ, ударилъ въ ухо такъ, что тотъ упалъ подъ престолъ, а Антоній началъ бить его ногами, на что смотрѣло множество народа, которые пришли брать икону въ дома.

2. Того же года февраля 9 дня тотъ же іеромонахъ Антоній съ іеромонахомъ Іероѳеемъ въ томъ же Николаевскомъ алтарѣ во время вечерни дрались за престоломъ, и когда ихъ розняли, то іеромонахъ Антоній бѣгалъ по церкви въ одномъ подрясникѣ, безъ камилавки, между народомъ и искалъ дравшагося съ нимъ іеромонаха Іероѳея, произнося въ слухъ всѣхъ непристойныя слова.

3. Прошлаго же 1811 г. мая 13 дня тотъ же іеромонахъ Антоній, во время многочисленнаго собранія народа для провожденія иконы въ Коренную пустынь, напившись пьянъ, въ Богоявленской церкви въ алтарѣ между царскими вратами и престоломъ, положа подъ голову куль свѣчныхъ огарковъ, спалъ и храпѣлъ весьма громко.

4. 1812 года 18 февраля, въ бытность архимандрита Аполлоса въ Бѣлгородѣ, іеромонахъ Антоній, бывши въ гостяхъ съ писаремъ Городненскимъ и упившись до безпамятства и не могши стоять въ церкви прямо, повалился въ вышеписанномъ Николаевскомъ алтарѣ на жертвенникъ, и когда вошелъ туда іеромонахъ Іероѳей, также пьяный, тогда сдѣлался шумъ и схватившись за волосы побились до крови такъ, что богомольцы, которыхъ была полна церковь, иные съ презорствомъ смотрѣли, другіе не могли больше смотрѣть на сіе позорище и, не достоявъ вечерни, выходили изъ церкви.

По этому доносу Преосвященный сдѣлалъ архимандриту Аполлосу запросъ: справедливо ли то, что доноситъ монахъ Филоѳей, съ вѣдома ли его, архимандрита, сдѣлано доношеніе, а также—съ вѣдома ли его іеромонахъ Паисій подписалъ это доношеніе вмѣсто неграмотнаго Филоѳея,—и требовалъ по этому дѣлу, вмѣстѣ съ означеніемъ нравственныхъ качествъ Антонія, Іероѳея, Паисія и Филоѳея, дать свое сужденіе.

Во исполненіе этого предписанія, архимандритъ Аполлосъ донесъ Преосвященному:

1. Іеромонахъ Антоній при допросѣ показалъ, что іеродіакона Арсенія никогда и нигдѣ не билъ, въ алтарѣ пьяный не спалъ и на жертвенникъ не сваливался, съ іеромонахомъ Іерофеемъ въ алтарѣ также не дрался, а дралъ его монахъ Филоѳей за бороду и кулакомъ билъ, а дабы никто того не видалъ, притворилъ двери совнутри—онъ же Филоѳей.

2. Іеродіаковъ Арсеній также показалъ, что Антоній никогда его не билъ и онъ подъ престолъ не упадалъ.

3. Іеромонахъ Іероѳей показалъ, что 18 Февраля сего года, по приходѣ въ церковь къ вечернѣ, зашолъ онъ въ придѣлъ Николаевской церкви по зову монаха Филоѳея и въ ономъ придѣлѣ съ Антоніемъ шума и драки не заводилъ, а билъ его монахъ Филоѳей и дабы никто того не видалъ, притворилъ двери сѣверныя и южныя на крючки совнутри.

4. Ризничій іеромонахъ Никонъ показалъ, что, стоявши на правомъ клиросѣ (того же 18 Февраля) съ послушниками и прочими людьми, услышалъ онъ, по окончаніи вечерни, шумъ въ Николаевскомъ придѣлѣ и, для узнанія причины, побѣжалъ къ дверямъ того придѣла, а какъ двери были заперты, неоднократно стучалъ; по открытіи дверей, вошелъ онъ въ алтарь и тутъ Филоѳей объявилъ, что Антоній билъ Іероѳея, а Антоній представлялъ, что били его Филоѳей и Іероѳей, Іероѳей же сказалъ, что билъ его Антоній, и по усмотрѣнію его, ризничаго, Антоній и Іероѳей не были пьяны такъ, какъ Филоѳей описываетъ, а были лишь навеселѣ, и крови онъ на нихъ не видалъ и чтобы кровь была въ алтарѣ, о томъ ему Филоѳей не объявлялъ.

5. Находящійся въ надеждѣ полученія монашества священникъ Іоаннъ показалъ, что во время вечерни 18 Февраля іеромонахъ Антоній, стоя въ алтарѣ Николаевскомъ предъ жертвенникомъ, молился Богу и онъ пьянымъ его не замѣтилъ, а монахъ Филоѳей входившаго позднѣе въ церковь іеромонаха Іероѳея кликнулъ къ себѣ и оба пошли въ алтарь, гдѣ въ скорости сдѣлался разговоръ и послѣ того чрезъ нѣсколько времени шумъ, но какъ и съ кѣмъ кто шумѣлъ, и бился ли кто изъ нихъ троихъ, того ему видѣть было не можно, поелику двери сѣверныя и южныя были заперты, но кѣмъ — также не знаетъ. Когда іеромонахъ Іероѳей

пришелъ въ церковь и пошелъ въ алтарь, то онъ, смотря на него, не примѣтилъ, чтобы онъ былъ пьянъ, а навеселѣ былъ.

6. По справкѣ же оказалось: іеромонахъ Антоній исправляетъ должность казначейскую и ведетъ себя добропорядочно и ни въ какихъ худыхъ поступкахъ мною (архимандритомъ) не усмотрѣнъ. Іеромонахъ Іероѳей ведетъ себя просто и, обращаясь съ свѣтскими мужскаго пола людьми, бываетъ часто хмѣленъ, но по способности къ пѣнію, въ коемъ онъ упражняется нелѣностно, для монастыря нуженъ. Іеродіаконъ Паисій нравовъ кроткихъ и поведенія хорошаго. Монахъ Филоѳей грубъ, начальству непокорливъ, доношеніе подалъ безъ моего вѣдома, къ подписи Паисія прибѣгъ безъ нужды, такъ какъ самъ умѣетъ свое имя подписать. Паисій писалъ отъ имени Филоѳея доношеніе и къ оному подписался также безъ моего вѣдома.

Въ виду таковыхъ обстоятельствъ, архимандритъ Аполлосъ мнѣніемъ полагалъ: „... За учиненный шумъ, какъ іеромонаховъ Антонія и Іероѳея, бывшихъ навеселѣ и собравшихся въ алтарь, а не на клиросъ стоять, такъ и монаха Филоѳея, зазвавшаго въ алтарь Іероѳея и съ ними въ ономъ бывшаго, оштрафовать положеніемъ земныхъ поклоновъ въ Николаевскомъ монастырѣ предъ мѣстными иконами, Антонія—двумя стами, Іероѳея—тремя стами, Филоѳея—двумя стами; а сверхъ того взыскать съ 1-го—10 руб., съ 2-го—15 руб., съ 3-го—5 руб., а всего 30 руб., на сиротъ, обучающихся въ Курскомъ духовномъ училищѣ. А какъ іеродіаконъ Паисій переписывалъ отъ имени монаха Филоѳея прошеніе, въ противность Духовнаго Регламента, безъ вѣдома настоятеля и подписалъ оное вмѣсто Филоѳея, яко не умѣющаго подписать свое имя нерезонно, то и его оштрафовать 50-ю поклонами, и потомъ всѣхъ ихъ обязать подписками, чтобы впредь поступали во всемъ по силѣ Духовнаго Регламента и правилъ монашескихъ“. А Преосвященный положилъ такую резолюцію: „Учинить по мнѣнію сему, съ уменьшеніемъ только штрафовъ всѣмъ въ половину противъ прописанныхъ штрафовъ въ семъ доношеніи, въ надеждѣ, что они впредь во всемъ будутъ соотвѣтствовать правиламъ монашеской жизни, въ чемъ ихъ въ трапезѣ монастырской и подписками обязать въ присутствіи настоятеля съ братіею. Іеродіакона Паисія, писавшаго монаху Филоѳею прошеніе и вмѣсто него руку приложившаго, оштрафовать втрое противъ положеннаго ему штрафа“.

Въ 1814 г., діаконы Курскаго Знаменскаго монастыря Василій Поповъ и Евѳимій Долгополовъ и іеродіаконы Арсеній и Мамонтъ вошли въ Консисторію прошеніемъ, къ коемъ прописывали, что указомъ Консисторіи отъ 18 Мая сего 1814 г. предписано, чтобы іеромонахъ седмичный ходилъ съ иконою въ домы для служенія съ двумя только пѣвцами.

безъ іеродіакона или діакона седьмичнаго; но какъ монашествующимъ жалованье не очень достаточное, а дороговизна на все въ Курскѣ въ высшей степени, то просятъ они, чтобы имъ дозволено было ходить поседьмично съ иконою въ домы по прежнему.—На этомъ прошеніи резолюція Его Преосвященства послѣдовала такая: „Діаконовъ Попова и Долгополова и іеродіаконовъ Мамонта и Арсенія оштрафовать каждаго въ трапезѣ по сту поклоновъ—за то, что они пишутъ не по командѣ, и каковыхъ качествъ каждый изъ нихъ, прислать мнѣ объ нихъ вѣдомость. И въ чемъ для нихъ дороговизна? Безъ сомнѣнія, они получаютъ отъ монастыря пищу и питіе, а на одѣяніе и обувь получаютъ жалованье и кружку; ежели не будутъ по городу бродить, то и на обувь меньше надобно будетъ денегъ".

На прошеніи іеродіакона Паисія объ увольненіи его для свиданія съ родными, срокомъ на мѣсяцъ, съ засвидѣтельствованіемъ отъ архимандрита, что препятствій со стороны монастыря къ его увольненію не имѣется, Преосвященный Θеоктистъ далъ такую резолюцію (19-го іюля 1812 г.): „Монашествующимъ бродить по разнымъ мѣстамъ не должно; а должны, живя въ монастырѣ, все—усердно молиться Богу о побѣдѣ на супостаты".

Въ письмѣ отъ 7 апр. 1814 г. къ правившему въ Курскомъ монастырѣ начальническую должность іеромонаху Палладію, Преосвященный Θеоктистъ, между прочимъ, внушалъ, чтобы сей Палладій, не превозносясь первенствомъ въ церковныхъ церемоніяхъ, уважалъ судей духовнаго Правленія (изъ бѣлаго духовенства), а особливо отца протоіерея Михаила Танкова, ко всему способнаго и достойнаго, и къ этому добавлялъ: „попросите и князя Прокофія Васильевича (Мещерскаго, жившаго въ то время въ Курскомъ Знаменскомъ монастырѣ съ намѣреніемъ постричься здѣсь въ монахи) моимъ именемъ, чтобы и онъ уважалъ онаго протоіерея даровитаго и дѣятельнаго; *достохвальнѣе и полезнѣе имѣть пріятельскую бесѣду съ симъ должностнымъ, даровитымъ и прилежнымъ лицомъ, нежели принимать монаховъ*". Взглядъ Преосв. Θеоктиста на монаховъ, выраженный въ этомъ совѣтѣ князю, жившему въ монастырѣ и готовившему себя къ монашеству, не принимать монаховъ,—не требуетъ комментарія.

Но чѣмъ неудовлетворительнѣе былъ наличный составъ монашества, тѣмъ усерднѣе старался Преосвященный Θеоктистъ привлекать въ монашество достойныхъ, не подвергая однако же опалѣ,—къ чести его нужно сказать—несговорчивыхъ. Таковы, напримѣръ, были продолжительныя, но безуспѣшныя старанія его сдѣлать монахомъ священника Татарскаго.

Въ ордерѣ архимандриту Покровскаго училищнаго монастыря и ректору

Коллегіума Василію Преосв. Θеоктистъ предписывалъ (отъ 28 февр. 1792 г.): „Валковской округи села Люботина вдоваго и бездѣтнаго священника Θеодора Татарскаго въ монастырь вашъ примите на іеромонашескую порцію и опредѣлите его въ проповѣдническую должность до будущей учительской вакансіи въ вашей или здѣшней (то есть Бѣлгородской) семинаріи, гдѣ пожелаетъ; буде же нѣтъ іеромонашескаго штатнаго мѣста, то единаго изъ іеромонаховъ опредѣлите на монашескую порцію; а буде нѣтъ и монашескаго штатнаго празднаго мѣста, то единаго іеромонаха или монаха пришлите въ здѣшній Николаевскій монастырь, и что по сему учинено будетъ, рапортуйте“. Къ ордеру собственноручная приписка: „Увѣрьте священника Татарскаго, что ему опредѣленъ будетъ классъ, какой пожелаетъ“.

По поводу этого ордера, предназначавшаго священника Татарскаго къ монашеству—безъ его предварительнаго на то согласія и даже (какъ сейчасъ будетъ видно)—вѣдома, Татарскій письменно далъ архимандриту Василію такое заявленіе (отъ 12 марта того же года): „Что дивныя судьбы Божіи предопредѣляютъ мнѣ другой нѣкоторый образъ жизни, то я уже нѣсколько въ себѣ примѣчаю, а наипаче, когда вижу архипастырское Его Преосвященства благоволеніе принять меня въ монастырь на іеромонашескую порцію и опредѣлить въ проповѣдническую должность до будущей учительской вакансіи; но то склонность (къ монашеству) во мнѣ удерживаетъ, что я, сверхъ чаянія моего, увидѣвъ Его Преосвященства ордеръ обо мнѣ, не успѣлъ подробно разсудить обстоятельства предлагаемаго мнѣ образа жизни, и притомъ не имѣлъ еще свиданія съ моимъ отцемъ, которому, по его возрасту и состоянію, расположенъ вспомоществовать въ воспитаніи малолѣтнихъ моихъ сестеръ и брата; почему покорнѣйше прошу Ваше высокопреподобіе исходатайствовать мнѣ у Его Преосвященства сроку до времени вакацій, для производства въ дѣйствіе моего расположенія побывать въ дому отца моего“. На представленіи о семъ архимандрита, съ приложеніемъ самаго заявленія Татарскаго, Преосвященный далъ резолюцію: „Дозволяется означенному священнику побывать у отца своего, по его желанію“. Отецъ Татарскаго, священникъ Купянскаго уѣзда, въ слободѣ Двурѣчной, между тѣмъ, вскорѣ же умеръ, и Татарскій просилъ Преосвященнаго перевести его на отцовское мѣсто для и до устроенія сиротъ.—Преосвященный перевелъ, надѣясь, что со временемъ Татарскій все-таки не уйдетъ отъ монашества, и на этотъ счетъ писалъ архимандриту Василію, тоже не спускавшему глазъ съ Татарскаго: „Вы священника Татарскаго не принуждайте, но заохочивайте; можетъ быть, я понужденіе ему учиню, когда другаго на его мѣсто опредѣлю; напрасно онъ желаетъ въ армію или флотъ; когда здѣсь голова его болитъ, то тамъ

и весь составъ его болѣть будетъ—не всѣ такъ крѣпки, какъ Исидоръ Соколовскій; а въ монастырѣ ежели будетъ жить умѣренно, то и здоровье, и честь, и все будетъ; чѣмъ въ армію, или флотъ—лучше іеромонахомъ: двойное жалованье и архіереемъ будетъ".

Но заохочиванія, какъ видно, плохо дѣйствовали—не соблазняло Татарскаго даже архіерейство, которое нужно было купить цѣною монашества,—и Преосв. Өеоктистъ, пользуясь случаемъ, попытался сдѣлать Татарскому „понужденіе". А случаемъ къ тому послужило жалобное прошеніе Татарскаго—такого содержанія: „Сего 1794 года генваря 4 дня слободы Двурѣчной Успенской церкви священникъ, Купянскаго Духовнаго Правленія присутствующій и благочинный Василій Котляревскій, убѣдивъ просьбою меня съ зятемъ моимъ, тояжь слободы священникомъ Діонисіемъ Каневскимъ, придти къ нему въ домъ, между обыкновеннымъ приличнымъ званію священническому нашимъ обращеніемъ, безъ всякой противной предъ нимъ причины означеннаго зятя моего, священника Діонисія Каневскаго, зачалъ рвать за волосы, и какъ я, будучи посредникъ въ открывшемся случаѣ, началъ уговаривать объ оставленіи съ званными въ свой домъ гостьми такого поступленія, то онъ, оставивъ моего зятя, согласно съ женою своею, хватя меня за волосы и сваливши на лавку, безъ послабленія рвалъ за волосы, доставляя притомъ меня въ вящшее мнѣ поруганье и дѣтямъ своимъ, которые хотя и не столько, какъ они, причиняли вреда, но нелѣпо, по наущенію его, ругались, чѣмъ причинили мнѣ чрезвычайную обиду. Того ради покорнѣйше прошу въ причиненной мнѣ отъ показаннаго священника Василія Котляревскаго обидѣ архипастырски меня защитить и о семъ учинить милостивѣйшее архипастырское разсмотрѣніе". На этомъ прошеніи Преосвященный положилъ двѣ резолюціи. Первая—отъ 9 февраля того же 1794 г. гласила: „Прошеніе сіе, аки вода во облацѣхъ воздушныхъ! Вдовому, бездѣтному и бездомовному сему іерею приличнѣе быть въ семинаріи учителемъ по его къ тому способности, нежели жить въ приходѣ. Назначить его на проповѣдь о должностяхъ священническихъ". Вторая—отъ 11 февраля: „Нынѣ открылась винность всѣхъ сихъ троихъ іереевъ; того ради просителя сего, по его вдовству, бездѣтству и бездомовству, опредѣлить въ Харьковскій училищный монастырь съ священно-служеніемъ въ должность проповѣдническую по отличной его къ тому способности..."

На такое опредѣленіе Татарскій отозвался прошеніемъ: „Сего 1794 года февраля 11 дня резолюція Вашего Преосвященства послѣдовала объ опредѣленіи меня по вдовству, бездѣтству и бездомству въ Харьковскій училищный монастырь на іеромонашескую порцію съ священнослуженіемъ въ должность проповѣдническую; но какъ сего же года февраля

15 преставилась мать моя, оставивъ по себѣ трехъ малолѣтнихъ сиротъ, въ разсужденіи малолѣтства и одиночества коихъ убогій домъ отца моего долженъ придти въ послѣднее разореніе, и безпомощные сироты, лишенныя нужнаго себѣ содержанія, принуждены будутъ скитаться по людямъ, а тѣмъ самымъ долженъ пребыть я неблагодарнымъ къ своему отцу и правильно обращу на себя сиротскія слезы,—того ради вашего преосвященства всепокорнѣйше прошу отъ показанной должности проповѣдническoй меня уволить, и дабы оставшіяся сироты безъ призрѣнія не лишились потребнаго въ малолѣтствѣ ихъ воспитанія, оставить меня до возраста ихъ на прежнемъ, опредѣленномъ отъ вашего преосвященства священническомъ мѣстѣ..." Преосвященный, очевидно въ видахъ затяжки дѣла, положилъ резолюцію (отъ 1 марта): „доложить о семъ послѣ". Между тѣмъ Консисторія, на этотъ разъ не медлительная, отправила уже въ Купянское духовное правленіе указъ (отъ 11 марта) объ опредѣленіи, то есть—о высылкѣ священника Татарскаго въ Покровскій училищный монастырь. По этому случаю, Татарскій 27 марта снова вошелъ къ Его Преосвященству съ тѣмъ же самымъ прошеніемъ, на которомъ теперь положена резолюція такая: „1794 года, апрѣля 5 дня. Въ домѣ просителева отца живетъ священникъ, зять просителевъ, съ женою своею; зять долженъ соблюдать домъ и воспитывать сиротъ, а проситель не въ состояніи исполнить все то: того ряди велѣть духовному правленію выслать его въ Харьковскій монастырь немедленно".

Какъ ни рѣшительна была святительская резолюція, проситель однако же не сдался и мая 30 дня обратился къ Его Преосвященству съ новымъ прошеніемъ такого содержанія: „Сего 1794 года февраля 11 дня по резолюціи вашего преосвященства опредѣленъ я, по моему вдовству, бездѣтству и бездомовству, въ Харьковскій училищный монастырь на іеромонашескую порцію съ священнослуженіемъ въ должность проповѣдническую; но какъ я отъ ненастія горестныя жизни пришедъ въ конечное силъ ослабленіе, по причинѣ приключившейся отъ печали безпрерывной головной и грудной болѣзни должности проповѣднической несть, а вразсужденіи безъ призрѣнія оставшихся безпомощныхъ въ дому отца моего сиротъ въ отдаленности жить не могу, лишився при томъ послѣдняго уже, въ скудости своей скитаясь съ мѣста на мѣсто, себя содержанія,—того ради вашего преосвященства всепокорнѣйше прошу, отъ показанной должности проповѣднической увольнивъ, оставить меня на приходѣ, либо на собственномъ пропитаніи въ дому отца моего"...—Преосвященный опредѣлилъ: „1794 года, мая 31 дня. Уволить просителя къ зятю его, или, какъ онъ пишетъ, въ домъ отца его; притомъ разсмотрѣть консисторіи о опредѣленіи его на священническое мѣсто, гдѣ необходимость требуетъ, и доложить съ мнѣніемъ".

Указомъ консисторіи отъ 9 іюля священнику Татарскому велѣно быть въ Двурѣчной слободѣ при Успенской церкви по прежнему въ штатѣ впредь до разсмотрѣнія, съ обязаніемъ его въ духовномъ правленіи подпискою, чтобы онъ велъ жизнь соотвѣтственно званію своему.—Такъ священникъ Татарскій, хотя не безъ труда, но благополучно избѣгъ монашества!

V.

Въ отношеніи къ консисторіи, Преосвященный Ѳеоктистъ былъ строгій блюститель правильности дѣлопроизводства и судебныхъ рѣшеній. Рѣдкое изъ дѣлъ, производившихся въ консисторіи, оставалось безъ его замѣчаній, причемъ эти замѣчанія нерѣдко имѣли характеръ внушительныхъ наставленій для самихъ отцовъ консисторіаловъ—по поводу полагаемыхъ ими на дѣлахъ мнѣній.

Такъ, по дѣлу о дозволеніи города Корочи подгородней слободы Казачей однодворцу, Ивану Ефремову, за побѣгомъ первой его жены Настасьи, жениться на другой, разсмотрѣнному консисторіей, Преосвященный положилъ слѣдующую резолюцію: „1797 г. февраля 6 дня. Вотъ какъ-то нужна логика, основательное и твердое умозаключеніе! Въ юридическомъ, равно какъ и въ логическомъ, силлогизмѣ должно быть объяснено каждое слово и о каждомъ словѣ заключеніе быть должно. Въ дѣлопроизводствѣ сего опредѣленія упомянута и жена съ дѣтьми Семена Бородатенкова, бѣжавшаго съ прелюбодѣйцею Настасьею Агарковою: сказано въ слѣдствіи, что седьмой годъ, какъ они Бородатенковъ и Агаркова бѣжали и гдѣ нынѣ находятся неизвѣстно, и прижили двухъ дѣтей Ивана 5-ти, Анну 3-хъ лѣтъ; ежели извѣстны дѣти, то и бѣжавшіе должны быть извѣстны; консисторія-же заключаетъ, что показанная женка съ прелюбодѣемъ своимъ и прижитыми съ нимъ двумя дѣтьми бѣжала, чему уже десять лѣтъ, а дѣтямъ, какъ выше сказано, сыну 5, а дочери 3 года. Учиненъ повальный обыскъ о бѣжавшихъ, но спрашивана-ли жена Бородатенкова, оставшаяся съ дѣтьми, въ слѣдствіи не упомянуто, и консисторія о ней ничего не заключаетъ. Велѣть по надлежащему въ консисторіи разсмотрѣть дѣло сіе вновь и учинить заключеніе съ дѣломъ, съ справками и съ законами согласное, и какъ всѣ присутствующіе въ консисторіи, да и приказно-служители почти всѣ обучались логикѣ, и сіе, не согласное съ логикою рѣшеніе произошло, по примѣчанію, отъ нерадѣнія, того ради притвердить приказно-служителямъ, чтобы они дѣла обработывали люботщательно, а секретарь долженъ ихъ къ тому понуждать. Присутствующіе же должны

неослабно взыскивать надлежащій порядокъ въ дѣлахъ отъ секретаря, и всѣмъ вообще не-лѣнностно входить въ существо дѣлъ и ихъ окрестности".

На дѣлѣ о побитіи дьячкомъ Иваномъ Семейкинымъ гусей предсѣдателя Харьковской уголовной палаты Сабурова, представленномъ Преосвященному съ мнѣніемъ Консисторіи, въ которомъ этотъ предсѣдатель поименованъ просто Сабуровымъ—безъ прибавленія *господинъ*, Преосвященный написалъ: „1793 года декабря 7 дня. Проситель, означенной Палаты предсѣдатель—статскій совѣтникъ и кавалеръ; должно и полковнику писать *Господинъ*. Да будетъ стыдно консисторіи не знать сего!"

Вѣжливости вообще Преосвященный усердно училъ духовенство. Города Ливенска штабъ-лѣкарша Христина Карпинская подала жалобу (7 дек. 1793 г.) на мѣстнаго священника, что онъ, увидя ее во время утрени стоявшую у лѣваго клироса предъ кіотомъ святителя Николая, схватилъ обѣими руками и толкнулъ такъ, что она ударилась лѣвымъ плечемъ о другой того кіота столбикъ и, конечно, упала бы на полъ, если бы не удержалась за тотъ столбикъ. А когда она послѣ утрени стала объяснять случившееся благочинному, то священникъ Ордынскій „паки съ презрительною дерзостью сказалъ: не становись тамъ, голубушка, я-де твоего благородства не знаю, а въ церкви поступаю, какъ знаю". Консисторія присудила, чтобы священникъ Ордынскій у штабъ-лѣкарши Христины Карпинской за причиненную ей обиду испросилъ, по словамъ Христовымъ, прощеніе и дондеже не примирится, быть ему Ордынскому безъ священно-дѣйствія. А Преосвященный опредѣлилъ: „положить священнику Ордынскому въ той же церкви триста поклоновъ за невѣжливое просительницы отъ кіота отведеніе и обязать подпискою, чтобъ онъ впредь во всемъ поступалъ по долгу званія, подъ опасеніемъ запрещенія въ священнодѣйствіи".

VI.

Видную сторону архипастырской дѣятельности Преосв. Ѳеоктиста составляли заботы о присоединеніи къ церкви сектантовъ.

Въ 1794 г. 64 человѣка, Золочевской округи селъ: Высокаго, Удъ и Лопани однодворцы и казенные обыватели, содержавшіе старообрядство и вновь вступившіе въ оное, были присланы отъ Золочевскаго нижняго Земскаго Суда въ Харьковское духовное Правленіе. Семь изъ нихъ, по увѣщаніи, обратились къ православію и потому отпущены въ домы ихъ; а прочіе остались непреклонными и отосланы къ губернатору на усмотрѣніе. Губернаторъ главнѣйшихъ изъ нихъ, трехъ человѣкъ, отправилъ

въ Золочевскую нижнюю расправу для поступленія съ ними по законамъ, а остальныхъ приказалъ отпустить въ домы ихъ, но при семъ Земскому Суду велѣно было растолковать, что предписаніе тому Суду, данное изъ намѣстническаго Правленія о непритѣсненіи ихъ, не къ тому клонилось, чтобы они оставались въ своемъ заблужденіи и другихъ на то склоняли, но чтобы добровольно обращались къ православію увѣщаніемъ приходскихъ священниковъ, и что нѣтъ Высочайшаго имяннаго указа, якобы дозволяющаго всякому по своему произволенію вступать въ старообрядство, а сверхъ прежнихъ многихъ запрещеній и во всемилостивѣйшемъ манифестѣ, изданномъ сентября во 2 день 793 года, тоже подтверждено,—и, все сіе приказано тѣмъ поселянамъ отъ Земскаго Суда внушить сколько возможно внятнѣе—не придутъ ли въ раскаяніе, смотря на то, что пригласившіе ихъ въ сію секту преданы законному сужденію.—Вмѣстѣ съ симъ губернаторъ отнесся и къ Его Преосвященству съ предложеніемъ, чтобы и приходскіе священники не строгостію, но благоразумными средствами поучали и наставляли ихъ къ православію, ибо какъ семь человѣкъ уже обратились; то можно и объ обращеніи остальныхъ быть въ упованіи, особливо при хорошемъ увѣщаніи со стороны духовенства, такъ какъ изъ ихъ допросовъ видно, что поступили они въ сію секту по приглашенію отданныхъ подъ судъ, и потому, не имѣя болѣе способа отъ нихъ поучаться, сами по себѣ отстать отъ секты могутъ.

По предписанію, данному Преосвященнымъ Консисторіи, изготовить наставленіе къ увѣщанію, Консисторія опредѣлила послать въ Харьковское духовное Правленіе изданную въ 1766 году отъ Святѣйшаго Синода книгу подъ именемъ: „Увѣщаніе недугомъ раскольничествующихъ“, въ которой объяснены всѣ раскольническія заблужденія, и велѣть приходскимъ священникамъ означенныхъ селъ, оказавшихся въ заблужденіяхъ, наставлять по ней.

Преосвященный, утверждая это опредѣленіе Консисторіи, озаботился, сверхъ того, послать къ нимъ чрезъ одного изъ присутствующихъ въ Правленіи и свое архипастырское „Увѣщаніе“ въ которомъ, выразивъ глубокую постырскую скорбь объ отпаденіи заблудшихъ отъ церкви, проситъ ихъ не вѣрить лжеучителямъ, будто „священство изсякло со временъ патріарха Никона“, пастырски увѣряя ихъ, яко своихъ о Христѣ чадъ, что при патріархѣ Никонѣ послѣдовало не иное что, какъ исправленіе церкновныхъ книгъ по православнымъ греческимъ, которое было начато еще за 140 лѣтъ до Никона, при немъ окончено, и тогда же было одобрено на соборѣ—съ участіемъ и восточныхъ патріарховъ; въ заключеніе, умоляя отпавшихъ возвратиться въ лоно церкви, заранѣе даетъ имъ, въ случаѣ обращенія, свое пастырское прощеніе и разрѣшеніе, изъясняя,

что и священникамъ приходскимъ наистрожайше предписано не причинять имъ ни какихъ укоризнъ, ниже вспоминать о бывшемъ заблуженіи, а паче любить и почитать ихъ, яко сущую о Христѣ братію; въ случаѣ, если бы кто изъ дѣйствительныхъ священнослужителей оказался неугоднымъ для нихъ, предоставляется имъ право избрать другихъ, по ихъ желанію достойныхъ и представить съ заручнымъ прошеніемъ, а въ случаѣ какихъ либо религіозныхъ недоумѣній и сомнѣній, предлагается прямо писать къ Преосвященному съ обѣщаніемъ, что вскорѣ получатъ по предложеннымъ вопросамъ письменный же отвѣтъ отъ своего пастыря, но при семъ высказывается однако же искреннѣйшее желаніе, чтобы таковыхъ недоумѣній въ нихъ не возникало. „Ваше ли дѣло о вѣрѣ имѣть словопреніе? Вашъ долгъ, пребывая непоколебимо купно съ нами въ нѣдрахъ церкви святой, согласіемъ и единомысліемъ прославлять Тріипостаснаго Бога, вѣдуще, яко Богъ вселяетъ единомысленныя въ дому своемъ небесномъ, о чемъ повседневно къ нему возсылаемъ молитвы и моленія, глаголюще: *и даждь намъ едиными усты и единымъ сердцемъ славити и воспѣвати пречестное и великолѣпое имя Твое*“.

Не менѣе старообрядства озабочивало Преосв. Ѳеоктиста и духоборство. Духоборчество, полагають, еще въ 50-хъ годахъ 18-го столѣтія проявилось въ предѣлахъ Бѣлгородской епархіи, только епархіальное начальство на первыхъ порахъ, вслѣдствіе, можетъ быть, незначительной еще распространенности, а также и осторожности и скрытности этого движенія, мало обращало на него вниманія — можетъ быть, мало даже и знало объ немъ, по крайней мѣрѣ изъ документовъ совсѣмъ не видно, чтобы до Преосвященнаго Ѳеоктиста предпринимались противъ него какія либо мѣры. Но ко времени Преосв. Ѳеоктиста духоборство, довольно окрѣпши и распространившись, стало уже открыто и дерзновенно заявлять о себѣ,— и Преосвященный Ѳеоктистъ отнесся къ нему съ тѣмъ серіознымъ и строгимъ вниманіемъ, какого требовалъ рѣзко выраженный противо-церковный, а частію и противо-государственный характеръ секты. Онъ и самъ ревностно увѣщевалъ сектантовъ, и поручалъ это другимъ—способнѣйшимъ изъ духовенства. Такъ, въ ордерѣ его Харьковскаго Духовнаго Правленія первоприсутствующему, Харьковскаго Коллегіума префекту и богословія учителю Андрею Прокоповичу—отъ 27 февр. 1798 г.—предписывалось: „явившіеся въ Бѣлгородѣ въ духоборческомъ заблужденіи, села Терноваго однодворцы Алексѣй Головнинъ и Степанъ Голищевъ увѣщеваемы были мною келейно, увѣщеваемы были и въ присутствіи консисторскомъ, но на увѣщанія мои не склонились и болѣе ко мнѣ не являются. Пишу я къ его превосходительству Алексѣю Григорьевичу (губернатору) для должнаго объ нихъ по законамъ разсмотрѣнія. Заблужденіе ихъ тѣмъ болѣе опасно

что одинъ изъ нихъ *Алексѣй Головнинъ обучался въ Харьковскихъ классахъ математикѣ и другимъ наукамъ*, по его показанію... Ежели оные заблудшіе къ вамъ присланы будутъ, то вы наставьте ихъ на путь истины, и когда они отъ заблужденія обратятся къ православію и о своемъ заблужденіи принесутъ достодолжное покаяніе, то по исповѣди удостойте ихъ причащенія святымъ Христовымъ тайнамъ и, доложа о семъ его Превосходительству, пришлите и ко мнѣ надлежащій рапортъ". Къ ордеру собственноручная его Преосвященства приписка: „Хотѣлось было съ ними болѣе поговорить, но изъ Консисторіи ушли". Эти утекшіе изъ консисторіи, заблудшіе, „разсѣевающіе и между другими духоборческую ересь", дѣйствительно, по распоряженію губернатора, были сысканы и для наставленія ихъ на путь истинный къ протоіерею Прокоповичу были препровождены, были имъ увѣщаемы и при увѣщаніи дали обѣщаніе оставить свои заблужденія и исполнять все, что святою церковію опредѣлено, въ чемъ и взята съ нихъ подписка, послѣ чего отпущены они въ ихъ домы [1]). Не ограничиваясь личными увѣщаніями духоборцевъ, Преосвященный Ѳеоктистъ издалъ противъ нихъ и нарочитое сочиненіе подъ заглавіемъ: „Разсужденіе о божественности христіанскаго ученія". Сочиненіе посвящено Императору Александру Павловичу, какъ „высочайшему христіанскаго благочестія ревнителю, защитнику и покровителю Христовой Церкви"—съ такимъ объясненіемъ происхожденія сочиненія: „Всепресвѣтлѣйшій Монархъ, всемилостивѣйшій Государь! Во исполненіе Монаршаго въ Бозѣ почившія Августѣйшія Государыни Императрицы Екатерины Вторыя, въ 1792 г. состоявшагося Высочайшаго повелѣнія, предлагаемы мною были изустныя отъ слова Божія наставленія нѣкоторымъ заблудшимъ въ здѣшнемъ краѣ поселянамъ, кои, безразсудно присвоя себѣ непосредственное вдохновеніе, и не вѣруя видимымъ въ священномъ писаніи отъ начала міра во спасеніе человѣческое провозвѣщеннымъ истинамъ, отрицали благодатныя таинства и всѣ церковныя и гражданскія законоположенія. Противу такого-то ихъ пагубнаго заблужденія пастырскимъ почелъ я долгомъ написать краткое о Божественности христіанскія ученія разсужденіе". Сочиненіе принято Государемъ весьма благосклонно и Преосвященный удостоился получить 5 мая 1801 г. слѣдующій рескриптъ: „Преосвященный Ѳеоктистъ, епископъ Курскій и Бѣлгородскій! Сочиненіе Ваше о Божественности христіанскаго ученія, плодъ трудовъ и ревности вашей, пріемлю я съ особою признательностію какъ по содержанію его, толико душеполезному, такъ и по усердію, съ

1) См. мою брошюру „Духоборцы въ Слободской Украйнѣ". Харьковъ, 1890 г.

коимъ вы мнѣ его приносите. Примите благодарность мою и увѣреніе, что я пребываю вамъ всегда доброжелательный" [1]).

VII.

Что касается обращенія иновѣрцевъ, то изъ дѣлъ архивныхъ намъ извѣстны лишь нѣсколько бывшихъ въ Бѣлгородской епархіи при преосвященномъ Ѳеоктистѣ случаевъ крещенія евреевъ; но эти случаи совершались безъ участія Преосвященнаго и отношеніе его къ нимъ выражалось лишь въ резолюціяхъ по поводу ихъ.

Въ 1796 г. выкрещенный еврей, Недригайловскаго уѣзднаго суда копіистъ Василій Яковлевъ въ прошеніи своемъ въ Консисторію изъяснялъ: „Отецъ де и мать его, будучи евреями и содержа законъ еврейскій, въ еврейскомъ нечестіи воспитали и его, и по обрядамъ еврейскимъ женатъ онъ на женщинѣ еврейскаго нечестія, называвшейся по еврейски Ита, съ которою жилъ онъ въ супружествѣ десять лѣтъ и прижилъ двухъ сыновей и одну дочь; потомъ, по руководству нѣкоторыхъ христіанъ, узналъ онъ истину христіанской вѣры, принялъ оную и въ 1795 г. крещенъ, и какъ онъ, такъ и дѣти его сыновья крещеніемъ святымъ, по желанію его, къ православной церкви присоединены; означенная же жена его съ дочерью семилѣтнею осталась тогда въ нечестіи еврейскомъ и жить съ нимъ вмѣняла въ противность закону; а онъ съ своей стороны также почиталъ за беззаконіе имѣть съ нею супружеское сожительство, по усердію къ христіанскому закону оставилъ ее, и въ томъ же 1795 г. вступилъ въ бракъ съ христіанкою, Сумскою жительницею, Дарьею Наталушенковою. А какъ и показанная первая жена его, по наставленію благоусердствующихъ христіанъ, узнавъ тщету еврейскаго нечестія, а христіанскую вѣру признавъ за истинную, приняла нынѣ христіанскую вѣру и по добровольному своему согласію, съ упомянутою своею дочерью сего года 1 іюня святымъ крещеніемъ освящена и наречены имъ имена, женѣ—Екатерина, а дочери Анна; онъ же вступилъ въ бракъ съ означенною Дарьею Наталушенковою потому единственно, что она Екатерина оставалась тогда, какъ выше сказано, въ еврейскомъ нечестіи и при такомъ ея нечестіи имѣть ее женою почиталъ онъ за противность христіанскому благочестію, другихъ же никакихъ причинъ къ оставленію ея

[1]) Содержаніе сочиненія въ частяхъ, имѣющихъ болѣе близкое отношеніе къ духоборству, обстоятельно изложено у г. Титова въ его статьѣ о Преосв. Ѳеоктистѣ. (Труды Кіев. Дух. Акад., 1894 г. № 2 стр. 220—240).

не было, притомъ же съ нею, Екатериною, прижилъ дѣтей, которыя, по малолѣтству, требуютъ матерняго присмотра, а со второю женою Дарьею дѣтей не имѣетъ,—по сему проситъ о дозволеніи ему и показанной первой женѣ его Екатеринѣ, по взаимному ихъ согласію, продолжать супружеское сожительство по прежнему и объ обвѣнчаніи ихъ по чиноположенію православной церкви, также о дозволеніи второй его женѣ Дарьѣ Наталушенковой вступить въ законный бракъ съ другимъ лицомъ". Консисторія, получивъ отъ Дарьи заявленіе, что вышла она замужъ за Василія Яковлева по незнанію, что онъ уже женатъ, и на оставленіе его теперь согласна,—постановила: „Василія по взаимному согласію съ окрещенною первою женою Катериною по христіанскому чиноположенію обвѣнчать; а что онъ, Василій, женился на другой отъ живой жены, за то исполнить ему, по правилу 20 помѣстнаго Анкирскаго собора, епитимію въ домѣ подъ присмотромъ духовнаго его отца, дондеже усмотрится совершенное его о семъ раскаяніе". Преосвященный же положилъ резолюцію: „вмѣнить въ епитимію многія хлопоты по приведенію первой своей жены изъ еврейскаго нечестія въ христіанство; о прочемъ учинить подлинно по сему" [1]).

Въ 1793 г. еврей Емельянъ Тульчинскій, бывшій во временномъ услуженіи у помѣщика деревни Степановки Сумской округи Перекрестова, именно торговавшій въ его питейномъ домѣ виномъ, сдѣлалъ въ Сумскій земскій судъ и губернатору Харьковскаго намѣстничества заявленіе о похищеніи у него, въ его отсутствіе, его трехлѣтняго сына Якова и крещеніи онаго безъ его родительской воли, и просилъ о возвращеніи ему того окрещеннаго младенца (находившагося временно у Сумскаго грека Пантелеймона Судаклѣева).

По рѣшенію Сумскаго уѣзднаго суда, участвовавшіе въ томъ похищеніи приговорены: прикащикъ Перекрестова Григорій Березовскій и подданный Феодоръ Кузенный къ наказанію кнутомъ, а прапорщикъ Николай Грановскій (почмейстеръ) къ посаженію на хлѣбъ и на воду; но какъ сіе преступленіе учинено ими до состоянія всемилостивѣйшаго сентября 2 дня 1793 года манифеста, то, по силѣ онаго, объявлено имъ прощеніе; а подлежитъ ли означенному Якову остаться въ христіанской вѣрѣ и можетъ ли быть таковое крещеніе утвердительнымъ, или слѣдуетъ возвратить его отцу его Тульчинскому,—рѣшеніе сего, также какъ и разсмотрѣніе о поступкѣ крестившаго онаго младенца священника, предоставлены духовной власти.

Консисторіею, по обычномъ приведеніи законныхъ справокъ, между

---

[1]) См. мою статью: „О брачныхъ разводахъ по архив. докум. Харьк. и Курск. Дух. Консисторіи"—въ чт. Общ. ист. и древн. Рос., 1887 г., ч. 2.

прочимъ указовъ 1769 г. Іюля 10 дня и 1770 г. декабря 21 дня („Ежели кто изъ разныхъ законовъ, какъ то: лютеранскаго, протестанскаго или реформатскаго, или же изъ иновѣрцевъ вѣру греческаго исповѣданія принять пожелаетъ, то таковаго, по пріемѣ отъ него доношенія за его рукою и стороннимъ свидѣтельствомъ и по довольномъ въ православной-грекороссійской вѣрѣ наставленіи, къ церкви святой соединять такимъ точно порядкомъ, каковъ въ книгѣ называемой „Чинопослѣдованіе соединяемыхъ изъ иновѣрныхъ къ православно каѳолической церкви“, напечатанной въ царствующемъ градѣ Москвѣ 1757 г. мѣсяца іюля, предписанъ“),—опредѣлено и его Преосвященствомъ утверждено: „Поелику означенный евреина Емельяна Тульчинскаго сынъ Яковъ, при отрицаніи, чрезъ воспріемника своего, всякаго заблужденія, нечестія, зловѣрія и помраченія еврейскаго чрезъ святое крещеніе (въ которомъ онъ нареченъ Николаемъ), по чиноположенію церковному надъ нимъ совершенному, къ святой восточной греко-россійской церкви присоединенъ, а святая восточная греко-россійская церковь со временъ апостольскихъ какъ крещеніе младенцевъ за совершенное и не отрицательное таинство пріемлетъ, такъ и отрицаніе, чрезъ воспріемниковъ чинимое, признаетъ, яко собственно отъ младенцевъ крещаемыхъ дѣлаемое, того ради евреину Емельяну Тульчинскому въ просьбѣ его о возвращеніи ему сына Николая, по содержанію указа 1744 года іюня 15 дня, „принявшихъ греческую вѣру не допускать служить у не воспріявшихъ вѣру“), отказать, а препоручить его Николая для наставленія въ христіанской вѣрѣ и святыхъ ея догматахъ присутствующему въ Сумскомъ духовномъ Правленіи Николаевской церкви учительному священнику Іоанну Крышинскому, а по наставленіи отдать его въ сиропитательный общественнаго призрѣнія домъ; священника же Кирилла Солодовникова, приступившаго самовластно къ совершенію надъ онымъ еврейскимъ сыномъ тайны крещенія безъ дозволенія начальства и черезъ то нанесшаго какъ духовной, такъ и свѣтской командѣ затрудненіе и лишнія переписки, хотя и слѣдовало лишить священства, но какъ онъ преступленіе учинилъ до состоянія всемилостивѣйшаго сент. 2 дня 1793 года манифеста, то, освободя его отъ лишенія священства, послать въ Рыльскій Николаевскій монастырь безъ священнослуженія для чтенія псалмовъ и правила монашескаго и для употребленія въ черную работу на годъ; въ Харьковское же намѣсническое правленіе сообщить (и сообщено) съ требованіемъ, дабы оное благоволило къ принятію означеннаго еврейскаго сына въ сиропитательный общественнаго призрѣнія домъ учинить разсмотрѣніе, а до принятія его въ тотъ домъ, и доколѣ онъ будетъ находиться у священника Крышинскаго въ наставленіи, дозволить отдать его на пропитаніе къ купцу Судаклѣеву, у кого онъ нынѣ и находится“.

VIII.

Въ архипастырской дѣятельности Преосв. Θеоктиста достойно вниманія, наконецъ, дѣятельное участіе его въ дѣлахъ Библейскаго Общества. Общество это имѣло въ лицѣ Преосв. Θеоктиста ревностнѣйшаго сотрудника. Изъ архивныхъ дѣлъ Курскаго Знаменскаго монастыря можно видѣть, съ какимъ усердіемъ Преосвященный и словомъ, и примѣромъ возбуждалъ всѣхъ въ епархіи къ жертвованіямъ въ пользу дѣла, которому служило Общество. А возбужденіе требовалось.

3 апрѣля 1813 г. Курскій Знаменскій монастырь получилъ изъ Курской Духовной Консисторіи указъ (отъ 29 марта), приглашавшій къ *добровольнымъ* жертвованіямъ въ пользу С.-Петербургскаго Библейскаго Общества. А такъ какъ отзыва изъ монастыря по сему предмету никакого не было, то объ учиненіи по сему указу исполненія консисторія новымъ указомъ отъ 21 іюня того же года нашла нужнымъ сдѣлать напоминаніе. На это напоминаніе архимандритъ Аполлосъ далъ такой отзывъ: „по силѣ присланнаго изъ Консисторіи отъ 29 марта указа, изъ монашествующихъ (Курск. Знам. монастыря) никто приношенія въ подкрѣпленіе предпріятія учрежденнаго въ С.-Петербургѣ Библейскаго Общества нынѣ не сдѣлалъ, о чемъ оной консисторіи симъ и репортуется“.—Тогда консисторія нашла нужнымъ въ новомъ указѣ на имя архимандрита Аполлоса гораздо прямѣе сдѣлать слѣдующее предложеніе (августа 4 дня 1813 г.): „какъ вы, отецъ архимандритъ, при всякихъ случаяхъ дѣлали значительныя пожертвованія въ пользу Церкви и Отечества, то предложить вамъ, отцу архимандриту, о сдѣланіи и на Библейское Общество, въ С.-Петербургѣ учрежденное, приношенія отъ себя, а равно отъ братіи и отъ монастыря, и о присылкѣ таковаго приношенія въ консисторію *по первой почтѣ* съ означеніемъ именъ приносителей, для отсылки онаго приношенія въ С.-Петербургъ“. Это подѣйствовало. Сумма *добровольныхъ* сборовъ отъ монастыря въ пользу Библейскаго Общества въ репортѣ, посланномъ отъ архимандрита въ консисторію, значится 200 руб., а въ квитанціи, высланной изъ комитета С.-Петербургскаго Библейскаго Общества (отъ 4 декабря 1813 года) въ 300 рублей.

Получивъ отъ вице-директора учрежденнаго въ Москвѣ Комитета Библейскаго Общества отношеніе (отъ 5 Авг. 1813 г.) съ просьбою открыть, въ пользу сего Комитета, въ Курской епархіи денежный сборъ со внесеніемъ именъ жертвователей и ихъ жертвованій („сколько кто можетъ,

дозволяя даже и пять рублей вписывать") въ особые, при семъ же отношеніи присланные печатные листы,—Преосв. Θеоктистъ лично уже отъ себя далъ тому же архимандриту Аполлосу съ братіею предложеніе (отъ 5 Августа 1813 г.), въ коемъ, изложивъ содержаніе означеннаго отношенія, прописывалъ: „Внеся въ печатный листъ отъ себя возможное денежное пожертвованіе, пастырски и васъ архимандрита съ братіею приглашаю къ такому же пожертвованію на душеспасительный предметъ—какъ отъ себя съ братіею, такъ и отъ ввѣреннаго вамъ монастыря,—и оное ваше пожертвованіе, записавъ въ прилагаемый при семъ печатный листъ, именно для отсылки въ вамъ отъ г. вице-президента назначенный, отдайте тотъ листъ въ Курское Духовное Правленіе для надлежащаго и немедленнаго исполненія по предписанію моему, при семъ же подъ № 2392 прилагаемому,—и о послѣдствіи поступленія извѣстите для засвидѣтельствованія вамъ и всей братіи вашей пастырскаго достодолжнаго моего благодаренія, съ которымъ, равно и съ взаимною любовію, пребуду навсегда".

Какъ велико было на этотъ разъ жертвованіе архимандрита съ братіею, въ бумагахъ монастыря мы не нашли свѣдѣнія; но со всей епархіи отъ духовныхъ мѣстъ и лицъ, а частію и отъ свѣтскихъ лицъ, вслѣдствіе такого рода приглашенія, собрано за 1813 г. добровольныхъ жертвованій на С.-Петербургское Библейское Общество 2425 р., которые, при отношеніи Его Преосвященства отъ 16 Марта 1814 г., препровождены къ оберъ-прокурору Св. Синода князю А. Н. Голицыну, да на учрежденное въ Москвѣ Библейское Общество внесено въ Консисторію и отослано въ Комитетъ 2215 руб.

Въ 1814 г., вслѣдствіе отношенія князя А. Н. Голицына къ Преосв. Θеоктисту (отъ 24 Августа) съ просьбою пригласить священно-служителей и причетниковъ Курской епархіи къ новымъ въ пользу Библейскаго Общества пожертвованіямъ, Преосвященный опредѣлилъ: „послать изъ Консисторіи въ надлежащія мѣста указы съ убѣжденіемъ къ споспѣшествованію въ семъ общеполезномъ дѣлѣ и о послѣдствіяхъ докладывать мнѣ". — По поводу такого распоряженія, архимандритъ К. Знаменскаго монастыря Іоакинфъ съ братіею репортомъ (отъ Сентября дня 1814 г.) доносилъ: „во исполненіе указа, мы, съ общаго согласія, на С.-Петербургское Библейское Общество отъ доходовъ здѣшняго монастыря пожертвовали единовременно пять сотъ рублей и ежегодно—толикожъ число; отъ меня же архимандрита на С.-Петербургское Библейское Общество единовременно пожертвовано въ Кіевѣ [1]) сто рублей, да ежегодно подписался вносить по сту рублей".

[1]) Іоакинфъ Логановскій переведенъ въ 1813 году въ Курскій Знаменскій монастырь изъ Кіева, гдѣ былъ архимандритомъ братскаго Богоявленскаго монастыря.

Въ 1815 г. Преосв. Ѳеоктистъ Консисторіи предписалъ (отъ 2 генв.): „Сколько пожертвованій прислано на Россійское Библейское Общество, заготовить къ отсылкѣ; востребовать изъ Курскаго Знаменскаго монастыря пожертвованіе пяти сотъ рублей, монастыремъ онымъ въ ежегодное пожертвованіе назначенныхъ; востребовать *съ благопристойностію* и отъ другихъ на вышеписанный предметъ. Я въ ежегодное пожертвованіе на Библейское Общество на сей 1815 г. сто рублей присемъ прилагаю".— По справкѣ въ Консисторіи оказалось, что въ 1814 прислано духовными мѣстами и лицами, а частію и свѣтскими лицами, одновременныхъ и ежегодныхъ жертвованій 4997 р.; а на 1815 г., кромѣ означенныхъ, отъ Его Высокопреосвященства пожертвованныхъ ста рублей, ни отъ кого еще не прислано. Почему Курскою Духовн. Консисторіею опредѣлено и Его Преосвященствомъ утверждено: „во всѣ духовныя мѣста послать указы и велѣть учинившимъ подписку на ежегодное пожертвованіе какъ на сей 1815 годъ деньги прислать въ Консисторію втеченіе сего генваря мѣсяца, такъ и впредь ежегодно принимать отъ нихъ таковыя пожертвованія втеченіи генваря и присылать въ Консисторію немедленно. Если же кто, по какимъ либо причинамъ не внесетъ пожертвованія, то и о семъ репортовать".

Вслѣдствіе отношенія Московскаго Отдѣленія Россійскаго Библейскаго Общества къ Преосв. Ѳеоктисту (отъ 20 іюля 1815 г.), въ коемъ сообщалось, что „Московскій Комитетъ, препровождая къ Преосвященному 25 экземпляровъ напечатаннаго отчета своего за 1814 годъ, проситъ о раздачѣ оныхъ, по архипастырскому усмотрѣнію, лицамъ въ епархіи, которые, кромѣ собственныхъ своихъ жертвованій въ пользу Библейскаго Общества, приглашали къ тому и другихъ",—Преосвященный опредѣлилъ (написавъ опредѣленіе на этомъ же отношеніи): „присланные при семъ отношеніи экземпляры отчета Комитета Московскаго Отдѣленія Россійскаго Библейскаго Общества за 1814 годъ разослать при указѣ изъ Консисторіи въ Духовныя и Курское Семинарское Правленія, монастыри и пустыни и къ главнымъ благочиннымъ—Бѣлгородскому и Хотмыжскому съ предписаніемъ о приглашеніи духовныхъ и свѣтскихъ лицъ къ пожертвованію на Московское Библейское Общество единовременному, или ежегодному, на спасительный Библейскаго Общества предметъ распространенія въ любезнѣйшемъ отечествѣ нашемъ святѣйшаго слова Божія не только между правовѣрными, но и язычниками, внушивъ притомъ какъ монастырскимъ настоятелямъ съ братіею и настоятельницамъ съ сестрами, такъ и членамъ Духовныхъ Правленій и помянутымъ благочиннымъ чтобы они всегда священнѣйшимъ долгомъ поставляли прилагать всевозможное попеченіе о споспѣшествованіи въ семъ богоугодномъ

дѣлѣ Россійскому Библейскому Обществу, въ С.-Петербургѣ и Москвѣ учрежденному, имѣющему въ предметѣ настоящее и будущее блаженство рода человѣческаго и произведшему толико душеспасительные плоды, явственные во всѣхъ концахъ вселенной. При семъ старческое мое посильное пожертвованіе на Московское Библейское Общество за текущій 1815 годъ сто рублей государственными ассигнаціями прилагаю для отсылки въ Комитетъ сего Общества, совмѣстно съ пожертвованіемъ, какое по Курской епархіи въ нынѣшнемъ 1815 году собрано быть имѣетъ".

Въ 1817 г. Курскій предводитель дворянства майоръ Ѳеодоръ Михайловичъ Раевскій обратился къ Преосв. Ѳеоктисту съ такимъ отношеніемъ (отъ 2 сент.): „во многихъ губерніяхъ къ распространенію слова Божія открыты библейскія общества; слѣдуя сему примѣру, Курское дворянство и другія сословія изъявили желаніе составить таковое же въ губернскомъ городѣ Курскѣ, вслѣдствіе чего поручено ему, Раевскому, испросить у Преосвященнаго соизволеніе и, буде оное послѣдуетъ, просить принять званіе перваго члена сего Общества".—Преосвященный въ посланномъ г. Раевскому отъ себя отношеніи архипастырски благословилъ это намѣреніе Курскаго дворянства и другихъ сословій и препроводилъ въ общую кассу открываемаго Общества 100 р., съ заявленіемъ что и впредь обязывается ежегодно жертвовать по смерть свою таковую же сумму, считаясь въ семъ толико славномъ Обществѣ вторымъ членомъ и помощникомъ во всемъ возможномъ. При послѣдовавшемъ за симъ открытіи Общества (15 сент.) и выборѣ въ члены онаго, Преосв. Ѳеоктистъ назначенъ однакоже, по общему всѣхъ согласію, не вторымъ, а первымъ членомъ и вице-президентомъ Общества. (Вторымъ вице-президентомъ назначенъ Курскій губернаторъ Аркадій Нелидовъ).

Библейское Общество не забыто Преосв. Ѳеоктистомъ и въ его предсмертномъ завѣщаніи, гдѣ на С.-Петербургское Россійское Библейское Общество назначено 200 р., на Московское Библейское Общество—100 р., на Курское Библейское Общество 100 р.

IX.

Преосв. Ѳеоктистъ управлялъ епархіями Бѣлогородской и Курской свыше 30 лѣтъ. Въ послѣдніе годы своей жизни онъ испытывалъ разные тяжкіе недуги, которые однакоже не ослабляли его архипастырской ревности, хотя понятно и стѣсняли его дѣятельность. На эти недуги онъ часто жалуется въ письмахъ къ своимъ родственникамъ. Такъ, въ письмѣ

къ своему племяннику Ивану Степановичу (дата письма не означена, но по нѣкоторымъ признакамъ можно относить его къ 1809 или 10 году), между прочимъ, сообщаетъ: „Я медленно движусь; однако нѣтъ мнѣ препятствія въ дѣлѣ служенія моего; случается только часто безсонница; случались мнѣ разныя болѣзни, но сыскивалъ я на оныя врачевство, а на безсонницу не могу сыскать врачевства; однако болѣзнь сія не такъ сильна и не дѣлаетъ мнѣ препоны къ прохожденію должностей моихъ". Въ письмѣ племяннику Семену Степановичу—отъ 21 сент. 1810 года: „Отъ приключившейся мнѣ болѣзни началъ было я обмогаться совершенно, но по случаю, или паче по ошибкѣ, на прошедшей недѣлѣ почувствовалъ было я опять дѣйствіе оной; однако нынѣ болѣзнь мало усмирилась дѣйствіемъ тѣхъ же врачевствъ; примѣчательно, что мнѣ должно говѣть и отгавливать во всю мою жизнь, а особливо не надобно ѣздить никуда въ гости". Въ письмѣ къ Ивану Степановичу—отъ 20 августа 1811 года: „И паки изъясняюсь вамъ о моихъ болѣзняхъ; что ноги у меня слабы и порядочно я ходить не могу, то я въ томъ не безпокоюсь, хотя ноги мои не исправятся и останутся таковыми, какъ нынѣ, до послѣдняго моего издыханія.... Желательно мнѣ, чтобы *Diabetes* умалился; но ежели его умалить не можно, принужденъ я буду терпѣть и настоящее его безпокойство". Въ письмѣ къ тому же отъ 28 августа того же года: „Новыя болѣзни мои: отъ простуды кашель, а болѣе безпокоятъ меня ноги". Въ письмѣ къ тому же отъ 14 сент. 1813 г.: „Болѣзнь моя въ ногахъ продолжается и по нынѣ, и кромѣ сей болѣзни приключилась новая третьяго дня въ церкви, гдѣ я почувствовалъ насморкъ, а пришедши въ келлію, открылся кашель, который наиболѣе безпокоитъ меня ночью; лечит же незнаю чѣмъ, да теперь и не время лечиться: сегодня надобно свящ дѣйствовать въ соборѣ для праздника воздвиженія Креста Господня, а завтра—для торжества коронаціи Высочайшей".... Въ 1816 г., Преосв. Ѳеоктистъ, при усиленіи недуговъ, предполагая, что и въ Синодѣ замѣчаютъ его изнеможеніе, помышлялъ было уже отказаться отъ управленія епархіей и пойти на покой, о чемъ и заявлялъ въ письмѣ къ С.-Петербургскому Митрополиту Амвросію, но былъ отклоненъ отъ такого намѣренія этимъ іерархомъ, который въ успокоеніе и ободреніе писалъ ему (отъ 26 окт. 1816 г.): „прибавленіе къ письму о положеніи вашего здоровья весьма много опечалило меня, особливо предположеніе ваше изъ подписовъ въ Синодѣ яко бы замѣчанія о изнеможеніи вашемъ. По совѣсти моей увѣряю ваше преосвященство, что въ Синодѣ ни по подписямъ, ни по дѣламъ ни малѣйшаго нѣтъ замѣчанія о слабости правленія вашего. Дай Богъ, чтобы и молодые столько же въ должности успѣвали".—По этому поводу Преосв. Ѳеоктистъ писалъ къ епископу Харьковскому

Аполлосу (отъ 8 дек. 1816 г.): „Въ августѣ первыхъ чиселъ, бывъ я чувствительно боленъ, писалъ къ Высоко-Преосвященнѣйшему Митрополиту Амвросію о желаніи моемъ пойти на покой въ Обоянскій монастырь на содержаніе благодѣтеля моего Никанора Ивановича господина Перевезева. На сіе мое желаніе, въ прибавленіи къ письму, не совѣтуетъ мнѣ благодѣтельнѣйшій Архипастырь. И такъ и остаюсь еще при управленіи епархіею, изыскивая строго о книгахъ метрическихъ. Надобно было сіе учинить при вступленіи на епархію, но теперь открылся случай, что пьяницы нѣкоторые попы и своихъ дѣтей не записывали въ метрическія книги.—Теперь всѣхъ сыскиваютъ въ Консисторію и не давшихъ въ оправданіе законо-правильныхъ резоновъ запрещаютъ въ священно-дѣйствіи и отсылаютъ къ слѣдствію въ Духовныя Правленія о рожденіи и крещеніи дѣтей ихъ; не только о дѣтяхъ священно-церковно-служительскихъ, но и приходскихъ потребна записка въ метрическія книги“ [1]). Но жизнь престарѣлаго архипастыря была уже на исходѣ. „1817 г. 25 декабря Преосв. Ѳеоктистъ заболѣлъ простудною лихорадкой, которая въ самое короткое время такъ ослабила его силы, что 1 генваря онъ не могъ священно-дѣйствовать. Объ этомъ онъ доносилъ Св. Синоду, который предписалъ, до его выздоровленія, поставлять ставленниковъ преосв. Павлу, епископу Харьковскому, и рѣшать важнѣйшія дѣла епархіальныя“. („Краткія свѣд. о Бѣлгородско-Курскихъ іерархахъ“, Свящ. П. Солнцева).—Болѣзнь сопровождала преосвященнаго уже до могилы. Онъ умеръ 30-го апрѣля 1818 г.—на 90 году жизни.

Во время болѣзни имъ составлено было духовное завѣщаніе, которое такъ выражало его предсмертное настроеніе и послѣднюю волю:

„Во имя Отца и Сына и Святаго Духа, аминь.

Всесильная благодать Божія, и въ самыхъ опаснѣйшихъ случаяхъ и болѣзняхъ сохранивъ дни жизни моея, подаетъ мнѣ нынѣ чувствительное спасительное вразумленіе о неотлаганіи благопотребнаго пріуготовленія къ переселенію изъ привременной жизни сей. На случай недомышленія, по исходѣ души моей, кому и когда грѣшное тѣло мое предать землѣ, прошу немедля съ погребеніемъ и неприглашая стороннихъ, бѣлоградскимъ священно-церковно-служителямъ совершить оное неукоснительно, смотря по обстоятельствамъ тлѣнія; о мѣстѣ же погребенія предаю разсмотрѣнію духовной консисторіи; желательно мнѣ погребену быть близъ родственника и благодѣтеля моего, покойнаго Преосвященнаго Порфирія

---

[1]) Подлинное письмо преосвящ. Ѳеоктиста къ епископу Аполлосу и копія съ письма митрополита Амвросія къ преосвящ. Ѳеоктисту сообщены мнѣ Харьковскимъ протоіереемъ Троицкой церкви Н. А. Лащенко, за что приношу искреннѣйшую благодарность достоуважаемому О. Протоіерею.

Крайскаго, Епископа Бѣлоградскаго,. но впрочемъ вездѣ Господня земля и исполненіе ея. Саккосъ и омофоръ, госпожею бригадиршею Стрѣмоуховою пошитые, митру, госпожею майоршею Безгиною присланную, ежели сіе потребно возложить, предоставляю размотрѣнію духовной консисторіи. На погребеніе и на поминовеніе и на прочіе при томъ расходы прилагаю росписаніе 2,330 рублей. У всѣхъ же и каждаго, кого я чѣмъ огорчилъ дѣломъ или словомъ, слезно прощенія прося, прошу и святыхъ молитвъ о упокоеніи души моей, изъ привременной жизни сей въ вѣчность отходящей. 1817 г. 16 августа.

Ѳеоктистъ Епископъ Курскій и Бѣлгородскій.

Прибавленіе къ завѣщанію:

1. На пріуготовленіе къ погребенію во всѣхъ потребностяхъ 300 р.

2. Отцу архимандриту Бѣлгородскому, отцамъ протоіереямъ, въ консисторіи присутствующимъ по 10 р., а прочимъ по 5 р., каѳедральному священнику и каѳедральному протодіакону по 3 руб.; священникамъ приходскимъ, монастырскимъ іеромонахамъ, каѳедральнымъ діаконамъ и иподіаконамъ по рублю, приходскимъ діаконамъ, монастырскимъ іеродіаконамъ и каѳедральнымъ псаломщикамъ по 50 к., приходскимъ дьячкамъ и пономарямъ, каѳедральнымъ сторожамъ и звонарямъ по 30 коп., да если случатся изъ другихъ Курской епархіи уѣздовъ священноцерковнослужители при погребеніи, то дача и имъ по вышеписанному, и на всѣхъ сихъ 200 р.

3. Вдовамъ и сиротамъ, калѣкамъ, нищимъ, въ темницѣ и богадельняхъ сущимъ для раздачи при погребеніи моемъ 100 руб.

4. Ученикамъ Курской Семинаріи, на казенномъ коштѣ воспитывающимся, и сиротамъ, обучающимся въ семинаріи, на двѣ трапезы 100 р

5. Господину консисторскому секретарю, приказнослужителямъ, сторожамъ и приставамъ консисторскимъ 100 р.

6. Монашествующимъ, послушникамъ и штатнымъ служителямъ Бѣлгородскаго архіерейскаго дома, послѣднимъ по 50 к., а на всѣхъ сихъ сто рублей.

7. Да имъ же на трапезу 30 р.

8. Архіерейскимъ пѣвчимъ 70 р.

9. Служителямъ келейнымъ, до послѣдняго моего издыханія мнѣ служившимъ, однако не всѣмъ равно, но смотря по усердію ихъ, 100 р.

10. На три трапезы послѣ погребенія моего и поминовенія въ положенное время 200 р.

11. Для братіи на двѣ трапезы 30 р.

12. На С.-Петербургское Россійское Библейское Общество 200 р.

13. На Московское библейское общество 100 р.

14. На Курское библейское общество 100 р.

15. На строеніе Курскаго монастыря Знаменскаго собора 300 р.

16. Пользовавшему меня въ болѣзняхъ моихъ семинарскому учителю и пособлявшимъ мнѣ въ дѣлахъ епаршихъ и келейныхъ 300 р.

Всего на вышеписанное 2,330 руб.

17. Поелику племянникъ мой, отставной гвардіи поручикъ Иванъ Осиповичъ Мочульскій около 10 лѣтъ уже находится въ болѣзненномъ состояніи истребуетъ моего призрѣнія, для того, назначая въ пользу его 500 руб., отправляю оныя при жизни моей къ благодѣтелю моему, господину дѣйствительному статскому совѣтнику и кавалеру Александру Матвѣевичу Веревкину, у коего въ домѣ означенный племянникъ мой имѣетъ пребываніе, къ предотвращенію нужды его; прочіе же племянники мои довольно мною награждены и живутъ безнуждно".

Амфіанъ Лебедевъ.

Евстафій Ивановичъ Станевичъ.

Имя Евстафія Ивановича Станевича, не безъизвѣстнаго въ свое время литератора, связано съ любопытнымъ эпизодомъ изъ исторіи религіознаго мистицизма въ царствованіе Императора Александра I. Въ общихъ чертахъ въ печати достаточно подробно разсказана интересная исторія съ антимистическою книгою Станевича „Бесѣда надъ гробомъ младенца о безсмертіи души", но объ авторѣ ея мы не нашли въ печати почти никакихъ біографическихъ указаній. Почти всѣ свѣдѣнія [1]) ограничиваются словами „нѣкто Станевичъ" и затѣмъ краткимъ пересказомъ примѣчательной судьбы его книги, не касаясь въ большинствѣ случаевъ остальныхъ трудовъ его авторства. Вотъ почему мы рѣшили избрать въ своемъ очеркѣ литературной и антимистической дѣятельности Станевича біографическую форму.

Евстафій Ивановичъ Станевичъ родился въ городѣ Нѣжинѣ въ 1775 году [2]). Родители Станевича, по происхожденію греки, были люди неименитые и небогатые, не оставившіе сыну никакого наслѣдства и все благопріобрѣтенное впослѣдствіи имущество Станевича составляли, какъ значится въ его формулярномъ спискѣ, три души дворовыхъ людей.

Образованіе, однако-же, не смотря на бѣдность, Станкевичъ получилъ довольно тщательное, окончивъ курсъ въ Московскомъ коммерческомъ училищѣ и овладѣвъ иностранными языками [3]).

---

[1]) Сюда относятся: *Жмакинъ*. Иннокентій, еп. Пензенскій. Христіанское Чтеніе 1885 года. *Ярославскій*.—Воспоминанія. Харьк. Сборникъ выпускъ 1-й. *Знаменскій*, проф. Чтенія изъ исторіи русской церкви за время царствованія Императора Александра I стр. 53.— *Гусевъ*, проф. Православное Обозрѣніе 1886 г. стр. 537.— *Филаретъ*, архіеп. „Обзоръ русской духовной литературы стр. 424. *Шишковъ*—Записки. *Сушковъ*. Записки о жизни Филарета.— *Лонгиновъ*. Русскій Вѣстникъ 1861 г. стр 129. *Доброклонскій*. Душеполезное Чтеніе 1893 г. стр. 537. *Самчевскій*. Кіевская Старина 1893 г. стр. 188. *Дубровинъ*—Русская Старина сентябрь 1894 г. февраль 1895 г. *Третьяковъ*—Русская Старина 1892 г. стр. 536 *Вигель*— Воспоминанія т. III стр. 148. *Скабичевскій*—Изъ исторіи русской цензуры стр. 195. Руководящіе дѣятели духовнаго просвѣщенія въ Россіи въ первой половинѣ текущаго столѣтія И. А. Чистовичъ 1894 г. стр. 196—199. Твор. Св. Отецъ 1884 кн. IV стр. 364—365.

[2]) Воспоминанія Ярославскаго. Харьк. Сборникъ выпускъ I.

[3]) Въ нашемъ распоряженіи въ числѣ книгъ Станевича имѣется: „Seances des écoles normales". Paris. 1801 г. 10 томовъ.

Выйдя изъ училища, Станевичъ въ 1801 году опредѣлился на службу въ Петербургъ, въ канцелярію государственнаго казначейства, на каковой должности онъ пробылъ около двухъ лѣтъ.

Какія обстоятельства принудили Станевича оставить Петербургъ, мы не знаемъ. Можемъ сообщить только, что за время этой службы Станевичъ сошелся съ извѣстнымъ литераторомъ, впослѣдствіи министромъ, Шишковымъ, игравшимъ огромную роль во всѣхъ дальнѣйшихъ обстоятельствахъ его жизни.

Выйдя въ отставку, Станевичъ проживалъ въ деревнѣ Поповкѣ (Сумскаго уѣзда Харьковской губерніи) въ домѣ владѣльца этой деревни помѣщика Александра Александровича Палицына. Здѣсь вмѣстѣ съ домашнимъ учителемъ Василіемъ Ивановичемъ Ярославскимъ онъ занимался обученіемъ и воспитаніемъ сына очень виднаго въ ту пору помѣщика Григорія Романовича Шидловскаго.

В. И. Ярославскій [1]) въ своихъ воспоминаніяхъ отмѣчаетъ хорошее знакомство Станевича съ французскимъ языкомъ и склонность его къ литературнымъ занятіямъ, что и выразилось въ стихотворномъ переводѣ Станевичемъ двухъ французскихъ поэмъ: „Сельскаго Жителя“ Делиля и „Ландшафты, или опытъ о сельской природѣ“ Незай-Марнозія. Послѣдній трудъ посвященъ Станевичемъ Шидловскому.

Скучная доля домашняго учителя, хотя и въ кругу „Поповской академіи“ [2]) тяготила молодаго и предпріимчиваго Станевича. Его тянуло въ Петербургъ, куда онъ, послѣ двухлѣтняго пребыванія въ Поповкѣ, и отправился, получивъ отъ Шидловскаго за учительскіе труды 1000 руб.

Къ этому именно времени (1803 г.) вышла въ свѣтъ извѣстная книга Шишкова: „О старомъ и новомъ стилѣ“, направленная въ защиту стараго славяно-россійскаго языка, нарушаемаго новшествами Карамзинской реформы въ книжной рѣчи.

Страстный поклонникъ Ломоносовскаго слога и горячій адептъ красоты и величавости славянизмовъ, славянскихъ рѣченій, возвышающихъ поэзію надъ обыденною рѣчью, Шишковъ не могъ переносить посягательства карамзинистовъ на священные въ глазахъ его, убѣжденнаго консерватора, завѣты старой школы. „Писать, какъ говорятъ и говорить, какъ пишутъ“ казалось Шишкову дѣломъ, убивающимъ истинную поэзію и обличающимъ

[1]) Ярославскій губернскій архитекторъ, впослѣдствіи совѣтникъ казенной палаты и наконецъ сумской старожилъ, сконч. въ 1869 г.

[2]) „Въ первые годы настоящаго вѣка въ Сумскомъ уѣздѣ въ селѣ Поповкѣ, группировалось около просвѣщенной личности Палицына нѣсколько талантливыхъ писателей, и художниковъ и этотъ литературно-художественный кружокъ, съ Палицынымъ во главѣ, именуется въ его письмахъ „Поповской Академіею“, Н. Ѳ. *Сумцовъ*. Культурный уголокъ Харьковской губерніи. Харьк. Сборн. Вып. II стр. 100.

даже зловредное вольнодумное направленіе писателя. Карамзинисты отвѣчали Шишкову. Споръ этотъ, раздѣлившій литературу того времени на два лагеря „стараго“ и „новаго“ стиля, былъ чрезвычайно оживленъ и оказалъ большое вліяніе на молодаго Станевича, возбудивъ въ немъ литературный жаръ въ духѣ мнѣній, пропагандируемыхъ Шишковымъ. Подъ такимъ вліяніемъ было написано первое печатное произведеніе Станевича (1804 г.) подъ общимъ заглавіемъ: „Собраніе сочиненій въ стихахъ и прозѣ“. Эти сочиненія написаны были Станевичемъ въ Поповкѣ за время постояннаго общенія съ Палицынымъ и, пожалуй, какъ плодъ досуга на лонѣ сельской природы и тишины. Станевичъ явно обнаружилъ симпатіи къ Шишковскимъ идеямъ, что сразу поставило его въ антагонизмъ съ писателями другаго лагеря и, естественно, обратило на себя вниманіе такого достаточно вліятельнаго человѣка, какимъ былъ адмиралъ Шишковъ. Отсюда понятенъ переходъ молодаго литератора на службу изъ Поповки въ Петербургъ на должность помощника директора въ музеѣ государственнаго адмиралтейскаго департамента.

Появленіе книги Станевича, обнаружившей, къ слову сказать, совершенное отсутствіе у автора поэтическаго дарованія, вызвало критику, напечатанную Каченовскимъ въ издаваемомъ имъ тогда Вѣстникѣ Европы. Въ критическомъ жару Каченовскій не постѣснялся обозвать Станевича фанатикомъ, сумасшедшимъ и даже прокаженнымъ, котораго всѣмъ слѣдуетъ сторониться [1]). Два года Станевичъ, „презрѣвъ ругательство“, не отвѣчалъ Каченовскому, но вслѣдъ за появленіемъ въ томъ же журналѣ [2]) критики на „Посланіе къ Привѣтѣ“ Палицына, выпустилъ въ свѣтъ въ 1808 году объемистое сочиненіе—„Способъ разсматривать книги и судить о нихъ“ [3]). Отвѣчая Каченовскому, Станевичъ въ концѣ своей книги отражаетъ и нападки критика на своего друга Палицына. Это было въ періодъ почти восьмилѣтней отставки Станевича отъ должности вице-директора адмиралтейскаго музея, когда Станевичъ вновь проживалъ у Палицына и у помѣщиковъ Кондратьевыхъ, въ имѣніи Желѣзнякъ (Сумск. у. Харьк. губ.). Въ томъ же году Станевичъ напечаталъ „Разсужденіе о законодательствѣ вообще“ и „Разсужденіе о русскомъ языкѣ“, проникнутое благоговѣніемъ къ Шишковскимъ идеямъ, но, какъ замѣчаетъ академикъ Гротъ [4]), „содержащее и вѣрныя мысли, разумѣется, въ границахъ тогдашнихъ филологическихъ понятій и показывающее въ авторѣ человѣка начитаннаго и знакомаго со многими иностранными языками“.

---

1) Вѣстникъ Европы 1806 г. кн. 2, январь.

2) Вѣстникъ Европы 1807 г. ч. 35. № 19.

3) Въ „Посланіи къ Привѣтѣ“ есть нѣсколько хвалебныхъ словъ и о „Евстафіи“ (Станевичѣ).

4) Примѣчанія къ академическому изданію соч. Державина т. III, стр. 333.

Первая книга на критику Каченовскаго подала поводъ къ новой и еще болѣе рѣзкой статьѣ, напечатанной Воейковымъ въ Вѣстникѣ Европы [1]), какъ мнѣніе безпристрастнаго о способѣ разсматривать книги. Въ отвѣтъ Воейкову появилась статья въ Драматическомъ Вѣстникѣ съ подписью „Правдолюбъ" [2]). Борьба приняла характеръ раздраженный, велась безъ всякаго безпристрастія и на столько интересовала литературные круги того времени, что въ ней принялъ участіе маститый Г. Р. Державинъ. Какъ извѣстно, впрочемъ, поэтъ, особенно къ старости, былъ слабъ къ похваламъ и восторгамъ и охотно оказывалъ покровительство прибѣгавшимъ за этимъ къ творцу Фелицы съ усердными посвященіями его имени своихъ произведеній. Такъ поступилъ и Станевичъ и удостоился слѣдующаго четвертостишія, напечатаннаго въ Драматическомъ Вѣстникѣ съ тремя звѣздочками вмѣсто подписи:

Прославится, иль постыдится
Всякъ отъ оного, кто что творитъ;
Станевичъ быть полезнымъ тщится,
А Сквернословъ его бранитъ [3]).—

Подъ именемъ Сквернослова разумѣется Воейковъ. Тонъ его критики дѣйствительно не заслуживалъ сочувствія.

Мы имѣемъ не бывшее въ печати письмо Евгенія Болховитинова, епископа Вологодскаго, впослѣдствіи митрополита Кіевскаго, писавшаго къ Державину отъ 15 апр. 1808 г. по этому поводу. Мы приведемъ это письмо дословно: „Ваше превосходитсльство, Милостивый Государь и благодѣтель! При почтеннѣйшемъ письмѣ Вашего высокопревосходительства получилъ я и шведскую исторію и стихи на Лже-Державина. Они давно уже въ Вологдѣ извѣстны чрезъ Москву. Произведенія Ваши вездѣ съ отмѣннымъ любопытствомъ читаются. Надобно Ваше высокопревосходительство, чтобы сихъ стиховъ до смерти Лже-Державина не печатать. Довольно и такъ ему больно, хотя въ письмѣ вашемъ къ князю Голицыну показаны и весьма обстоятельныя причины. Нашелъ я Лже-Державиныхъ и въ Вологодской семинаріи. Охота тщеславиться именемъ великаго нашего піиты въ стыдъ обратится недостойнымъ присвоителямъ: но самое сіе тщеславіе дѣлаетъ честь и славу подлиннику въ каррикатурахъ. Стихи Александру Семеновичу [4]) весьма лестный вѣнокъ на главу его, и онъ въ своемъ отвѣтѣ при-

[1]) Вѣстникъ Европы 1808 г. стр. 18.

[2]) Драматич. Вѣстникъ 1809 г. ч. VI. № 93, стр. 73.

[3]) Четверостишіе Державина было напечатано въ Драматическомъ Вѣстникѣ (1808 г. ч. III. № 74, стр. 168), подъ заглавіемъ эпиграмма съ тою разницею въ редакціи, что вмѣсто Станевичъ стояло Честоновъ и вмѣсто Сквернословъ—Грубословъ (Академич. изд. Державина, акад. Грота ч. III, стр. 339).

[4]) Александръ Семеновичъ Хвостовъ.

знаетъ всю цѣну онаго. Такъ то съ Гораціями безсмертны становятся меценаты, Сестіи, Планки, Вары и прочіе, которыхъ имена безъ того не дошли бы, можетъ быть, и до потомства. Станевичеву книжку, присланную мнѣ отъ Вашего Высокопревосходительства, съ любопытствомъ прочиталъ. Въ ней очень много справедливыхъ замѣчаній. Ваша эпиграмма [1]) для него также весьма утѣшительна, но я, признаюсь, думаю: на что по Донъ-Кихотову сражаться съ мельницами? Презрѣніе есть самый лучшій отвѣтъ площаднымъ критикамъ. Людямъ, чувствующимъ свое достоинство, надобно бы помнить прекрасную мысль Аякса, вызываемаго въ бой съ Улиссомъ, описанную у Овидія (Превращенія кн. XIII басня 1), гдѣ Аяксъ съ пренебреженіемъ къ Улиссу, славившемуся только краснобайствомъ, говоритъ:

Я въ битвахъ знаменитъ, а онъ лишь на словахъ.
Такой соперникъ честь мою уничижаетъ!
Когда и побѣжденъ онъ будетъ мною;
Но тѣмъ прословится, что и со мной сражался.

Мысль эта мнѣ весьма нравится. Она у Овидія гораздо болѣе распространена и представлена въ самомъ дѣйствіи величественною картиною. Г. Станевичъ на 24-й страницѣ своей книги напалъ было на сію мысль, но, написавъ 116 страницъ въ отвѣтъ на 13-страничную критику и, думавши сдѣлать пользу неопытнымъ читателямъ, не меньше того сдѣлалъ чести своему критику". Ваше высокопревосходительство вѣрно въ маѣ выѣдете въ достопамятную Званку [2]). Отъ искренняго сердца желаю вамъ всѣхъ возможныхъ утѣшеній въ семъ мирномъ убѣжищѣ. А мнѣ остается только въ отдаленіи воображеніемъ туда переноситься къ нашему Горацію, будучи навсегда съ совершеннѣйшимъ высокопочитаніемъ и душевною преданностію

Вашего Высокопревосходительства

Милостиваго Государя и благодѣтеля всепокорнѣйшимъ слугою

Евгеній епископъ Вологодскій.

Такихъ же, больныхъ для авторскаго самолюбія Станевича, вопросовъ касается и имѣющееся у насъ письмо къ нему Шишкова [3]), на столько ха-

[1]) На поднесенномъ авторомъ экземплярѣ,—„Способъ разсматривать книги и судить о нихъ", Державинъ написалъ слѣдующіе стихи на Каченовскаго:

„Зоиловыхъ противъ
Тебя, Станевичъ, клеветаній
Суть собственны его писанья
Твои сильнѣйши оправданья
Которы свѣту ты открылъ
Припомнимъ истину извѣстну всѣмъ давно
Въ чужихъ глазахъ зримъ сукъ, не зримъ въ своихъ бревно"

Съ этою надписью Державинъ послалъ книгу Станевича Евгенію.

[2]) Имѣніе Державина въ Новгород. губ.

[3]) Отъ 23 марта 1809 г. не было въ печати.

рактерное для литературныхъ злобъ дня того времени, что мы позволяемъ себѣ привести его цѣликомъ.

„Весьма мнѣ досадно, мой любезный Астафій Ивановичъ, что по сю пору не знаю, получилъ ли ты, посланныя отъ меня, вещи, а именно: книги мои, переводъ двухъ статей изъ Лагарпа и Тассовы бдѣнія. Послѣ того послалъ я еще и листики Драматическаго Вѣстника, во которыхъ напечатанъ отвѣтъ Воейкову. Все это препровождено отъ меня было Дмитрію Дмитріевичу Бѣлостоцкому, который увѣрилъ меня, что все вѣрно къ тебѣ было отправлено. Но въ письмахъ, присланныхъ отъ тебя ко мнѣ и къ Гаврилѣ Романовичу, ты о томъ не упоминаешь, а по счету времени, казалось, надлежало бы уже тому до тебя дойти. На послѣднее письмо твое (на которое по недосугамъ и болѣзнямъ моимъ поздно отвѣчаю), скажу, что надобно презрѣть сихъ журналистовъ, которые такимъ грубымъ и несправедливымъ образомъ вопіютъ противъ тебя. Образъ мыслей твоихъ у всѣхъ честныхъ и хорошихъ людей останется въ почтеніи, а ихъ легкомысленность и вѣтренность упадутъ въ презрѣніе. Одинъ изъ нихъ, думая выбранить тебя, назвалъ ни къ селу, ни къ городу прескверными прекрасные четыре стиха, взятые тобою изъ Шехматова. Вотъ какова ихъ осторожность и судъ! Стрѣляютъ въ ворону, а попадаютъ въ корову. По всей видимости это не такого разбора люди, съ которыми можно было бы разсуждать. И такъ должно дать имъ волю. Всѣхъ не исправишь. Удивительное дѣло, что многіе и даже весьма многіе изъ молодыхъ писателей нашихъ показываютъ себя великими непріятелями разсудку. Какъ скоро кто начнетъ разсуждать о чемъ, то, кажется, они на него тѣмъ больше злятся, чѣмъ больше видятъ истины въ его разсужденіяхъ. Однимъ словомъ, *разсуждать* это для нихъ ножъ вострый. Я перевелъ книгу le Veglie di Tasso и назвалъ ее, какъ въ подлинникѣ бдѣнія Тассовы. Другой переводчикъ, переводя ее, говоритъ въ предисловіи, что хотя въ подлинникѣ названа она бдѣніями (le veglie), но онъ не смѣетъ ее такъ назвать для того, что слово сіе многимъ читателямъ не понравится. Вотъ до чего доводитъ насъ какой то по нынѣшнему *вкусъ*, а по моему крайнее невѣжество не смѣть употреблять слова, освященныя вѣками для того только, что нынѣшніе журналисты ихъ не употребляютъ. Спросишь, какъ же вы назовете le veglie? Отвѣчаютъ: ночи, вечера, мечты и пр. Возражаешь имъ: бдѣніе значитъ время, въ которое человѣкъ спать не можетъ; слово ночь, вечеръ или мечты выражаютъ ли сіе понятіе? Нѣтъ. На что же вы не хотите употребить настоящее слово и употребляете другое, которое не то значитъ и не выражаетъ того понятія? Не смѣемъ: оно многимъ не понравится! Вотъ преглупѣйшій для меня отвѣтъ! Найдутъ у Сумарокова и Ломоносова въ трагедіяхъ *животъ*, *уды* и вопіютъ противъ сихъ словъ, такъ что для нихъ

не хотятъ признавать въ сочиненіяхъ сихъ никакого достоинства. Спросишь: да помилуйте, скажите, отчего вамъ животъ и уды такъ не нравятся? Отвѣчаютъ: животъ значитъ брюхо, а удъ употребляется только въ рѣчи тайный удъ. Вотъ ихъ умствованіе! Такъ что, слыша сіе хочется сказать: безумные, да кто вамъ сказалъ, что животъ значитъ брюхо? Вы это слышали отъ бабъ въ выраженіяхъ: „накинуть горшокъ на животъ" и тому подобныхъ. Прочитайте хоть нѣсколько старинныхъ нашихъ книгъ. Прочитайте Ломоносова и другихъ, вы увидите, что слово сіе значитъ жизнь и вездѣ, въ самомъ высокомъ слогѣ употребляется. Почему слово удъ употребили вы для означенія одного тайнаго уда? По этому, прочитавъ въ мѣстахъ двухъ или трехъ тайный членъ, вы бросите слово, членъ, по той же причинѣ, по какой бросаете слово удъ? Наконецъ вы по такимъ гнилымъ и безразсуднымъ причинамъ всѣ слова въ азбукѣ сдѣлаете подлыми и всѣхъ ихъ разбросаете? Такъ ли должно умствовать о разумѣ словъ? И можно ли намъ сдѣлаться знаменитыми писателями и производить что нибудь умное, собственными нашими красотами сіяющее, когда мы знаменованіе и силу словъ опредѣлять будемъ не по корнямъ и опредѣленіямъ оныхъ въ важныхъ писаніяхъ, а потому какъ ихъ употребляютъ, или бабы на рынкахъ, или лѣкари, или сидѣльцы въ лавкахъ и проч.? Вотъ у кого вмѣсто псалтырей, четьи-миней и тому подобныхъ книгъ учимся мы русскому языку! Отъ сего происходитъ, что иной, нашедъ въ книгѣ благощастіе, кричитъ: такія слова портятъ слогъ! Онъ не вникаетъ въ языкъ и не разсуждаетъ о томъ, что когда есть злощастіе, то конечно уже и благощастіе быть можетъ. Онъ слово злощастіе по наслышкѣ знаетъ, а слово благощастіе рѣдко слыхалъ или совсѣмъ не читывалъ такихъ книгъ, въ которыхъ оное употребляется и для того существованіе злощастія признаетъ, а существованіе благощастія отвергаетъ. Какъ же можно механическому уму и разсудку произвесть какой нибудь высокій плодъ? Предоставимъ времени, мой любезный Астафій Ивановичъ, возникнуть языку нашему въ прежнее свое достоинство и станемъ продолжать любить то, что многіе нынѣ не любятъ. Авось туманъ когда либо разсѣется! Пиши, пожалуйста, ко мнѣ почаще, да прошу тебя поклонись отъ меня Александру Александровичу Палицину и скажи ему, что я, какъ дарованія его въ словесности, такъ и нравственность весьма почитаю."

Дальнѣйшая литературная дѣятельность Станевича выразилась, главнымъ образомъ, въ участіи въ учрежденной въ 1811 году „Бесѣдѣ любителей русскаго слова". Во противовѣсъ бесѣдѣ возникъ какъ извѣстно знаменитый „Арзамасъ", располагавшій такими литературными силами, какъ Карамзинъ, Жуковскій, Батюшковъ, и наконецъ, начинавшій тогда Пушкинъ. Немудрено, что на Шишковцевъ тогда въ изобиліи сыпались и воз-

раженія и насмѣшки. Станевичъ былъ членомъ и сотрудникомъ въ 11 разрядѣ „Бесѣды“. Насколько дѣятельно было его сотрудничество, можно судить по настойчивости тѣхъ нападокъ на него, какія мы находимъ у арзамасцевъ. Приведемъ напр., цитату изъ „Пѣвца въ Бесѣдѣ Славянороссовъ“ Батюшкова:

„Хвала, пишетъ Батюшковъ, нашъ пасмурный Гарвей,
Обруганный Станевичъ!“

Воейковъ осмѣялъ Станевича въ своемъ „Парнасскомъ Календарѣ“ и въ „Домѣ Сумасшедшихъ“!:

„Вотъ Станевичъ въ отдаленіи,
Усмотрѣвъ, что это я,
Возопилъ въ остервененьи:
Міръ потомства! За меня
Злому критику отмстите...
Мой изъ бронзы выливъ ликъ,
Монументъ соорудите:
Я великъ, великъ, великъ!
Какъ! И ты безсмертнымъ льстишься
О, червякъ, отецъ червей,
Я сказалъ, и ты стремишься
Къ славѣ изъ норы своей?..... [1]).

Въ Парнаскомъ адресъ-календарѣ о Станевичѣ сказано: „Евстафій Станевичъ, академикъ и бесѣдистъ. За ревностные труды по части злословія Совѣтъ Музъ добавилъ къ его фамиліи недостававшую литеру *а* и повелѣлъ ему писать и быть Сатаневичемъ“. [2]).

Прибавимъ къ этому еще отрывочное свѣдѣніе о стихахъ, написанныхъ Станевичемъ вмѣстѣ съ Бобровымъ, по своему заглавію характерно рисующихъ музу Станевича: „Стихи на случай выросшей вѣтки на монументѣ Румянцева-Задунайскаго“. Выше мы привели два стиха изъ Батюшкова, назвавшаго Станевича „пасмурнымъ Гарвеемъ“. Вигель въ своихъ воспоминаніяхъ приводитъ насмѣшливое сравненіе Станевича съ Рембрантомъ по мрачному тону его писаній, какъ человѣка, начитавшагося Юнга и Гарвея и, посему исполненнаго мрачныхъ мыслей о бренности всего земного. Можемъ еще сказать о сотрудничествѣ Станевича вмѣстѣ съ Палицынымъ въ издававшемся въ 1811—1812 годахъ журналѣ „Улей“ подъ редакціею Анастасевича.

---

[1]) Домъ Сумасшедшихъ. Русская Старина. 1874 г. № 3.

[2]) Русская Старина 1874 г. стр. 600. Замѣтимъ кстати, что Русская Старина, печатая приводимый отрывокъ о Станевичѣ, такъ поясняетъ эту фамилію: „личность мало извѣстная при жизни, а еще менѣе по смерти. Признанная бездарность“.

Въ свое время эти, теперь забытые писательскіе труды Станевича, создали ему нелестную славу бездарности. Это мнѣніе повторилъ и Бѣлинскій, назвавъ Станевича „весьма плохимъ піитою своего времени“ и неправильно относя дѣятельность Станевича къ 1794 году, тогда какъ первое печатное произведеніе Станевича появилось, какъ мы видѣли, только въ 1804 году.

Такъ или иначе, а литературная дѣятельность Станевича была такъ сказать у всѣхъ на виду. „Если, говоритъ Лонгиновъ [1]), исправляя указанный недосмотръ Бѣлинскаго, вы не знаете стиховъ, статей и рѣчей, гдѣ говорится о Станевичѣ и того, когда и почему они были написаны, то вы не узнаете настоящихъ литературныхъ портретовъ Жуковскаго, Батюшкова; вы незнакомы съ подробностями движенія, даннаго литературѣ Арзамасомъ, исторія котораго слилась съ дебютами Пушкина и наложила на него свою неизгладимую печать“.

Къ этому періоду жизни Станевича относятся имѣющіяся у насъ письма къ нему Державина и Шишкова. [2]).

Державинъ адресовалъ письмо въ г. Сумы:

„Вы, поѣхавъ отсюда [3]), не объявили никому, надолго ли вы отлучились, будете ли обратно и желаете ли остаться сотрудникомъ въ Бесѣдѣ нашей [4]), дабы, ежели вы не хотите остаться, избрать можно было другего. Увѣдомьте о томъ. Скажу вамъ, что Бесѣда 14 числа открыта благополучно съ великимъ успѣхомъ и похвалою отъ публики; а остается только начавшуюся славу поддержать единодушнымъ согласіемъ и полезными трудами во благо общее. Пребываю впрочемъ съ почтеніемъ. Вашъ покорнѣйшій слуга Гавріилъ Державинъ“.

Изъ письма Шишкова [5]) мы приведемъ слѣдующее:

„Я помѣстилъ „Размышленіе твое при гробѣ благоденствія“ въ первую книжку съ тѣмъ, чтобы къ будущей присовокупить и конецъ. Не знаю, установится ли должнымъ образомъ наша „Бесѣда“, но покрайней мѣрѣ то утѣшительно, что она всей публикѣ принесла великое удовольствіе. Поклонись отъ меня А. А. Палицыну и попроси его, чтобы онъ для „Бесѣды“ нашей что нибудь сочинилъ и прислалъ“.

---

[1]) Русскій Вѣстникъ. кп. 6 стр, 129. 1861 года.

[2]) Изъ неизданнаго письма.

[3]) Изъ Петербурга.

[4]) Державинъ былъ предсѣдателемъ 11 разряда Бесѣды, въ которомъ состоялъ членомъ Станевичъ. Собранія происходили въ домѣ Державина. Бесѣда имѣла свой журналъ: „Чтенія въ Бесѣдѣ любутелей русскаго слова“, выходившій подъ редакціею Шишкова, предсѣдателя 1-го разряда Бесѣды.

[5]) Изъ неизданнаго письма.

Пользуясь случаемъ, упомянемъ еще объ одномъ письмѣ Шишкова къ Станевичу изъ числа послѣднихъ передъ возвращеніемъ Станевича въ Петербургъ, гдѣ вскорѣ разыгралась исторія съ его книгою противъ мистиковъ, исторія, имѣющая главный предметъ нашего очерка.

Въ этомъ письмѣ [1]) Шишковъ цитуетъ отрывки изъ поэмы Шехматова: „Петръ Великій", восхищаясь его и увѣряя Станевича, что въ поэмѣ есть Гомеровы красоты. Далѣе Шишковъ говоритъ о несчастьи, приключившемся съ его племянникомъ, лейтенантомъ флота, Хвостовымъ и мичманомъ Давыдовымъ. Оба они дважды ѣздили во время кампаніи въ С. Америку и оттуда въ Сибирь. Въ 1809 году, проживая, въ ожиданіи новыхъ назначеній, въ Петербургѣ, они оба, возвращаясь какъ то поздней ночью домой, упали съ разведеннаго Исакіевскаго моста въ Неву и утонули. Шишковъ былъ страшно потрясенъ этимъ несчастьемъ. Погибшіе подавали блестящія надежды. Ихъ двукратное плаваніе въ Америку и путешествіе по Сибири дало матеріалъ для послѣдовавшаго затѣмъ изданія Шишковымъ книги: „Двукратное путешествіе въ Америку морскихъ официровъ Хвостова и Давыдова, писанное симъ послѣднимъ". Эту книгу какъ и экземпляръ своихъ „Разговоровъ о словосности" Шишковъ передалъ чрезъ Станевича ректору Харьковскаго университета Ивану Степановичу Рижскому при слѣдующемъ письмѣ [2]) отъ 28 Генваря 1811 года:

„Милостивый государь мой Иванъ Степановичъ! Съ величайшимъ удовольствіемъ получилъ я посланный ко мнѣ отъ Харьковскаго университета дипломъ и письмо Ваше при ономъ. Вторично приношу мою благодарность за сдѣланную мнѣ честь. Препровождаю при семъ въ университетъ въ знакъ моего почтенія вышедшую изъ печати первую часть издаваемой мною книги подъ названіемъ: „Двукратное путешествіе въ Америку морскихъ офицеровъ Хвостова и Давыдова, писанное симъ послѣднимъ". Когда остальныя части выйдутъ изъ печати, то не премину и оныя прислать. Также посылаю собственно къ Вамъ сочиненную мною книжку подъ названіемъ: „Разговоры о словесности". Въ университетъ не могъ я при теперешнемъ случаѣ послать оной потому, что г. Станевичъ, съ которымъ я ихъ отправляю, ѣдетъ сегодня; а книжка сія окончена печатаніемъ вчера, такъ что неуспѣли переплести нѣсколько оныхъ и для того, не имѣя у себя, кромѣ одного экземпляра, принужденъ я послать такой, какой случился въ надеждѣ, что Вы не погнѣваетесь на худую его наружность; что жъ касается до внутренности, оная не можетъ быть украшена и, каковою есть, таковою и останется. Во всякомъ случаѣ прошу принять оную въ знакъ моего почтенія къ Вамъ и преданности".

[1]) Не было въ печати.

[2]) Не было въ печати.

Переходимъ къ слѣдующему за восьмилѣтнею отставкою періоду Петербургской службы Станевича въ канцеляріи статсъ-секретаря и сенатора Петра Андреевича Кикина (1777 г.—1834 г.) и къ изложенію послѣдующей его литературной дѣятельности.

Религіозно-мистическое направленіе, какъ реакція увлеченій матеріалистическими вѣяніями XVIII вѣка, появилось въ Россіи еще въ концѣ прошлаго столѣтія и пришло къ намъ съ Запада.

Первые шаги мистицизма на русской почвѣ были довольно слабы. Мистика встрѣтила полное сочувствіе въ высшихъ правительственныхъ сферахъ уже въ послѣдней половинѣ царствованія Александра I, когда и самъ Государь съ увлеченіемъ отдался таинственности и высокой настроенности мистическихъ идей. При началѣ царствованія мистическая пропаганда обставлена была еще значительными стѣсненіями; издававшійся въ это время мистическій журналъ Лабзина „Сіонскій Вѣстникъ“ въ 1806 году былъ запрещенъ.

Вслѣдъ же за событіями того времени, оставившими глубокій слѣдъ на нѣжной, впечатлительной душѣ Александра; вслѣдъ за пожаромъ Москвы, освобожденіемъ Европы, актомъ Священнаго Союза и мечтами о соединеніи всѣхъ народовъ въ братскомъ союзѣ и о религіи, основанной на внутреннемъ озареніи сердца Святымъ Духомъ,—мистицизмъ нашелъ себѣ прекрасную почву въ религіозно-настроенной душѣ Государя и не замедлилъ упрочиться въ русскомъ обществѣ. Дворъ, а затѣмъ министерства и высшая правительственная власть наполнились лицами мистическаго направленія. За ними мистицизмъ, опускаясь ниже, передался чиновному классу перешелъ въ провинцію и, наконецъ, какъ знаменіе своего времени, обратился въ моду, тѣмъ болѣе удобную, что серьезность мистическихъ идей въ массѣ утратилась, а осталась одна свобода отъ опредѣленныхъ вѣрованій и опредѣленныхъ правилъ жизни.

Мы не будемъ подробно излагать содержаніе религіознаго мистицизма и упомянемъ лишь о крайнихъ пунктахъ его, наиболѣе противорѣчащихъ православному вѣроученію.

Важнѣе всего отмѣтить, что по мистическимъ воззрѣніямъ совершенно отвергалась внѣшняя, видимая церковь. Мистики, послѣдовательно развивая свое ученіе „о Царствѣ Божіемъ внутри насъ“, о таинственной, непосредственной силѣ, обращающей насъ къ Богу, пришли къ отрицанію всякихъ внѣшнихъ путей, посредствъ и руководствъ, необходимыхъ для спасенія и, наконецъ, посягнули на отрицаніе таинствъ и на извращеніе догматовъ.

Въ мистической журнальной литературѣ того времени, отражающей всѣ обильныя развѣтвленія мистицизма, мы находимъ всевозможные укоры

и нападки на св. таинства, іерархію, иконы, посты и на внѣшнюю церковную обрядность.

„Строить храмы, жертвовать колокола, читаемъ мы, напр., въ „Сіонскомъ Вѣстникѣ“ [1]), украшать иконами и прочею утварью церковною, удаляться въ монастыри, класть поклоны, соблюдать посты—это значитъ только забавлять себя наружными дѣлами“. „Тогда, наивно продолжаетъ далѣе мистическій органъ, еще не было монастырей, когда помѣщики Ной, Авраамъ, Исаакъ, Іаковъ, Іовъ угодили Богу“. Таинство крещенія принималось мистиками символически; евхаристическое причащеніе, по ихъ ученію, можно совершать всякою пищею только съ извѣстною мыслью о присутствіи въ ней „духовной тѣлесности Христа“. Такимъ образомъ уклоненіе мистическихъ ученій отъ истиннаго ученія православной церкви очевидно. Выступить же съ опроверженіемъ этихъ враждебныхъ православію ученій въ то время было рискованно даже на чисто научной почвѣ. Ученіе православной церкви оставалось ученіемъ покровительствуемымъ государствомъ, но рядомъ съ этимъ пользовалась покровительствомъ пропаганда мистицизма, враждебнаго православію. Непримиримость возникавшихъ отсюда противорѣчій очевидна. Судить о нихъ въ печати не представлялось, однако, удобнымъ, пока право свободнаго голоса было только на сторонѣ мистиковъ, имѣвшихъ это право вмѣстѣ съ властью. Главною опорою мистицизма былъ князь Голицинъ. По самому характеру своему, созерцательному и довѣрчивому, склонному къ крайностямъ и чудесному, князь Голицынъ весьма подходилъ къ духу мистическихъ стремленій и, главное, служилъ имъ по своему оффиціальному положенію оберъ-прокурора Св. Сvнода и министра двойнаго министерства самымъ послушнымъ и самымъ сильнымъ оружіемъ. Во главѣ двухъ отдѣленій двойнаго министерства: департамента духовныхъ дѣлъ и департамента народнаго просвѣщенія Голицынымъ были поставлены завѣдомые мистики: А. Тургеневъ и В. Поповъ, оба секретари возникшаго къ этому времени Библейскаго общества. Ближайшимъ помощникомъ Голицына въ управленіи департаментомъ духовныхъ дѣлъ былъ массонъ Р. Кошелевъ. Попечители учебныхъ округовъ, (Руничъ—Петербургскаго и Магницкій—Казанскаго), чиновники въ главномъ управленіи училищъ и учебнаго комитета были также изъ послѣдователей мистицизма. Св. Сvнодъ былъ поставленъ въ вѣдомствѣ духовныхъ дѣлъ на одномъ уровнѣ съ католическою коллегіею, евангелическою консисторіею и духовными управленіями армянъ, евреевъ и т. д.

Въ 1818 году въ Петербургъ вызывались квакеры, встрѣтившіе въ высшемъ петербургскомъ свѣтѣ самый радушный пріемъ. Въ 1819 г. пріѣзжалъ изъ Германіи пасторъ Линдль. Въ слѣдующемъ году вызванъ былъ

[1]) Сіонскій Вѣстникъ 1806 г.

другой нѣмецкій пасторъ Госнеръ, собиравшій въ католической церкви на Невскомъ цѣлыя толпы восхищенныхъ слушателей. Въ обѣихъ столицахъ образовались мистическіе кружки (г-жи Криднеръ, Татариновой) съ весьма ясно выраженною нетерпимостью къ православному духовенству. Въ началѣ 1813 года открыто было „Библейское Общество", возникшее, какъ сколокъ съ англійскаго, извѣстнаго и доселѣ своимъ благодѣтельнымъ, неутомимымъ распространеніемъ Слова Божія по всему лицу земли. Наше общество занялось изданіемъ книгъ Священнаго Писанія на разныхъ языкахъ. Въ томъ числѣ, конечно, необходимъ былъ переводъ библіи и новаго завѣта на русскій языкъ. Это весьма важное и необходимое дѣло велось безъ всякаго участія Св. Сѵнода и все время находилось исключительно въ рукахъ одного общества, выставлявшаго себя не принадлежащимъ ни къ какой церкви и дѣйствующимъ по изліянной на общество благодати Св. Духа, освящающей всякую плоть безъ какого бы то ни было посредства Св. Церкви. Понятно, что, при такомъ ходѣ дѣлъ, Библейское общество, располагая огромнымъ авторитетомъ у власти и обладая громадными денежными средствами, сумѣло выпустить въ свѣтъ массу мистическихъ книгъ, статей и брошюръ, сосредоточивъ въ своихъ рукахъ главный, такъ сказать, центръ и силы мистическаго движенія. Изъ иностранныхъ книгъ переводились: Линдль, Дю-Туа, Паркеръ, Мартенъ, Бемъ, Гюйонъ, особенно часто Ю. Шиллингъ и Эккартсгаузенъ. Одна княгиня Мещерская издала болѣе 90 брошюръ для народнаго чтенія въ 400 экземплярахъ, израсходовавъ на это до 10,000 руб. своихъ денегъ и 12,000, пожертвованныхъ Государемъ. Изъ русскихъ изданій отмѣтимъ спеціально мистическіе журналы: „Духъ Юношества", Невзорова, „Духовный годъ жизни христіанина", „Христіанское Чтеніе", имѣвшее въ первые годы своего изданія (1821 г.) нѣкоторую мистическую окраску и, наконецъ, главный органъ мистицизма, „Сіонскій Вѣстникъ" Лабзина. Послѣдній журналъ, возобновленный въ 1817 г. послѣ запрета въ 1806 году, считалъ въ числѣ подписчиковъ Высочайшихъ Особъ. Мистическія книги дѣятельно разсылались по распоряженію Голицына по свѣтскимъ и духовнымъ учебнымъ заведеніямъ, а читателями „Сіонскаго Вѣстника" были всѣ митрополиты, епископы, архимандриты, множество священниковъ и, какъ обязательные, всѣ монастыри, академіи, семинаріи и училища.

Мы привели эти краткія свѣдѣнія о царившемъ въ современномъ Станевичу обществѣ увлеченій мистицизмомъ съ цѣлью показать, какъ трудно и рискованно было выступать противъ общепринятыхъ заблужденій.

Неудивительно, если такъ мало было протестовъ. Наибольшаго противодѣйствія мистикамъ слѣдовало бы, конечно, ждать со стороны духовенства и, главное, высшей духовной власти, Св. Сѵнода. Въ ту пору,

однако, Св. Сунодъ былъ явно униженъ, и Голицынъ распоряжался въ немъ полновластнымъ хозяиномъ. По первому представившемуся поводу былъ удаленъ 6 апрѣля 1818 г. петербургскій митрополитъ Амвросій Подобѣдовъ за довольно еще снисходительное противодѣйствіе мистицизму. Митрополитъ былъ переведенъ въ Новгородъ, гдѣ спустя два мѣсяца и скончался. Новый петербургскій митрополитъ Михаилъ былъ однимъ изъ воспитанниковъ массонскаго Дружескаго Общества; на деньги этого Общества слушалъ лекціи въ Московскомъ университетѣ и на всю жизнь сохранилъ нѣкоторый мистическій оттѣнокъ въ своихъ религіозныхъ воззрѣніяхъ. На послѣднее, вѣроятно, и разсчитывали, какъ показало ближайшее будущее, не совсѣмъ безошибочно.

Въ духовной литературѣ мы находимъ, до появленія книги Станевича очень немного сочиненій антимистическаго направленія. Сюда относятся: сочиненіе единовѣрческаго священника Полубинскаго „О внѣшнемъ богослуженіи"; его же замѣчанія на книгу Лопухина, Духовный Рыцарь, и отрывки Замѣчаній на переводъ Флейшера „О душѣ" [1]). Извѣстно, далѣе, письмо (отъ 1-го Іюля 1806 г.) Евгенія Болховитинова, замѣчательное по обличеніямъ антиправославнаго направленія „Сіонскаго Вѣстника". [2]).

Изъ свѣтскихъ лицъ, кромѣ Станевича, извѣстенъ только нѣкій Степанъ Смирновъ, переводчикъ Московской медицинской академіи, возревновавшій о православіи и подавшій письмо Государю, въ которомъ обращалъ Высочайшее вниманіе на мистическую пропаганду. [3]) Это письмо осталось безъ послѣдствій. Тогда Смирновъ представилъ въ духовную цензуру свои возраженія на незадолго передъ этимъ переведенную „Побѣдную Повѣсть" Ю. Шилинга. Объемистая рукопись Смирнова подъ кудрявымъ заглавіемъ „Вопль жены, облеченной въ солнце" со стороны цензурной была вполнѣ невинна, но не заслуживала вниманія по своему незначительному риторическому содержанію. Кромѣ того авторъ „вопля" высказалъ такую безтактность въ своихъ полемическихъ пріемахъ, что отъ выхода въ свѣтъ такой книги можно было ожидать только благопріятнаго случая для насмѣшливыхъ нападокъ со стороны сильныхъ мистическихъ журналовъ.

Рукопись Смирнова къ печатанію духовною цензурою пропущена не была. Самого же несчастнаго автора, какъ человѣка неблагонадежнаго, свѣтское начальство лишило службы и довело до совершенной нищеты...

Слѣдуетъ упомянуть еще о статьяхъ Стурдзы, [4]) посвященныхъ раз-

1) Обзоръ русской духовной литературы Филарета стр. 434.

2) Idem. стр. 441.

3) Напечатано въ Чтеніяхъ Общества Исторіи 1858 г. ч. III. Стр. 139.

4) Александръ Стурдза, образованный бессарабскій помѣщикъ, изъ молдаванъ. Лучшее изъ его сочиненій „Письма объ обязанностяхъ священника" въ 2 ч. Одесса 1841 г. Сконч. 1854 г.

бору переводовъ Лабзина: „Таинство Креста“ и „Побѣдная Повѣсть“. Статьи Стурдзы также небыли напечатаны. Голицынъ, однако, понялъ, что онъ но можетъ быть непогрѣшимымъ судьею въ богословскихъ вопросахъ и передалъ „Сіонскій Вѣстникъ“ изъ свѣтской въ духовную цензуру. Съ этимъ вмѣстѣ прекратилось существованіе этого журнала. Его издатель Лабзинъ, пожалованный въ 1816 году орденомъ Владиміра 2-й степени „за изданіе на отечественномъ языкѣ духовныхъ книгъ“, человѣкъ съ огромнымъ самолюбіемъ и рѣзкимъ характеромъ, отказался „идти, по его словамъ, на судъ людей, которые затворяютъ дверь Царствія Небеснаго; сами не входятъ и другихъ не впускаютъ“. Вотъ и всѣ, какіе мы знаемъ, протесты противъ мистицизма, возникавшіе на почвѣ литературной борьбы. Они были и рѣдки и довольно неудовлетворительны. Понятенъ весь тотъ шумъ, какой произвело смѣлое и горячее обличеніе мистицизма Станевичемъ и вся примѣчательная судьба его книги.

Мы оставили Станевича перешедшимъ 29 апрѣля 1816 года на службу въ канцелярію по принятію прошеній на имя Его Величества къ статсъ-секретарю Петру Андреевичу Кикину.

Можно предполагать, что это мѣсто Станевичъ получилъ по протекціи Шишкова, тѣмъ вѣроятнѣе, что П. А. Кикинъ близко подходилъ къ Шишковскимъ симпатіямъ въ качествѣ крутаго извѣстнаго самому Государю „староверa“. Такимъ по крайней мѣрѣ рисуетъ Кикина въ своихъ воспоминаніяхъ Стурдза.

„Не одинъ разъ“, пишетъ Стурдза, Кикинъ, при своемъ докладѣ Государю, „стоялъ грудью“ за православное вѣроученіе, въ часто возникавшихъ между нимъ и Государемъ преніяхъ на богословскія темы, очень занимавшія Императора. Однимъ изъ такихъ вопросовъ былъ о почитаніи святыхъ, по поводу чего Государь, какъ передаетъ со словъ Кикина Стурдза, представилъ ему однажды „обычныя“ возраженія.

Къ убѣжденности и патріархальности „старовѣра“ Кикинъ присоединялъ благородный, открытый характеръ, а въ домѣ его, благодаря женѣ, женщинѣ образованной, радушной и весьма религіозной, многіе находили гостепріимство прекрасной семьи. Все это вмѣстѣ объясняетъ послѣдовавшее сближеніе Станевича съ Кикиными и обнаружившееся у Станевича въ такой рѣшительной формѣ религіозное чувство.

Будучи уже причастенъ литературѣ, Станевичъ и здѣсь выступилъ съ печатнымъ оружіемъ противъ торжествующаго мистицизма. Нуженъ былъ только поводъ къ обнаруженію накопившагося негодованія. Такимъ совершенно случайнымъ поводомъ послужило семейное несчастье у Кикиныхъ, потерявшихъ любимое дитя. Станевичъ отозвался на горе сѣтую-

щихъ родителей и въ утѣшеніе имъ въ 1818 году написалъ цѣлую книгу, въ 313 стр., подъ такимъ длиннымъ заглавіемъ:

„Бесѣда надъ гробомъ младенца о безсмертіи души, тогда только утѣшительномъ, когда истина онаго утверждается на точномъ ученіи вѣры и церкви“ [1]). Предметъ бесѣды былъ, повидимому, общаго характера, но назначеніе ея, однако, было вполнѣ опредѣленное—полемическое и тенденціозное.

Начать съ того, что книга была посвящена митрополиту Михаилу, лицу оффиціально являвшемуся на стражѣ православія, а въ стихотворномъ посвященіи открывается и намѣреніе автора писать *противу ересей*:

„Преосвященнѣйшій нашъ пастырь Михаилъ!
Колико Богъ мой духъ въ сей книгѣ просвѣтилъ
Противу ересей писалъ въ такую мѣру.
Владыко! не на даръ, воззри на теплу вѣру!“

Дѣйствительно, обращаясь къ содержанію книги Станевича, мы находимъ, что о самомъ младенцѣ авторъ, какъ водится, говоритъ въ сильно риторическомъ тонѣ восторженныхъ восхваленій его дѣтской чистоты и невинности. Часто я дивился сему младенцу, пишетъ Станевичъ въ своей книгѣ, примѣчая нѣкую необычайность (духовность) на лицѣ ея; еще не произносила она ни единаго слова лепетаніемъ, а уже видъ ея казался полонъ разума и взоры полны нѣкоего небеснаго смысла, какъ будто бы прозиравшіе въ свое отечество, которое такъ недалеко отъ нее было. О! какъ желалъ я дождаться ея возраста, да увижу, что изъ нее будетъ“. Стр. 311 Но все это служитъ автору только поводомъ для богословскихъ разсужденій объ ученіи истинной церкви, о будущей жизни за гробомъ. Истинная церковь, пишетъ онъ, вотъ утѣшеніе во всѣхъ нашихъ печаляхъ (стр. 45). Затѣмъ развиваются положенія объ истинности одной только православной церкви, излагаемыя въ цѣляхъ опроверженія мистиковъ.

„Я избралъ лучше, пишетъ Станевичъ, содѣлать гробъ вашей дочери мѣстомъ христіанскаго поученія, нежели надгробнаго рыданія. Наипаче же обратилъ вниманіе ваше на всѣ демонскія козни противу церкви (стр. 304“). „А сражаясь съ ересью, успѣлъ ли съ своей стороны сохранить цѣлость ученія восточной церкви онъ объ этомъ не судитъ самъ, но предоставляетъ судить о томъ той же церкви, и, если бы угодно было верховнымъ ея стражамъ потребить до послѣдней строки изъ написаннаго имъ, ниже тайнымъ словомъ воспрекословилъ бы“ стр. 88. Главною темою, составляющею обличительное содержаніе „Бесѣды“ служитъ ядро мистическаго ученія,—

[1]) Мы пользовались экземпляромъ книги, хранящимся въ библіотекѣ Харьковскаго университета и имѣющимъ собственноручную надпись Станевича: „въ библіотеку Харьковскаго университета усерднѣйшее приношеніе отъ сочинителя. Авг. 23 д. 1825 г.“.

отдѣленіе внутренней церкви отъ внѣшней и отрицаніе послѣдней. Отсюда возникаетъ общая идея книги въ защитѣ понятій о церкви, іерархіи, догматахъ, таинствахъ, установленіяхъ и т. п.

„У мистиковъ видимая церковь есть языческое капище, а поклоненіе —идолослуженіе (стр. 132)".

„Мистики подобно татю и разбойнику вторгнулись въ церковь съ тѣмъ, чтобы подъ предлогомъ очищенія вѣры низвратить таинства ея, уничтожить обряды, примѣнить церковь капищу, христіанство сравнять съ язычествомъ, обезславить память святыхъ угодниковъ, наругаться ихъ чествованію, отвергнуть лики ихъ", стр. 37.

„Гдѣ мы? восклицаетъ Станевичъ по поводу цитуемыхъ имъ словъ „Сіонскаго Вѣстника" о пребываніи Христа во всѣхъ смертныхъ отъ чрева матери и о безпредѣльности Христовой Церкви, заключающей въ себѣ весь родъ человѣческій,—гдѣ мы? Слѣдовательно явно, что авторъ сего христоненавистнаго ученія мнитъ и вѣритъ, что Христосъ отъ чрева матери обитаетъ въ жидахъ, магометанахъ, язычникахъ".—„Какъ же повѣримъ нѣкоторымъ *волкамъ* лукавымъ, какъ нарицаетъ таковыхъ писаніе, что будто бы церковь Христова не есть церковь видимая; но есть нѣкая другая церковь, которая, яко бы въ тайнѣ пребывая, сохранилась нерастлѣнною, непорочною, сущею невѣстою Христовою?" стр. 43.

Мы привели сравнительно еще мирныя нападки Станевича на мистиковъ. На нѣкоторыхъ же страницахъ его книги находимъ указанія, имѣющія для того времени ясно опредѣленный характеръ. Къ нимъ относятся многочисленныя сѣтованія на широкую пропаганду мистицизма, заразившаго русское общество, не выключая и многихъ изъ духовенства. Сюда же слѣдуетъ отнести прежде всего замѣчаніе Станевича относительно перевода нѣкоторыхъ мистическихъ книгъ, изданныхъ въ Россіи на средства Государя или князя Голицына.

„Горестно слышать и читать, пишетъ Станевичъ, съ какою недоброю ревностію похваляются у насъ сочиненія Дю-Туа и Сенъ-Мартена, изъ которыхъ первою переведена на нашъ языкъ „христіанская философія" и еще обѣщаютъ передать и его philosophie divine [1]), а послѣдній извѣстенъ по переведенной его книжкѣ *„о заблужденіяхъ и истинѣ"* [2]). *Не не извѣстенъ мнѣ духъ настоящаго времени*, почему очень знаю, какъ многіе вознегодуютъ

[1]) Въ 1819 г. была издана съ посвященіемъ Императору „Божественная философія" Дю-Туа; въ предисловіи къ этой книгѣ говорится... „Се наука и философія, се свѣтъ и просвѣщеніе, коими ты, Государь, желаешь озарить народъ твой. Се еще то знаменіе, по коему Высочайше премудрый Іисусъ Христосъ образуется въ тебѣ, а ты въ Немъ". Русск. Стар. 1876 г., февраль.

[2]) Книгу эту издалъ въ 1785 г. извѣстный поборникъ религіознаго мистицизма Н. Новиковъ. (Сконч. въ 1818 г.).

за такой отзывъ мой о сихъ нынѣ лелѣемыхъ у насъ писателяхъ, но также знаю, что повиноватися подобаетъ Богови паче, нежели человѣкомъ".— „Чувствуя лесть оныхъ писателей, уже ли должно мнѣ быть столь безстыдну, чтобы, убоясь человѣковъ, забыть судъ Божій и измѣнить церкви и Богу?" Писатели эти превращаютъ ученіе Христово и извѣщаютъ оное *нечисть*, стр. 74.

Интересно также мѣсто, гдѣ Станевичъ говоритъ о спорѣ между Фенелономъ и Боссюэтомъ. По мнѣнію Фенелона здѣсь на землѣ возможно достиженіе безусловно безкорыстной и чистѣйшей любви къ Богу. Боссюэтъ же доказывалъ, что такая любовь безъ надежды и страха человѣку на землѣ недоступна.

„Боссюэтъ, читаемъ у Станевича, ревностію вооружился противу опасныхъ поученій, порожденныхъ мистицизмомъ, и самъ же онъ испыталъ на дѣлѣ, сколь трудно бороться съ свѣтлымъ многоизгибистымъ зміемъ не потому, чтобы недовольно видны для него были его излучистыя хожденія, но что самые избранные сыны церкви, обольщенные его свѣтлостями, пріобщаются его духу", стр. 84.

„Ту же мистическую любовь къ Богу, которую проповѣдывалъ Фенелонъ въ книгѣ, осужденной папою Иннокентіемъ XII и которую принимали наши мистики, Станевичъ называетъ „странною и духу церкви чуждою и противною", стр. 87.

Какъ дѣло рукъ человѣка свѣтскаго, не вполнѣ богословски подготовленнаго, книга Станевича не можетъ быть признана вполнѣ удовлетворительною ни со стороны обличительной критики мистицизма, ни со стороны положительнаго содержанія. Взятая сама по себѣ, какъ трактатъ о спеціальныхъ богословскихъ вопросахъ, „Бесѣда о безсмертіи души"—не интересна. Она заслуживаетъ сочувствія и вниманія, какъ плодъ, съ одной стороны, глубокаго религіознаго убѣжденія и твердой вѣрности православной церкви,—а съ другой, при обстоятельствахъ того времени, такая книга была подвигомъ гражданскаго мужества: выходъ ея въ свѣтъ поднялъ чрезвычайную бурю.

Первые громы обрушились на цензуру.

Цензоромъ книги Станевича былъ первый членъ цензурнаго комитета, ректоръ Петербургской семинаріи, архимандритъ Иннокентій. Цензурная дѣятельность Иннокентія не разъ вызывала неудовольствіе со стороны Голицына, встрѣтившаго въ скромномъ архимандритѣ серьезнаго, авторитетнаго и непоколебимаго защитника чистоты православнаго вѣроученія. Въ напечатанной въ Христіанскомъ Чтеніи [1]) біографіи Иннокентія, написан-

[1]) Христіанское Чтеніе 1885 г. Жмакинъ Иннокентій, еп. Пензенскій.

ной г. Жмакинымъ, обстоятельно изложено отношеніе знаменитаго дѣятеля русской церкви къ мистической пропагандѣ. Среди многихъ весьма любопытныхъ подробностей, характеризующихъ съ этой стороны свѣтлую личность Иннокентія, мы упомянемъ здѣсь объ одномъ фактѣ—письмѣ Иннокентія Голицыну, въ которомъ скромный Петербургскій архимандритъ заявляетъ всесильному оберъ-прокурору: „вы нанесли рану церкви, вы и уврачуйте ее". На замѣчаніе митрополита Михаила о рѣзкости такого обращенія, Иннокентій отвѣчалъ, что онъ поступаетъ такъ „по сознанію своей справедливости".

То же „сознаніе справедливости" руководило Иннокентіемъ и въ исторіи съ пропущенною имъ въ цензурѣ книгою Станевича.

Мы замѣтили выше, что книга Станевича, взятая сама по себѣ, не представляетъ значительнаго интереса. Митрополитъ Филаретъ Дроздовъ, тогда ректоръ Петербургской академіи, отзывался о ней даже какъ о безтолковой. Онъ увидалъ ее впервые у Иннокентія въ рукописяхъ, представленныхъ на цензуру, посмотрѣлъ на заглавіе и не сталъ читать, не ожидая найти ничего интереснаго. Въ своемъ же кружкѣ появленіе „Бесѣды о безсмертіи души" произвело фуроръ: въ ней ожидали видѣть рѣшительный ударъ мистицизму, подготовляемый тайно, неожиданно, но вѣрно.

Съ общаго согласія, пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ Стурдза [1]), рѣшили открыть наступательныя дѣйствія противъ мистицизма изданіемъ врасплохъ этой книжки. „Это происходило въ іюнѣ 1818 г. Мнѣ велѣно было отправиться за границу на Ахенскій конгрессъ. Кикинъ навѣстилъ меня передъ моимъ отъѣздомъ, разговорился о планахъ и намѣреніяхъ православной партіи, объявилъ за тайну скорое появленіе книги Станевича и ликовалъ заранѣе въ надеждѣ на блестящій успѣхъ. Едва затѣмъ доѣхалъ я до Ахена, продолжаетъ Стурдза, какъ пріятель мой съ куррьеромъ выслалъ мнѣ одинъ экземпляръ книги Станевича".

Безпристрастному читателю этой книги надежды на нее „православной партіи" показались бы преувеличенными, но еще менѣе она была опасна со стороны цензурной, И Стурдза объясняетъ послѣдовавшую опалу цензора „Бесѣды о безсмертіи души" только сведеніемъ съ нимъ старыхъ счетовъ со стороны Голицына. — „И такъ ухватились за книгу Станевича подняли крикъ и шумъ, стали жаловаться на религіозную нетерпимость и главную отвѣтственность взвалили на цензора. Съ одной стороны допрашивали праведнаго мужа, а съ другой разсылали полицейскихъ по книжнымъ лавкамъ и даже частнымъ домамъ со строгимъ наказомъ отобрать всѣ вышедшіе въ свѣтъ экземпляры ядовитаго сочиненія. Нелѣпую опалу

---

[1]) Русская Старина 1876 г. т. 15, стр. 274.

простерли до того, что завели точный счетъ всѣмъ выпущеннымъ экземплярамъ и по повѣркѣ оказалось, что у моего пріятеля не доставало одного. Стали допрашивать и узнали, что этотъ экземпляръ въ Ахенѣ. Обязяли подпискою возвратить немедленно. Иннокентій заболѣлъ съ горя".

Дѣйствительно было отъ чего слечь въ постель всегда къ тому же болѣзненному Иннокентію.

Князь Голицынъ немедленно послѣ выхода въ свѣтъ „Бесѣды о безсмертіи души" вызвалъ къ себѣ для объясненій Филарета.

Послѣдній передаетъ [1]), что князь „съ негодованіемъ показалъ ему экземпляръ этой книги, весь исчерченный замѣтками; какъ видно, кто нибудь заблаговременно постарался поднести ему такой экземпляръ". „Знаете ли вы эту книгу?" спросилъ Голицынъ—„она исполнена непріятныхъ мнѣній, и я хочу доложить о ней Государю".

Филарету едва удалось склонить князя обождать съ докладомъ, обѣщая какъ нибудь уладить дѣло, перепечатавъ вновь книгу въ повторной цензурѣ. Это дѣло, однако, затянулось,—докладъ Государю былъ вскорѣ Голицынымъ сдѣланъ—и, хотя Филаретъ также былъ расположенъ согласиться съ Голицынымъ о зловредности книги Станевича, Иннокентій, выслушавъ отъ него всю эту тревогу, спокойно отвѣтилъ, что „за правду онъ готовъ претерпѣть всякое гоненіе".

Въ тоже время 6 января 1819 года князь Голицынъ оффиціально отнесся къ коммиссіи духовныхъ училищъ, въ вѣдѣніи которыхъ находилась цензура, съ слѣдующимъ предложеніемъ:

„Получивъ исвѣщеніе, что книга подъ заглавіемъ „Бесѣда надъ гробомъ младенца о безсмертіи души" печатается въ типографіи гражданской, по пропущеніи ея цензурою петербургской академіи духовной, и, что содержаніе оной должно обратить вниманіе правительства, я немедленно написалъ отцу архимандриту Иннокентію, ректору Петербургской семинаріи, чтобы онъ удержалъ выдавать на сію книгу билетъ для выпуска изъ типографіи и мнѣ оную доставилъ. О. Иннокентій отвѣчалъ мнѣ, что хотя билетъ выданъ, но его потребуетъ обратно и одинъ экземпляръ мнѣ сей книги доставилъ. Признаюсь, я удивленъ былъ, какъ могла такого содержанія книга быть духовною цензурою одобряема. Авторъ „о безсмертіи души" привязалъ защищеніе нашей греко-россійской церкви, тогда какъ на нее никто не нападаетъ. Церковь не имѣетъ нужды, чтобы частный человѣкъ бралъ ее подъ свое покровительство (sic), особливо съ той точки, съ какой написано все сочиненіе. Защищеніе наружной церкви противъ внутренней наполняетъ всю книгу: раздѣленіе непонятное въ христіанствѣ!

---

1) Изъ памятной записки Муравьева Русская Старина 1836 г. мартъ, стр. 595.

Ибо наружная церковь безъ внутренней есть тѣло безъ духа. Авторъ опорочиваетъ такія книги, кои гражданская цензура пропустила, какъ напр. сочиненія *Дю-Туа*, и именно *Христіанскую Философію* и опасатся, чтобы и *Божественная Философія* не вышла бы, которая однако же уже выходитъ на русскомъ языкѣ и напечатана иждивеніемъ Его Величества. [1]) Вообще понятіе о церкви представлено въ превратномъ видѣ: ибо гдѣ говорится о церкви, вездѣ видно, что одно духовенство принимается за оную. Между прочимъ упоминается объ извѣстной распрѣ между Боссюэтомъ и Фенелономъ, и сей послѣдній обвиняется въ лжеученіи. Однимъ словомъ книга сія противна началамъ, руководствующимъ христіанское наше правительство по духовной и гражданской части.—Для сего я представилъ книгу сію съ замѣченными мною мѣстами на усмотрѣніе Государя Императора. Его Величество весьма недоволенъ, что въ цензурѣ духовной академіи, по новому ея образованію, могла быть одобрена книга, исполненная такого духа. Цензору же, архимандриту Иннокентію, разсматривавшему оную, повѣлено сдѣлать строжайшій выговоръ за его неосмотрительность, отъ него менѣе ожидаемую, по мѣсту, имъ занимаемому. Государь Императоръ надѣется, что впредь Коммиссія духовныхъ училищъ приметъ мѣры, чтобы подобныя сочиненія, стремящіяся истребить духъ внутренняго ученія христіанскаго, никакимъ образомъ не могли выходить изъ цензуры, находящіяся въ ея вѣдомствѣ".

Мы нѣсколько остановимся на этомъ любопытномъ документѣ, доказывающемъ, насколько раздражили Голицына „непріятныя мнѣнія" Станевича, вовсе, однако, не содержавшія въ себѣ того, что именно и приписалъ имъ въ приведенномъ „отношеніи" Голицынъ. Обвиненіе въ защитѣ наружной церкви „противъ" внутренней падаетъ, если мы приведемъ слѣдующее утвержденіе Станевича: „внѣшее христіанство неразрывно съ внутреннимъ", стр. 246. Или на странное обвиненіе, будто по мнѣнію Станевича, къ церкви принадлежитъ только духовенство: „церковь должна состоять изъ всего народа устно ее и чрезъ нее исповѣдующаго Бога", стр. 245. „Глава церкви Христосъ, члены церкви христіане", стр. 158. Особенно же курьезно, что оберъ-прокуроръ Св. Сνнода ставитъ въ вину Станевичу высказанное имъ осужденіе Фенелона, епископа католическаго и обвиненнаго уже въ лжеученіи его папою!

---

[1]) Божественная философія Дю-Туа въ 6 ч. переведена съ франц. Е. Корнѣевымъ (племянникомъ мистика З. Я. Корнѣева, бывшаго харьк. попечителя учеб. окр.). Москва 1818 г. Дю-Туа, швейцарецъ, послѣдоваатель Г-жи Гіонъ. Ум. въ 1798 г. Книга его—это бредъ сумасброднаго мистика. Между тѣмъ попечитель Харьк. учеб. округа З. Я. Карнѣевъ въ 1819 г. предписалъ X. университету и всѣмъ гимназіямъ, дабы преподаватели всѣхъ наукъ имѣли основаніемъ Слово Божіе, писанія св. отцевъ и такія книги, какъ Божественная Философія Дю-Туа (Сборникъ X. Истор.-Филолог. Общ. Томъ 8. 1896 г. стр. 34.).

Приводимъ, наконецъ, письмо князя Сергія Александровича Ширинскаго-Шихматова [1]) родному своему брату Платону Александровичу [2]), писанное имъ (30 янв. 1819 г.) подъ живымъ впечатленіемъ происходившихъ событій. Ты помнишь, любезный другъ, посѣщавшаго насъ Евстафія Ивановича Станевича и помнишь, конечно, что онъ писалъ книгу духовную. Онъ дѣйствительно ее написалъ и доставилъ мнѣ одинъ экземпляръ. Я читалъ ее съ удовольствіемъ сердечнымъ, то удивляясь иногда его глубокомыслію, для котораго чувствовалъ уже ума моего краткимъ, то плѣняясь его ревностью къ православію. Вся книга его дышетъ сею ревностью и защищеніе нашей церкви видимой отъ нападеній на оную лжемистиковъ было главнѣйшею его цѣлію и онъ достигъ до нее съ торжествомъ, обличилъ всѣ хитрости противниковъ и обнаружилъ тайныя ихъ козни и ковы на христіанство подъ личиною христіанства. Книга сія прошла чрезъ духовную цензуру. Иннокентій почтеннѣйшій утвердилъ ее своимъ подписаніемъ.

Но вдругъ врагъ, завидуя добру, воздвигъ на нее гоненіе. Книга сія запрещена, розданные экземпляры, между прочимъ и отъ меня, всѣ чрезъ полицію отобраны, и сочинитель въ 24 часа долженъ былъ выѣхать изъ столицы, не смотря на болѣзнь его весьма не маловажную. Почтеннѣйшему Иннокентію чрезъ министра духовныхъ дѣлъ и коммиссіи духовныхъ училищъ объявленъ высочайшій выговоръ за пропускъ оной книги, въ которой нѣкоторыя и то весьма немногія и маловажныя рѣченія съ великою натяжкою противники истолковали въ худую сторону. Но всякъ садъ, его же не насади Отецъ Небесный, искоренится, и потому будемъ спокойны (Христ. Чт. 1885 г. ноябрь. стр. 619). Дѣйствительно дѣло велось безъ стѣсненій. По распоряженію управлявшаго министерствомъ полиціи графа Вязмитина всѣ экземпляры книги Станевича были конфискованы, запечатаны и доставлены князю Голицыну и затѣмъ были сожжены [3]) Станевича лишили службы и въ 24 часа выслали изъ столицы. Желая поскорѣе убрать изъ Петербурга и цензора, архимандрита Иннокентія, князь Голицынъ испросилъ у Государя назначеніе его въ дальній Оренбургъ, о чемъ и объявлено ему 6-го января. Это въ первый разъ что, безъ Сvнодальнаго избранія былъ назначенъ епископъ отъ Императора, вопреки церковнаго порядка. Нужно было особенное ходатайство Св. Сvнода и предстательство

[1]) Сергій А. Ширинскій-Шихматовъ наставникъ при морскомъ корпусѣ, въ монашествѣ Аникима. Скончъ. 1837 г.

[2]) Платонъ А. Ширинскій-Шихматовъ, директоръ при Мин. Нар. Просв.; съ 1830 г. Министръ Нар. Просв. Скончъ. 1853 г.

[3]) Изъ отпечатанныхъ въ типографіи Іоаннесова 605 экземпляровъ Станевичъ получилъ 52 книги, которыя тогда же и были у него отобраны. (Руковод. дѣятел. дух. просвѣщенія въ Россіи П. Чистовича 1894 стр. 199).

княгини Софіи Мещерской, которая близка была къ Государю и благорасположена къ Иннокентію, чтобы гибельная для глубокорастроеннаго здоровья Иннокентія Оренбургская кафедра была замѣнена Пензенскою. Какъ извѣстно въ томъ же 1819 году, спустя три мѣсяца по прибытии на паству, Иннокентій скончался на 35 году жизни.

Опала чтимаго архимандрита вызвала сильное неудовольствіе всѣхъ справедливыхъ людей. Негодованіе было такъ сильно, что коснулось и личности Филарета въ подозрѣніи его пособничества въ удаленіи изъ Петербурга Иннокентія. „Удаленіе Инокентія изъ С.-Петербурга, говоритъ Кіевскій митрополитъ Евгеній,—это только привязка, чтобы не имѣть сверстника и одному Филарету остаться необходимымъ по училищной части. Филаретъ спѣшилъ возноситься безъ соперниковъ“ [1]). Справедливо или нѣтъ такое подозрѣніе—рѣшить трудно. Несомнѣнно, что Иннокентій и Филаретъ совершенно не походили одинъ на другаго ни характерами ни по способу дѣйствій, и въ данномъ случаѣ Иннокентій, какъ цензоръ поступивъ, по существу дѣла, совершенно правильно, не уступилъ ничѣмъ въ своемъ убѣжденіи, не заботясь о послѣдствіяхъ и относясь ко всему остальному довольно пассивно; поведеніе же Филарета въ этой исторіи было все время въ высшей степени осторожное, сдержанное и уклончивое. Нѣсколько разъ и ранѣе приходилось Филарету „предостерегать“ Иннокентія отъ ревности, увлекавшей Иннокентія за предѣлы осторожности [2])“ „Я говорилъ ему, пишетъ Филаретъ: намъ двумъ архимандритамъ не спасти церковь, если въ чемъ есть погрѣшность, а лучше обращаться къ митрополиту Михаилу, котораго голосъ имѣетъ больше силы, чѣмъ наши оба. Въ то время появился переводъ Шеллинговой книги: „Побѣдная повѣсть.“ Книга вся проникнута духомъ протестанства. Преосвященный Иннокентій сильно возревновалъ противъ этой книги, но я успокоилъ его тѣмъ, что она пропущена свѣтскою цензурою и, слѣдовательно, отвѣтственность лежитъ не на нашей совѣсти“.—Весьма вѣроятно, что Иннокентію и не приходила на мысль вѣроятность тѣхъ осложненій, какія послѣдовали вслѣдъ за напечатаніемъ книги Станевича; между тѣмъ Филаретъ нашелъ ее, по прочтеніи, хотя и не важною, но „слишкомъ оскорбительною для предержащей власти“. Затѣмъ, какъ мы видѣли, Филаретъ самъ предложилъ Голицину перецензуровать книгу Станевича—и это все вмѣстѣ не могло пройти незамѣченнымъ въ глазахъ близко заинтересованныхъ судьбою Иннокентія, да и Станевича, лицъ. Отъ Филарета хотѣли болѣе активнаго участія въ происходившихъ съ „православною партіею“ невзгодахъ, а на-

---

[1]) idem стр. 248.

[2]) Изъ памятной записки Муравьева. Русск. Старина 1866 г. мартъ.

сколько правы были тѣ, кто требовалъ отъ Филарета большаго и даже укорялъ его въ интригахъ—мы рѣшать не беремся.

Такъ или иначе, а именно Иннокентію пришлось перенести на себѣ всю тяжесть гнѣва лицъ, задѣтыхъ книгою Станевича.

Для злополучнаго же автора „Бесѣды о безсмертіи души" наступили вскорѣ лучшія времена.

Измѣнились обстоятельства, настало время, съ перемѣнами въ духѣ царствованія послѣднихъ годовъ Императора Александра I-го иныхъ вѣяній, и прежняя вина Станевича обратилась въ его крупную заслугу.

Во главѣ власти стали люди противоположнаго направленія, и мистическая пропаганда, постепенно угасая, обратилась въ непереносимый предметъ гоненій.

На смѣну митрополиту Михаилу, незадолго передъ смертью просившему въ письмѣ къ Государю „спасти церковь отъ слѣпотствующаго министра", Голицына, назначенъ былъ Серафимъ Глаголевскій, ревностно ополчившійся на мистиковъ и, какъ разсказываютъ, сложившій однажды клобукъ къ ногамъ Государя, умоляя объ отставкѣ Голицина. При посредствѣ, затѣмъ, Аракчеева былъ вызванъ въ Петербургъ извѣстный Фотій, архимандритъ Юрьевскаго монастыря, фанатически преслѣдовавшій мистическое направленіе, гдѣ бы оно не проявлялось.

Голицынъ былъ уволенъ. Постъ министра народнаго просвѣщенія получилъ Шишковъ. Президентомъ „Библейскаго общества" назначенъ былъ митрополитъ Серафимъ, и съ этого времени де facto оно перестало существовать, не имѣвъ ни одного засѣданія вплоть до его закрытія въ 1826 году. Шишковъ, какъ извѣстно, видѣлъ въ немъ даже политически неблагонадежное учрежденіе, примѣшавъ къ его мистической дѣятельности и нестерпимую для Шишкова „перекладку" св. книгъ на обыденный русскій языкъ съ церковно-славянскаго. Вообще же литература подверглась тщательному надсмотру: можно даже сказать, по отношенію къ мистической литературѣ, что и ревность и характеръ ея преслѣдованія ничѣмъ не уступали ея недавней пропагандѣ.

Вспомнили и о Станевичѣ.

Какъ и гдѣ провелъ Станевичъ время, слѣдующее за изгнаніемъ изъ столицы, мы не знаемъ. По всему видно, что его дѣла были плохи и пріютился онъ, вѣроятно, у своихъ малороссійскихъ друзей—помѣщиковъ Кондратьевыхъ или Шидловскихъ [1]).

---

[1]) Мы имѣемъ въ своемъ распоряженіи только одно свѣдѣніе, касающееся этого безвременья въ жизни Станевича, именно списокъ его долговъ: бывшему баккалавру Кіевской академіи Ѳеодору Шишкевичу и Петербургскому портному купцу Ракову всего на сумму около 1800 р. ассигн. Эти долги были уплачены не скоро. Раковъ даже жалился на Ста-

15 мая 1824 года счастье улыбнулось Станевичу — въ этотъ день его старый покровитель и другъ Шишковъ получилъ министерскій портфель. Въ томъ же году, 9 августа, Шишковъ подалъ Государю слѣдующую бумагу:

„Статсъ-секретарь Кикинъ препроводилъ ко мнѣ сочиненную Евстафіемъ Станевичемъ книгу подъ заглавіемъ: „Бесѣда надъ гробомъ младенца о безсмертіи души“ [1]) съ тѣмъ чтобы я, по прочтеніи, доложилъ о ней Вашему Величеству. Книга сія, по разсмотрѣніи въ духовной цензурѣ архимандритомъ Иннокентіемъ, напечатана въ 1818 году и поднесена покойному митрополиту Михаилу. Книга сія въ донесеніи о ней Вашему Величеству изображена была нечестивою и противною нашему вѣроисповѣданію и церкви, вслѣдствіе чего сочинитель ея высланъ изъ города, а книга у всѣхъ отобрана и запрещена. Но сіе донесеніе о ней, никакимъ духовнымъ, ниже свѣтскимъ обществомъ разсмотрѣнное и не утвержденное, было совершенно несправедливо. Напротивъ, она содержитъ въ себѣ возраженія противу тѣхъ ложныхъ умствованій, которыя къ поколебанію вѣры, церкви и престола разсѣялись тогда во многихъ сочиненіяхъ и переводимыхъ книгахъ. Сіи различныя ереси, преклоняющія къ отпаденію отъ всѣхъ христіанскихъ добродѣтеленій, изобличены въ ней ясно и убѣдительно, *почему, какъ думать должно, тѣмъ болѣе и подвергалась она несправедливому о ней донесенію и сильному гоненію.* Я нахожу ее таковою, но при всей моей увѣренности не желаю, чтобы Ваше Величество основались на одномъ моемъ мнѣніи, а потому и осмѣливаюсь просить не благоугодно ли будетъ приказать препроводить ее къ какой либо духовной особѣ или въ Сѵнодъ для сдѣланія о ней точнаго заключенія“.

Государь изъявилъ согласіе, и на другой же день Шишковъ написалъ въ Новгородъ находившимуся тамъ митрополиту Серафиму, предоставляя ему распорядиться дальнѣйшимъ ходомъ дѣла. Митрополитъ передалъ книгу на разсмотрѣніе коммиссіи — Петербургскому протоіерею Тимофею Вящезерову и профессору Петербургской духовной академіи священнику Іоакиму Кочетову.

невича министру Шишкову. Въ своемъ письмѣ къ попечителю Харьк. учебн. округа Станевичъ, состоя на службѣ директоромъ училищъ Курской губерніи, пишетъ въ оправданіе своей задолженности слѣдующее:

„Изгнаніе меня изъ Петербурга по поводу изданной мною книги „Бесѣда о безсмертіи души“ повергло меня въ неожиданныя издержки послѣднихъ моихъ средствъ. Отъ сего времени началась моя неисправность въ уплатѣ долговъ, а съ тѣмъ и нѣкій видъ несостоятельнаго плательщика, между тѣмъ какъ до оной поры я пріобрѣталъ себѣ общее довѣріе“ (Бумаги Станевича).

[1]) Это былъ единственный экземпляръ, уцѣлѣвшій отъ уничтоженія. Случайно былъ найденъ въ библіотекѣ митр. Михаила, мѣсяца за два предъ симъ скончавшагося.

Коммиссія представила краткую рецензію книги митрополиту Серафиму, который отослалъ ее (6 окт. 1824 г.). съ своимъ одобрительнымъ отзывомъ министру Шишкову. Въ рецензіи своей коммиссія особенно подчеркиваетъ „ревность и сильное чувство, свойственное усердному сыну церкви“ и, не входя въ оцѣнку ученаго достоинства книги, считаетъ ее „способною производить полезное дѣйствіе въ сердцахъ читателей“.—Съ такимъ отзывомъ Шишковъ подалъ Государю обширный докладъ, въ которомъ просилъ рѣшительныхъ мѣръ къ подавленію тлетворныхъ мистическихъ вѣяній, и, между прочимъ, испрашивалъ особой милости для Станевича, какъ невинной жертвы прошлыхъ ошибокъ. Передъ докладомъ Шишковъ [1]) предупредилъ Государя увѣреніемъ въ совершенной его искренности и откровенности „безъ всякаго опасенія уловокъ и утайки“. Государь, поблагодаривъ, сталъ слушать:

Шишковъ послѣдовательно изложилъ исторію книги „Бесѣды о безсмертіи души“, какъ она была пропущена Иннокентіемъ, но повлекла Высочайшій выговоръ цензору и удаленіе изъ столицы автора. Затѣмъ Шишковъ напомнилъ недавнее соизволеніе Государя на новое разсмотрѣніе книги и привелъ полностію отзывъ о ней цензоровъ, Вещезерова и Кочетова, одобренный митрополитомъ.

Настаивая такимъ образомъ на томъ, что недавнее запрещеніе книги Станевича совершенно не соотвѣтствовало ея содержанію, а въ то же время обусловливалось оффиціальнымъ признаніемъ „Бесѣды о безсмертіи души“ „несоотвѣтствующей по содержанію настоящимъ видамъ правительства“—Шишковъ предлагалъ Государю, какъ необходимую, государственнаго значенія, мѣру выраженіе гласной и рѣшительной воли Его Величества въ видѣ рескрипта на имя министра народнаго просвѣщенія.

17 ноября 1824 года рескриптъ былъ обнародованъ.... „По случаю препровожденной къ Новгородскому и Петербургскому митрополиту на разсмотрѣніе книги подъ названіемъ „Бесѣда надъ гробомъ младенца о безсмертіи души“, изъ донесенія его усмотрѣно мною, что въ противность изданнымъ указамъ (отъ 9 февраля 1802 г. и 27 іюля 1787 г.) многія, къ вѣрѣ относящіяся, книги, часто въ себѣ содержащія ложныя и соблазнительныя о с. Писаніи толкованія, печатались въ частныхъ типографіяхъ безъ всякаго Сунодскаго разсмотрѣнія и что напротивъ того книги въ духѣ православной нашей вѣры написанныя подверглись строгому запрещенію. Такимъ образомъ помянутая книга, подъ названіемъ „Бесѣда надъ гробомъ младенца“, была запрещена и отобрана, дабы не препятствовала распространенію духу другихъ, къ соблазну вѣры выпуска-

---

[1]) Записки Шишкова.

емыхъ книгъ.—Вышеозначенную книгу, запрещенную и нынѣ митрополитомъ разсмотрѣнную и одобренную, повелѣваемъ вновь на казенный счетъ напечатать и продавать". Достойно вниманія, что при второмъ изданіи книги Станевича на заглавномъ листѣ ея было выставлено одобреніе и перваго цензора архимандрита Иннокентія. Явное указаніе на то, что онъ былъ правъ. Тутъ же на заглавномъ листѣ напечатано: „по Высочайшему повелѣнію".

Приведенные документы краснорѣчиво обнаруживаютъ характерную особенность всей исторіи съ книгою Станевича, по которой она сама и ея авторъ, далеко не пропорціонально своему значенію, отразили на себѣ контрасты двухъ теченій въ первую и вторую половину царствованія Александра I-го. Декабристъ баронъ В. И. Шнейгель въ письмѣ къ Императору Николаю I-му 11 янв. 1826 г. [1]) совершенно справедливо. указываетъ, что читающая публика знала, что книга Станевича ни запрещенія и гоненій, ни оскорбительнаго для Голицына рескрипта Шишкову—не заслуживала. Но по волѣ обстоятельствъ произошло и то, и другое, и униженному недавно Станевичу пришла щедрая удача. Тогда-же Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ чрезъ Кикина объявить Станевичу, чтобы онъ возвратился въ С.-Петербургъ и что Онъ всемилостивѣйше жалуетъ ему на проѣздъ двѣ тысячи руб. Вотъ письмо Кикина Станевичу (21 ноября 1824 г.) [2]). Препровождая къ тебѣ, любезный Евстафій Ивановичъ, извѣщеніе по занимаемому мѣсту моему, продолжаю, какъ человѣкъ лично тебя уважающій и принимать участіе въ тебѣ не престававшій. Извинительно есть ли когда либо усумнился ты во мнѣ собственно; но непростительно было бы и даже неимовѣрно, чтобы вѣра твоя попустила тебѣ потерять надежду на милосердіе къ намъ Всевышняго. Не до конца насъ за хрѣхи наши наказуетъ. Восхотѣлъ и солнце правды вновь на горизонтѣ нашемъ. Мракъ лжеученія изчезнетъ и посрамятся нечестивцы. Благодари Бога, что удостоилъ тебя быть орудіемъ воли Его, внушилъ тебѣ чистоту вѣры и воспламенилъ усердіемъ и силою духа. Ты пострадалъ и по мірскому соболѣзновали о тебѣ, но и тогда каждый изъ правовѣрныхъ и вѣрноподданныхъ завидовалъ подвигу твоему. Что же теперь? Не истинное ли торжество для тебя, какъ христіанина, какъ вѣрнаго слуги престола и отечества ? Молись за Государя, да укрѣпитъ его на пути правомъ и да будетъ по вѣрѣ твоей. Явно Богъ Россію милуетъ!

Поспѣши пріѣздомъ твоимъ сюда и подвизайся болѣе и болѣе на защиту церкви и престола. Губернатору сообщено отъ меня о выдачѣ тебѣ

---

1) Русскій Архивъ 1895 г. кн. 2-я.

2) Не было въ печати.

подорожней. Посылаю при семъ любопытныя для тебя бумаги, объясняющія ходъ всего дѣла. Не замедли увѣдомленіемъ о полученіи сего и вмѣстѣ пришли особое письмо, уполномочивающее меня въ полученіи книгъ твоихъ. буде онѣ еще не истреблены, а въ противномъ случаѣ разрѣши мнѣ приступить къ печатанію ея. Прощай. До свиданія. Любящій тебя Петръ Кикинъ. P. S. Супруга вышеприписаннаго свидѣтельствуетъ вамъ свое почтеніе и извѣщаетъ о приготовленной вамъ квартирѣ въ домѣ своемъ, куда съ нетерпѣніемъ ожидаетъ прежняго своего постояльца. Пожелавъ вамъ здоровья навсегда имѣетъ пребыть васъ много почитающею и любящею Марія Кикина."

По пріѣздѣ въ Петербургъ Станевичъ по Высочайшему указу (18 марта 1825 г.) былъ опредѣленъ въ департаментъ народнаго просвѣщенія, по особымъ порученіямъ съ окладомъ въ 3000 руб. и съ возвращеніемъ жалованья по прежнему его мѣсту за всѣ шесть лѣтъ небытія его на службѣ. Въ это же время Станевичъ получилъ 1500 руб., выданные ему по Высочайшему повелѣнію на отпечатаніе книги. Но онъ на этой службѣ не долго оставался. Харьковскій университетъ представилъ министру народнаго просвѣщенія (25 іюля 1825 г.) на должность директора училищъ Курской губерніи преподавателя Курской гимназіи Савву Василевскаго. Министръ Шишковъ увѣдомилъ попечителя округа, что по его докладу Государь Императоръ повелѣть соизволилъ опредѣлить директоромъ чиновника министерства титулярнаго совѣтника Станевича съ сохраненіемъ полнаго жалованья въ три тысячи рублей.

Мы имѣемъ [1]) письмо министра Шишкова къ попечителю Харьковскаго учебнаго округа, А. А. Перовскому, въ которомъ министръ въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ рекомендуетъ попечителю Станевича, можно сказать, тріумфально вступившаго вновь на службу:

„Милостивый государь мой Алексѣй Алексѣевичъ! Опредѣливъ директоромъ училищъ Курской губерніи титулярнаго совѣтника Станевича, давно извѣстнаго мнѣ съ самой хорошей стороны, я почелъ пріятнѣйшимъ долгомъ поручить сего достойнаго чиновника особенному вашему, милостивый государь мой, покровительству. Если испытанное благочестіе, самая строгая нравственность и отличныя способности, при пламенной любви къ отечеству и ревностномъ усердіи къ исполненію своихъ обязанностей, могутъ въ директорѣ училищъ служить надежнымъ поручительствомъ той пользы, которой вправѣ ожидать отъ него начальство и родители, то я напередъ увѣренъ, что г. Станевичъ не упуститъ скоро обратить вниманіе ваше на успѣхи трудовъ его и не замедлитъ пріобрѣсть общественную до-

---

1) Не было въ печати.

вѣренность въ новомъ своемъ званіи, а тѣмъ самымъ вполнѣ оправдать выборъ мой.

Имѣю честь и проч.".

Къ этому же времени относится письмо Станевичу князя Сергія Александровича Ширинскаго-Шихматова [1]) отъ 24 апрѣля 1826 года:

„Почтеннѣйшему другу и брату по общей духовной нашей матери Евстафію Ивановичу о Господѣ радоватися.

Незлобіе сердца вашего хотя и увѣряетъ меня несомнѣнно, что вы не имате нѣчто на мя за долгое мое медленіе отвѣтомъ на ваше благочестивое писаніе, однако же признавая себя виновнымъ признаніемъ моимъ спѣшу загладить вину мою. Разные недосуги и недуги, потомъ возшумѣвшая въ мирномъ нашемъ отечествѣ свирѣпая волнующихся умовъ буря [2]), и наконецъ признаться еще надобно, частію и лѣность моя отъ усталости по дѣламъ службы отдаляла отъ меня пріятнѣйшее съ вами заочное собесѣдованіе. Радуюсь отъ всего сердца моего, что вы, по желанію вашему, нашли мирное пребываніе съ пользою для многочисленнаго возрастающаго, юношества соединенное. Господь удивляющій на васъ милость Свою и пречистая Его Матерь, къ Ней же всякъ православный христіанинъ прибѣгать долженъ, яко къ единственной Заступницѣ, да пробавятъ вамъ свои щедроты, благопоспѣшествуя вамъ въ служеніи вашемъ отечеству и церкви, первому пріуготовляя сыновъ усердныхъ, а второй членовъ здравыхъ, и *защищая славу ея писаніями обличительными на враждующія ей ереси*, и доказывающими всему міру правоту божественнаго ученія. Безпрекословнымъ покорствомъ сему ученію будучи съ вами единоуменъ и единодушенъ я возрадуюсь радостію искреннѣйшею всякому вашему успѣху въ достохвальнѣйшемъ подвигѣ ревности вашей по православію, единственному закону общаго нашего благополучія и спасенія каждаго изъ насъ въ особенности. О, да возстанетъ оно во всей силѣ своей, и да искоренитъ всякъ садъ лжеумствованія въ вѣрѣ, его же не насади Отецъ Небесный, и да очиститъ нравы наши и обычаи отъ всякой примѣси нечистой проліявшейся къ намъ обильными струями изъ сообщенія нашего слишкомъ близкаго съ иновѣрными и изъ подражанія онымъ къ расширенію тѣснаго пути (смѣсишася въ языцѣхъ и навыкоша дѣломъ ихъ). Тогда возсіяетъ яко свѣтъ славою предъ Богомъ и человѣками возлюбленное наше отечество и милость Божія переходя изъ рода въ родъ почіетъ на немъ до вѣка.

Старецъ нашъ [3]) почтеннѣйшій и благодѣтель нашъ усерднѣйшій духомъ не старѣетъ, одушевляясь тою же правотою мыслей и чувствованій

[1]) Не было въ печати.

[2]) Указаніе на декабристовъ.

[3]) А. С. Шишковъ.

на поприщѣ великому своему царю и отечеству служенія, но плотію немощною слабѣетъ, а паче всѣхъ прочихъ чувствъ измѣняетъ ему зрѣніе, которое паче всѣхъ прочихъ трудилось болѣе шестидесяти лѣтъ въ чтеніи и писаніи книгъ и бумагъ общеполезныхъ. Ежели и о мнѣ узнать вы пожелаете, то скажу вамъ, что я, благодареніе Господу и Пречистой Его Матери, живу какъ жилъ, здоровьемъ слабъ, но чуждъ болѣзней, и нахожу главнѣйшимъ своимъ удовольствіемъ чтеніе житія святыхъ угодниковъ церковію нашею почитаемыхъ, жалѣя впрочемъ о томъ, что весьма мало имѣю я досужнаго для сего времени, а еще болѣе о томъ, что весьма поздно вздумалъ питаться сею манною, предпочитавъ ей мякину иновѣрныхъ проповѣдниковъ. Братъ и семейство его продолжаютъ мирную жизнь, но только здоровье братне отъ безпрестанныхъ и многихъ его занятій по службѣ примѣтно страдаетъ. Писалъ я родственницѣ моей кн. Алек. Ивановнѣ о милостивомъ вашемъ согласіи принять птенца ея подъ отцовскій вашъ надзоръ и совѣтовалъ ей воспользоваться вашимъ усердіемъ, но не имѣю еще отвѣта о томъ, рѣшилась ли она послѣдовать моему благому совѣту. Препоручаю себя продолженію вашей дружбы и заранѣе прося васъ не быть строго взыскательнымъ въ случаѣ моего молчанія, въ ожиданіи пріятнѣйшаго вашего писанія имѣю честь быть съ искреннимъ христіанскаго братства къ вамъ усердіемъ и почтеніемъ вашимъ нижайшимъ слугою князь Сергѣй Шихматовъ.

Мы закончили нашъ очеркъ литературной и антимистической дѣятельности Станевича и въ заключеніе ограничимся краткимъ обзоромъ его службы, какъ директора училищъ Курской губерніи.

Директорская служба Станевича продолжалась 8 лѣтъ отъ 9 августа 1825 года по 16 іюля 1833 года. Пробѣгая послѣдовательно все сдѣланное Станевичемъ за это время, мы находимъ [1]) наиболѣе заслуживающимъ вниманія слѣдующіе его проэкты, излагаемые всегда очень пространно и со всѣми пріемами стараго литератора. 17 августа 1826 г. Станевичъ подалъ попечителю округа докладную записку съ мнѣніемъ объ учрежденіи при гимназіяхъ пансіоновъ; 27 апр. 1827 г. разослалъ циркулярно всѣмъ родителямъ дѣтей, обучавшихся въ подвѣдомственныхъ ему заведеніяхъ, печатное объявленіе, въ которомъ требуетъ отъ родителей болѣе дѣятельнаго участія въ наблюденіи за дѣтьми, особенно въ каникулярное время и за живущими на частныхъ квартирахъ. 14 іюля 1827 г. Станевичъ подалъ попечителю мнѣніе объ устройствѣ при уѣздныхъ училищахъ высшаго класса, куда поступали бы ученики, признанные достаточно способными къ прохожденію потомъ гимназическаго курса. Далѣе интересно мнѣніе Стане-

---

[1]) Дѣла архива Харьк. университета и Курской гимназіи 1825—1833 г.

вича о необходимости всѣхъ учениковъ безъ изъятія переводить изъ класса въ классъ, не оставляя неуспѣшныхъ на повторительный курсъ въ томъ же классѣ. Это мнѣніе Станевичъ мотивировалъ опасностью вреднаго вліянія второгодниковъ въ классѣ и тѣмъ еще предположеніемъ, что „устрашенные мыслью о дурномъ аттестатѣ въ концѣ ученія, нерадивые ученики, хотя послѣдній годъ пребыванія въ гимназіяхъ употребятъ на исправленіе себя и усугубятъ свое прилежаніе“. 10 мая 1827 года Станевичъ подалъ проэктъ о постепенномъ увеличеніи денежнаго оклада учителямъ по мѣрѣ выслуги лѣтъ. Такъ старшему учителю съ жалованьемъ въ 1,200 р. Станевичъ полагаетъ справедливымъ за 10 лѣтъ службы увеличить содержаніе до 1,600 руб., за 20 лѣтъ 2,000 руб., за 25 лѣтъ—2,500 руб. и за 30 лѣтъ 3,000 руб. и эти 3,000 назначать учителю въ пожизненную пенсію. „Какъ нынѣ, пишетъ Станевичъ, получивъ съ самаго начала все со стороны своего содержанія, учитель самъ долженъ ужаснуться при обозрѣніи дальнѣйшаго прохожденія своей службы, въ которой ничего не видитъ, кромѣ обреченія себя на полученіе того же самаго оклада черезъ 10, 20, 30 и даже 40 лѣтъ! Какая безжизненная пустыня для его воображенія! Что ободритъ его на толь многотрудномъ подвигѣ училищныхъ занятій? Что станетъ подкрѣплять его на семъ поприщѣ и возбуждать его дѣятельность? Уныніе, какъ лютый врагъ, нападетъ на его душу, изсосетъ изъ него жизненныя силы и содѣлаетъ его ни къ чему неспособнымъ!“ Какіе результаты имѣли приведенныя мнѣнія Станевича намъ неизвѣстно. По всему видно, что они не нашли къ себѣ сочувствія,—по крайней мѣрѣ вотъ въ какомъ обиженномъ тонѣ писалъ по этому поводу Станевичъ попечителю: „Я препроводилъ нѣсколько мнѣній, относящихся до улучшенія учебныхъ заведеній, и хотя мнѣ нисколько неизвѣстна оныхъ участь и могутъ ли оныя быть приняты съ пользою, но неизвѣстность сія не приводитъ въ уныніе моего духа, всегда пламенѣющаго при воззрѣніи на благо общее“. „Я не ищу награды, но не могу однако не желать того, чтобы бумаги мои не зависѣли отъ частнаго мнѣнія, но были бы предлагаемы сужденію Высочайше учрежденнаго училищнаго комитета, дабы если онѣ не найдутся достойными принятія, то хотя бы отъ высшаго Начальства не было сокрыто мое усердіе, что и вмѣняю себѣ въ награду. Для истиннаго сына отечества не то больно, если мнѣнія его не пріемлются, но то, если его усердіе утаено бываетъ, поелику въ самихъ мнѣніяхъ своихъ онъ желаетъ обнаружить не иное что, какъ усердіе къ престолу и отечеству“.

Вслѣдъ за полученіемъ должности директора, Станевичъ возбудилъ ходатайство о зачетѣ ему тѣхъ лѣтъ, которыя онъ провелъ не у дѣлъ, въ дѣйствительную службу съ соотвѣтственными правами на повышеніе за выслугу лѣтъ въ чинѣ и на сокращеніе пенсіоннаго срока.

По ходатайству Станевича о чинѣ училищный комитетъ Харьковскаго университета писалъ попечителю округа слѣдующее: „Директоръ Станевичъ прописалъ въ рапортѣ, что опредѣленъ въ канцелярію статсъ-секретаря Кикина въ 1816 году апр. 9 съ чиномъ титулярнаго совѣтника, каковой чинъ имѣетъ съ 10 ноября 1808 года. По случаю напечатанія изданной имъ книги „Бесѣда о безсмертіи души“ былъ онъ уволенъ изъ вѣдомства оной канцеляріи 1819 года 9 янв.; потомъ по указу 1824 г. 17 ноября упомянутая книга была оправдана, и онъ въ томъ же году по Высочайшему повелѣнію вызванъ въ С.-Петербургъ и 1825 года марта 18, въ воздаяніе за претерпѣнное отъ постигшаго случая, по Высочайшему указу опредѣленъ въ департаментъ народнаго просвѣщенія по особымъ порученіямъ съ жалованьемъ въ 3000 рублей; а также по Высочайшему указу велѣно выдать ему изъ кабинета жалованье за всѣ шесть лѣтъ нахожденія его внѣ службы. Всѣ сіи обстоятельства ясно доказываютъ, что онъ, на основаніи существующихъ узаконеній, какъ оправданный столь торжественнымъ образомъ и получившій полное жалованье за всѣ годы исключенія его изъ службы, долженъ считать себя въ дѣйствительной службѣ со времени его опредѣленія въ канцелярію статсъ-секретаря Кикина, т. е. съ 29 апр. 1816 года, а потому, состоя съ того времени на службѣ въ чинѣ титулярнаго совѣтника болѣе 10 лѣтъ, нынѣ проситъ исходатайствовать награжденіе слѣдующимъ чиномъ коллежскаго ассесора со старшинствомъ со времени выслуги лѣтъ въ чинѣ титулярнаго совѣтника“. Въ частномъ письмѣ директоръ при министерствѣ народнаго просвѣщенія, Д. Языковъ писалъ Станевичу [1]), что „хотя споръ былъ большой“, но большинство голосовъ было на сторонѣ Станевича и препятствій къ награжденію Станевича чиномъ не предвидѣлось никакихъ. Однако мы не знаемъ, почему Станевичъ такъ и умеръ въ чинѣ титулярнаго совѣтника. Такая же неудача долгое время постигала и ходатайства Станевича о зачтеніи ему 6 лѣтъ ненахожденія на службѣ въ дѣйствительную.

Первыя двѣ просьбы Станевичъ направилъ къ попечителю Филатьеву (отъ 8 іюня 1828 г. и 30 января 1831 года).

„О зачтеніи Вамъ, писалъ ему по этому поводу князь Платонъ Александровичъ Ширинскій, [2]) въ дѣйствительную службу невольнаго отъ оной удаленія, бывшій попечитель входилъ съ ходатайствомъ, но представленіе сіе осталось безъ дѣйствія. Видно Господу угодно вести васъ къ Себѣ путемъ тѣснымъ“.

Вслѣдъ за этимъ 3 сент. 1831 года Станевичъ обратился съ прошеніемъ о томъ же на Высочайшее имя.

[1]) Изъ неизданнаго письма.

[2]) Изъ неизданнаго письма.

Въ бумагахъ Станевича сохранился черновой листъ его собственноручнаго прошенія на Высочайшее имя въ такой редакціи:

Всемилостивѣйшій Государь!

„Прошлаго 1818 года написана мною и напечатана книга подъ заглавіемъ: „Бесѣда надъ гробомъ младенца о безсмертіи души". Книга сія, еще не поступившая въ продажу, тогдашнимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія уже была задержана, сожжена, какъ признанная противною духу внутренняго христіанства и со всею поспѣшностью отъ меня отобрана, истреблена, а я, какъ виновный, удаленъ отъ мѣста и высланъ изъ Петербурга въ 24 часа. По истеченіи шести лѣтъ отъ случившагося со мною, сія самая книга чуднымъ образомъ въ одномъ экземплярѣ уцѣлѣвшая отъ истребленія, снова была по Высочайшему повелѣнію разсмотрѣна и тогда же 1824 года ноября 17 дня на имя министра народнаго просвѣщенія состоялся Высочайшій указъ, въ коемъ книга моя торжественно оправдана съ разрѣшеніемъ печатать и продавать оную. Вслѣдствіе чего объявлено мнѣ письменно чрезъ статсъ-секретаря Кикина, что Государь Императоръ, соболѣзнуя о случившемся со мною событіи по извѣстному при запрещеніи оной книги обстоятельству, Высочайше повелѣть соизволилъ объявить мнѣ, чтобы я возвратился въ Санктъ-Петербургъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ Всемилостивѣйше пожаловалъ мнѣ на проѣздъ 2000 рублей. По пріѣздѣ моемъ 1825 года, марта 18 дня, по Высочайшему имянному указу опредѣленъ я въ департаментъ народнаго просвѣщенія по особымъ порученіямъ, съ жалованьемъ въ 3000 руб. и съ возвращеніемъ мнѣ по прежнему моему мѣсту жалованья за всѣ шесть лѣтъ небытія моего на службѣ. Равнымъ образомъ упомянутая книга моя по Высочайшему повелѣнію вновь напечатана. Впослѣдствіи по Высочайше утвержденной докладной запискѣ Министра Народнаго Просвѣщенія того же 1825 г. августа 9 дня, опредѣленъ директоромъ училищъ Курской губерніи съ сохраненіемъ Высочайше дарованнаго жалованья 3000 рублей. И въ то же время Его Величеству благоугодно было, дабы я жертвовалъ на пользу отечеству и вѣры трудами моими независимо отъ предметовъ по должности моей.

Благочестивѣйшій Государь! Всѣ сіи обстоятельства приведены мною не столько уже для оправданія моего предъ нелицемѣрнымъ судомъ Вашего Императорскаго Величества, сколько для увѣренія въ томъ, какое живое участіе принялъ въ семъ дѣлѣ покойный Императоръ, какъ бы предъ самимъ собою и Богомъ поспѣшая въ послѣдній годъ жизни своей показать, что оное насиліе учинено мнѣ было безъ его воли. Ибо дѣло сіе было щекотливое. Оно касалось Церкви, которой касаяся касаются самаго Бога,, безъ которой, какъ бы безъ самаго Бога, не можетъ быть ничего твердаго между человѣками, правительства непрочны и престолы не пребываютъ

чему теперешнее состоянiе бѣдствующей или паче безумствующей Европы есть самое свѣжее и неоспоримое доказательство, которое можетъ опровергать, но не опровергнуть одно ожесточенное беззаконiе, всегда возстающее на все святое и праведное. По восшествiи на Прародительскiй Престолъ Ваше Императорское Величество между многими попечительными о благѣ Вашихъ подданныхъ постановленiями благоволили обратить милостивое вниманiе и на тѣхъ, кои по какимъ-либо недоразумѣнiямъ и сомнительнымъ случаямъ подверглись суду и были исключаемы изъ службы, но потомъ оправданы стали. Таковыхъ не токмо повелѣли Вы, Государь, принимать вновь въ службу, выдавать имъ жалованье за всѣ годы ненахожденiя ихъ въ оной, но и самые годы небытiя ихъ на службѣ зачитать имъ въ дѣйствительную таковую. Ободренный сею монаршею волею подалъ я прошлаго 1828 года iюля 8 дня въ училищный комитетъ Императорскаго Харьковскаго Университета прошенiе съ прописанiемъ всѣхъ обстоятельствъ того дѣла, за которое отставленъ былъ отъ должности и просилъ начальство мое ходатайствовать о зачтенiи мнѣ шести лѣтъ ненахожденiя моего на службѣ за дѣйствительную. Въ продолженiе двухъ лѣтъ и восьми мѣсяцевъ не получая ни удовлетворенiя, ни отказа, рѣшился я сего 1831 г. генваря 30 дня утруждать начальство мое прошенiемъ о томъ же и притомъ просилъ извѣстить меня ежели есть какiя-либо препятствiя къ полученiю мнѣ зачтенiя въ дѣйствительную службу оныхъ шести лѣтъ, дабы въ силу онаго имѣлъ я право повергнуть всеподданнѣйшее мое прошенiе къ стопамъ Вашего Величества. Но на таковое вторичное прошенiе, не имѣя доселѣ никакого увѣдомленiя, вынужденнымъ себя нахожу наконецъ сiе мое прошенiе повергнуть къ престолу Вашего Величества, всеподданнѣйше испрашивая, дабы повелѣно было на основанiи подобныхъ Высочайшихъ рѣшенiй зачислить и мнѣ въ дѣйствительную службу тѣ годы, кои я, по случившемуся со мной событiю, находился внѣ оной".

Намъ неизвѣстно въ этой ли точно, или въ другой какой редакцiи подалъ свое прошенiе Станевичъ Императору Николаю I, но вотъ чѣмъ мотивировалъ отказъ училищнаго совѣта Станевичу въ частномъ письмѣ къ нему [1]) профессоръ (въ 1809 году ректоръ) Харьковскаго Университета Николай Еллинскiй:

„Училищный комитетъ, получивъ прошенiе Ваше о зачисленiи 6 лѣтъ въ службу вашу, съ удовольствiемъ соглашается ходатайствовать о семъ, но затрудняется представить Вашу просьбу высшему начальству, поелику въ ней противоположность мнѣнiй высшаго начальства о вашей Бесѣдѣ надъ гробомъ младенца слишкомъ разительно выставлена. По сей причинѣ

1) Не было въ печати.

комитетъ поручилъ мнѣ списаться съ вами, чтобы вы изволили перемѣнить начало Вашей просьбы, выразились бы поснисходительнѣе (veritas odium parit) и перемѣнную просьбу прислали ко мнѣ безъ замѣны, находящейся въ комитетѣ, которую я и возвращу вамъ по полученіи другой. Училищный комитетъ не желалъ вести о семъ оффиціальной переписки, доставилъ мнѣ приличный случай напомнить вамъ про себя и засвидѣтельствовать то истинное почтеніе, съ коимъ имѣю честь быть, Милостивый Государь, вашимъ покорнымъ слугою, Н. Еллинскій.

18 $\frac{6}{16}$ 28.

Въ слѣдующемъ 1832 году Станевичъ просилъ попечителя ходатайствовать, дабы назначенное ему въ Бозѣ почившимъ государемъ Александромъ I-мъ, при опредѣленіи его въ департаментъ народнаго просвѣщенія, жалованье въ 3000 рублей было обращено ему въ пенсіонъ. „Наименованіе книги моей указываетъ, пишетъ Станевичъ, на благочестіе, а благочестіе было первенствующимъ свойствомъ души Его—Императора Александра I. Изъ сего ощутительно, что и страданіе мое было за благочестіе и что самое благочестіе вознаграждало меня за такое страданіе. На семъ то основаніи упованія моего прибѣгаю къ ходатайству Вашего превосходительства, что Вы, движимые тѣмъ же порывомъ благочестія, не откажетесь предстательствовать за меня, дабы жалованье мое въ три тысячи рублей обращено было мнѣ въ настоящій пансіонъ; да сія милость и щедрота въ Бозѣ почившаго помазанника сохранится при мнѣ, какъ животворное дыханіе на память Его, къ поддержанію скуднаго существованія бытія моего обремененнаго старостію и недугами. Изъ устныхъ моихъ объясненій извѣстны Вашему превосходительству стѣсненныя мои обстоятельства и что они суть слѣдствіемъ постигшаго меня несчастія за книгу мою. И сіе да послужитъ добротѣ вашей побудительною причиною дать собственному вашему сердцу и новый случай къ оказанію благодѣянія вашему ближнему, подъ кровомъ начальства вашего служащему. Если бы сіе воздыханіе мое могло дойти до слуха Его Императорскаго Величества, не сомнѣвался бы во благихъ послѣдствіяхъ. Сердце Александра I-го живетъ для насъ въ сердцѣ Николая I-го, и ежели соболѣзнованіе назначило оные три тысячи рублей мнѣ въ жалованье, тоже Царское соболѣзнованіе продлило бы мнѣ оные и при оставленіи мною службы, которую проходилъ доселѣ безпорочно. Будьте ваше превосходительство таковымъ благодѣтельнымъ проводникомъ моего воздыханія ко престолу одного изъ благочестивѣйшихъ Государей. Не мыслите, чтобы такой даръ Монаршій я оставилъ втунѣ и старость мою захотѣлъ проводить въ постыдной предъ Богомъ и людьми праздности. Ни-

какъ. Остальными днями моими я жертвовалъ бы трудомъ на пользу вѣры и отечества: ибо такова была воля и покойнаго Государя.

Удовлетвореніе этихъ ходатайствъ Станевича, и то не во всемъ объемѣ, послѣдовало уже послѣ выхода его въ отставку. 11 янв. 1834 года училищный комитетъ при Харьковскомъ университетѣ увѣдомилъ Станевича, что министерство народнаго просвѣщенія зачло въ службу Станевичу время нахожденія его не удѣлъ; что же касается пенсіи, то первоначально рѣшено было опредѣлить Станевичу „половинную пенсію токмо изъ штатнаго жалованья, т. е. по 450 руб. ежегодно, но Государь Императоръ по особому ходатайству г. управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, Высочайше повелѣть соизволилъ производить пенсію въ 900 р. въ годъ". Увольненіе Станевича отъ службы директора не было добровольнымъ. Ревизовавшій въ 1832 году Курскую гимназію визитаторъ профессоръ Николай Архангельскій [1]) предложилъ Станевичу принять въ руководство составленныя имъ „правила управленія нравственною и учебною частью воспитанія учениковъ гимназій". Станевичъ не принялъ правилъ. Тогда Архангельскій предоставилъ Станевичу самому, совмѣстно съ педагогическимъ совѣтомъ, выработать руководящія правила, но Станевичъ и отъ этого отказался. Все это привело къ назначенію училищнымъ комитетомъ слѣдствія и преданію Станевича суду. Совѣтъ Университета, по разсмотрѣніи слѣдственнаго дѣла, призналъ Станевича виновнымъ „въ неблагонамѣренномъ оставленіи имъ учениковъ гимназіи безъ всякаго за ними смотрѣнія и въ допущеніи ихъ чрезъ то къ разнымъ безпорядкамъ и шалостямъ и вообще въ противозаконномъ устраненіи себя отъ обязанностей директора" и представилъ Станевича къ устраненію отъ должности директора училищъ Курской губерніи. „Я думалъ, пишетъ Станевичу князь П. Ширинскій-Шихматовъ [2]), что вы въ пристани, между тѣмъ какъ изъ письма вашего, къ сожалѣнію, вижу, что едва ли и вы избѣгли отъ треволненія и обуреванія житейскихъ попеченій. Дѣлать нечего. Надобно бодро стоять на стражѣ и молиться Богу". Одинъ изъ почитателей Станевича, Ѳ. Шишкевичъ [3]), пишетъ ему слѣдующее: [4]) „Сегодня, какъ будто влекомый внутреннимъ побужденіемъ, былъ я у директора вашего департамента князя П. А. [5]) и нечаянно узналъ о вашемъ обстоятельствѣ. Начавъ разговоръ о васъ именно тѣмъ, что справедливость требуетъ по всѣмъ уваженіямъ повысить васъ

---

[1]) Архангельскій Николай Михайловичъ ординарный профессоръ математики при Харьк. университетѣ. Скончал. въ Харьковѣ въ 1857 г. 70 л.

[2]) Изъ неизданного письма.

[3]) Шишкевичъ—извѣстный своимъ корнесловомъ русскаго языка. Скон. 1843 г.

[4]) Не было въ печати.

[5]) Платонъ Алекс. Ширинскій-Шихматовъ.

и давно изъ титулярныхъ; но, къ крайнему удивленію, тутъ то въ глазахъ и представилось дѣло ваше; больше всего остановленъ былъ я отзывомъ г. директора: ибо не слыша доселѣ ничего невыгоднаго въ отношеніи къ службѣ вашей, подумалъ я, какъ такая кротость и жизнь христіанская подпала мірскому обуреванію, кляузамъ и, что всего хуже, слѣдствію! Кто это профессоръ Архангельскій? и что было причиною онаго? Я въ Одессѣ зналъ исправляющаго должность профессора правъ Павла Архангельскаго, ужъ не онъ ли этотъ самый?—но признаюсь, что всѣ его обвиненія больше доказываютъ личную какую то нерасположенность, нежели какія либо со стороны вашей безпорядки. Жаль, что нельзя не примѣтить нерасположенности къ вамъ и со стороны высшихъ, чего я никогда не представлялъ себѣ, а полагалъ, что вы безмятежно исправляете подвигъ вашъ, хотя меня, можетъ быть, и забыли. Слышу, что это началось съ 1831 года, слѣдовательно за бытность Языкова, но въ ту пору и нога моя не касалась порога вашего департамента, ибо и „я довольно претерпѣлъ и отъ него и отъ Ливена [1]) за всѣ понесенные труды и рвеніе по одесской коммиссіи; но уклонился отъ зла и, кажется, сотворилъ благо. Сказываютъ, что вы жаловались Сенату; Кузнецовъ также, но если дѣло ваше правое, какъ и думать должно, то почему же и не доказывать? Черта сія многимъ не нравится и трудно бороться съ сильнымъ; трудно выиграть что либо полезное; но доказать свою невинность законъ обязываетъ—впрочемъ существенно я ничего со стороны дѣла вашего не знаю. Недавно былъ примѣръ, что и оправданіе не пособило, а на себя самъ я испыталъ и испилъ ту же самую горькую чашу; такъ мы, христіане, должны нести крестъ съ кротостью, терпѣніемъ и молчаніемъ; помня истину, апостоломъ проповѣданную: вси хотящіи благочестно жити о Христѣ Іисусѣ, гонимы будутъ 2 Тим. гл. 3 ст. 12 и почерпая утѣшеніе изъ того же источника, который вы столь ясно указали матери, бесѣдою на гробѣ младенца: „нѣсть наша брань“ и проч...

О себѣ скажу, что, если разсудите писать, надписывайте такому то: въ Троицкомъ пер. въ домѣ купца Павла Гусева подъ № 178. Болѣе къ вамъ не пишу. Скажу только, что всегда помню васъ, искренно люблю и почитаю. Вашъ покорнѣйшій слуга.

Ѳедоръ Шишкевичъ.

6 Окт. 1833 года.
С.-П—бургъ.

Дѣло Станевича съ училищнымъ совѣтомъ Харьковскаго Университета было послѣднимъ событіемь на его педагогическомъ поприщѣ. 16 іюля 1834 года управляющій министерствомъ предложилъ Станевичу переходъ на

[1]) Ливенъ Карлъ Андреевичъ съ 1828 по 1833 г. министръ народнаго просвѣщенія. Скончю въ 1844 году.

должность директора Астраханской гимназіи. Станевичъ отъ перевода отказался и принужденъ былъ выйти въ отставку. Сдавши должность учителю Саввѣ Василевскому, онъ въ февралѣ 1834 года выѣхалъ на жительство Сумского повѣта въ хуторъ Желѣзнякъ, гдѣ, по всей вѣроятности, его ожидало, уже не однажды испытанное, гостепріимство помѣщичьей семьи Кондратьевыхъ. Здѣсь 15 января 1835 года Станевичъ скончался отъ чахотки на 60 году жизни.

Въ Успенской церкви слободы Верхней Сыроватки, къ приходу которой принадлежитъ хуторъ Желѣзнякъ, находятся и нынѣ, пожертвованныя Станевичемъ, двѣ иконы въ серебряныхъ окладахъ цѣною въ 145 рублей, серебряный чайникъ въ 80 рублей и подносъ въ 75 рублей серебромъ. Въ собственноручной дарственной записи Станевича значится завѣщаніе: „хранить эти вещи на вѣчныя времена, никуда не передавать и никому изъ начальства по власти своей не брать. Въ противномъ случаѣ такое дѣйствіе да вмѣнится тому въ святотатство“.

Прот. Н. Лащенковъ.

Апр. 19 дня
1896 г.

Личные обереги отъ сглаза.

(Servatoria).

Содержаніе. Предисловіе. Значеніе обереговъ въ народной жизни. Дѣленіе обереговъ. 1) Оплеваніе и слизываніе. 2) Веревка. 3) Камни и роги. 4) Соль. 5) Угольки. 6) Сѣть. 7) Обувь (лапоть и др.). 8) Колокольчики и бубенцы. 9) Подкова. 10) Цвѣтныя повязки. 11) Дѣтская сорочка. 12) Зубы волчьи (и др.). 13) Деревья и травы. 14) Филактеріи и наузы. 15) Сложные обереги. 16) Символическіе знаки. Передача сглаза. Заключеніе.

Вѣрованіе въ сглазъ—общечеловѣческое, на извѣстной вообще очень широкой ступени культурнаго развитія или, точнѣе, безкультурнаго варварства. Куда не проникало этнографическое изученіе—оно вездѣ встрѣчало повѣрья въ сглазъ; и въ настоящее время было бы неразрѣшимой загадкой, если бы на земномъ шарѣ отыскался народъ безъ повѣрій о сглазѣ; такого случая и допустить нельзя, такъ какъ онъ сталъ бы въ рѣзкое противорѣчіе со всѣмъ строемъ элементарной народной психологіи.

Въ настоящее время возможно, не останавливаясь на основномъ фактѣ повѣрья въ сглазъ, какъ явленіи общеизвѣстномъ и обычномъ для всѣхъ народовъ на извѣстной ступени культуры, остановиться подробнѣе на характерныхъ деталяхъ этого бытоваго явленія, напр., на вопросахъ, что считается наиболѣе опаснымъ относительно сглаза, въ чемъ состоитъ природа явленія, другими словами, какъ объясняется происхожденіе вреда отъ сглаза, въ чемъ проявляется сила сглаза, какіе существуютъ отъ него обереги, или предохранительныя мѣры. Только съ изученіемъ такихъ деталей раскроется вся полнота и разносторонность повѣрій о сглазѣ и опредѣлятся всѣ связанныя съ нимъ психологическія черты, какъ общечеловѣческія, такъ и мѣстныя народныя. Роль мѣстно-народныхъ элементовъ въ этомъ циклѣ повѣрій, несомнѣнно, весьма ограниченная и незначительная. То, что легко можетъ показаться національнымъ въ области повѣрій о сглазѣ, при широкомъ сравнительно этнографическомъ изученіи, получаетъ космополитическое значеніе, какъ будетъ далѣе видно изъ настоящей нашей статьи.

Мы не задаемся широкой цѣлью изученія повѣрій о сглазѣ во всей ихъ полнотѣ и во всемъ ихъ разнообразіи. Факты, подлежащіе изученію,

такъ обильны и, главное, такъ разбросаны, что собираніе въ группы и научное разъясненіе ихъ можетъ быть выполнено лишь постепенно усиліями многихъ дѣятелей на почвѣ сравнительной этнографіи и исторіи культуры. Въ статьѣ сдѣланъ подборъ личныхъ обереговъ, сравнительно наиболѣе простыхъ. Интересно прослѣдить по фольклорнымъ даннымъ, какъ мысль человѣка, не доросшаго до скептицизма и научнаго міровоззрѣнія, подавленнаго разными накопленными въ теченіе вѣковъ фантастическими страшилищами, ищетъ спасительнаго исхода въ оберегахъ, интересно тѣмъ болѣе что обереги всегда имѣли огромное значеніе въ жизни народа, такъ какъ на нихъ возлагались большія надежды; они успокаивали сердце, взволнованное чувствомъ страха, сдерживали настроенное на мистическій ладъ воображеніе и охраняли самое близкое и дорогое: у матери ея ребенка, у хозяина жилище и домашній скотъ, у пасѣчника пчелъ...

Обереги весьма многочисленны и разнообразны, какъ обрывки разныхъ эпохъ и разныхъ древнихъ міровоззрѣній. Въ частности обереги отъ сглаза трудно отдѣлить отъ обереговъ отъ колдовства и болѣзней; затѣмъ, во многихъ случаяхъ обереги совпадаютъ съ талисманами. Въ общемъ всѣ обереги можраздѣлить на три разряда: 1) вещественные, или предметные, 2) символическіе и 3) словесные, или заговоры. Въ настоящей статьѣ мы остановимся лишь на первыхъ двухъ разрядахъ, оставляя заговоры въ сторонѣ. Для послѣдней заговорной стороны нами уже былъ ранѣе намѣченъ матеріалъ въ библіографическомъ указателѣ заговоровъ въ 4 и 5 томахъ Сборника Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества. Заговоры о сглазѣ отдѣлены и не введены въ настоящую статью, потому что спеціальное изученіе ихъ представляется болѣе удобнымъ и обѣщаетъ сравнительно большіе выводы въ связи съ заговорами вообще. Тогда опредѣлятся общія мѣста и основные ихъ элементы. Предметные и символическіе обереги изрѣдка стоятъ рядомъ съ заговорами, еще рѣже упоминаются въ самомъ текстѣ заговоровъ; въ громадномъ же большинствѣ случаевъ они занимаютъ совершенно самостоятельное мѣсто, примыкая не къ словесной литературѣ, а къ разнымъ древнѣйшимъ формамъ народнаго быта.

Какъ отдѣлить талисманы отъ обереговъ? Точное раздѣленіе провести трудно, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда талисманъ разсматривается не только, какъ предметъ, приносящій счастье, но и какъ охрана отъ несчастья. Мы къ талисманамъ относимъ такіе предметы, которые не могутъ быть въ широкой степени утилизируемы; такъ, талисманами въ народномъ быту служатъ печь, аистъ, ужъ, огонь, ласточка; значеніе ихъ ограничено предѣлами одного дома или одной семьи, и они не могутъ имѣть значеніе оберега для каждой особы. (О талисманахъ см. мою книгу „Культ. переживанія“ №№ 29—37, 191).

Сообщенія объ амулетахъ, талисманахъ, вообще оберегахъ разбросаны во многихъ сочиненіяхъ. До 200 сочиненій такого рода указано въ 8 № „Melusine“ 1895 г.; но мы не воспользовались этимъ указателемъ, такъ какъ указанныхъ въ немъ книгъ—вообще рѣдкихъ—совсѣмъ не оказалось въ мѣстныхъ библіотекахъ. И собственно нами собранный матеріалъ оказался достаточно обильнымъ. Чтобы не растеряться въ большомъ разнообразіи отдѣльныхъ обереговъ, мы на предстоящихъ страницахъ сдѣлаемъ попытку сгруппировать ихъ въ предметномъ порядкѣ, причемъ на первомъ мѣстѣ ставимъ такіе предметы и дѣйствія, которые можно принять за древнѣйшія, по соотвѣтствію ихъ съ наиболѣе архаичными формами быта, и оставляемъ совсѣмъ въ сторонѣ современные религіозные предметные обереги, ладанки, записки съ молитвами и др. т. п.

1.

Слизыванье и оплеванье.

Исторія культуры раскрываетъ такую первобытную простоту и грубость, что нужно значительное усиліе мысли, чтобы представить ихъ когда-либо возможными. Особенно трудно поддаются опредѣленію и уясненію такія простѣйшія явленія народной психики, которыя граничатъ съ животнымъ міромъ. Къ такому сумежью между человѣкомъ и животными относится, повидимому, странный оберегъ отъ болѣзней, колдовства, преимущественно отъ сглаза, въ видѣ оплеванія и слизыванія. Высшія породы животныхъ, коровы и собаки, облизываютъ своихъ дѣтенышей, и, можно думать, что первобытныя женщины также облизывали новорожденныхъ дѣтей или слизывали лицо младенцевъ. Первоначальное значеніе оплеванія и слизыванія врачебное, или антидемоническое, что въ древнее время совпадало. Древняя мать находила слизываніе необходимымъ, въ виду существованія облизыванія дѣтенышей животными самками; она дѣлала это изъ животнаго инстинктивнаго чувства материнства. Облизываніе дѣтеныша замѣняетъ обмываніе; необходимость обмыванія, повидимому, сознается даже высшими породами животныхъ. Путемъ облизыванія устраняются вредные остатки послѣродовыхъ маточныхъ выдѣленій. Обиліе архаическихъ остатковъ облизыванія даетъ поводъ думать о всеобщемъ его распространеніи въ древности. Весьма характернымъ переживаніемъ представляется современный малорусскій обычай слизыванья, распространенный не только въ низшихъ, но и въ среднихъ классахъ народонаселенія, наравнѣ съ другими не менѣе древними обычаями—потягиваніемъ носа у новорожденныхъ для роста и подрѣзываніемъ подъ языкомъ плевы (уздечки) будто для развитія рѣчи,

обычаями, не имѣющими раціональнаго физіологическаго основанія [1]). Въ Малороссіи слизываютъ дѣтей обыкновенно послѣ купанья такимъ образомъ: мать или бабка проводитъ своимъ языкомъ вдоль лица ребенка отъ подбородка ко лбу и навкрестъ по глазамъ и затѣмъ вытираетъ лицо ребенка пазухой своей рубахи, почему то непремѣнно пазухой—подробность мнѣ непонятная. При слизываніи иногда сплевываютъ и говорятъ молитву, чаще всего „Отче нашъ". Любопытно, что весьма сходные обычаи отмѣчены у сербовъ, поляковъ стараго времени и у многихъ другихъ народовъ. Въ Сербіи, когда ребенокъ хвораетъ и, по мнѣнію родныхъ, изуроченъ, его лицо трутъ пазухой рубашки отца или матери (*Миличевичъ*, въ Гласникѣ XXXVII 148). Обычай слизыванія дѣтей отъ сглаза распространенъ и въ Болгаріи (*Сборникъ* за народ. умотв. VIII, 156). Въ средневѣковыхъ польскихъ проповѣдяхъ находится указаніе, что боль головы приписывалась урокамъ и лѣчили слизываніемъ лба больнаго (*Wisla* III, 702). Материнскій обычай слизыванія съ ребятъ перенесенъ былъ на взрослыхъ при сглазѣ.

У кавказскихъ горскихъ евреевъ средствомъ лѣченія отъ сглаза служитъ, что сглазившій плюетъ или слизываетъ своею слюною лицо больнаго. Чтобы узнать, кто именно сглазилъ, дѣлаютъ изъ тѣста шарики и бросаютъ въ огонь, произнося при этомъ имена односельцевъ мужскаго и женскаго пола или тѣхъ, которыхъ видѣлъ больной въ послѣднее время. Если шарики горятъ, не трескаясь, то значитъ никто изъ названныхъ не сглазилъ. Если шарикъ выскочитъ съ трескомъ при произнесеніи имени кого либо, то сейчасъ посылаютъ къ этому лицу и просятъ прислать въ блюдцѣ своей слюны или же придти самому и слизать слюною лобъ больного, губы, щеки, подбородокъ и плечо. Шарикъ же, выскочившій изъ огня, превращаютъ въ порошокъ и даютъ больному съ водой (*Анисимовъ*, въ III вып. Сборн. Матер. по Этногр. изд. при Дашков. муз. 303).

Въ „Traité des superstitions" Тьера 1697 г. находится любопытное указаніе, что издавна „ceux, qui crachent une ou trois fois dans leur sein afin de n'être point charmés" *Liebrecht*, Des Gervasius Otia Imperialia 221). Подобные обычаи отмѣчены этнографами въ Германіи (*Melusine*, 1893, 86).

Италіанскій этнографъ Дорса говоритъ, что въ Калабріи женщина, входя въ комнату, гдѣ находится ребенокъ, говоритъ: „прочь колдовство, прочь сглазъ" и плюетъ въ лицо ребенка три раза (*Trede*, Das Heidentum in der röm. Kirche, II 236). Римскій сатирикъ Персій, современникъ Нерона, во второй своей сатирѣ сообщаетъ о такомъ же обычаѣ: бабушка беретъ ребенка изъ колыбели и въ огражденіе отъ колдов-

[1]) О безполезности послѣднято обычая см. въ брошюрѣ доктора *Шервена* Faut il couper le frein de la langue? 1894 г.

ства или сглаза и среднимъ пальцемъ правой руки мажетъ своей слюной лобъ и губы ребенка (ib. 226). Въ 4 гл. 28 книги Естественной исторіи Плинія въ числѣ разныхъ врачебныхъ средствъ упоминается слюна, какъ средство отъ зараженія болѣзнью, отъ укушенія змѣи и отъ чародѣйства хромоногаго человѣка. Лишаи и проказу лѣчили слюной, взятой утромъ до употребленія пищи. Плиній даетъ, между прочимъ, такой совѣтъ: если кто посмотритъ на спящаго ребенка, мамка должна три раза сплюнуть, хотя бы на ребенкѣ былъ амулетъ отъ сглаза. О сплевываніи, какъ средствѣ противъ сглаза, говорятъ еще Ѳеокритъ въ Идил. 6,39 и Тибуллъ 1,5 (ib. 235,236).

2.

Веревка отъ повѣшеннаго. Могильная земля.

Веревка отъ повѣшеннаго и затѣмъ вообще куски веревки [1]) въ значеніи талисмана и амулетовъ встрѣчалась въ Азіи у монголовъ (*Потанинъ* IV 784), въ средневѣковой Европѣ (*Liebrecht*, D. Gervasius Otia 239) и др.

Человѣческія жертвы въ той или другой формѣ существовали въ древности повсюду, какъ, повидимому, повсюду существовало людоѣдство. Въ Африкѣ и въ Австраліи человѣческія жертвы приносятся еще въ настоящее время. У древнихъ мексиканцевъ при высокой культурѣ канибализмъ достигалъ ужасающихъ размѣровъ. Людей откармливали, закалывали, сердце приносили въ жертву богамъ, народу бросали тѣло, которое немедленно варили и съѣдали. Приношеніе человѣческихъ жертвъ при похоронахъ умершаго существовало у грековъ временъ Гомера, у древнихъ германцевъ и славянъ. Культъ удерживалъ человѣческія жертвоприношенія долѣе канибализма, и богамъ продолжали приносить въ жертву людей уже послѣ того, какъ человѣкъ почувствовалъ отвращеніе къ людоѣдству.

Среди различныхъ представленій, вызванныхъ канибализмомъ и человѣческими жертвоприношеніями, выдается то, что душа жертвы сливается съ душой божества. Въ силу такого представленія, человѣкъ, предназначенный для жертвы, еще до смерти получалъ иногда имя того божества, въ которое онъ долженъ былъ вселиться, въ одеждѣ божества участвовалъ въ торжественной процессіи и получалъ поклоненіе. Все, что было связано съ жертвой, въ особенности орудіе смерти, веревка, получало священное значеніе. Когда, при недостаткѣ плѣнниковъ, были убиваемы въ жертву богамъ свои преступники и воры, то понятія казни и жертвоприношенія до того сблизились, что народъ, по крайней мѣрѣ въ извѣстныхъ

---

[1]) См. мою книгу „Культурн. переживанія“ § 114. Здѣсь собраны этнографическіе факты этого рода.

случаяхъ, отождествлялъ ихъ. Для казненнаго устраивали своего рода пиръ, сохраняли на память его вещи и самой веревкѣ, на которой вѣшали преступника, приписывали потомъ сверхъестественное значеніе (*Липертъ*, Ист. культ. 327).

Можетъ быть, по такому же мотиву возникло важное значеніе земли или грязи, какъ оберега, и если это такъ, то первоначально въ дѣло шла лишь земля изъ-подъ покойника и затѣмъ уже всякая земля. Талисманы изъ земли, въ особенности могильной, отмѣчены у многихъ народовъ въ № 10 „*Melusine*" 1893 г. стр. 232 и потому мы не останавливаемся на нихъ.

3.

Роги—cornicelli. Камни.

Въ Италіи издревле широкимъ распространеніемъ пользуется рогъ, чаще всего бычачій, въ значеніи оберега. Въ Неаполѣ лучшимъ средствомъ противъ сглаза—страшной въ глазахъ суевѣрныхъ италіанцевъ jettatura—считается прикрѣпленіе къ дому двухъ бычачьихъ роговъ. Въ большомъ ходу cornicelli—маленькіе рожки изъ коралла, слоновой кости и т. п. Дѣти носятъ cornicelli на шеѣ; взрослыя женщины въ ушахъ (*Trede*, D. Heidenthum in d. röm. Kirche II 251). Даже пальцами изображаютъ рожки, чтобы избѣжать сглаза. На остріѣ рога долженъ сломиться и обезсилѣть злой глазъ. Въ силу того же психологическаго мотива вмѣсто рога употребляютъ иногда, какъ оберегъ, иглу. Объ иглѣ, какъ амулетѣ, говоритъ еще Плиній. Извѣстно, что остатки жертвенныхъ животныхъ имѣютъ оберегательное противодемоническое значеніе, и cornicelli, должно быть, имѣютъ такое же происхожденіе.

Вмѣсто роговъ оберегами у многихъ народовъ служатъ простые камни. У лапландцевъ каменныя стрѣлы служили оберегомъ отъ сглаза, въ родѣ cornicelli. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Германіи и въ Финляндіи важнымъ оберегомъ считаются белемниты („громовые камни", „чертовы пальцы"). Въ Англіи и во Франціи камни вѣшаютъ отъ сглаза надъ дверьми домовъ и хлѣвовъ, иногда на крышѣ дома. Цыгане прикрѣпляютъ камешки къ волосамъ дѣтей. Въ Китаѣ ставятъ камень у дверей дома, стоящаго на бойкомъ прохожемъ мѣстѣ. Въ Новой Гвинеѣ кладутъ камни на поля для урожая (*Melusine*, 1893, 211).

Нѣсколько другую, болѣе культурную окраску имѣютъ обереги изъ драгоцѣнныхъ камней. Они примыкаютъ уже къ лигатурамъ, о чемъ ниже, и стоятъ въ связи съ древними ляпидаріями и азбуковниками. У персовъ отъ сглаза спасаетъ агатъ, у турокъ преимущественно кварцы иониксъ,

у испанцевъ и грековъ гематитъ и т. д. Подробности см. въ *Melusine* 1893, стр. 212—214, 231.

4.

Соль.

Многіе народы живутъ безъ соли; одни изъ нихъ, напр., полинезійцы, макаютъ мясо въ морскую воду, которую держатъ наготовѣ въ орѣховой скорлупѣ; другіе пользуются приправой изъ острыхъ травъ или золой ихъ. Но гдѣ почва представляетъ богатства соли, тамъ соль становится скоро необходимой приправой къ пищѣ, и племена стараются завладѣть такими мѣстами (*Липертъ*, Ист. культ. 138). Соль уже въ глубокой древности, какъ приправа къ кушаньямъ, рано вошла въ жертвоприношенія и въ зависимости отъ послѣдняго получила священное мистическое значеніе. Кусочки соли, лежавшіе на жертвенномъ животномъ, стали оберегами. Плиній говоритъ, что у римлянъ ни „одно жертвоприношеніе не обходилось безъ соли". Овидій въ Фастахъ замѣчаетъ, что блестящіе кусочки чистой соли (lucida mica puri salis) употреблялись при жертвоприношеніи. Въ римской церкви соль, какъ талисманъ, употребляется при крещеніи ребенка, и нынѣ въ Италіи еще очень дорожатъ амулетами изъ кусковъ соли (*Trede* II 253) Соль въ значеніи амулета встрѣчается во всей западной Европѣ, въ Россіи, въ Египтѣ, въ Японіи. Солью обрызгиваютъ новорожденныхъ, молодыхъ, дойныхъ и тельныхъ коровъ; кусочки соли бросаютъ въ печь въ огонь отъ сглаза. Много обрядовъ этого рода указано въ „*Melusine*" 1893 № 10 стр. 235—236. Въ Сенегамбіи вѣрованіе, что соль лучшій оберегъ, такъ велико, что для устраненія порчи считаютъ достаточнымъ сказать: „мы ѣдимъ соль".

5.

Огонь, угольки и зола.

Какъ извѣстно, огонь въ древности пользовался большимъ уваженіемъ и имѣлъ религіозное значеніе. Широко было распространено повѣрье въ очистительное и лѣчебное значеніе огня. Въ Россіи, когда портится молоко у коровъ, его кипятятъ и тогда колдунъ начинаетъ чувствовать боль и является въ домъ, гдѣ кипятятъ, молоко, съ какой-либо просьбой. Тожественное повѣрье записано въ Италіи, въ Венеціи, въ приложеніи къ людямъ: если бѣлье больнаго отъ сглаза положить въ котелъ, а котелъ поставить на огонь, то колдунъ явится въ домъ что-нибудь просить и, по удовлетвореніи его просьбы, сглазъ теряетъ свою силу (*Melusine*, 1893, стр. 108). Угольки, камешки, зола, какъ обереги, возникли въ тотъ пері-

одъ исторіи культуры, когда человѣкъ впервые ознакомился съ огнемъ и устроилъ себѣ очагъ. Такъ какъ устроительницей очага была женщина, то и лѣченіе, и гаданіе на угляхъ и золѣ первоначально въ эпоху материнства исходило отъ женщины, и до настоящаго времени лишь женщины сохраняютъ угольки и золу, какъ лѣчебное средство, или обереги отъ чародѣйства вообще и сглаза въ особенности. Въ старое время обрядовое употребленіе золы, сажи и угольевъ было гораздо болѣе обширное, чѣмъ нынѣ; въ золѣ пекли хлѣбы вообще и священные хлѣбы въ частности, жарили жертвенныхъ животныхъ; золу подбрасывали вверхъ, какъ жертву солнцу, причемъ первоначально, вѣроятно, лишь ту золу, въ которой изготовлялось жертвенное животное, а затѣмъ вообще, безъ связи съ животной жертвой. Потому въ народныхъ обрядныхъ играхъ иногда мажутъ лицо сажей, напр., въ западной Малороссіи на досвѣткахъ и въ Андреевъ день, въ Грузіи во время рождественскихъ каландъ, въ сѣверо-западной Монголіи при нѣкоторыхъ религіозныхъ обрядахъ. Потому и теперь еще весьма распространено повѣрье о цѣлебномъ значеніи золы и ее пьютъ съ водкой отъ разныхъ болѣзней.

Опредѣленіе сглаза по уголькамъ и лѣченіе его угольками встрѣчается въ Россіи чуть ли не повсемѣстно и затѣмъ бытуетъ у другихъ народовъ. Въ Казанской губерніи берутъ три камешка на мужескій, женскій и дѣвичій глазъ и бросаютъ поочередно въ чашку съ водой, приговаривая: „коли ты сглазилъ, зашипи. Камешекъ своимъ шипѣніемъ указываетъ, кто сглазилъ, мужчина, женщина или дѣвушка; затѣмъ эту воду даютъ пить больному и опрыскиваютъ его, читая молитву „Богородице Дѣво“ (*Аршиновъ*, въ Сборн. свѣд. о крест. насел. Россіи I 29). Весьма близкіе обряды и повѣрья лужицкія, словенскія, польскія, нѣмецкія и италіанскія отмѣчены въ „*Melusine*“, (1893, 62).

У сербовъ при сглазѣ опускаютъ въ воду горящіе уголья и приговариваютъ: „отъ чернаго глаза, отъ голубого, урокъ надъ порогомъ, урочица подъ порогомъ, урокъ ничего не видитъ, урочица ничего не слышитъ“ (*Миличевичъ*, въ Гласникѣ XXXVII, 148).

Оставляя въ сторонѣ заговоръ, въ самомъ обрядномъ предварительномъ дѣйствіи и въ особенности въ бросаніи въ воду горячихъ камешковъ, нельзя не видѣть остатка первобытнаго способа жаренія и варки пищи, который съ теченіемъ времени получилъ священное таинственное значеніе, въ силу уваженія къ сѣдой древности, съ переходомъ человѣка на высшія ступени матеріальной культуры. Древняя печь, встрѣчающаяся и теперь у дикихъ народовъ Африки и Америки, состояла изъ земляной ямы и раскаленныхъ камней, о чемъ подробности см. въ „Исторіи культуры“ *Липперта* 53—59.

Грузины Кутаиса въ томъ мѣстѣ, гдѣ человѣкъ испугался или ушибся при паденіи, стараются разыскать уголекъ и, нашедши, растираютъ въ порошокъ и даютъ съ водой пострадавшему (*Машурко*, въ Сборн. матер. по опис. Кавк. XVIII, 318). Въ древнее время уголекъ, должно быть, брался съ очага или жертвенника. Тамъ же знахарки лѣчатъ дѣтей отъ сглаза такимъ образомъ: обламываютъ уголекъ и, потерши о него палецъ, трутъ затѣмъ этимъ пальцемъ ребенку лобъ, подбородокъ и щеки (ib. 312). Здѣсь къ оберегу угольку присоединена манипуляція отъ другого оберега—слизыванія.

У пермяковъ въ число обереговъ отъ сглаза входитъ печная сажа (*Вѣст. Европы* 1883 III, 262).

Въ связи съ первоначальнымъ культомъ огня мы ставимъ окуриваніе больныхъ отъ сглаза. Обряды окуриванія см. въ *Melusine* 1893, стр. 115.

6.

Сѣть.

Изъ народныхъ сказокъ о злыдняхъ ясно выступаетъ мысль, что злого демона можно посадить въ бутылку, завязать въ мѣшкѣ, забить въ дыркѣ дерева клиномъ. Древній человѣкъ сѣтью ловилъ рыбу, и сѣтью онъ хотѣлъ уловить демона, потому грозилъ ему сѣтью, и держалъ ее при себѣ, какъ оберегъ. Въ грузинскомъ заговорѣ отъ сглаза прямо говорится: „мы опутаемъ злыхъ ангеловъ тьмы пеньковыми сѣтями“ (*Сбор.* матер. по опис. Кавк. XVIII, 312). Оттого у грузинъ въ огражденіе родильницы и ребенка отъ злого духа протягиваютъ вокругъ ея кровати до самаго потолка рыбачьи сѣти (ib. 306). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сѣверной Россіи сѣть налагаютъ на родильницу и на свадьбахъ на невѣсту, или невѣста скрывается отъ жениха за сѣтью—смѣшеніе оберега съ обычаемъ умыканія. Происхожденіе сѣти, какъ оберега, можетъ быть, относится къ временамъ свайныхъ построекъ, когда сѣть входила въ кругъ житейскаго и обрядового обихода.

7.

Обувь: лапти, Hexenpantöffelein и пр.

Въ „Вѣстникѣ Рус. Геогр. Общества“ 1853 г. VII, 40 въ небольшой замѣткѣ свящ. *Руженцева* о народныхъ примѣтахъ въ Юхновскомъ уѣздѣ находится такое любопытное сообщеніе: „По многимъ домамъ моего прихода, едва ли не въ каждомъ, при входѣ въ домъ, глазъ невольно встрѣтится съ старыми лаптями... На вопросъ мой, для чего висятъ у нихъ ста-

рые лапти? отвѣчали: „Вишь ты, какъ взойдешь на дворъ, да видя такіе лапти уже и подумаешь о нихъ... Стало быть... съ перваго раза глазъ и сломишь надъ лаптями, тогда уже не сглазишь во дворѣ ни скотины, ни въ избу пришедши сидящихъ за работою бабъ, ни ягнятъ, ни телятъ... У одного огородника вокругъ огорода на каждомъ почти колу виситъ по старому лаптю... „Всякій, какъ прійдетъ, объяснилъ огородникъ, сперва глядитъ на лапти да дивится имъ, а на капусту не глядитъ и не дивится: а тобъ давно ея не было: либо червь съѣла ее, либо какая мошка навалилась, и качаньевъ то не было“.

Этотъ курьезный обычай не представляетъ однако unicum. Вообще, можно думать, что въ фольклорѣ нѣтъ ничего исключительно своеобразнаго. Въ любопытной статьѣ проф. *Сартори* „Der Schuh im Volksglauben“ въ Zeitschrift des Vereins zur Volkskunde 1894 цѣлая глава отведена изложенію повѣрій о вліяніи обуви на здоровье людей и животныхъ (II 148—150). Здѣсь собрано много любопытныхъ повѣрій этого рода; но группировка ихъ нѣсколько искусственная.

Ближе всего къ русскимъ лаптямъ-оберегамъ подходитъ обычай бедуиновъ вѣшать на верблюдовъ отъ сглаза всякіе остатки старой обуви и одежды, находимые на пути. Сибирскіе гольды носятъ на шеѣ маленькіе бумажные башмаки. Въ Швабіи отъ колдовства и болѣзней носятъ маленькія деревянныя „Hexenpantöffelein“ (*Sartori*, 149).

Оберегательное значеніе юхновскаго лаптя въ древней Греціи имѣла иногда маска, которую въ отстраненіе сглаза прикрѣпляли къ наружнымъ дверямъ дома (*Trede*, I 251).

Всѣ эти обереги примыкаютъ, очевидно, къ оберегамъ изъ роговъ, иглъ, камней и т. п., но проникновеніе въ число обереговъ обуви и маски могло совершиться уже при нѣкоторомъ осложненіи первобытной цивилизаціи.

8.

Бубенчики и колокольчики.

Обычай навѣшивать колокольчики на экипажныя дуги, особенно любимый въ Россіи въ старое время, при разъѣздахъ на почтовыхъ, валдайскіе колокольцы съ малиновымъ звономъ, нынѣ лишь отчасти сохраняемые становыми приставами и земскими начальниками, выросли изъ простыхъ бубенчиковъ, и настоящее ихъ мѣсто не на дугѣ, а на лошадиной шеѣ Бубенчики встрѣчаются нынѣ очень часто въ подвѣсѣ на уздечкахъ и, судя по археологическимъ курганнымъ раскопкамъ, были весьма распространены въ древнее время. Начало обычая восходитъ къ двумъ стадіямъ куль-

турнаго развитія—ко времени знакомства древняго человѣка съ металлами и, съ болѣе точнымъ опредѣленіемъ, если только можно въ такихъ архаичныхъ сторонахъ быта говорить о хронологической точности, къ тому времени, когда началось прирученіе лошади; такъ можно думать на томъ основаніи, что бубенцы изстари привязывались къ шеѣ одной лишь лошади, и даже въ настоящее время очень странное впечатлѣніе производитъ корова съ бубенчикомъ на шеѣ. Для коровъ и быковъ существовали другія стукалки—деревянныя, можетъ быть еще болѣе древнія, чѣмъ бубенцы, о чемъ см. мои „Культурныя переживанія“ (замѣтка о „колоталѣ“). Въ исторіи распространенія лошади прежде всего является установленнымъ фактомъ, что она первоначально была неизвѣстна древнимъ египтянамъ, арабамъ и евреямъ. Она не входила въ культурный кругъ темной земледѣльческой расы Африки, ни смуглыхъ номадовъ юго-западной Азіи. Родиной лошади считаютъ пространство между областью верблюда и осла съ одной стороны и поясомъ оленя съ другой. Средне-азіатскіе кочевники, приручившіе лошадь, вѣроятно, впервые стали прибѣгать къ бубенцамъ, какъ амулетамъ; такой амулетъ могъ распространиться повсемѣстно вмѣстѣ съ распространеніемъ лошади. Мѣстами это благородное животное очень высоко цѣнилось. Во время Соломона лошадьми обмѣнивались только цари, что, впрочемъ, часто встрѣчалось и въ болѣе поздне евремя въ странахъ съ развитымъ коневодствомъ. По ученію браминовъ, жертвенныя животныя шли по своему достоинству въ слѣдующемъ порядкѣ: лошадь, быкъ, коза, овца. Отсюда слѣдуетъ, что предки арійцевъ не только ѣли лошадиное мясо, но и очень высоко его цѣнили (*Липертъ*, Ист. культ. 94). Въ силу всего этого вполнѣ естественнымъ было стремленіе древняго человѣка, пользовавшагося лошадью, оградить это полезное животное отъ козней злыхъ духовъ и злыхъ людей съ „дурнымъ глазомъ„ подходящимъ оберегомъ, а лучшаго оберега, какъ бубенчики, и нельзя было придумать. Звукъ и свѣтъ искони считались лучшими предохранительными средствами отъ чародѣйства. У римлянъ бубенчиками оберегали животныхъ отъ колдовства, и этотъ обычай удержался до настоящаго времени въ южной Италіи: почти на всѣхъ рабочихъ лошадяхъ находятся амулеты, чаще всего бубенчики или колокольчики, иногда металлическіе роги, ручки или полумѣсяцъ у праваго уха животнаго. Колокольчики считаются, однако, лучшимъ оберегомъ лошадей отъ „mal'occhio“ (*Trede*, II 248).

9.

Подкова.

Подкова—домашній талисманъ; въ значеніи личнаго оберега встрѣчается рѣдко. Подкова, какъ талисманъ, встрѣчается преимущественно въ

домахъ мѣщанъ или въ торговыхъ лавкахъ: прибиваютъ на порогѣ, чтобы было много покупателей. Трудно сказать, заимствовано ли это повѣрье, или существуетъ на Руси издавна. Источникъ его кроется въ религіозномъ почитаніи коней кельтами, германцами, вендами. Для охраненія своихъ стадъ отъ моровой язвы венды втыкали головы лошадей и коровъ на заборахъ вокругъ конюшенъ и хлѣвовъ, а для отогнанія злыхъ духовъ клали въ ясли лошадиную голову. Въ Голландіи вѣшаютъ лошадиную голову въ свиныхъ хлѣвахъ; въ Мекленбургѣ кладутъ ее подъ подушку больнаго. Германцы для отвращенія грозы ставили на верху избы конскія головы съ разинутыми пастями, обращенными въ ту сторону, откуда ожидали бѣду. Впослѣдствіи, у германцевъ и славянъ на избахъ стали строить коньки деревянные. Наряду съ употребленіемъ подковы для развитія богатства, въ Малороссіи встрѣчается нѣсколько другихъ сходныхъ обрядовъ. Въ Поднѣстровьѣ втыкаютъ кобылью голову на колъ плетня въ огородѣ, чтобы „все родыло". Украинскіе знахари относятся съ особеннымъ уваженіемъ къ той травѣ, которая проростаетъ сквозь глазныя ямки конскаго черепа и стараются собирать ее для своихъ чаръ (*Аѳанасьевъ*, I, 637). Въ пользу предположенія о заимствованіи русскими обычая прибивать на порогѣ подкову говоритъ то обстоятельство, что обычай этотъ распространенъ въ Германіи, причемъ подкова здѣсь оберегаетъ домъ отъ всякаго зла (*Lippert*, Christenthum, 461). Подкову въ Германіи и Швеціи прикрѣпляютъ къ порогу дверей, иногда кладутъ дѣтямъ подъ подушку отъ сглаза и вообще очарованія (*Liebrecht*, Des Gervasius Otia Imperialia 100). У персовъ отъ сглаза поятъ водой, въ которой положена подкова (*Melusine*, 1893).

10.

Цвѣтныя повязки.

Красныя перевязки служатъ симпатическимъ средствомъ отъ сглаза и болѣзней. Дѣлаютъ такія перевязки изъ нитокъ гаруса, полосокъ ситца, ленточекъ, и надѣваютъ ихъ на шею и на руки. Подобнаго рода обычаи встрѣчаются во многихъ странахъ. Въ современной Греціи цвѣтныя повязки служатъ оберегами отъ сглаза (*Zeitschrift* d. Vereins für Volkskunde 1892, II, 139). Въ Шотландіи женщины въ предотвращеніе чаръ обматываютъ свои пальцы краснымъ шолкомъ и весною, передъ выгономъ скота въ поле, обвязываютъ у коровъ хвосты красными нитками. Въ Германіи обвязываютъ скоту рога и шею красными лентами, чтобы предохранить его отъ всякихъ болѣзней и невзгодъ. Въ Малороссіи красными лентами перевязываютъ животныхъ, растенія, даже огородныя овощи (*Мак-*

симовичъ Собр. соч. т. II, 499). Въ Индіи невѣстѣ привязывали на шею, въ качествѣ свадебнаго снурка, нитку изъ красной шерсти. Въ Китаѣ привязываютъ дѣтямъ къ кисти руки что нибудь красное и пріучаютъ ихъ смотрѣть на красный цвѣтъ, какъ на лучшее предохранительное средство противъ злыхъ духовъ (*Шериль* въ „Фил. Зап. 1884 III 63).

Замѣтимъ мимоходомъ, что во многихъ малорусскихъ названіяхъ растеній обнаруживается воззрѣніе на яркіе цвѣта, какъ горящіе, красные, солнечнаго или огненнаго свойства, напримѣръ: горицвитъ, гориця, соняшникъ. Объ отцвѣтшей гречкѣ говорятъ, что она „погасла".

Общее благотворное символическое значеніе краснаго цвѣта переносится на тѣ растенія, которыя имѣютъ ярко красный цвѣтъ или плодъ, въ особенности на рябину и калину. Рябина служитъ средствомъ противъ колдовства.

Причина особенной любви народовъ къ красному цвѣту, должно быть, скрывается въ какихъ-либо недостаточно выясненныхъ психофизіологическихъ особенностяхъ древнихъ расъ, переходившихъ изъ поколѣнія въ поколѣніе сначала по крови наслѣдственно, а потомъ традиціонно, по привычкѣ и устойчивой обрядности.

11.

Дѣтская сорочка.

Дѣтской сорочкой называется перепонка, которая иногда бываетъ на головѣ новорожденнаго. Послѣ рожденія ребенка ее немедленно снимаютъ съ головы и берегутъ въ домѣ. По повѣрью многихъ народовъ, родившійся въ сорочкѣ будетъ счастливъ, и самую сорочку берегутъ, какъ личный талисманъ, причемъ понятіе о счастливомъ ея значеніи расширяется въ томъ смыслѣ, что счастливъ всякій, имѣющій сорочку, по рожденію въ ней, или по пріобрѣтенію ее покупкой. У древнихъ римлянъ адвокаты покупали сорочку, приписывая ей таинственную способность давать успѣхъ въ дѣлахъ. Такое же воззрѣніе на сорочку въ примѣненіи къ адвокатурѣ существовало въ Англіи и Даніи. Въ началѣ прошлаго столѣтія въ англійскихъ газетахъ встрѣчались еще объявленія о продажѣ дѣтскихъ сорочекъ. Во Франціи считаютъ счастливыми дѣтей, родившихся въ сорочкѣ, что объясняетъ французское выраженіе „être né coiffé" (*Плоссъ*, въ Знаніи 1877, III, 33). Вѣрованіе въ счастливое значеніе дѣтской сорочки распространено повсемѣстно въ Россіи. Лѣтъ пятьдесятъ назадъ въ дворянскихъ семьяхъ при начинаніи труднаго дѣла занимали у сосѣдей сорочку, если не имѣли собственной (*Авдѣевъ*, Зап. о рус. бытѣ, 138). Въ Харьковской губерніи сорочку называютъ чепцомъ и думаютъ, что родившійся въ чепцѣ со време-

немъ будетъ архіереемъ. Чепецъ или сорочку тщательно сохраняютъ, при чемъ иногда зашиваютъ ее въ наиболѣе ноское платье дитяти, имѣвшаго счастье въ сорочкѣ родиться. То же повѣрье встрѣчается у евреевъ западнаго края (*Чубинскій*, VII, I, 43). Объясненіе повѣрій въ счастливое значеніе дѣтской сорочки давно уже представлено проф. А. А. *Потебней* въ статьѣ о Долѣ, напечатанной въ Древностяхъ моск. археолог. общ. 1865 (II. 20): „По взгляду германской миѳологіи, говоритъ здѣсь Потебня, души до своего рожденія находятся у богини Гольды за облакомъ. Каждый разъ, когда душа сходитъ на землю, чтобы принять на себя человѣческій образъ, за нею слѣдуетъ одна, двѣ, три другія души, какъ ея хранители. Въ скандинавской миѳологіи, гдѣ это вѣрованіе особенно развито, такой духъ называется фильгія (fylgia, weil er dem Menschen folgt) или гамингія (hamingia—felicitas—счастье). Мѣстопребываніе ихъ есть сорочка, которою иногда бываетъ обвита голова новорожденнаго (glückshaube), съ чѣмъ, очевидно, связано русское повѣрье, что родиться въ сорочкѣ—счастье“. Точно такое же объясненіе народныхъ вѣрованій въ дѣтскую сорочку, какъ талисманъ, высказано недавно (1887 г.) *Швебелемъ* въ сочиненіи „Tod und ewiges Leben im deutsch. Volksglauben“.

12.

Волчьи (свиные и др.) зубы и летучія мыши.

Въ Россіи волчій зубъ вѣшаютъ дѣтямъ на шею для зуборащенія. Въ Пруссіи съ той же цѣлью употребляютъ лисій зубъ (*Krause*, 84). Во Франціи дѣтямъ во время зуборащенія навязываютъ на шею ожерелье изъ волчьихъ зубовъ или дѣлаютъ башмаки изъ волчьей кожи, на что есть указаніе въ постановленіяхъ Монтекасинскаго собора 1626 г. Въ голубятняхъ вѣшаютъ голову или хвостъ волчій, чтобы не ходила ласочка (fovines) (*Rolland*, Faune popul., I, 130). Въ Бельгіи въ окрестностяхъ Льежа во время желудочныхъ болей кладутъ на животъ кожу съ груди волчонка, а экскременты волка считаются лучшимъ средствомъ отъ коликъ (*Comhaire*, въ Revue d. trad. popul., 1889, 363). Съ этими обычаями можно сравнить монгольскій обычай клясться зубомъ медвѣдя (*Потанинъ*, IV, 756).

Въ видѣ оберега отъ сглаза волчій зубъ встрѣчается у современныхъ грековъ (*Zeitschrift* Vereins... 1894 II 139). Въ Италіи съ такой цѣлью употребляютъ куски волчьей кожи или свиные зубы (*Trede* II 253). У Плинія находится любопытное указаніе, что на дверяхъ прикрѣпляли черепъ волка; на этомъ черепѣ, какъ на юхновскомъ лаптѣ, долженъ былъ сломиться злой глазъ. Далѣе Плиній сообщаетъ, что вокругъ дома три раза обносили летучую мышь и прибивали гвоздемъ надъ окномъ, какъ оберегъ. И

нынѣ въ южной Италіи къ домамъ прикрѣпляютъ летучихъ мышей, совъ, черепа кабановъ, а въ Сициліи кладутъ ихъ по полямъ (*Trede* II 250). Во многихъ мѣстахъ западной Европы значеніе обереговъ имѣютъ косточки жабы (*Melusine* 1893, 86).

13.

Деревья. Травы. Вѣникъ.

Насколько деревья, по своей величинѣ, неудобны въ смыслѣ личнаго оберега, настолько удобны травы, и травы, дѣйствительно, играютъ у народовъ большую роль въ значеніи обереговъ. Онѣ входятъ во многія изъ упоминаемыхъ нами далѣе лигатуръ, наузъ и филактерій. Нѣкоторые породы деревьевъ имѣютъ значеніе полевыхъ, садовыхъ и домашнихъ обереговъ. Такъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Швеціи домашними талисманами служили растущіе вблизи ясень или вязъ; въ Италіи въ садахъ съ этой цѣлью садятъ лавръ (*Trede* II 250). Въ Германіи и въ Сербіи важнымъ личнымъ оберегомъ отъ колдовства и сглаза считается зашитый въ платьѣ кусокъ отъ пораженнаго молніей дерева (*Melusine* 1893, 237. *Гласникъ* XXXVII, 147). Въ настоящемъ случаѣ мысль покорена не деревомъ, а силой молніи, и оберегомъ въ сущности оказывается послѣдняя.

Въ X пѣснѣ „Одиссеи" находится уже указаніе на оберегъ траву—*моли*, корень котораго черный, а цвѣтъ бѣлизной подобенъ молоку. Въ западныхъ средневѣковыхъ пенитенціалахъ встрѣчается много общихъ указаній на травы обереги: „Si quis ligaturas fecerit per herbas"; „dum dicunt diabolica carmina super herbas" и др. Во Франціи отъ колдовства и сглаза носили въ XVII в. на шеѣ корешки нѣкоторыхъ растеній, выкопанные 24 іюня до восхода солнца, и опоясывались въ этотъ день травами (*Liebrecht*, Des Gervasius Otia, 231, 244). Подобное обыкновеніе и нынѣ существуетъ въ Италіи (*Trede* II 254). Въ разныхъ странахъ, въ разныхъ мѣстностяхъ преобладаютъ различные растительные обереги. Арабы, египтяне и въ особенности абиссинцы и сициліанцы пользуются алое, какъ оберегомъ отъ сглаза. Въ Калабріи въ Реджіо отъ колдовства и сглаза служитъ особый родъ кактуса, помѣщаемый вблизи входныхъ дверей или на балконѣ. Растеніе это называется тамъ не иначе, какъ „albero del malocchio". Въ Индіи отъ сглаза носятъ въ тюрбанѣ лимонъ; дѣтямъ на шею надѣваютъ ожерелья изъ блестящихъ зеренъ одного растенія, причемъ потемнѣніе ихъ считаютъ признакомъ сглаза. У персовъ отъ сглаза носятъ гвоздичныя ожерелья, а у грековъ окуриваютъ зернами гвоздики. Въ *Melusine* 1893 г. №№ 10—12 талисманы изъ травъ изложены обстоятельно въ алфавитномъ порядкѣ, и потому мы здѣсь не будемъ подробно останавливаться на нихъ.

Не можемъ не выдѣлить 2—3 травъ, пользующихся особенной популярностью въ Россіи, вообще среди славянъ, именно:

1) *Чеснокъ*—въ Великороссіи и въ Малороссіи носятъ отъ сглаза на шеѣ или въ карманѣ, въ Галиціи и въ Угорщинѣ вплетаютъ въ вѣнокъ невѣсты, наканунѣ дня св. Георгія (23 апрѣля) натираютъ имъ двери и порогъ (*Записки* Геогр. Общ. по отд. этн. 1869 II 100). У древнихъ грековъ чеснокъ оберегалъ животныхъ; у римлянъ его клали въ дѣтскую колыбель; въ средніе вѣка во всей Европѣ держали надъ дверями. И нынѣ, какъ оберегъ, чеснокъ въ большомъ ходу въ Пруссіи, во всей Германіи, въ Трансильваніи, въ Португаліи, въ Италіи, въ Греціи и Болгаріи (*Melusine* 1893, стр. 141, *Zeitschrift d. Vereins z. Valksk.* 1894 II 139, *Сборникъ* за народ. умотв. I 80, *Trede* II 246).

2) *Полынь*—держатъ иногда въ карманѣ или подъ подушкой въ значеніи оберега въ Россіи, въ Германіи, жгутъ въ хлѣвахъ въ ночь подъ Рождество во Франціи. Въ Пьемонтѣ вырываютъ полынь для оберега лѣвой рукой. Какъ оберегъ по преимуществу здѣсь полынь называется bun meje, т. е. bonum mihi (*Melusine*, 1893, 238).

3) *Чернобыльникъ*—галицко-русскія дѣвушки подпоясываются чернобыльникомъ отъ сглаза и порчи (*Kolberg*, Рокисіе, I 202). Въ Нормандіи чернобыльникъ, собранный 24 іюня, охраняетъ коровъ. Въ Германіи въ средніе вѣка и нынѣ чернобыльникъ носятъ на шеѣ, закапываютъ подъ порогъ, опоясываются. Въ Китаѣ кладутъ въ колыбель. Сходныя повѣрья бытуютъ въ Чехіи и въ Тиролѣ (*Melusine* 1893, стр. 242),

4) *Чертополохъ*, какъ показываетъ самое названіе, идетъ въ обереги. Въ Малороссіи держатъ его въ домахъ отъ злыхъ духовъ и вѣдьмъ (*Nowoselski* II 145). У южныхъ славянъ чертополохъ срываютъ на зарѣ, кладутъ его на окнахъ, заборахъ, навѣшиваютъ на коровъ (*Melusine*, 1893, 247).

Можетъ быть въ зависимости отъ важнаго значенія травъ, какъ обереговъ, стоитъ *вѣникъ*—оберегъ. Объ обрядовомъ употребленіи вѣника на свадьбахъ см. мое соч. „О свадебныхъ обрядахъ“ стр. 194. Кромѣ свадьбы, вѣникъ въ Германіи кладутъ подъ колыбель и на дорогѣ; въ Австріи переводятъ коровъ черезъ вѣникъ, бьютъ имъ животныхъ при первомъ выгонѣ ихъ въ поле. Въ Шотландіи, выводя скотъ на ярмарокъ, гонятъ его вѣникомъ отъ сглаза. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ къ вѣтвямъ деревьевъ для отвращенія сглаза прикрѣпляютъ вѣники (*Melusine* 1893, стр. 245).

14.

Филактеріи, лигатуры, или наузы.

Въ разрядъ филактерій, или, по терминологіи древнихъ церковныхъ памятниковъ, равнозначущихъ съ ними characteres, servatoria, amuleta, bre-

via, inscriptiones, scripturae, precationes, входятъ астрологическіе знаки и вообще таинственные рисунки. Къ нимъ близко подходятъ „*ligaturae*", или наузы (польск. navezy, чешск. navazy), металлическія ожерелья, кольца, серьги, мѣшочки съ разными предметами, ладанки, записки съ заговорами и т. п. Я говорилъ уже о наузахъ въ „Культурн. переживаніяхъ" § 117; много цѣнныхъ фактовъ привелъ затѣмъ г. *Зибртъ* на 44—52 стр. „Seznam pover" 1894 г. Здѣсь въ примѣч. на стр. 45—46 указана литература предмета. Къ даннымъ здѣсь указаніямъ мы могли бы кое-что добавить по нашему указателю заговоровъ, и, кромѣ того, присоединить любопытныя указанія на металлическіе наузы (кольца, иглы, золотыя украшенія и пр.) въ „*Melusine*" 1895 № 8 и 9 и на двѣ цѣнныхъ статьи проф. *М. И. Соколова* о змѣевикахъ въ „Журн. Мин. Нар. Просв." 1889 г. т. 243 и въ 1 вып. Трудовъ славянск. коммиссіи 1895 г.

Филактеріи и наузы—тоже древность, но большею частью уже культурная. Здѣсь сохранились элементы мудрости халдейской, египетской и еврейской. Затѣмъ кое-что сюда внесла средневѣковая мистика, астрологія, каббала, лапидаріи, въ средневѣковой ихъ обработкѣ. Оттого на западѣ сохранилось гораздо болѣе заклинательныхъ формулъ и астрологическихъ рисунковъ, чѣмъ въ Россіи, которая довольствовалась болѣе простыми, такъ сказать, общенародными оберегами архаическаго бытоваго характера. И въ настоящее время у западныхъ народовъ бытуетъ много формулъ, въ родѣ филактерій, и въ сборникахъ западно-европейскихъ заговоровъ они часто встрѣчаются; у насъ же попадаются изрѣдка и то большей частью среди низшаго духовенства и въ латинской формѣ (какъ образчикъ, см. латинскую формулу въ „Этногр. матеріалахъ" г. *Гринченка* въ Черниговск. Земск. Сборникѣ 1895 г. т. I стр. 175).

Изъ славянскихъ лигатуръ отмѣтимъ здѣсь лишь любопытный амулетъ съ глаголической надписью, недавно отмѣченный въ „Архивѣ" *И. В. Ягича* (1894 г.). Въ статьѣ проф. *М. И. Соколова* о змѣевикахъ въ 1 т. „Трудовъ славянской ком." 1895 стр. 183 указанъ (по соч. Шлюмбергера) любопытный византійскій амулетъ отъ сглаза съ изображеніемъ глаза, съ тремя ножами сверху. Проф. Соколовъ при этомъ указываетъ на то мѣсто въ Testamentum Salomonis, гдѣ говорится, что виновника сглаза демона Фенофа можно обезсилить изображеніемъ глаза, испытывающаго страданія.

15.

Сложные обереги.

Въ одномъ грузинскомъ заговорѣ изъ г. Кутаиса: „Злыхъ ангеловъ тьмы мы опутаемъ пеньковыми сѣтями и закуемъ въ желѣзные кандалы.

Зловредный духъ! выходишь ли ты изъ дерева, или воды, или воздуха, приносишься ли вѣтромъ, являешься ли отъ солнца, или луны, или звѣздъ, отойди прочь, такъ какъ ты все таки злой духъ! Меня ограждаетъ крестъ. Со мной Богъ Отецъ, Богъ Сынъ, Богъ Духъ Святый. Во имя Пресвятой Троицы мы запечатаемъ злыхъ духовъ и свяжемъ ихъ словами Матѳея, Марка, Луки и Іоанна. Ты, Боже, сохрани и огради Твоимъ милостивымъ крестомъ двери и крышу дома (*Машурко*, въ Сборн. матер. по опис. Кавк. XVIII 312). Этотъ заговоръ можетъ служить хорошимъ образцомъ накопленія и смѣшенія разнородныхъ обереговъ. Тутъ и сѣть—оберегъ изъ отдаленной древности и въ добавокъ къ сѣти новые тюремные узы—кандалы, и затѣмъ „святыя" слова, и крестъ. Любопытнымъ образцомъ сложнаго амулета представляется ласточкино сердце, привязанное къ шейному кресту (*Аѳанасьевъ*, Поэт. воззр. I 455).

16.

Символическіе знаки.

(Пальцы, глаза, фаллосъ, ключъ).

Оберегами отъ сглаза иногда служатъ символическіе знаки, находящіеся въ прямой зависимости отъ вещественныхъ обереговъ. Опасность сглаза постоянно грозитъ человѣку, а наиболѣе принятый въ извѣстный моментъ оберегъ можетъ не оказаться подъ руками, и потому въ ходъ пускается его внѣшнее изображеніе или символическій намекъ на него. У итальянцевъ бычачій рогъ считается лучшимъ оберегомъ; но носить его съ собою неудобно, и потому носятъ маленькіе рожки изъ ковалловъ, слоновой кости и болѣе простаго матеріала—cornicelli, а когда никакого оберега въ нужный моментъ подъ руками не оказывается, то въ южной Италіи при опасеніи сглаза прибѣгаютъ къ символическимъ знакамъ—fa il cornu, т. е. протягиваютъ впередъ большой палецъ и мизинецъ, или указательный палецъ и мизинецъ, подгиная остальные пальцы. Въ Греціи женщины въ такомъ случаѣ протягиваютъ всѣ пять пальцевъ правой руки и произносятъ соотвѣтствующій заговоръ (*Trede* II 252). Греческая манипуляція настолько отдѣлилась отъ первоначальнаго вещественнаго оригинала, что безъ посредствующаго италіанскаго комментарія остается непонятною.

У тюрковъ и мавровъ сѣверо-африканскаго прибрежья распростертая рука даже въ изображеніи своемъ считается защитой отъ дурнаго глаза. Любопытно, что этотъ обычай перешелъ даже въ словесную форму предохранительнаго отъ сглаза заговора, именно говорятъ: „пусть пять (рука) падутъ на ваши глаза!" (*Пешель*, Народовѣдѣніе, 109).

Фаллическій элементъ обнаруживается въ оберегахъ лишь на классической почвѣ. По словамъ Плинія, въ садахъ роль талисмана играли изо-

браженія Пріапа (*Trede*, II 249). Изображеніе фаллоса, какъ оберега отъ сглаза, встрѣчается и у современныхъ грековъ (*Zeitschrift* d. Vereins für Volkskunde 1894 II 139)—любопытный обрывокъ классической старины. Можетъ быть, въ связи съ древними фаллическими культами стоитъ французскій оберегъ XVII вѣка отъ сглаза съ видѣ обливанія по утрамъ рукъ своей мочой (*Liebrecht*, Des Gervasius Otia Imperialia 100). Повидимому, фаллическое значеніе имѣетъ современный италіанскій оберегъ отъ сглаза въ видѣ ключика (*Trede* II 253).

Особенно характерны тѣ случаи, когда злому глазу противополагается изображеніе глазъ. На древнихъ греческихъ росписныхъ вазахъ два глаза, нарисованные надъ щитами героевъ, должны были отвращать дурной глазъ отъ пьющихъ изъ чаши. Такіе глаза часто украшаютъ верхнюю часть шеи родосскихъ сосудовъ (*Павлуцкій*, Греческ. росписныя вазы, 71). Тутъ кстати будетъ вспомнить обычную характеристику сабли въ сербскомъ эпосѣ „сабля са очима". Византійскій амулетъ съ страдающимъ глазомъ относится къ этой категоріи обереговъ.

Кромѣ разобранныхъ и сгруппированныхъ обереговъ существуетъ множество частныхъ, такъ или иначе примыкающихъ къ выше приведеннымъ по психологическому мотиву. Такъ, въ Италіи отъ сглаза носятъ на шеѣ въ ладанкѣ клешни рака, мѣдное изображеніе полумѣсяца (остатокъ культа Изиды), стрѣлки, въ Греціи кольцо, въ Россіи, во Франціи жабьи косточки и камешки. У негровъ, вообще очень расположенныхъ къ амулетамъ, оберегами бываютъ львиный волосъ, палочки (*Reville*, Les religions I 70, 152, 178, 186, 189; *Trede* II 253; *Rolland*, Faune populaire III, 51, 52, 53). Амулеты этого рода отличаются подвижностью и служатъ разнымъ цѣлямъ, но большей частью имѣютъ значеніе оберега отъ колдовства и сглаза.

17.

Передача сглаза.

Въ Россіи и въ Западной Европѣ боятся брать предметы, лежащіе на перекресткахъ, считая ихъ заколдованными. Съ ними можетъ перейти болѣзнь. Болѣзнь въ древности переносили заговоромъ на палку, камень, тряпку, и клали заговоренный предметъ на дорогѣ. Иногда эта форма оберега принимала характеръ жертвоприношенія и навожденія болѣзни. Такъ, въ Индіи старуха наливаетъ въ чашу молока, кладетъ въ нее пищу, и, обведши чашей 7 разъ вокругъ головы больнаго, выливаетъ на перекресткѣ 4 дорогъ, или въ такомъ случаѣ кладутъ на распутьѣ монету, кусокъ одежды (*Melusine* 1893, 58).

Интересны практикуемые у разныхъ народовъ пріемы передачи сглаза животнымъ и растеніямъ. Въ разныхъ мѣстахъ Россіи, въ Германіи, въ Индіи, кладутъ больного отъ сглаза и переводятъ черезъ него собаку, или кладутъ подъ голову больного хлѣбъ и потомъ даютъ его собакѣ (*Melusine* 1893, 84). Къ этимъ обычаямъ примыкаетъ старый русскій обычай переводить черезъ больного ручного медвѣдя. Къ этому же циклу повѣрій и обрядовъ нужно отнести странный способъ лѣченія больныхъ дѣтей черезъ протягиваніе ихъ черезъ дупло дерева, о чемъ въ фольклорѣ есть спеціальная монографія извѣстнаго французскаго ученаго Гедоза. („La vieux rite medicale", 1893, 84 стр.).

Важное значеніе въ чародѣйствѣ текучей воды, по моему мнѣнію, если не всегда, то во многихъ случаяхъ, обусловлено мыслью о томъ, что вода уноситъ сглазъ съ брошенными въ нее предметами.

Глубокая древность, первобытно дикая съ одной стороны и культурная съ другой, завѣщала такую громадную массу разныхъ обереговъ, соблазняющихъ до, нынѣ простаго человѣка своей доступностью, что понадобится много образовательныхъ усилій, чтобы расчистить народное міросозерцаніе отъ многовѣковой ветоши и проложить путь для здоровой раціональной жизни подъ покровомъ все болѣе услиливающейся науки.

Н. Ѳ. Сумцовъ.

† Д-ръ Ватрославъ Облакъ.

15 (3-го по старому стилю) апрѣля 1896 г. скончался молодой выдающійся славистъ, только что назначенный экстра-ординарнымъ профессоромъ въ Грацскомъ университетѣ, д-ръ Ватрославъ Облакъ. Вскорѣ я получилъ отъ М. М. Мурка любезное письмо съ фотографіей Облака и сообщеніемъ нѣкоторыхъ біографическихъ данныхъ о немъ, дополняющихъ свѣдѣнія, сообщаемыя Видицемъ въ некрологѣ, помѣщенномъ въ 5 вып. 1896 г. „Люблянскаго Звона" стр. 310—312, присланномъ мнѣ также и въ то же время М. М. Муркомъ, за что и приношу ему искреннюю благодарность. Этими свѣдѣніями я и пользуюсь въ настоящей статьѣ, пособіями для которой служили, кромѣ печатныхъ трудовъ самого Облака и „Slavistische Bibliographie" Пастернка, частныя письма ко мнѣ какъ самого покойнаго, такъ и его соотечественника вѣнскаго слависта М. М. Мурка.

Ватрославъ Облакъ родился въ Цельѣ 15 мая (по новому стилю) 1864 г. Гимназію до 8-го класса проходилъ въ Цельѣ, а въ 8-мъ классѣ заболѣлъ туберкулёзой и долженъ былъ на годъ прервать занятія; хотя врачи отчаялись въ его выздоровленіи, однако онъ настолько оправился, что могъ продолжать свое ученье; но здоровье его было окончательно разбито. Вступивъ опять въ 8-й классъ, онъ долженъ былъ снова выйти изъ цельской гимназіи вслѣдствіе притѣсненій со стороны гимназическаго начальства, заподозрившаго его въ подстрекательствѣ къ пѣнію 19 ноября австрійскаго гимна на словѣнскомъ языкѣ противъ воли директора. Тогда Облакъ принужденъ былъ удалиться въ Загребъ, гдѣ и кончилъ гимназію, получивъ доступъ къ экзамену зрѣлости. Мурко сообщаетъ, что отецъ принуждалъ его къ занятію рисованіемъ, желая, чтобы онъ по окончаніи 4-го класса сталъ ваятелемъ, на что Ватрославъ не согласился, хотя къ занятію филологіей перешелъ не прямо, а занимался очень много военной исторіей, особенно Наполеономъ; „какъ онъ приступилъ къ занятіямъ филологіей, для меня еще и теперь неясно", говоритъ Мурко. Какъ бы ни было, уже въ гимназіи, по словамъ Видица, онъ съ большимъ рвеніемъ занимался славистикой, такъ что принесъ съ собою въ Вѣну, гдѣ осенью 1886 года записался на философскій факультетъ, уже богатыя свѣдѣнія по языко-

знанію. Съ этого времени онъ сталъ самымъ усерднымъ ученикомъ профессора Ягича, съ которымъ до самой смерти своей находился въ тѣснѣйшей дружбѣ, и который называлъ его любимѣйшимъ своимъ ученикомъ. Изъ дальнѣйшей біографіи Облака извѣстно, что онъ предпринималъ съ научною цѣлью поѣздки въ Македонію и на острова Адріатическаго моря. Поѣздка въ Македонію, совершенная имъ въ началѣ 1892 г., по словамъ Мурка, на средства, дарованныя Вѣнскимъ университетомъ („Reisestipendium“), а не, какъ сообщаетъ Видицъ, на средства академіи, была не вполнѣ удачна вслѣдствіе задержанія его турецкими властями [1]). Мурко въ письмѣ отъ ²¹/₉ марта 1892 г. такъ описываетъ это происшествіе: „Въ Солунѣ все было благополучно, но когда Облакъ отправился въ путь по странѣ, онъ былъ на пятый день схваченъ цѣлымъ отрядомъ турецкихъ жандармовъ. Когда въ Вардаровцахъ въ домѣ священника онъ разговаривалъ съ одной старухой, въ комнатѣ внезапно заблистало оружіе, офицеръ прицѣлился въ него револьверомъ, а солдаты ружьями. Впродолженіи 12 часовъ онъ долженъ былъ подъ дождемъ ѣхать назадъ въ Солунь; съ нимъ останавливались во всѣхъ деревняхъ, въ которыхъ раньше онъ былъ, и ночью онъ долженъ былъ также остаться подъ надзоромъ полиціи. Что такъ поступали турки, не обращавшіе никакого вниманія на пропускной листъ, полученный имъ отъ солунскихъ властей, неудивительно, но почти невѣроятно, что его не защищалъ австрійскій консулъ, завзятый бюрократъ, совѣтовавшій ему поскорѣе оставить Македонію подъ предлогомъ, что турецкія власти особенно возбуждены противъ него“. Конечно, это непріятное происшествіе должно было еще болѣе повліять въ дурную сторону на слабое здоровье Облака, но во всякомъ случаѣ ему удалось познакомиться непосредственно съ нѣкоторыми изъ говоровъ юго-восточной Македоніи (Сушскимъ) и собрать не мало новаго матеріала, чѣмъ онъ и воспользовался въ своихъ статьяхъ. Въ 1895 году онъ путешествовалъ въ области венгерскихъ словѣнцевъ и около Випавы (на границѣ съ Истріей). Въ вакаціонное время Облакъ обыкновенно уѣзжалъ или къ изслѣдователю словѣнской старины Даворину Трстеняку, или, послѣ его смерти, къ извѣстному любителю своей народности священнику Габрону въ Хорутаніи. Осенью 1894 г. Облакъ поступилъ доцентомъ словянской филологіи въ грацскій университетъ преимущественно для преподаванія южно-словянскихъ языковъ; министерство его называло лекторомъ словѣнскаго языка и словѣнской литературы; а въ 1895 году передъ Пасхой философскій факультетъ представилъ его въ экстраординарные профессора́, что̀

[1]) У М. С. Дринова имѣются довольно подробныя свѣдѣнія въ письмахъ къ нему покойнаго объ этой не вполнѣ удавшейся поѣздкѣ.

было принято и министерствомъ, но Облакъ не дожилъ до своего назначенія.

17 апрѣля (по новому стилю) въ Цельѣ происходило погребеніе, на которое изъ Вѣны поспѣшили пріѣхать учитель и другъ покойнаго проф. Ягичъ и д-ръ Мурко, изъ Граца деканъ философскаго факультета проф. Бауэръ, а цельская интеллигенція, собравшись въ большомъ числѣ, воздала послѣднюю честь своему земляку; присутствовали представители обществъ вѣнскаго „Slovenija“ и грацскаго „Triglav“; масса вѣнковъ украшала гробъ; рѣчи говорили Мурко и товарищъ председателя „Триглава“ Ваднялъ. „Трогательно было видѣть, какъ по лицу посѣдѣлаго учителя проф. Ягича при видѣ гроба рано умершаго любимаго ученика текли обильныя слезы; такъ любилъ великій ученый своего молодого друга“ (Fr. Vidic, Ljublj. Zvon, 1896, 5 zv., 312).

Справедливо замѣчаетъ Видицъ, что съ Облакомъ словѣнскій народъ потерялъ первокласснаго словѣнскаго филолога, который сталъ бы достойнымъ наслѣдникомъ славнаго Миклошича, и что эта потеря тѣмъ болѣе горька, что нѣтъ никого, кто бы заступилъ его мѣсто. Не смотря на короткій промежутокъ времени (9 лѣтъ), Облакъ успѣлъ написать и издать довольно значительное число не только мѣлкихъ статей и рецензій, но и крупныхъ научныхъ работъ; многія изъ этихъ работъ свидѣтельствуютъ о большомъ талантѣ и основательной научной подготовкѣ автора, не смотря на всѣ его увлеченія, заставлявшія его высказывать иногда слишкомъ поспѣшныя и сомнительныя заключенія. Какъ и всѣ почти австрійскіе словяне, а въ особенности тѣ изъ нихъ, которые не имѣютъ своихъ академій и университетовъ (въ настоящее время почти одни словѣнцы), Облакъ двуязычникъ, и, кромѣ значительнаго числа сочиненій на родномъ ему словѣнскомъ, едва ли не бóльшая часть его сочиненій напечатана на языкѣ нѣмецкомъ, играющемъ, въ особенности со времени основанія проф. Ягичемъ научнаго журнала „Archiv für slavische Philologie“, вообще весьма важную роль въ качествѣ научно-филологическаго органа у словянъ; сверхъ того, онъ обогатилъ и болгарскую научную литературу, напечатавъ нѣсколько статей по болгарски.

По содержанію своему труды Облака относятся частію къ области чистой лингвистики и при томъ какъ исторіи языка, такъ и изученія современныхъ діалектовъ, частію къ области филологіи. Основательный знатокъ всѣхъ словянскихъ нарѣчій и въ томъ числѣ старословянскаго языка, знакомый съ результатами и методами современной лингвистической науки, Облакъ, какъ и естественно, преимущественное вниманіе обратилъ на изученіе своего родного словѣнскаго языка. Здѣсь онъ сдѣлалъ такъ много, какъ никто изъ его болѣе раннихъ соотечественниковъ. Къ сожалѣнію, онъ не успѣлъ опубликовать собственныхъ интересныхъ наблюденій надъ

отдѣльными говорами словѣнскими; но о нихъ свидѣтельствуютъ его письма: еще въ письмѣ 7, XI, 1892 онъ писалъ, что у него есть очень интересный матеріалъ о двухъ хорутанскихъ говорахъ—зильскомъ и юнскомъ и жаловался на недостатокъ времени, чтобы опубликовать его, а въ письмѣ отъ 29, VIII, 1894 г. онъ сообщаетъ нѣсколько особенностей зильскаго говора; немало, вѣроятно, сдѣлалъ онъ наблюденій и надъ говорами венгерскихъ словѣнцевъ, среди которыхъ путешествовалъ въ 1895 г. Но главная заслуга Облака по отношенію къ словѣнской діалектологіи заключается въ удачномъ приведеніи въ стройную систему разныхъ мѣлкихъ и крупныхъ изслѣдованій и наблюденій по отдѣльнымъ говорамъ, сдѣланныхъ другими (Шкрабцемъ, Валявцемъ, Бодуэномъ-де-Куртенэ, Штрекелемъ, Клодичемъ и нѣкот. друг.), и, что̀ особенно важно, историческомъ освѣщеніи ихъ при помощи своей громадной начитанности въ старинныхъ памятникахъ XV—XVI—XVIII столѣтій, изъ которыхъ иные имъ изданы вновь, другіе переизданы съ богатыми и цѣнными комментаріями.

Самый большой трудъ Облака, относящійся къ изученію словѣнской группы говоровъ, изданъ по нѣмецки подъ названіемъ „Zur Geschichte der nominalen Declination im Slovenischen“ (247 стран., 8°, Leipzig 1890). Въ немъ сгруппированъ обширный матеріалъ, почерпнутый и изъ старопечатныхъ рѣдкихъ словѣнскихъ книгъ и древнѣйшихъ рукописей и изъ описаній и образцовъ живыхъ словѣнскихъ говоровъ, относящійся къ исторіи именного склоненія. Будучи посвященъ склоненію, трудъ этотъ даетъ, однако, больше, чѣмъ обѣщаетъ, такъ какъ, разбирая ту или иную падежную форму, авторъ невольно долженъ касаться и вопросовъ фонетическихъ уже потому, что каждая форма заключаетъ въ себѣ два элемента: синтактическій—значеніе и фонетическій—звукъ, и что морфологія есть постоянное соединеніе этихъ двухъ элементовъ. Изъ числа особенно интересныхъ вопросовъ, здѣсь затронутыхъ и рѣшенныхъ авторомъ, имѣющихъ при томъ важное значеніе для общесловянской этимологіи, отмѣчу изслѣдованіе объ окончаніи *—am* въ формѣ творит. ед. ч. муж. и сред. р. (стр. 56—61); авторъ рядомъ примѣровъ изъ памятниковъ доказываетъ позднѣйшее происхожденіе этого господствующаго нынѣ въ говорахъ окончанія путемъ аналогіи съ оконч. дат. п. множ. ч., явившимся вмѣсто стараго окончанія *—om* сначала въ именахъ сред. р. подъ вліяніемъ окончанія имен. винит. п. множ. ч. на *—a*, и такимъ образомъ разрушаетъ возможность существовавшаго когда-то предположенія о томъ, что здѣсь *—am* замѣняетъ фонетически старое *—ъмь*; это предположеніе невозможно и съ фонетической точки зрѣнія потому, что— *am* является и въ тѣхъ говорахъ, которые, какъ и лежащіе въ основѣ литературнаго языка краинскіе (преимущественно нижне—), замѣняютъ ъ и ь через *a* лишь подъ удареніемъ;

такимъ образомъ здѣсь рѣшенъ весьма важный вопросъ, какая изъ двухъ извѣстныхъ въ словянскихъ нарѣчіяхъ праформъ твор. ед. ср. и муж. р. основъ на *о* лежитъ въ основаніи формы словѣнской: **омь*, извѣстная изъ большинства старословянскихъ говоровъ и лежащая въ основаніи сербскаго —*ом*, или —**ъмь*, извѣстная изъ меньшинства старословянскихъ говоровъ и языка древнерусскаго и лежащая въ основаніи формъ польскихъ и чешскихъ на —*em*; вопросъ этотъ рѣшенъ, какъ мы видѣли, въ смыслѣ отнесенія словѣнскаго языка къ группѣ южнословянской.

Весьма важны также по отношенію къ изученію словѣнской діалектологіи и труды на словѣнскомъ языкѣ, напечатанные въ журналѣ „Letopis Matice slovenske“ и отдѣльно. Изъ нихъ отмѣчу особенно его „Starejši slovenski teksti“ и „Doneski k historični slovenski dialektologiji I—II“. Въ первомъ сочиненіи Облакъ издалъ вновь извѣстное „Confessio generalis“, древнѣйшій памятникъ (начала XV в.) нижне-краинскаго нарѣчія, раньше изданный Миклошичемъ во 2-й кн. „Slavische Bibliothek“ (1858).

Весьма важны замѣтки о словѣнскихъ говорахъ и въ одной изъ статей послѣднихъ годовъ (1894 г.)—„Die Halbvocale und ihre Schicksale in südslavischen Sprachen“ (въ XVI-мъ т. „Archiv für slavische Philologie“). Здѣсь предложено болѣе удачное, чѣмъ Миклошичево, дѣленіе словѣнскихъ говоровъ, а именно, между тѣмъ какъ Миклошичъ дѣлилъ ихъ по отношенію къ рефлексамъ общесловянскаго *ѣ*, Облакъ находилъ болѣе удобнымъ дѣленіе по рефлексамъ ъ и ь, слившихся уже въ древнѣйшую эпоху жизни словѣнской группы въ одномъ глухомъ звукѣ. На этомъ основаніи онъ дѣлилъ ее на сѣверо-восточную и юго-западную полосы: въ первой ъ и ь въ долгихъ слогахъ развились въ чистое *е*, въ краткихъ удержалось глухое произношеніе въ болѣе западной части, въ болѣе же восточной (венгерск. и кайкавск.) и въ краткихъ развились глухіе въ чистое *е*; во второй полосѣ ъ (ь) развилось въ *а*, при чемъ и здѣсь болѣе западная часть, хотя и обратно, отличается отъ восточной тѣмъ, что замѣняетъ черезъ *а* и долгій и краткій глухой, между тѣмъ какъ восточная въ краткихъ слогахъ удерживаетъ глухое произношеніе („Die Halbvocale“... 163); это глухое произношеніе въ литературномъ правописаніи изображается обыкновенно просто буквою *е*, Шкрабцемъ отмѣчается перевернутой внизъ головой буквою *е*, а Плетершникомъ (Slovensko-nemški slovar) особою формою курсивной буквы *е*. Дѣленіе Миклошича Облакъ не считалъ удобнымъ особенно по отношенію къ исторіи языка: нельзя считать передачу *ѣ* черезъ *ei* исконною и общею принадлежностью восточныхъ, а черезъ *ie* западныхъ говоровъ, такъ какъ въ древнѣйшихъ кайкавскихъ памятникахъ (въ хроникѣ Врамца XVI столѣтія) мы находимъ *ie*, хотя всѣ причисляютъ кайкавское нарѣчіе къ восточной группѣ, а съ другой стороны во многихъ

говорахъ переходы отъ *e* къ *e*ⁱ, *ej* и *aj* очень слабы и трудно опредѣлимы (письмо отъ 15 марта 1893 г.).

Но не одною областью родного языка ограничиваются историко-діалектическія изслѣдованія Облака. Онъ детально изучалъ и остальныя южнословянскія нарѣчія. Изученія эти не ограничивались одними изданными памятниками, но опирались и на самостоятельныя наблюденія автора, который, какъ мы уже упоминали, неоднократно предпринималъ экскурсіи то на острова Адріатическаго моря, то въ Болгарію. Кромѣ напечатанныхъ въ Ягичевомъ „Архивѣ“ и въ болгарскомъ „Сборникѣ за народни умотворения, наука и книжнина“ прекрасныхъ статей по болгарской грамматикѣ, Облакъ готовилъ для Вѣнскихъ „Sitzungsberichte“ обширное изслѣдованіе о македонскихъ говорахъ, которое, къ сожалѣнію, такъ и осталось пока неопубликованнымъ. Изъ говоровъ же чакавско-хорватскихъ онъ изучилъ особенно ластовскій (одинъ изъ самыхъ южныхъ на островахъ Адріатическаго моря), замѣчательный тѣмъ, что при прочихъ преимущественно чакавскихъ особенностяхъ отличается произношеніемъ *ѣ* какъ *je*, хотя въ противоположность югозападно-сербскимъ (черногорскимъ, герцеговинскимъ) говорамъ никогда не произносится здѣсь это *je* двусложно какъ *ie* даже и въ долгихъ слогахъ („Archiv“ XVI, 431); по отношенію къ слогообразующимъ *l* и *r* имъ изучены многіе говоры острова Крка (Веліи). Не вдаваясь въ подробности, я укажу на нѣкоторые особенно интересные для меня пункты въ діалектическихъ изслѣдованіяхъ Облака. Ему принадлежитъ разъясненіе („Archiv“ XVI, 199—201) вопроса о слогообразующемъ *l* на островѣ Кркѣ, существованіе котораго отрицалось Мильчетичемъ въ XI-мъ томѣ „Archiv“а, но ранѣе еще было указано Чернчичемъ: дѣло въ томъ, что Мильчетичъ и Чернчичъ производили наблюденія надъ разными говорами; ему принадлежитъ подробное изложеніе и изслѣдованіе развитія рефлексовъ старыхъ глухихъ или полугласныхъ въ южнословянскихъ нарѣчіяхъ (словѣнскомъ, сербскомъ, болгарскомъ); имъ изслѣдованы многіе важные пункты болгарской грамматики; если та или иная неточность или ошибка въ частностяхъ и могутъ быть указаны спеціалистами, то все-таки труды эти останутся необходимыми пособіями для знакомства съ фонетикой южнословянскихъ нарѣчій. Знакомство съ сѣверными словянскими нарѣчіями Облакъ показалъ своими обстоятельными рецензіями, между прочимъ на лекціи по исторіи русскаго языка проф. Соболевскаго (въ XIV-мъ томѣ „Archiv“а) и „Historická mluvnice“ Гебауэра (I Díl) (въ болгарскомъ „Сборникѣ за народни умотворения“...). А какъ живо интересовался онъ „Изслѣдованіями въ области русской фонетики“ А. А. Шахматова, видно изъ одного письма его отъ 28, II, 1895 г., въ которомъ онъ обращается ко мнѣ съ цѣлымъ рядомъ вопросовъ и возраженій (нѣкоторымъ изъ нихъ нельзя отказать въ осно-

вательности), а также изъ письма 14. V. 1895 г., написаннаго по полученіи моего отвѣта на вопросы по поводу школы проф. Ф. Ѳ. Фортунатова и Шахматова. Съ большой симпатіей относился онъ къ покойному А. А. Потебнѣ; „личность покойнаго проф. Потебни мнѣ очень симпатична, это не типъ педантичнаго шульмейстра“, писалъ онъ въ письмѣ осенью 1892 г. М. С. Дриновъ сообщилъ, что и у него сохранилось письмо Облака, въ которомъ онъ высказываетъ свое глубокое уваженіе къ Потебнѣ.

Скажу нѣсколько словъ объ общей руководящей нити, которая проводилась Облакомъ во всѣхъ его статьяхъ по діалектологіи или о взаимномъ отношеніи словянскихъ нарѣчій. Онъ довольно послѣдовательно и съ увлеченіемъ, хотя безъ ссылокъ на автора, проводилъ теорію „волнъ“ Іог. Шмидта, подтвержденіе которой видѣлъ въ своихъ наблюденіяхъ надъ переходными говорами. Онъ всюду замѣчалъ постепенный переходъ изъ одной группы въ сосѣднюю географически и потому особенно возставалъ противъ теоріи Копитара и Миклошича о древнемъ различіи двухъ словянскихъ вѣтвей на Балканскомъ полуостровѣ. Въ одномъ письмѣ ко мнѣ 1892 г. онъ выражается такъ: „я уже дважды, сначала въ Македоніи, а теперь на Далматинскихъ островахъ, имѣлъ случай убѣдиться, что теорія о вполнѣ раздѣленныхъ языкахъ несправедлива, и что нигдѣ нельзя опредѣлить границы нарѣчій“. По его мнѣнію, не могло быть исконной противоположности между группами словѣно-болгарской съ одной стороны и сербо-хорватской съ другой. Не придавая вслѣдъ за Ягичемъ никакого историческаго значенія извѣстному разсказу Константина Багрянороднаго о призваніи сербо-хорватовъ съ сѣвера, Облакъ въ послѣдней своей статьѣ („Eine Bemerkung zur ältesten südslavischen Geschichte“) объяснялъ причину пріуроченія Константиномъ Б. призванія сербо-хорватскаго племени ко времени Ираклія тѣмъ, что въ это время, вѣроятно, это племя свергло аварское иго и приняло государственную организацію. По мнѣнію Облака, была лишь одна южнословянская группа говоровъ, отдѣльныя части которой были близки между собою по стольку, по скольку соприкасались ографически: *чакавская* группа составляетъ мостъ между югозападными говорами словѣнскими (венеціанскими и горицкими) съ одной и западными штокавскими съ другой, *кайкавская* представляетъ такой же мостъ между восточно-словѣнскими говорами съ одной и сѣверными штокавскими съ другой стороны, и такимъ образомъ отъ сербовъ можно, по его мнѣнію, постепенно перейти къ словѣнцамъ, не замѣчая никакой противоположности; то же и при переходѣ отъ болгаръ къ сербамъ: отъ сверлижскихъ говоровъ Старой Сербіи мы постепенно переходимъ къ говорамъ македонскимъ, носящимъ уже главные признаки болгарской группы, отъ говоровъ юговосточной Сербіи къ говорамъ западно-болгарскимъ; прежде поражав-

шія изслѣдователей сходства нѣкоторыхъ особенностей болгарскихъ говоровъ съ особенностями словѣнскихъ Облакъ объяснялъ не исконнымъ сродствомъ, а случайнымъ совпаденіемъ результатовъ, вызванныхъ разными причинами. Хотя нельзя не согласиться, что многое въ этой теоріи справедливо, такъ какъ дѣйствительно географическое сосѣдство сглаживаетъ различія, но вѣдь изъ этого не слѣдуетъ, что постепенность перехода изъ одной группы въ другую есть непремѣнно исконная; неужели она не могла быть результатомъ длиннаго ряда вѣковъ соприкосновенія, и неужели не могло сгладиться то, что̀ нѣкогда различалось болѣе рѣзко? Если и справедливо, что сходныя явленія въ нарѣчіяхъ, далекихъ между собою географически, могутъ быть случайнымъ совпаденіемъ результатовъ дѣйствія несходныхъ фонетическихъ измѣненій, то и соединеніе въ одну группу разныхъ словянскихъ нарѣчій, близкихъ географически, можетъ быть ошибочнымъ вслѣдствіе недостаточнаго знанія историческаго хода развитія этихъ нарѣчій или группъ говоровъ, отсутствіемъ или недостаточнымъ числомъ древнѣйшихъ письменныхъ памятниковъ и т. п., а потому и вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ южнословянскихъ и вообще словянскихъ нарѣчій не можетъ считаться рѣшеннымъ и едва ли будетъ когда либо рѣшенъ, если не ограничиваться группировкой ихъ съ точки зрѣнія единичныхъ явленій; мнѣ кажется, трудность рѣшенія подобныхъ лингвистически-этнографическихъ вопросовъ объясняется однимъ фактомъ, который всегда происходилъ и происходитъ съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ человѣчество, и предполагается уже a priori, но по отношенію къ южнословянскимъ нарѣчіямъ прекрасно доказанъ историческими свидѣтельствами проф. М. С. Дриновымъ въ сочин. „Заселеніе Балканскаго полуострова славянами“ (Москва, 1873), а именно постоянными переселеніями и скрещиваніями и смѣшеніями между собою представителей различныхъ вѣтвей, которыя были въ свою очередь еще болѣе древней амальгамой; ассимилирующее вліяніе сосѣдства могло объединять то, что нѣкогда *могло* быть различно, а явленія, происходившія на глазахъ исторіи, *могли* происходить въ самыя отдаленныя доисторическія времена.

Какъ извѣстно, увлеченія I. Шмидта были указаны еще въ 1876 г. Лескиномъ во введеніи къ сочин. „Die Declination im slavisch—litauischen und germanischen“, но съ нѣкоторыми соображеніями I. Шмидта о взаимномъ отношеніи словянскихъ нарѣчій Лескинъ соглашался, стараясь примирить теорію родословнаго дерева съ теоріей постепенныхъ переходовъ; Лескинъ высказался именно за нераздѣльность словѣно-сербской группы, отдѣляя ее отъ чешской съ одной и болгарской съ другой стороны (Einleitung, XIV—XV).

Въ одно время съ Облакомъ теорію постепенности переходовъ и не-

раздѣльности всей южнословянской группы проводилъ и проф. И. В. Ягичъ въ своихъ статьяхъ конца 80-хъ и начала 90-хъ годовъ, хотя раньше (въ лекціяхъ начала 1880-хъ годовъ) онъ былъ не прочь согласиться съ теоріей двухъ южнословянскихъ группъ. Такой взглядъ проводитъ проф. Ягичъ уже въ замѣчаніяхъ къ статьѣ М. Решетара „Die Čakavština und deren einstige und jetzige Grenzen“ въ XIII-мъ томѣ „Archiv“а, а затѣмъ особенно въ одной изъ статей послѣднихъ годовъ въ XVII. 3—4 „Archiv“а „Ein Capitel aus der Geschichte der südslavischen Sprachen“. Трудно сказать, кто на кого оказалъ въ этомъ отношеніи вліяніе, учитель на ученика, или ученикъ на учителя, хотя оба могли прійти къ одному результату независимо; но весьма возможно, что такой взглядъ въ отличіе отъ его петербургскихъ лекцій проводился проф. Ягичемъ уже въ его вѣнскихъ лекціяхъ послѣ 1886 года.

Теперь скажу нѣсколько словъ о филологическихъ работахъ Облака по старословянскимъ памятникамъ. Въ нихъ онъ выказалъ основательное знакомство съ языкомъ древнѣйшихъ „паннонскихъ“ текстовъ, съ характеромъ древнѣйшаго перевода священнаго писанія и съ вопросами словянской палеографіи. Прежде всего я укажу на его обстоятельное и самостоятельное изслѣдованіе о словянскомъ переводѣ Апокалипсиса (въ XIII-мъ томѣ „Archiv“а), въ которомъ онъ на основаніи сличенія словянскаго перевода древнѣйшихъ южнословянскихъ и русскихъ рукописей съ греческимъ византійскимъ текстомъ доказываетъ, что и въ переводѣ Апокалипсиса за основаніе принятъ текстъ византійскій, какъ это раньше другими доказано было относительно перевода Евангелія и Псалтыри; далѣе на основаніи сходства и даже тождества перевода извѣстныхъ отвлеченныхъ словъ въ текстахъ Апокалипсиса съ переводомъ ихъ въ текстахъ Евангелія и Псалтыри онъ приходитъ къ заключенію о зависимости перевода Апокалипсиса отъ перевода Евангелія; такъ называемые „паннонизмы“ языка заставляютъ его отнести переводъ ко времени до начала исправленій при царѣ Симеонѣ, хотя при этомъ онъ дѣлаетъ оговорку, что несогласіе языка Апокалипсиса съ языкомъ произведеній Іоанна Эксарха можетъ объясняться и различіемъ мѣстностей, а не времени, а потому и затрудняется точно опредѣлить послѣднее, указывая лишь предѣлъ—XII-е столѣтіе (время написанія древнѣйшихъ рукописей); мѣсто же возникновенія перевода онъ относитъ въ югозападныя страны Балканскаго полуострова, т. є. Аѳонъ, Македонію, не исключая мысли и о тѣхъ странахъ, гдѣ было особенно сильно вліяніе „старовѣровъ“ (богомиловъ), у которыхъ Апокалипсисъ пользовался особенной популярностью. Затѣмъ остановлюсь на весьма содержательныхъ рецензіяхъ Облака на „Altslovenische Studien“ и другія статьи Вондрака и „Glagolitica II“ Ягича. Изъ статей Облака, вызванныхъ изслѣ-

дованіями Вондрака и печатавшихся на языкахъ словѣнскомъ, нѣмецкомъ и болгарскомъ, самая обстоятельная нѣмецкая („Zur Würdigung des Altslovenischen“ въ XV-мъ т. „Archiv“а); здѣсь высказываются соображенія о языкѣ какъ въ фонетическомъ, такъ и лексическомъ отношеніяхъ Супрасльскаго сборника, Glagolita Clozianus, Саввиной книги, Пражскихъ отрывковъ и Кіевскихъ листковъ, а въ концѣ (гл. VII-й) рѣшается вопросъ о родинѣ старословянскаго языка. Послѣдній вопросъ рѣшается Облакомъ въ смыслѣ македонско-болгарскомъ; онъ рѣшительно возстаетъ противъ „паннонизма“ Миклошича; доказательства противъ „паннонизма“ онъ видитъ въ *шт* и *жд*, въ носовыхъ и наконецъ въ различеніи ъ отъ ь, искони чуждомъ словѣнцамъ, такъ какъ Фрейзингенскіе отрывки знаютъ лишь одинъ глухой звукъ. Къ Пражскимъ и Кіевскимъ отрывкамъ недавно (въ XVIII-мъ томѣ „Archiv“а) Облакъ вернулся опять по поводу статьи Пастернка, старавшагося ближе опредѣлить мѣсто возникновенія этихъ памятниковъ, нисколько не сомнѣваясь въ томъ, что и Кіевскіе отрывки наравнѣ съ Пражскими представляютъ старословянскій языкъ, измѣненный и искаженный чуждыми вліяніями, а именно въ Кіевскихъ онъ видитъ вліяніе болѣе западныхъ чешско-моравскихъ говоровъ въ противоположность болѣе восточнымъ (словацкимъ) Пражскимъ листамъ. Не останавливаясь на мнѣніяхъ Облака о другихъ памятникахъ, я обращу особенное вниманіе на мнѣніе его о Кіевскихъ отрывкахъ, этомъ самомъ трудномъ, интересномъ и загадочномъ пунктѣ въ изслѣдованіи старословянскихъ памятниковъ, при чемъ позволю себѣ высказать кое-какія собственныя соображенія. По мнѣнію Облака, какъ и нашего учителя проф. Ягича (см. напр. его вѣнскія „Glagolitica“, „Четыре критико-палеограф. статьи“ и проч.), *ц* и *з* въ Кіевскихъ отрывкахъ изъ *tj* и *dj* на мѣстѣ *шт* и *жд* другихъ памятниковъ суть не болѣе, какъ моравизмы, слѣдъ моравско-паннонской дѣятельности Меѳодія, отразившійся на фонѣ старо-словянскаго языка. Между тѣмъ этому противорѣчитъ какъ послѣдовательное проведеніе *ц* и *з*, такъ и послѣдовательное сохраненіе наоборотъ характерныхъ особенностей старословянскаго языка въ другихъ пунктахъ, по скольку мы знаемъ этотъ языкъ изъ другихъ текстовъ, а съ другой стороны и отсутствіе другихъ слѣдовъ моравскаго вліянія, такъ какъ указываемое Облакомъ *шч* вм. *шт* изъ *ск* передъ мягкими или іотованными гласными и изъ *ст* передъ іотованными гласными не можетъ считаться характернымъ спеціально для моравскаго, будучи извѣстно въ очень многихъ словянскихъ нарѣчіяхъ (русскомъ, польскомъ, словѣнскомъ, болгарско-македонскомъ), а одинъ примѣръ —ѹѭ въ суф. твор. ед. прилаг. жен. р. не доказываетъ ничего, такъ какъ слабость носоваго призвука въ суффиксальныхъ слогахъ въ самомъ старословянскомъ языкѣ (подобныхъ примѣровъ много и въ другихъ памятни-

кахъ) легко могла заставить писца написать ѹ или ѻ вм. ѫ (особенно въ данномъ примѣрѣ передъ *j*). Какъ могъ мораванинъ или чехъ сохранить разницу между ѹ и ѫ, ѥ или ѣ(=ꙗ) и ѧ(я не указываю на различеніе ъ отъ ь, такъ какъ это для нихъ могло бы быть гораздо легче: хотя теперь чехъ произноситъ совершенно одинаково средне *le* въ *leb* изъ *лъбъ и въ *len* изъ *льнъ, тѣмъ не менѣе разница между *ret*—*rtu* изъ *ръть—*ръто͡у съ одной и *řevniti* изъ *рьвьнити съ другой стороны ясно указываетъ на существовавшую нѣкогда разницу по крайней мѣрѣ въ эпоху единства сѣверозападной группы) и въ то же время замѣнить послѣдовательно *шт* и *жд*, если они были въ оригиналѣ, черезъ свои *ц* и *з*? Такого примѣра въ письменности вообще неизвѣстно; при списываніи подлинника одного родственнаго языка представителемъ другого всегда случаются ошибки и непослѣдовательности; иначе приходится предположить какую-то необычайную искусственность, преднамѣренность, если бы не было иного исхода, а именно предположенія особаго старословянскаго говора, отличнаго кое-чѣмъ отъ другихъ старословянскихъ. Предположеніе особаго говора давно уже сдѣлано Миклошичемъ, а затѣмъ проф. Фортунатовымъ, Гейтлеромъ и проф. Калиной. Но мнѣніе Гейтлера и Калины, что въ Кіевскихъ листкахъ отражается какой-то македонскій говоръ, справедливо опровергнуто Ягичемъ и Облакомъ: пріурочивать къ Македоніи *ц* и *з*, которыхъ тамъ теперь нѣтъ и слѣда, нѣтъ никакого основанія; а что касается *шч*, то уже изъ раньше упомянутаго мною ясно, что на немъ нельзя ничего основать. Такимъ образомъ остаются мнѣнія Миклошича и Фортунатова, которыя, мнѣ кажется, несправедливо не были приняты, хотя и упомянуты, Облакомъ даже и въ послѣдней его статьѣ. Ошибка его и проф. Ягича заключалась въ томъ, что они смотрѣли на старословянскій языкъ, повидимому, какъ на одинъ говоръ, а не какъ на группу говоровъ, а потому и всякое отступленіе отъ созданной на основаніи извѣстнаго числа памятниковъ нормы считали вліяніемъ какого либо иного не входившаго въ составъ старословянской группы нарѣчія. Между тѣмъ, принимая во вниманіе, что и старословянскій языкъ, какъ и всякій живой языкъ, непремѣнно долженъ былъ дробиться на множество говоровъ, естественно предположить, что особымъ говоромъ написаны и Кіевскіе листы. Если и принять, что въ основѣ старословянскаго языка лежали говоры присолунскіе, то нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ, что къ той же группѣ относились и говоры придунайскіе, составлявшіе какъ бы мостъ отъ старословянской группы, имѣвшей звуки *шт* и *жд* изъ *tj* и *dj*, или старословянской въ собственномъ, болѣе узкомъ, смыслѣ къ группѣ чешско-моравской; на одномъ изъ такихъ, можетъ быть, переходныхъ, говоровъ и написаны Кіевскіе отрывки, своимъ содержаніемъ дѣйствительно указывающіе на области сѣверо-западныя, подверженныя вліянію римско-

католическаго духовенства. Я не могъ обойти молчаніемъ этого спорнаго пункта, о которомъ у меня велась и оживленная переписка съ Облакомъ, и стараюсь опредѣлить географически говоръ Кіевскихъ отрывковъ какъ бы въ отвѣтъ на упрекъ Облака въ одномъ письмѣ ко мнѣ въ томъ, что предположеніе Фортунатова слишкомъ теоретично, что оно не опирается на современную діалектологію и оставляетъ открытымъ вопросъ, гдѣ же именно существовалъ говоръ Кіевскихъ отрывковъ, который такимъ образомъ какъ бы виситъ въ воздухѣ; мнимая „теоретичность" предположенія Ф. Ѳ. Фортунатова зависѣла отъ того, что онъ рѣшалъ вопросъ чисто лингвистически, не вдаваясь въ гадательныя географическія предположенія и не придерживаясь предвзятой мысли о родинѣ старословянскаго языка. Въ видѣ предположенія, однако, я позволю себѣ высказать, что группа, къ которой принадлежалъ говоръ Кіевскихъ отрывковъ, могла исчезнуть, а частію ассимилироваться съ сосѣдними моравскими и словацкими говорами во время нашествія мадьяръ. Предположеніе придунайской группы говоровъ старословянскаго языка не есть возвращеніе къ „паннонизму" Миклошича, а есть лишь слѣдствіе признанія діалектическаго разнообразія старословянскаго языка, мѣсто распространенія котораго мы пока не можемъ точно опредѣлить; можно лишь очень осторожно предположить, что потомки болѣе южныхъ говоровъ старословянскаго языка живутъ теперь въ нѣкоторыхъ говорахъ болгарскихъ, а что болѣе сѣверные исчезли; но все-таки пока мы еще не имѣемъ твердаго основанія для отождествленія даже части старословянскихъ говоровъ съ какими-либо изъ нынѣ живущихъ говоровъ болгарскихъ.

Высказывая свои возраженія противъ теоріи Ягича и Облака, я надѣюсь, что на меня не посѣтуетъ за это мой искренно уважаемый мною учитель, какъ не посѣтовалъ бы и дорогой его ученикъ, къ сожалѣнію, столь рано насъ оставившій; всякій истинный ученый, чуждый не только національныхъ, но и всякихъ другихъ пристрастій, конечно, не забываетъ, что наука никогда не даетъ намъ несомнѣнныхъ истинъ, и что вся привлекательность ея заключается именно въ томъ, что мы можемъ изслѣдовать и строить гипотезы безъ конца.

Я укажу еще на то, что Облакъ отмѣтилъ существованіе нѣсколькихъ южнословянскихъ школъ письменности, особенно двухъ—*восточноболгарской*, которой онъ приписываетъ появленіе памятниковъ сначала съ господствомъ ъ, а затѣмъ и исключительно съ ъ, и *западной* (македонской), въ которой возобладало ь. Сербское ь онъ выводитъ изъ восточно-болгарской школы. Хотя и здѣсь могутъ быть возраженія и другія объясненія отдѣльныхъ явленій (я предлагаю напр. иное объясненіе для исключительнаго господства ь въ сербской письменности въ „Введеніи" къ „Изслѣ-

дованію о языкѣ синодальнаго списка 1-й новгородской лѣтописи“, стр. 11—12), но во всякомъ случаѣ попытки такихъ группировокъ и систематизацій, предпринятыя Вондракомъ и Облакомъ, заслуживаютъ полнаго уваженія.

Конечно, содержаніе богатыхъ и многочисленныхъ трудовъ Облака, возможно полный списокъ которыхъ приводится ниже, можно бы было изложить гораздо подробнѣе, но я старался выдвинуть лишь наиболѣе существенное и за недостаткомъ времени долженъ ограничиться сказаннымъ. При изложеніи я, кромѣ печатныхъ трудовъ, нерѣдко пользовался его письмами (на словѣнскомъ языкѣ), въ которыхъ затронуто немало важныхъ грамматическихъ вопросовъ, и которыя заслуживаютъ быть со временемъ напечатанными.

Въ заключеніе я не могу не выразить глубочайшаго сожалѣнія о столь преждевременной кончинѣ этой богато одаренной, благородной и дѣятельной силы; какъ бы предчувствуя близкій конецъ, покойный съ жадностью принимался за работу и, можно сказать, сгорѣлъ надъ работой.

Харьковскому историко-филологическому обществу приношу свою искреннюю благодарность за готовность напечатать мой скромный рефератъ о трудахъ покойнаго, а также и выдержки изъ наиболѣе интересныхъ его писемъ [1]).

---

[1]) Проф. М. С. Дринову и Н. Ѳ. Сумцову считаю долгомъ выразить свою благодарность за помощь, оказанную мнѣ просмотромъ первой и второй корректуръ.

Списокъ научныхъ трудовъ и статей В. Облака.

1887—1888 г.

1) „Ein Beitrag zum slavischen Imperativ“ (Archiv für slavische Philologie X, 143—151, нѣсколько короче въ „Ljubljanski Zvon“ VI, 121).

2) „Das altslovenische Imperfect *pečaahъ*“ (Archiv f. sl. Phil. X, 354—355).

3) „Doslej neznana knjiga slovenska“ (книга на хорутанскомъ нарѣчіи, „Ljublj. Zvon“ 1887 г., 692—694).

4) „Trije slovenski rokopisi iz prve polovice XVII stoletja“ („Letopis Matice Slovenske“ 1887, 1—57).

5) Рецензія на „Morphologie des Görzer Mittelkarstdialektes“ v. Dr Karl Štrekelj (въ Archiv f. sl. Ph. X, 615—626, и въ „Ljublj. Zvon“ 1887).

6) Рец. на сочиненіе Лецеевскаго о носовыхъ въ старопольскомъ („Lj. Zvon“ VII, 176).

7) Рец. на „Handbuch der altbulgar. Sprache“ Лескина (въ VII в. „Ljublj. Zvon“).

8) Рец. на „Zur Kritik der altslovenischen Denkmale“ Вондрака (ibid.).

9) Рец. на „Život Šafaříka a Erbena“ Брандля („Archiv f. sl. Ph.“ XI, 149—153, тоже въ „Ljubljanski Zvon“ 1888).

Въ „Ljublj. Zvon“ 1888 г. (№ 12 также въ „Archiv“ XI, 594—596) слѣд. четыре:

10) Рец. на соч. Видеманна „Beiträge zur altbulgarischen Conjugation“.

11) „Čakavski drobec“ z l. 1554.

12) Рец. на „Osebine današnjega stativskoga narječja“ Строхала (Strohal).

13) Рец. на II вып. перевода „Сравнительной морфологіи слав. языковъ“ Миклошича (главнымъ образомъ о словѣнскомъ отдѣлѣ).

14) Рец. на „Prace filologiczne wydawane przez J. Baudouina de Courtenay“ т. I (въ „Ljublj. Zvon“ и въ „Archiv f. sl. Phil.“ XI, 319—320).

15) Рец. на 1 и 2 ч. издан. Раича „Stapleton. Neznanega prelagatelja evangelija preložena po Stapletonu v XVII veku“ („Archiv“ XI, 259—264, 582—589).

16) Рец. на сочин. Яросевича и Прокопа Ланга о Синайскомъ Молитвенникѣ („Archiv“ XI, 590—594).

17) Обозрѣніе содержанія 3—4 IX т. и 1—2 X т. „Archiv für slav. Philologie“ (въ „Ljubljanski Zvon“).

18) Рец. на сочин. Ив. Малышевскаго „Святые Кириллъ и Меѳодій“... („Archiv“ XII, 216—221).

1889—1890 г.

19) „Slovenica“ (Archiv f. sl. Phil. XII, 499—525) (рецензіи на словѣнскія книги и научныя статьи въ различныхъ журналахъ) (написано 2 XII. 1888).

20) Рецензія на: „ć и dj у макед. народним дијалектима“ од Ст. Новаковичьа (Archiv f. sl. Phil. XII, 571—574).

21) Рец. на „Очеркъ литерат. исторіи малорус. нарѣчія, ч. 1, П. Житецкаго“ (ib. 575—580).

22) Рец. „Jeremias Homberger. Ein Beitrag zur Geschichte Jnnerösterreichs im XVI J. von Dr Franz Martin Mayer“ (ib. 580—581).

23) Рец. „Die Deutsche Besiedelung der östlichen Alpenländer, insbesondere Steiermarks, Kärntens und Krain... v. Dr. Fr. v. Krones“ (ibid. 581—584).

24) Рец. на „Граматику руского яз. для школъ середнихъ“ О. Огоновскаго (ib. 584—586).

25) Рец. соч. А. Соболевскаго „Звуки церк.-слав. яз.“ (ib. 587—589) и „Общеслав. измѣненія звуковъ“ (589—592).

26) Рец. соч. Л. Милетича „O članu i bugarskom jeziku“ (ib. 592—594).

27) „Ein altes Zeugniss über „Koleda“ bei den Slovenen“ (Archiv f. slav. Phil. XIII, 153—156).

28) „Ein Beitrag zum Volksglauben der Slovenen aus dem XVI. Jahrh.“ (ibid. 157).

29) Рец. на переводъ Шахматова и Щепкина старослов. грамматики Лескина (Archiv XIII, 248—253).

30) Рец. соч. Валявца „Trnovsko tetrajevandjelije“ (ib. 241—248).

31) Рец. кн. Ив. Броза „Oblici jezika staroga slovenskog s dodatkom o postanju jezika hrvackoga ili srbskoga za VII i VIII razred gimnazija, U Zagrebu 1889“ (Archiv XIII, 281—285).

32) „Starejši slovenski teksti“ (1—81 стр. изъ „Letopis Mat. Slov.“ 1889) (здѣсь переиздана Люблянская „Confessio generalis“).

33) „Zur Geschichte der nominalen Declination im Slovenischen“, (Leipzig 1890, 1—247 стр., раньше печаталось въ XI—XIII т. „Archiv“a).

34) „Die kirchenslavische Uebersetzung der Apokalypse“ („Archiv“, XIII, 321—361).

35) „Einige Neubildungen der Conjugation“ („Archiv“, XIII, 471—475).

1890—1891 г.

36) „Doneski k historični slovenski dialektologiji“ („Скаларева рукопись 1643 г.“) I, 1—57 стр. („Letopis Matice Slovenske“ 1890).

37) То-же, II zvez., 1—88 стр. въ „Letop. M. Slov.“ 1891 г. (здѣсь: a) итальяно-словѣнскій словарь по венеціанскому говору Соммарипы 1607 г. и b) въ прибавленіи „Truberjev katekizem z dvema izlagama od l. 1575“).

Рецензіи на слѣд. три:

38) „Slovenisches ABC—streit mit besond. Berücksichtigung des Danjko Alphabet“, соч. Кошана.

39) Изданіе Висталера избранныхъ сочиненій Валентина Водника.

40) Статью Валявца о нарѣчіяхъ у Кайкавцевъ (всѣ три въ XIII т. „Archiv für slavische Philologie“, стр. 603—609; первая написана въ январѣ 1891, послѣдняя въ октябрѣ 1890 г.).

41) „Das älteste datirte slovenische Sprachdenkmal“ („Archiv“ XIV, 192—235).

42) „Einige Bemerkungen zur Vorausgehenden Abhandlung“ (т. е. замѣчанія на статью Шкрабца о нѣкоторыхъ трудныхъ вопросахъ словѣнской фонетики и морфологіи, „Archiv“ XIV, 347—360).

43) Рецензія на 2-е изд. „Лекцій по исторіи русскаго языка“ А. И. Соболевскаго (ibid. 428—445).

44) Рецензія на соч. М. Завадлала „Die Sprache in Kastelec' ‹Bratovske Bvqvice S. Roshenkranza›“ (ib. 445—451).

45) „Zwei slovenische Schwurformeln aus dem XVII. Jahrh.“ (ib. 472—477).

46) „Franz Miklosich“ (некрологъ) въ фельетонѣ пражской нѣмецкой газеты „Politik“ 24 апрѣля 1891 г.

1891—1892 г.

47) „Zur Würdigung des Altslovenischen“ (въ XV-мъ т. „Archiv f. slav. Phil.“, гл. I—VII, ст. 338—370; написано въ Вѣнѣ 10 ноября 1891 г. по поводу статей Вондрака „Altslovenische Studien“ и „Ueber einige orthographische und lexikalische Eigenthümlichkeiten des Codex Suprasliensis im Verhältniss zu den anderen altslovenischen Denkmälern“. Рецензія на „Altslovenische Studien“ помѣщена также въ словѣнскомъ „Люблянскомъ Звонѣ“ I—VIII стр. (1891 г.?).

48) Рецензія на „граматику старога словенскога језика“ Љуб. Стојановичьа („Archiv“ XV, 298—299 стр.).

49) Рец. на соч. Цонева „за източнобългарския вокализъмъ“ (ibid. 300—308).

1893 г.

50) „Нѣколко бѣлѣжки върху старословѣнскитѣ паметници“ 1—18 стр., София, 1893, (изъ IX т. „Сборника за народни умотворения, наука и книжнина“).

51) Рецензія на новое изданіе Клоціева Сборника („Vondrák's Neue Ausgabe des Glagolita Clozianus“) въ XV т. „Archiv“а, стр. 588—594.

52) Рец. „M. Pleteršnik's Slovenisch—deutsches Wörterbuch“ (Archiv f. slav. Philologie XV, 594—601).

1894 г.

53) „Die Halbvocale und ihre Schicksale in den südslavischen Sprachen“ („Archiv f. sl. Phil.“ XVI, 153—197).

54) „Zum silbenbildenden *l* im Slavischen“ (ibid. 198—209).

55) Der Dialect von Lastovo“ (ibid. 426—450).

56) Рецензія на „Historická mluvnice jazyka českého, Díl I“ Гебауэра въ X т. „Сборника за народни умотворения, наука и книжнина“, стр. 3—12.

Въ XVI т. „Archiv“ а 1—2 H., въ отдѣлѣ „Bibliographisches“, стр. 304—315:

57) Рец. „Гръцко-български студии. Отъ Д. Матовъ“ (стр. 304—307).

58) Рец. „М. Дриновъ, о болгарскомъ словарѣ Дювернуа“ (стр. 307).

59) Рец. „Gustav Meyer, Türkische Studien.... Albanesische Studien“... (стр. 307—309).

60) Jean Psichari, Etudes de Philologie néo—grecques“... (стр. 309—310).

61) „Hasdeu, Strat şi substrat. Genealogia popórelor balcanice“... (стр. 310—311).

62) „Wilhelm Tomaschek, Die alten Thraken. Eine ethnologische Untersuchung“... (311—312).

63) „Шишмановъ, Приносъ къмъ българската народна етимология“ (312—313).

64) „Сръбско-българската етнографска прѣпирня прѣдъ науката, отъ Д. М.“ (313—315).

Рецензіи въ XVI-мъ т. „Archiv f. slav. Phil.“, стр. 459—497:

65) „Glagolitica II (Grškovićev odlomak....)“ Ягича (459—469).

66) „J. Tertnik, O jeziku Prešernovem“..... (469—471).

67) „Anton Janežičev slovensko-nemški slovar“ (нов. издан. 1893 г.) (471—472).

68) Рец. кн. Тихова „Очеркъ грамматики западно-болгарск. нарѣчія“ (472—477).

69) „Slovenska slovstvena čitanka“ Скета (477—481).

70) Лаврова „Обзоръ звуков. и форм. особен. болгарскаго яз.“ (481—492).

71) „Единъ български ржкописъ отъ XVII вѣкъ въ Пражкия музей. Разглежда С. Аргировъ“ (492—493).

72) a) „Д-ръ Фр. Миклошичъ и славянската филология отъ Л. Милетичъ“, b) Život i književni rad Fr. Miklošića. Napisao Dr. T. Maretić.

1894—1895 г.

73) „Protestantske postile u sloven. prevodu“ (Letopis Mat. Slov., 1—18).

74) „Приносъ къмъ българската граматика“ („Сборникъ за народни умотвор., наука и книжнина“, XI, 1895, 517—581).

75) „Einige Capitel aus der bulgarischen Grammatik“ („Archiv für slav. Phil.“, XVII, 129—185, 432—477).

76) Рец. „М. Івановъ, Приносъ къмъ изучване българскитѣ диалекти (забѣлѣжки по говорите въ областьта на срѣдно-горското нарѣчие).

77) „Kajkavački dijalekat u Prigorju. Nap. prof. Vatroslav Rožić“. Обѣ въ „Archiv“ XVII, 282—289.

78) Рец. „Zgodovina slovenskega slovstva. 1. del. Spisal prof. dr. Karol Glaser“... I—XXII стр. (отдѣл. оттискъ изъ „Любл. Звона“; напис. въ Градцѣ 15 марта 1895 г.) (то-же въ „Archiv für. sl. Philologie“).

79) „Drobiž iz starejše književnosti slovenske“ 1—13 стр. (Letop. Mat. Slov. 1895).

80) Рец. „Gustav Meyer, Neugriechische Studien“..... („Archiv f. sl. Phil.“ XVII, 592—595).

81) „Б. М. Ляпуновъ, Краткій обзоръ главн. явленій словѣнской (хорут.) литературы вмѣстѣ съ введеніемъ объ отношеніи словѣнск. яз. къ старослов. и друг. слов.“ (ibid. 595—601).

82) „Staroslov. čitanka za višje razrede srednjih šol. Sestavil Dr. Jakob Sket“.... (ibid. 601—606).

1895 - 1896 г.

83) „Zur Provenienz der. Kijewer und Prager Fragmente“ (ibid. XVIII, 106—112).

84) „Eine Bemerkung zur ältesten südslav. Geschichte“ (ib. 228—234).

Вибліограф. отчеты и оцѣнки:

85) „Zpráva o studijní cestě do klášterů Fruškogorských a do Bělehradu“ Ю. Поливки (ib. 274—276).

86) „Сборникъ отъ български народни умотворения. Вып. I. Битови пѣсни. Събиратель—издатель А. П. Стоиловъ. София 1894“.... (ib. 296—297).

87) „Der Lenorenstoff in der bulgarischen Volkspoesie von Dr. J. D. Schischmánov“.... (ib. 297).

88) „Писма о кньижевности у Словенаца. Написао проф. Андра Гавриловичь“.... (ib. 305—306).

Б. Ляпуновъ.

22 мая 1896 г.

Замѣтка. Встрѣчающуюся изрѣдка особую сербскую букву, означающую звукъ средній между очень мягкимъ *т* и очень мягкимъ *ч*, я по необходимости долженъ былъ замѣнить черезъ *чь* въ фамильныхъ именахъ.

Б. Л.

Литературная родня разсказа гр. Л. Н. Толстого „Чѣмъ люди живы“.

(Легенды о покаяніи ангела, преимущественно малорусскія).

Изъ небольшихъ литературныхъ произведеній гр. Толстого разсказъ „Чѣмъ люди живы“ выдается по глубокой морали, народности, стройности и простотѣ. При такихъ достоинствахъ вполнѣ понятна та общая похвала, которую разсказъ этотъ встрѣтилъ въ печати со стороны выдающихся критиковъ. Ограничимся здѣсь отзывами такихъ писателей, какъ Н. Н. Страховъ и Н. П. Гиляровъ-Платоновъ, которыхъ ужъ никакъ нельзя заподозрить въ какомъ-либо личномъ или партійномъ пристрастіи къ гр. Толстому.

„Новое произведеніе гр. Л. Н. Толстого, писалъ *Н. Н. Страховъ* въ 1881 г., произвело на этотъ разъ особенно сильное впечатлѣніе... Въ маленькомъ разсказѣ Л. Н. Толстого послышалась еще особая нота, такая глубокая и нѣжная, что она схватила за сердце самыхъ равнодушныхъ. Самое главное достоинство всего разсказа есть, конечно, удивительная сердечная теплота... Чѣмъ люди живы? Они живы любовью, и разсказъ состоитъ въ изображеніи этой животворной любви. Бѣдный сапожникъ даетъ у себя пріютъ голому нищему; женщина, имѣющая грудного ребенка, беретъ къ себѣ двухъ только что родившихся дѣвочекъ, у которыхъ умерла мать. И любовь скрѣпляется и растетъ; нищій оказывается ангеломъ, а дѣвочки замѣняютъ самыхъ лучшихъ дочерей для своей воспитательницы. И вотъ эти подвиги и дѣйствія любви изображены со всей ясностью, т.-е. изображены не одни внѣшніе поступки, а самыя души людей и то что происходитъ въ этихъ душахъ. Въ нихъ проявилось чувство дѣйствительной любви, чистой, безкорыстной и простой, и оно то приводитъ читателя въ умиленіе“.

Интересный отзывъ о разсказѣ гр. Толстого далъ *Н. П. Гиляровъ-Платоновъ* въ письмѣ къ ***. Отзывъ этотъ напечатанъ уже по смерти Г. П. въ Русскомъ Архивѣ 1889 г. т. III, стр. 425—428. „Разсказъ Толстого я признаю высокимъ во всѣхъ отношеніяхъ; признаю за нимъ и самую спасительную, воспитательную силу. Я видѣлъ и опыты. Я читалъ

и заставлялъ читать его въ кругу простыхъ слушателей и видѣлъ, что производило и какое производило впечатлѣніе. Я имѣю только одно возраженіе противъ текстовъ... Это есть стороннее дополненіе, умствованіе самого Толстого, его такъ сказать комментарій на свой разсказъ, намекъ, что это-де есть христіанское ученіе. Но отбросимъ тексты... и вы возноситесь истинно на высоту небесъ"... Далѣе Гиляровъ хвалитъ языкъ повѣсти и образы и отмѣчаетъ отсутствіе искусственнаго синтаксиса. Въ концѣ обширнаго письма Гиляровъ говоритъ о воспитательномъ значеніи легенды, особенно въ мастерской обработкѣ гр. Толстого.

Разработанная гр. Толстымъ легенда имѣетъ большую литературную родню. Особенно выдаются малорусскія легенды этого рода. Сравнительно наиболѣе полные малорусскіе варіанты изданы въ малоизвѣстныхъ заграничныхъ сборникахъ, въ VII т. болгарскаго „*Сборника* за народни умотворения" 1892 г. и въ IV т. польскаго сборника галицко-русскихъ пѣсенъ „Pokucie" *Кольберга*. Содержаніе перваго варіанта въ короткихъ словахъ состоитъ въ слѣдующемъ: Была бѣдная больная вдова съ 4 дѣтьми. Богъ послалъ ангела взять у ней душу. Ангелъ пожалѣлъ дѣтей и не взялъ души. Господь сказалъ, что больная мать не можетъ пріучить дѣтей ни къ молитвѣ, ни къ работѣ, и вторично послалъ ангела взять у ней душу; но ангелъ и на этотъ разъ, видя плачущихъ дѣтей, не исполнилъ приказанія Господа и былъ за то наказанъ, на годъ сосланъ на землю. Ангелъ хочетъ поступить работникомъ; но никто его не принимаетъ, въ виду его нѣжныхъ рукъ. Наконецъ, одинъ священникъ принялъ его домашнимъ слугой. Однажды священникъ поѣхалъ съ слугой въ другое село; на дорогѣ ангелъ-слуга молится и бьетъ поклоны при видѣ лошадиной головы, сбрасываетъ съ моста слѣпого старика нищаго, молится въ шинкѣ, бросаетъ камни „на Великдень" въ церкву во время служенія. На вопросъ священника, что все это означаетъ, ангелъ объяснилъ, что въ лошадиной головѣ, въ видѣ червей, находились души грѣшниковъ, и онъ молилъ Бога о прощеніи ихъ; старикъ нищій былъ великій грѣшникъ, убившій отца и мать; въ корчмѣ демоны вводили людей въ грѣхъ, и ангелъ просилъ Бога о спасеніи ихъ; въ церкви служили лѣниво и народъ разговаривалъ; демоны записывали на крышѣ грѣхи, и камни были брошены въ демоновъ. Весьма художественно окончаніе этой легенды. Священникъ не повѣрилъ ангелу на слово и предложилъ спѣть въ церкви херувимскую пѣсню. Ангелъ согласился. На другой день на литургіи собралось много священниковъ, и ангелъ запѣлъ на клиросѣ; пѣсня его была такъ величественна и пріятна, что весь народъ запѣлъ за нимъ, а когда служеніе дошло до „Иже-Херувимы", то пѣніе ангела стало невыразимо пріятно; лицо его засіяло, какъ солнце; въ этотъ моментъ кончился годовой срокъ его покая-

нія на землѣ, и онъ сталъ невидимъ; только сладкое пѣніе его еще долго неслось съ небесной высоты.

Варіантъ Кольберга значительно короче и проще. Начинается онъ съ указанія, что согрѣшившій ангелъ былъ сосланъ на годъ на землю, но причины согрѣшенія и самый грѣхъ его не указаны. Ангелъ становится къ мужику въ простые работники, работаетъ усердно, но никогда не улыбается. Когда хозяинъ поѣхалъ вмѣстѣ съ работникомъ на базаръ, то работникъ бросилъ въ церковь камень, поклонился шинку и разсмѣялся при видѣ двухъ гончарей, бившихся на ярмаркѣ горшками. Оригинальна и нова послѣдняя подробность. Ангелъ объясняетъ мужику, что на церквѣ сидѣлъ демонъ и растягивалъ шкуру вола, чтобы отмѣчать на ней людей, говорившихъ и дремавшихъ въ церкви; въ шинкѣ мужики сговаривались о томъ, чтобы купить для церкви икону св. Николая, а засмѣялся ангелъ оттого, что увидѣлъ, какъ земля съ землею та за землю бьется. Сказавъ это, ангелъ улетѣлъ. Подробностей о пѣніи ангела здѣсь нѣтъ.

Въ Купянскомъ у. Харьковской губерніи записано два варіанта легенды о наказанномъ ангелѣ. Въ одномъ варіантѣ Господь посылаетъ на землю ангела „заробыть душу“. Ангелъ сталъ „хлопцемъ“ и пошелъ по землѣ. Мужикъ нанялъ его. По дорогѣ мальчикъ плюнулъ около церкви, перекрестился возлѣ шинка, засмѣялся, проходя мимо похоронной процессіи. На вопросы хозяина, онъ объяснилъ, что плюнулъ передъ церковью, потому что люди осуждали другихъ, перекрестился возлѣ шинка, потому что здѣсь мужики пили, перекрестившись и „небесне сгадуючи“, засмѣялся при видѣ мертвеца, потому что видѣлъ, какъ черти помогали нести его богато-украшенный гробъ. Хозяинъ предлагаетъ ангелу запѣть ангельскую пѣснь. Ангелъ посылаетъ его домой и приказываетъ одѣться въ чистое платье и лечь на лавѣ. Съ согласія Господа ангелъ взялъ его душу, причемъ Господь сказалъ, что дѣти его такъ пропитаются, „якъ червячокъ пидъ камнемъ“.

Другой варіантъ краткій и испорченный. Черти прогнали одного своего маленькаго собрата. Чертенокъ зашелъ въ село. Здѣсь онъ бросаетъ камни въ церковь, крестится передъ шинкомъ и потомъ объясняетъ, что у церкви черти искушали людей, а въ шинкѣ мужики говорили о томъ, какъ они будутъ строить церковь. По просьбѣ чертенка, священникъ идетъ въ лѣсъ и кропиломъ разгоняетъ чертей (*П. Ивановъ*, въ Этнограф. Обозр. 1894 XXI 81, 87).

Весьма измѣненный варіантъ записанъ недавно въ Сумскомъ у. Харьковской губ. Провинился ангелъ, и Богъ послалъ его на три года на землю. „Иде по дорози обидране хлопья“. Бѣдный бездѣтный мужикъ взялъ его за сына. Мальчикъ прооралъ и засѣялъ поле наукрестъ, и собрали жито.

По ночамъ ангелъ леталъ на небо отмаливать грѣхи. Встрѣтивъ бѣдно-обставленную похоронную процессію, мужикъ сказалъ, что нехорошо умирать бѣднякомъ, а потомъ, при богатыхъ похоронахъ, сказалъ, что хорошо умирать богатому. Мальчикъ не согласился, раскрылъ могилы и показалъ, что могила богача наполнена змѣями, а въ могилѣ бѣдняка „спивали пташки и зеленѣлъ садокъ". Черезъ три года ангелъ улетѣлъ на небо (*Б. Д. Гринченко*, Этнограф. матер. I 71—73).

Извѣстны два великорусскихъ варіанта въ сборникахъ *Афанасьева* и *Садовникова* и одинъ бѣлорусскій въ сборникѣ *Добровольскаго*. Варіанты Садовникова и Добровольскаго въ значительной степени сходны съ первымъ галицко-русскимъ варіантомъ; въ нихъ то же объясненіе причины удаленія ангела на землю, то же пѣніе ангеломъ въ церкви пѣснопѣнія „Иже Херувимы". Недавно сталъ извѣстенъ третій любопытный великорусскій варіантъ съ мѣстнымъ историческимъ пріуроченіемъ. Въ засѣданіи Нео-Филологическаго Общества 16 февраля 1890 г. *А. И. Пономаревъ* сообщилъ о народной версіи легенды, послужившей источникомъ разсказа графа Льва Н. Толстого „Чѣмъ люди живы". Докладчикъ прочелъ текстъ народной легенды по записи священника Олонецкой губерніи, который записалъ ее со словъ извѣстнаго олонецкаго „сказителя" Щеголенка, сообщившаго и Гильфердингу много былинъ: Ангелъ Божій, наказанный за непослушаніе (онъ ослушался приказанія вынуть душу у матери двухъ новорожденныхъ близнецовъ), искупаетъ свою вину тѣмъ, что проводитъ нѣкоторое время на землѣ, какъ простой человѣкъ. Его пріютилъ у себя сапожникъ, не вѣдая объ его происхожденіи; и вотъ во время пребыванія у сапожника ангелъ три раза улыбнулся и подъ конецъ далъ объясненіе своимъ загадочнымъ улыбкамъ, которыя обозначали, что онъ постепенно уразумѣлъ мудрость Промысла Божія и близорукость людскихъ предположеній; ангелъ прощенъ; во время обѣдни онъ взлетаетъ на небо черезъ разверзшійся церковный куполъ. Съ тѣхъ поръ городъ, въ которомъ пребывалъ ангелъ, и получилъ де названіе Архангельскъ. Щеголенокъ имѣлъ непосредственныя сношенія съ графомъ Толстымъ, такъ что данный разсказъ былъ сообщенъ нашему маститому писателю именно въ той редакціи, которую референту удалось получить. По сличенію мѣстнаго сказанія, пріуроченнаго къ городу Архангельску, съ литературною обработкою фабулы графомъ Л. Толстымъ, референтъ нашелъ, что романистъ стушевалъ идею о Промыслѣ Божіемъ. Докладчикъ отнесся отрицательно къ такой переработкѣ сюжета, причемъ сослался на мнѣніе Ѳ. И. Буслаева, что Толстой губитъ свой талантъ, пускаясь въ аллегорическія толкованія народныхъ легендъ и придавая имъ субъективное значеніе. Докладчикъ выразилъ желаніе, чтобы народныя легенды были собраны и изданы; скорѣйшее собираніе мѣстныхъ легендъ,

по словамъ докладчика, имѣетъ тѣмъ бо́льшее значеніе теперь, что, благодаря усиленному распространенію искусственныхъ обработокъ, скоро съ трудомъ можно будетъ разобраться между старинными преданіями и вновь привитымъ матеріаломъ разсказовъ для народа. Въ возникшей вслѣдъ за симъ бесѣдѣ присутствовавшихъ членовъ, мнѣнія раздѣлились относительно вопроса, въ какой мѣрѣ художникъ имѣетъ право переиначивать сюжетъ, заимствованный имъ изъ народнаго преданія. Но, конечно, общепризнано было, что для опредѣленія народнаго міросозерцанія первостепенную важность имѣетъ тотъ смыслъ легенды, который удержанъ народной традиціей, каковъ бы ни былъ первоначальный источникъ легенды и съ этой точки зрѣнія тенденціозныя переработки, искажающія первоначальное значеніе фабулы, не могутъ вызвать сочувствія у изслѣдователей старины. Засимъ отмѣчена была общность мотива „троекратнаго смѣха“ ангела съ преданіями о Мерлинѣ и другого мотива „о неисповѣдимости судебъ“ въ различныхъ обработкахъ“ (*Записки* Н.-Ф. Общ. 1892 I, 23—25).

Въ краткомъ отчетѣ о рефератѣ г. Пономарева, къ сожалѣнію, не указано, о какихъ именно „обработкахъ“ шла рѣчь въ засѣданіи Общества. Сѣтованія объ измѣненіи народныхъ сюжетовъ гр. Толстымъ можно признать напрасными; научная этнографія сама по себѣ, а литературное творчество само по себѣ; художникъ воленъ обращаться съ сырымъ этнографическимъ матеріаломъ, какъ ему угодно, по своему поэтическому и религіозно-нравственному настроенію. Обвиненіе гр. Толстаго въ измѣненіи основной идеи легенды врядъ-ли основательно, такъ какъ и въ народномъ обращеніи идея легенды далеко не всегда одна и та же, въ зависимости отъ многихъ книжныхъ и мѣстно-народныхъ вліяній. Въ древнихъ редакціяхъ, еврейскихъ и мусульманскихъ, легенды этого рода имѣютъ религіозно-нравственный характеръ; въ католическихъ передѣлкахъ легенды этого рода проникаются узкой тенденціей прославленія монашества и внѣшне-обрядоваго благочестія. Опредѣлить смыслъ, удержанный народной традиціей, возможно лишь при весьма осторожномъ и широкомъ приложеніи сравнительно-литературнаго метода, и, вообще, такое опредѣленіе—дѣло настолько трудное, что всякаго рода общія нравственныя сужденія и осужденія въ этой шаткой области представляются нѣсколько рискованными.

Въ V и VI т. болгарскаго „Сборника за нар. умотв.“ отмѣчены два болгарскихъ варіанта, два хорватскихъ, исландскій, сицилійскій, бретонскій, испанскій, польскій и старинные пересказы въ Vitae Patrum, Gesta Romanorum и древнемъ Патерикѣ.

Въ концѣ VII т. *Сборника* за нар. умотв. на с. 166—167 напечатанъ небольшой болгарскій разсказъ о томъ, какъ Господь два раза посылалъ ангела вынуть душу у бѣдной женщины; ангелъ, видя плачущихъ 2 сыно-

вей-близнецовъ, не исполнилъ приказанія Господа. Тогда Господь повелѣлъ принести изъ глубины моря камень, и въ камнѣ показалъ на двухъ червей, живущихъ по милости Божіей. Въ третій разъ ангелъ исполнилъ приказаніе Господа. Спустя рядъ годовъ, Господь сошелъ съ ангеломъ на землю и показалъ ему двухъ красивыхъ и богатыхъ юношей—сыновей умершей женщины. Въ этомъ варіантѣ нѣтъ покаянія ангела и его служенія на землѣ. Эпизодъ о камнѣ и червяхъ встрѣчается въ разныхъ легендахъ о служеніи ангела на землѣ. Въ болгарскомъ „Сборникѣ“ на с. 275 указанъ древній варіантъ этого сказанія въ арабскихъ мусульманскихъ легендахъ о смерти Моисея (по „Billische Legenden Weil'я). Моисей, узнавъ о приближающейся кончинѣ, сталъ скорбѣть объ участи своихъ дѣтей. Богъ указалъ ему на живого червя въ морскомъ камнѣ. Если червь сохранилъ жизнь, то тѣмъ болѣе человѣкъ можетъ надѣяться на благое провидѣніе Бога.

Есть сходныя польскія сказки (въ *Zbiór Wiadomosci* XII 36 и Wisla 1891 стр. 868) и даже одна болгарская пѣсня (въ сборникѣ проф. *Качановскаго*).

Еще Ѳ. И. Буслаевъ указалъ на старинный письменный варіантъ въ славяно-русскомъ Прологѣ подъ 21 ноября въ поученіи „о судѣхъ Божіихъ не испытанныхъ“. Письменныя легенды на эту тему позднѣе собраны въ статьѣ г. *Пономарева* въ 1 кн. „Странника“ 1894 г. Въ прологѣ ангелъ является „въ образѣ черноризца“. У одного гостепріимнаго хозяина онъ выбрасываетъ въ море золотое блюдо, у другого „страннопріимца“ убиваетъ сына, въ третьемъ мѣстѣ разрушаетъ домъ. Объясненія: блюдо досталось отъ неправды; изъ ребенка вышелъ бы злодѣй; подъ разрушеннымъ зданіемъ лежалъ кладъ. Заключительная мораль: Ангелъ говоритъ спутнику своему старцу: „не труждайся безъ ума“, т. е. не спрашивай. Этотъ апологъ въ славяно-русскій прологъ попалъ изъ Скитскаго (египетскаго) Патерика. На западѣ легенда помѣщалась въ Vitae Patrum. Въ латинской редакціи первые два эпизода слиты въ одинъ. Кромѣ того, легенда съ небольшими измѣненіями изложена въ „Exempla“ Іакова де Витри (+1244). Здѣсь два эпизода умерщвленія юноши (у 2-го хозяина—слуга, у 4-го—сынъ малютка, ночью мѣшавшій своимъ плачемъ спать—жестокая и грубая деталь!) Любопытна мотивировка убійства ребенка: отецъ, послѣ рожденія сына, пересталъ раздавать милостыню, все сберегая для своего сына „Я же, заключилъ ангелъ, воздержалъ его отъ впаденія въ скупость, а душу невиннаго младенца помѣстилъ въ рай“. Любопытно, что г. Пономаревъ, обвиняющій гр. Толстого въ „свободно-беззастѣнчивомъ обращеніи съ народно-поэтическими источниками„ („дерзновенная рука“ и пр.), по поводу легенды у Іакова де Витри говоритъ, что „въ такомъ изложеніи и разъ-

ясненіи легенды, разумѣется, нельзя не видѣть опытной руки искуснаго моралиста (!!), умѣло излагающаго и разъясняющаго апологъ, сообразно съ своими прямыми морально-назидательными (!!) цѣлями“. Варіантъ, вошедшій въ Gesta Romanurum (XIII в.), тѣсно примыкаетъ къ предыдущимъ и отличается лишь разными амплификаціями. Въ общемъ старинные, въ особенности западные латинскіе варіанты стоятъ въ моральномъ отношеніи очень низко и далеко уступаютъ позднимъ народнымъ варіантамъ, не говоря уже о разсказѣ Толстого, гдѣ старая, жестокая легенда преобразована въ истинный перлъ гуманности.

Въ виду яркой дидактической моральной тенденціи, источника разсказа нужно искать въ религіозныхъ книгахъ Востока. Древнѣйшей версіей, а можетъ быть первоначальнымъ источникомъ легенды представляется варіантъ въ *Вавилонскомъ Талмудѣ*: Соломонъ посылаетъ своего полководца Бенаю овладѣть царемъ демоновъ Асмодеемъ. Беная воспользовался тѣмъ моментомъ, когда Асмодей опьянѣлъ отъ вина, накинулъ на него волшебную цѣпь и повелъ его къ Соломону. По дорогѣ Асмодей потерся о финиковое дерево, и дерево тотчасъ свалилось, дотронулся до одного дома и домъ рушился, хотѣлъ коснуться хижины одной вдовы, но она вышла и стала умолять, чтобы онъ не трогалъ ея жилища; тогда онъ отклонился назадъ и переломилъ себѣ кость („мягкій языкъ переламываетъ кости“ пр. Соломона XXV ст. 15). Далѣе Асмодей увидалъ слѣпого, сбившагося съ пути, взялъ его и вывелъ на дорогу; затѣмъ вывелъ пьянаго на дорогу; заплакалъ при видѣ веселой толпы свадебнаго шествія, усмѣхнулся, услыхавъ, какъ одинъ заказалъ обувь на семь лѣтъ, и засмѣялся, когда увидѣлъ производящаго чары колдуна. Потомъ онъ объясняетъ Бенаю, что слѣпой—праведникъ, и всякій угодившій ему, заслуживаетъ вѣчную жизнь, что пьяный осужденъ на небѣ за нечестіе, и Асмодей угодилъ ему по крайней мѣрѣ въ этой жизни. Асмодей заплакалъ при встрѣчѣ съ свадебной процессіей, потому что женихъ умретъ черезъ три дня, и вдова будетъ ждать разводной 13 лѣтъ. Заказывавшій сапоги на семь лѣтъ умретъ черезъ 7 дней. Колдунъ сидѣлъ надъ царскимъ кладомъ, не зная о его существованіи (*Памятн. древ. письм.* 1880 III 5, 7).

Въ разсказѣ графа Толстого составныя части легенды разработаны равномѣрно, изложены послѣдовательно и согрѣты теплымъ личнымъ сочувствіемъ. Народу возвращается его собственное полузабытое литературное достояніе, но возвращается въ художественной обработкѣ. Разсказъ гр. Толстого долженъ имѣть глубокое и благотворное вліяніе въ простонародной средѣ. Кто близко присматривался къ народному быту, въ частности къ быту малоруссовъ, могъ замѣтить, что среди крестьянъ существуетъ большая внутренняя вражда, громадная масса взаимныхъ личныхъ и сосѣд-

скихъ ссоръ и тяжбъ. Въ одномъ мѣстѣ никакъ не могутъ подѣлить полюбовно сѣнокоса; въ другомъ идутъ старые счеты за потраву; въ третьемъ сосѣди на ножахъ изъ-за домашней птицы и т. д. и т. д. Для сельской среды со всѣми ея мелкими злобами дня—„Чѣмъ люди живы“ гр. Толстого—благодатное вѣяніе изъ райской стороны доброжелательства и любви.

Н. Ѳ. Сумцовъ.

Матеріалы по исторіи войска Запорожскаго,

Извлеченные изъ дѣлъ Харьковскаго Историческаго Архива.

1729 годъ.

Дѣло № 29453. По дѣлу о принятіи Запорожцевъ подъ русскую Державу. „Копія списка, писаннаго отъ Запорожскаго Кошеваго Ивана Милашевича Генералу Фельдмаршалу и Кавалеру Князю Голицыну".

„Свѣтлѣйшій княже, пане патроне, милостивѣйшій нашъ добродію!

Многое время и часъ дѣлу нашему, его жъ есмо мы Атаманъ Кошевый всего войска Запорожскаго Низоваго и все войсковое куренное отамане и поспольство полною волею нашею, ища покаянія винъ и грѣха нашего змѣннаго прощенія у Его Высоковсепресвѣтлѣйшаго Императорскаго Величества, постановили..... и посланные наши войсковые, ихъ жъ есмо мы до Вашего Княжескаго Свѣтлѣйшества и отеческаго благоутробія послали, прося бы быть у престола славы и великолѣпія Его Великоимператорскаго Величества, закоснѣли и до днесь не слишимъ, гдѣ суть, во умертвыхъ, или суть благостію Великаго Христа Господа и Вашею Княжескою и отчею милостію покровенны, суть ли во живыхъ, при Вашомъ ли Свѣтлѣйшеству и милости, или по нашимъ скудостнымъ и недоумѣннымъ желаніи и прошеніи пошли до двора Высокомногопочтеннаго Его Великоимператорскаго Величества, Всемилостивѣйшаго многоблагоутробнѣйшаго прародительскаго Монарха и первѣйшаго нашего отца, чесого жъ хотячи, мы да и нынѣ грѣха измѣннаго неправостію нашею отпадши, чести Божія милости и благоутробія велико всепресвѣтлѣйшаго величества извѣство и слухъ пріяти, но понеже таковаго до насъ,..... благопризрительнаго пана не имѣемъ, кто бъ намъ тое вслухъ вложиты, гдѣ суть наши войсковые посланные, возмоглъ, до Вашего Княжескаго Свѣтлѣйшества удаемось ницъ студные наши главы и лица, падающе, покланяюще и лобизающе честные стопы ваши, съ слезнымъ излитіемъ по премногу молимъ, не лишите насъ гнусныхъ, омерзимыхъ недоразумѣнствомъ и упадкомъ лютаго змѣннаго удаленія, и занеже естесь въ милости по Бозѣ непостижимо и тайно дѣйствительнѣйшій Совѣтникъ уподобленъ Христову Великому святителю Іоану Апостолу и Богослову,

таинство почерпшу, и отъ его учителя милостивное нынѣ чрезъ нарочнаго посланнаго нашего войсковаго до Вашего Свѣтлѣйшества посылающегося пана Леонтія отамана Роговскаго до насъ...... [1]), понеже бо грѣшные скверновые и недостойные зрѣти многопочтенной вашей сенатской грамоты, гдѣ суть посланные наши, изрецетѣ слово и все ихъ дѣйство, понеже бо вси истинно и правостно душъ и сердецъ нашихъ каемся, нашего предняго змѣннаго и гнуснаго отступства и грѣха, и вси милости Божіей и Его Императорскому всемилостивѣйшему ищемъ къ вѣчному предатися служенію и Вашему Сенаторскому, паче же княжескому богоуправному и Богомудрому щиту и промыслу, въ чемъ зась триваючи скорой милости Божіей отъ Его Императорскаго Всевеликопресвѣтлѣйшаго величественнѣйшаго и отъ Вашего Княжескаго свѣтлѣйшества обрадовательнаго намъ слова, дабы смо возмогли быть причисленны всѣмъ вѣрнымъ служащимъ великомощно Его Императорской Державѣ извѣстительности во смиреніи просимъ и ницъ повергающе всѣхъ насъ предъ многочестнымъ достоинствомъ славы вашей естми.

Вашей княжеской милости, милостивѣйшему нашему пану патрону и добродѣеви всего добра вѣрный искатель Иванъ Малашевичъ отаманъ Кошевый, войска Запорожскаго Низоваго и з товариствомъ". Писарь Андрей N 3 Коша Апрѣля 29 року 1729.

Копія.

„Его Императорскаго всепресвѣтлѣйшаго Величества войскъ Запорожскихъ ясновельможный обоихъ сторонъ Днѣпра Мосце пане Отамане [2]) вельце нашъ милостивый пане и добродію.

Видяче мы, Отаманъ Кошевый всего войска Запорожскаго Низоваго, отаманы Куренные и все войско, что часно и повседневно татаръ насъ и кошъ нашъ посѣщающихъ и всѣхъ нашихъ чиновъ и положенія перестерегающихъ, довнимаемъ, что оные на насъ навѣтуютъ и вспять до ихъ дирекціи приближить помышляютъ, что есть намъ всѣмъ скорбно и паче всего тягчае; но понеже посланные наши войсковые до его милости свѣтлѣйшаго генерала Фельдмаршала и тайно Дѣйствительнаго Совѣтника Михаила Михаиловича и великаго князя Голицына и до его милости превосходительнаго и высокопочтеннѣйшаго Господина генерала Полтавскаго Аншефтъ фонне Вейсбаха, тако тежъ и до вашей панской вельможности посланные и з грамотою, ищущею намъ войску милости у Его Императорскаго Величества, закоснѣли, того ради недоумѣемся и во тѣснотѣ нашего духа естесмо, же ихъ не вѣдаемъ, гдѣ суть, суть ли оные въ живыхъ, и чи то у

[1]) Всѣ слова неразобранныя въ дѣлѣ замѣнены точками.

[2]) Это письмо было писано гетману Малороссіи, названному здѣсь Отаманомъ.

его милости Свѣтлѣйшаго Князя у Полтави, или по нашемъ подлостномъ и зѣло маловажномъ прошеніи суть, ли отпущены ко двору великомногопочтеннаго Его Императорскаго Величества, чего, хотяче дознати, гдѣ суть, а натдо укрѣпитися въ милости Божей Его Императорскаго Величества и вашихъ панскихъ и, хотя фолду имѣти и навѣтовъ мусульманскихъ, нынѣ посылаемъ сего нашего посланнаго войсковаго Коша Леонтія отамана Роговскаго до Его милости Свѣтлѣйшаго Князя и до его милости Превосходительнѣйшаго и высокопочтеннѣйшаго генерала Полтавскаго, такожъ и до вашей панской вельможности милостивѣйшихъ нашихъ пановъ, по прежнему просячи вашего до насъ всего войска благоутробія и милости, и гдѣ суть наши войсковые посланные, скораго объявленія и сему посланному не постѣснительнаго до насъ отпуску, паче же молимъ всѣхъ васъ милостивѣйшихъ нашихъ пановъ сходатайственную милость, ею же бысьмо возмогли милость улучить у двора Его Императорскаго Величества милостивѣйшаго нашего Государя, чесого паче всего ищемъ, и при покаяніи грѣха нашего доживотне служить обѣщеваемся и отъ стужающихъ намъ, аще Богъ вспомоществоватеметъ, отступимъ, и при служеніи навсегда Богомъ Его Императорскаго Величества и вашимъ панскимъ листомъ прибудемо, до чого насъ уготовающе и готовыхъ наказывающе земно покланяемся и есмь.

Вельможности вашей пану нашему милостивому всего доброжелатель и слуга покорный Иванъ Милашевичъ. Отаманъ Кошевый всего войска Запорожскаго Низоваго и з товариствомъ". 3 Коша Апрѣля 29 року 1729. Князь Голицынъ въ маѣ мѣсяцѣ переслалъ прописанное письмо Запорожцевъ по адресу Гетману,—приложивъ въ копіи и присланный ему Голицыну листъ отъ Кошеваго Милашевича, при своемъ отзывѣ; Роговскій же куренный атаманъ Леонтій, нужно думать, ожидалъ отвѣта у Голицына, такъ какъ его трактъ лежалъ только къ нему. Но Гетманъ, имѣя указъ отъ Государя, присланный Государственной Коллегіей Иностранныхъ дѣлъ, 11 Іюня 1728 года, чтобы всѣ бумаги, какія будутъ получаться отъ Запорожцевъ, присылать прямо Его Величеству, не принялъ присланныхъ отъ Голицына Запорожскихъ прошеній, а представилъ таковыя на Высочайшее усмотрѣніе, чрезъ ту же Коллегію, при своемъ донесеніи 16 Мая 1729 года, съ курьеромъ Григоріемъ Сафоновымъ, которому того же числа для проѣзда выдана изъ Глухова подорожняя, „пашпортъ".

1751 годъ.

Дѣло № 16609. О недозволеніи Гетману Малороссіи письменныхъ сношеній съ татарами. Государственная Коллегія иностранныхъ дѣлъ прислала Гетману Разумовскому 31 Декабря 1751 года грамоту, запрещавшую имѣть корреспонденцію съ Крымскимъ Ханомъ и другими татарскими упра-

вителями, которая должна производиться съ начальниками пограничныхъ мѣстъ. Въ виду чего предлагалось Гетману, въ случаѣ какой надобности по турецкимъ или татарскимъ дѣламъ, относиться къ Кіевскому Генералъ-Губернатору. Такое распоряженіе сильно не нравилось Разумовскому.

Вскорости послѣ этого произошелъ такой случай: Въ Маѣ 1752 года явились въ Кіевъ къ генералъ-губернатору Леонтьеву три татарина отъ Буджакскаго и Ногайскаго владѣльца Сераскира Султана Давлетъ-Гирея (сына Крымскаго Хана) и подали два запечатанные пакета съ турецкими надписями и одной бумагой, въ видѣ паспорта, на малороссійскомъ языкѣ. Такъ какъ присланные пакеты, по всей вѣроятности, заключали въ себѣ жалобы на Запорожскихъ Казаковъ, каковыя дѣла въ прежнее время передавались Гетману, для соотвѣтствующаго распоряженія, то генералъ Леонтьевъ переслалъ полученные отъ татаръ пакеты гетману Разумовскому, а сей послѣдній, имѣя въ виду приказаніе не вступаться въ татарскія дѣла и считая, что это приказаніе сдѣлано по недовѣрію къ нему, отослалъ полученные отъ Леонтьева татарскія бумаги самой Государынѣ, при своемъ донесеніи 24 Мая 1752 года.

1753 годъ.

Дѣло № 950. Поздравительное письмо съ подаркомъ оленя. „Ясновельможный высокопочтенный Господинъ Гетманъ и Кавалеръ

Высокомилостивый отецъ и надежный патронъ нашъ.

При всенижайшемъ и вседолжнѣйшемъ нашемъ уклонѣ праздникомъ Христова Рождества вашу ясновельможность всенижайше поздравляемъ всеусердно желаемъ, да всевышняго руководствомъ живете, ваша ясновельможность со всимъ высоковажнымъ своимъ домомъ долголѣтно доброздравственно, благополучно и благопріятенно, при якомъ нашемъ и отъ сердца желаніи, добытого многими трудами чрезъ одну непогоду снѣговую еленя одного ко двору вашей ясновельможности при семъ посылаемъ, всенижайше просимъ принять и насъ войско высокою отческою милостію неоставлять которой препоручась, пребываемъ навсегда Вашей Ясновельможности Высокомилостиваго отца и надежнѣйшаго патрона нашего Покорнѣйшій слуга Кошевый Атаманъ Данило Стефановъ съ товариствомъ“, Декабря 28, 1753. Съ Коша.

Упоминаемый въ письмѣ этомъ олень отосланъ Гетману въ Москву, чрезъ Войсковую Генеральную Канцелярію, при особомъ отношеніи одного числа съ письмомъ.

Дѣло № 1827. По предмету избранія въ Запорожскомъ войскѣ Кошевого Атамана и Старшинъ войска. Ея Императорское Величество Государыня Императрица, грамотою 19 Іюля 1753 года, строжайше предписала

Кошу войска Запорожскаго не избирать своевольно Кошевого Атамана и войсковыхъ старшинъ, подъ опасеніемъ гнѣва Ея Величества и тяжкаго наказанія ослушникамъ воли царской. Но, несмотря на это запрещеніе, Запорожцы 1 января каждаго года, по своему давнему Сѣчевому обычаю, не испрашивая ничьего разрѣшенія, сами избирали на мѣсто Кошевого Атамана другое лицо, или оставляли стараго на мѣстѣ, а также и прочихъ старшинъ войска перемѣняли на новыхъ выборахъ.

Дѣло № 21886. О назначеніи Гетманомъ въ Запорожскій Кошъ депутатовъ Гаврилова и Заруднаго. Изъ донесенія Бунчуковаго товарища Федора Гаврилова Миргородскому Полковнику, въ Іюлѣ 1753 года, видно, что онъ былъ назначенъ Гетманомъ Малороссіи, вмѣстѣ съ Полковымъ Сотникомъ Зарудным депутатами со стороны Правительства, въ пограничную Коммиссію, учрежденную въ Кошѣ войска Запорожскаго.

1754 годъ.

Дѣло № 30818. Донесенія агента Заруднаго о дѣлахъ Запорожскаго Кошу. Въ Запорожскомъ Кошѣ, какъ видно изъ этого дѣла, былъ правительственнымъ агентомъ одинъ Сотникъ, Зарудный.

Въ 1754 году была получена Гетманомъ Высочайшая грамота, писанная 12 Октября того года, съ Экстрактомъ Оттоманской Порты, переданнымъ нашему посланнику въ Константинополѣ Обрѣзкову, переведеннымъ на русскій языкъ, о причиненныхъ Запорожцами татарамъ грабительствахъ, смертныхъ убійствахъ и о построенныхъ Запорожцами на турецкой землѣ шалашахъ, съ предложеніемъ сдѣлать соотвѣтствующее распоряженіе, по которому Генеральная Войсковая Канцелярія командировала въ Запорожскую Сѣчь Сотника Миргородскаго полка Заруднаго, для бытности при слѣдствіи, которое Гетманъ велѣлъ Кошевому Атаману произвесть; а также предписывалось разорить построенные Запорожцами за границей, на турецкой сторонѣ шалаши и свести оттуда людей на русскую сторону.

Въ исполненіе этого Зарудный доносилъ, что означенные выше Запорожскіе шалаши, какіе отыскались за границей, Бугогордовскимъ и Ингульскимъ Полковниками войска Запорожскаго разорены и сожжены; о причиненныхъ же будто бы Запорожцами татарамъ обидахъ достаточныхъ данныхъ слѣдствіемъ не открыто и виновныхъ въ этомъ Запорожцевъ не найдено.

Тотъ же агентъ Зарудный въ Февралѣ 1755 года доносилъ Генеральной войсковой Канцеляріи, что Кошевой атаманъ, Якимъ Игнатовъ, 1 Генваря того года Запорожцами отставленъ, а на мѣсто его выбранъ вольными голосами Григорій Федоровъ. А такъ какъ по высочайшему повелѣнію запрещалось Запорожцамъ дѣлать такія перемѣны Кошевой Старшины безъ

вѣдома Гетмана, то требовалось отъ Запорожскаго Коша по этому предмету объясненіе и предписывалось впредь такъ не поступать. На такое требованіе Запорожскій Кошъ отвѣтилъ Гетману, что Старшинъ войска Запорожскаго никто отъ должности не отрѣшалъ, а они сами не хотѣли служить.

Такъ какъ Кошъ войска Запорожскаго не исполнялъ Высочайшаго повелѣнія въ отношеніи самовольной перемѣны своей старшины, то Гетманъ испрашивалъ разрѣшенія Государыни: въ страхъ непослушнымъ Запорожцамъ вызвать въ Глуховъ избраннаго ими въ Кошевые Атаманы Федорова, лишить его этого званія за то, что онъ, вопреки Высочайшаго повелѣнія, принялъ на себя власть Кошевого Атамана, и сверхъ того его же, Федорова, „безъ истязанія и штрафа не оставить", а должность его поручить прежнему Кошевому Игнатову, но на это представленіе никакого разрѣшенія не послѣдовало.

1755 годъ.

Дѣло № 30032. О безпошлинномъ провозѣ изъ Малороссіи въ предѣлы Запорожскаго войска разныхъ продуктовъ и товаровъ и вывозѣ таковыхъ изъ Запорожья въ Малороссію. Генеральная Войсковая Канцелярія въ доношеніи своемъ 20 Февраля 1755 года писала: „Сего Февраля 1 войска Запорожскаго Низоваго Кошевый Атаманъ Григорій Федоровъ присланнымъ въ Генеральную войсковую Канцелярію доношеніемъ представилъ: Прибывшіе де изъ Малой Россіи прошлаго Генваря войска Низоваго Запорожскаго Козаки ему Кошевому съ товариствомъ объявили, что на учрежденныхъ по Днѣпру въ Переволочной и Кременчугѣ таможняхъ отъ везущихъ въ Сѣчь съѣстныхъ и питейныхъ припасовъ, не обминая ничего пошлину и тарифу (яко-бы за границу отпускается), взимаютъ съ великимъ отягченіемъ противъ прежнего, чрезъ что де у нихъ привозъ туда изъ Малой Россіи хлѣба и прочего нужнаго остановился и крайне остановиться можетъ; нынѣ де въ хлѣбѣ тамо за недородомъ прошлаго лѣта и особливо за непривозомъ не малая трудность. Войско же Запорожское Низовое съ давнихъ лѣтъ и нынѣ хлѣба не пашетъ, да въ тамошнихъ де степяхъ весьма малой ему и родъ бываетъ, и впредь чрезъ то оное войско въ съѣстныхъ и питейныхъ припасахъ и во всемъ нужномъ, какъ-то: въ одѣяніи и прочемъ, за малымъ изъ Малой Россіи привозомъ и за великою дорогою цѣною платежемъ таковой пошлины и тарифы, тако-жъ и въ промыслахъ вывозного въ Малую Россію: рыбы, соли и звѣря, съ чего войско Запорожское по Высочайшимъ Ея Императорскаго Величества жалованнымъ грамотамъ службу отправлять, крайнюю обиду и во всемъ недостатокъ имѣть будетъ. Для того де онъ Кошевый по совѣту всѣхъ старшинъ и атамановъ куренныхъ намѣреніе имѣютъ о семъ и о другихъ нуждахъ войсковыхъ во утѣсненіе

войска Запорожскаго землями и угодьями къ вашей Ясновельможности съ представленіемъ отправить нарочно въ Петербургъ отъ войска Запорожскаго старшинъ, и тамо чрезъ высокое вашей Ясновельможности доставленіе потребнаго искать и точнаго опредѣленія, на какихъ земляхъ войску Низовому Запорожскому впредь жить, дабы отъ всѣхъ сторонъ утѣсняемы не были, просить Высочайшей милости и справки въ Государственномъ Архивѣ: чѣмъ и когда войско оное жаловано, яко де и въ нихъ нѣкоторые копіи на то сысканы, и требовалъ онъ Кошевый о томъ къ Вашей Ясновельможности представить, и что въ резолюцію послѣдуетъ, ему дать знать; а о семъ дѐ отъ него и къ Господину Генералъ-Маіору и Вице-Губернатору Кіевскому, яко пограничному Командиру, съ прошеніемъ таковаго-жъ дозволенія отъ него представлено. Сего ради объ ономъ Вашей Ясновельможности подъ высокое благоразсмотрѣніе Генеральная Канцелярія съ снисканіемъ повелительной резолюціи покорнѣйше представляетъ, а ему Кошевому Запорожскому во извѣстіе о семъ предложено".

По этому представленію Гетманъ чрезъ Войсковую Канцелярію разрѣшилъ Кошевому Атаману прислать въ Петербургъ отъ Запорожскаго войска Старшинъ, для ходатайства о нуждахъ сего войска, о чемъ въ мартѣ мѣсяцѣ того года довелъ и до Высочайшаго свѣдѣнія.

По ходатайству Коша войска Запорожскаго, выше изложенному, послѣдовала Гетману Высочайшая грамата, полученная 8 апрѣля 1755 года, въ которой значится:

„По представленію Кіевской Губерской Канцеляріи и по доношенію въ оную Запорожскаго Кошеваго Атамана Григорія Федорова (зъ старшиною), что въ учрежденныхъ по р. Днѣпру въ Переволочнѣ и Кременчукѣ таможняхъ съ везенныхъ изъ Малой Россіи въ Запорожскую Сѣчъ съѣстныхъ и питейныхъ припасовъ, не минуя ничего, тарифную пошлину берутъ,—о чемъ и отъ васъ въ нашу Коллегію Иностранныхъ дѣлъ представленіе учинено, въ нашемъ Сенатѣ опредѣлено: покупныя въ Малой Россіи хлѣбъ и другія харчевыя и питейные припасы, для показанныхъ въ доношеніи Кіевской Губернской Канцеляріи обстоятельствъ, впредь до будущаго о томъ опредѣленія, въ Сѣчъ Запорожскую, для собственнаго Запорожцевъ употребленія, такъ же и изъ Сѣчи Запорожской въ Малую Россію собственныхъ же ихъ Запорожцевъ промыслу всякую рыбу и мягкую рухлядь, чрезъ пограничныя таможни пропускать безъ взятія портовыхъ и внутреннихъ пошлинъ; а для точнаго о томъ на предбудущее время положенія того Запорожскаго войска отъ Кошеваго атамана зъ старшиною взять извѣстія, на какую сумму для того войска Запорожскаго уповаютъ быть полученныхъ въ Малой Россіи хлѣбныхъ и питейныхъ припасовъ въ Сѣчъ Запорожскую въ годъ въ привозѣ, а на противу того изъ войска собствен-

ныхъ припасовъ рыбы и мягкой рухляди въ Малую Россію въ отпуску, съ которыхъ изъ особливой Нашей Высочайшей къ войску Запорожскому милости въ учрежденныя пограничныя таможни портовыхъ и внутреннихъ пошлинъ брано не будетъ, и что они Кошевый Атаманъ зъ старшиною, яко вѣрные наши подданные рабы, чувствуя такую высочайшую нашу щедрую милость и наблюдая нашъ высокій интересъ въ томъ положеніи, имѣли средство, не требуя излишнего, дабы подъ именемъ того войска козаковъ посторонніе, безъ пошлинъ накупивъ, и продажею дозволенныхъ тому войску товаровъ пользоваться случаю не имѣли; а привозу-жъ въ Малую Россію соли и другихъ товаровъ безъ взятія положенныхъ по указамъ нашимъ пошлинъ дозволить не слѣдуетъ, ибо то будетъ интересамъ нашимъ противно; равномѣрно-жъ и Кіевскому Вице-Губернатору Костюрину, къ которому тожъ Запорожскій атаманъ съ старшиною во-первыхъ адресовался, велѣно-жъ отъ него Атамана такожъ извѣстіе приличнымъ образомъ требовать и, какой отвѣтъ получитъ, о томъ немедленно въ Сенатъ рапортовать. А между тѣмъ взять отъ малороссійскихъ иднукторовъ вѣдомость, какія изъ Запорожской Сѣчи провозятся собственнаго ихъ промысла товары, и какія Запорожцами въ Малой Россіи покупки бываютъ, и сколько оныхъ было въ годъ въ сборѣ индукты и евекты. О чемъ въ Войсковую Губернскую Канцелярію указъ съ нарочнымъ курьеромъ изъ нашего Сената посланъ, Мы повелѣваемъ Вамъ нашему Гетману учинить во всемъ по вышеписанному нашему Сенатскому опредѣленію; вышеписанному-жъ отъ Запорожскаго Атамана Кошеваго зъ старшиною извѣстіе, а отъ малороссійскихъ индукторовъ вѣдомость взявъ, прислать въ нашу Коллегію Иностранныхъ дѣлъ немедленно. Въ С.-Петербургѣ Апрѣля въ 8 день 1755 года". Подлинную скрѣпили Графъ Алексѣй Бестужевъ Рюминъ и Г. Михаилъ Воронцовъ.

По требованію Гетмана, во исполненіе Высочайшей грамоты, Кошевый Атаманъ войска Запорожскаго Григорій Федоровъ съ Старшиною представилъ Гетману 9 мая 1755 г. слѣдующее донесеніе:—„И воисполненіе онаго Вашей Ясновельможности высокоповелительнаго ордера, по вычитаніи онаго при всей войсковой Старшины и куренныхъ атамановъ сходки, по общему нашему мнѣнію покупныхъ въ Малой Россіи хлѣбныхъ и питейныхъ припасовъ въ Сѣчь Запорожскую въ привозѣ въ одинъ годъ: ржаного борошна четвертей 10,000, пшеничнаго борошна четв. 1,000, пшена четв. 5,000, горилки бочекъ малороссійскихъ 500, солоду ячнаго 200, меду прѣснаго ведерокъ малороссійскихъ 1,000, нитокъ на рыболовные сѣти 4,000 пуд., полотна на рубашки 20,000, да хрящу 20,000 арш., китайки на кафтаны 4,000 штучекъ, матерій разныхъ 2,000 арш., сала свинаго пудовъ до 1,000 и прочаго нужнаго ко одѣянію, яко то зъ овецъ и изъ рогатаго товару

шкуръ и овецъ, да сукна простой шерсти овечей, пороху и свинцу, также и ружей. А на противъ того своихъ собственныхъ промысловъ въ Малую Россію зъ Запорожской Сѣчи въ отпуску, въ одинъ же годъ: рыбы возовъ четверныхъ 1,500, соли 2,000 четверныхъ возовъ, мягкой рухляди, лисичьихъ и волчьихъ шкуръ 4,000, лошадей 1,000, рогатаго скота 1,000, уповается, быть можетъ. Да особливо-жъ Кіево-Межегорскаго монастыря на духовный чинъ, здѣсь въ священнослуженіи прибывающій: пшона 10 четв., горилки 2 бочки, полотна 1,000 арш., а отсюдова въ тотъ монастырь рыбы 10 возовъ четверныхъ и соли 10 возовъ четверныхъ же. И вышеписанное все на высокое вашей ясновельможности благоразсмотрѣніе и на особливую Высочайшую Ея Императорскаго Величества милость и опредѣленіе о пожалованіи тѣмъ насъ войска, или чѣмъ указано будетъ, слагаемъ, атаманамъ же куреннымъ о нечиненіи пороку за малороссійскими и прочими посторонними людьми подъ видомъ Запорожскихъ козаковъ въ дачѣ отъ коша войска Запорожскаго низоваго пашпортовъ отъ нынѣ зъ старшиною крѣпко приказано подъ присягою. О чемъ вашей ясновельможности донося, покорнѣйше прошу, о предписанномъ въ семъ Ея Императорскому Величеству представить. Требованіе жъ скорѣйшей резолюціи и о не взысканіи съ всего вышеписаннаго тарифа и пошлины внутреннихъ въ таможни и другіе мѣста и не пропуску въ Сѣчъ ватагамъ бываетъ предложеніи, и что по сему послѣдуетъ, покорнѣйше прошу милостивою резолюціею меня зъ Старшиною вскорости не оставить".

Такое донесеніе Кошевого Атамана Гетманъ Разумовскій, въ іюнѣ 1755 года, представилъ на Высочайшее усмотрѣніе.

Дѣло № 30034. О томъ же. (Продолженіе дѣла № 30032). По Высочайшему повелѣнію одновременно съ требованіемъотъ Запорожскаго Коша свѣдѣнія о ввозѣ въ предѣлы войска Запорожскаго и вывозѣ изъ онаго продуктовъ и товаровъ Генеральная Канцелярія поручила Бунчуковому товарищу Дьяконовскому, Асаулу полковому Долинскому и Сотнику Глинскому-Крыжановскому сочинить и прислать требовавшуюся вѣдомость о томъ же предметѣ, на что послѣдній донесъ, что „Запорожцами въ Малороссію привозятся товары—соль и рыба и по малому числу мякотныхъ товаровъ, вино Крымское и другіе Крымскіе товары, а въ Малой Россіи покупаемы бываютъ ими Запорожцами съѣстные припасы: сало, масло коровье, також горилка, деготь и товары Московскіе, яко то: китайки, полотна, пестрядь, крашенина и прочіе, а временемъ и шленскія сукна и другіе товары. Сколько же было съ нихъ въ годъ въ Сборѣ индукта, о томъ справитись не почемъ, понеже де многія дѣла и записки, по индуктовому сбору имѣвшіясь, во время бывшаго въ Нѣжинѣ 1754 года сильнаго пожара погорѣли". Дьяковскій съ своей стороны донесъ, что хотя и провозилось кое-что За-

порожцами на Роменскую ярмарку, но въ Нѣжинѣ индукты не взымались, такъ какъ таковой сборъ производился на Днѣпрѣ въ таможняхъ Кременчугской и Переволоченской дозорцами Индуктнаго Сбора; точно также производился сборъ таковой и съ товаровъ, вывезенныхъ изъ Малой Россіи въ Запорожье, и книги всѣ о томъ отправлены въ Гетманскую Экономическую Канцелярію, поэтому онъ требуемой вѣдомости составить не можетъ. Въ виду этого, Генеральная Канцелярія безъ индуктовыхъ книгъ не могла составить требовавшейся Высочайшей грамотой вѣдомости и о томъ донесла гетману 19 іюля 1755 года.

Такимъ образомъ Государственная Коллегія иностранныхъ Дѣлъ получила свѣдѣніе о ввозѣ и вывозѣ запорожскихъ товаровъ отъ одного только Запорожскаго коша, по разсмотрѣніи котораго нашла, что въ донесеніи Кошевого Атамана не показано, сколько именно счетомъ, вѣсомъ и мѣрою требуется пропуска безъ пошлинъ въ Запорожскую Сѣчъ: овецъ, рогатаго скота, кожъ, сукна, простой шерсти овечей, пороху, свинцу и ружей, безъ чего нельзя было учинить и должнаго опредѣленія о безпошлинномъ провозѣ тѣхъ предметовъ въ Запорожье. Поэтому требовалась дополнительная справка чрезъ походную Гетманскую Канцелярію, отзывомъ 11 августа, того же 1755 года.

Присланные изъ Коша войска Запорожскаго для испрошенія по дѣламъ резолюціи, бывшій Кошевый Атаманъ Данило Стефановъ, Асаулъ Петръ Калнишевскій и Писарь Иванъ Чегуевицъ дали за подписомъ своимъ на требовавшуюся дополнительную справку такое объясненіе Генеральной Войсковой Канцеляріи, 4 октября 1755 года, что по ихъ мнѣнію уповается быть покупныхъ въ Малороссіи нужныхъ на одѣяніе вещей въ Сѣчу Запорожскую, въ привозѣ въ одинъ годъ: кожъ овечьихъ 60,000, кожъ изъ рогатаго скота 4,000, овецъ 20,000, сукна простаго 300,000 арш., шерсти овечей 100 пуд., пороху 400 пуд., свинцу 500 пуд. и ружей счетомъ 5,000.

Эти же уполномоченные отъ Запорожскаго войска Старшины дали еще дополнительную вѣдомость о тѣхъ предметахъ ввоза изъ Малороссіи въ Запорожье, которые необходимы ежегодно для Запорожцевъ, а именно:

„Реестръ, какихъ товаровъ и вещей, сверхъ написанныхъ, отъ войска Низоваго Запорожскаго въ дополненіе про то войско еще надобно, и коликое число по мнѣнію нашему оныхъ въ годъ тѣхъ сойти безъ излишества можетъ, значится, подъ симъ. 1755 года оятября 10.

Желѣза пуд. 3,000, масла коровьяго пуд. 2,000, крашенины штучекъ 1,000, пестревой штучекъ 5,000, рубашекъ, сшитыхъ съ малороссійскаго полотна 2,000; свитъ, съ малороссійскаго сукна бѣлого сшитыхъ 2,000; бурокъ, т. е. епанчей изъ шерсти, дѣлающихся въ Малой Россіи, 2,000; бумаги писчей для Канцеляріи Войсковой по общей надобности стопъ 20;

сургуча фунт. 5, скота рогатаго 2,000; гречневой муки четвертей 1,000, рыболовныхъ сѣтей, неводовъ, сбродниковъ малыхъ, сдѣланныхъ, пуд. 1,000, смолы возовой сапожной, т. е. дегтю, 200 бочекъ; тютюну и табаку курительнаго малороссійскаго 4,000 п.; конопельныхъ веревокъ большихъ и малыхъ вѣжокъ и канатовъ на рыболовные неводы и прочія нужды 2,000 п.; валу, нитокъ на рыболовныя оборы, которыя употребляются и въ свѣчи, 2,000 п.; перцу 5 п.; цѣновокъ 5,000; рогожъ 5,000; смушковъ черныхъ малыхъ, кромѣ большихъ кожъ, т. е. шапочныхъ на околицы и на вѣчуры (?) 10,000".

Въ дополненіе къ этому Кошевый Атаманъ рапортомъ Гетману Разумовскому, писаннымъ 19 октября того года, добавилъ еще ввозъ изъ Малой Россіи въ Запорожье кое-что изъ съѣстныхъ припасовъ. Такъ, напримѣръ, онъ считалъ нужнымъ имѣть въ годъ муки ржаной, считая по 3 четв. на человѣка,—81,000 четв., горилки малороссійскихъ 1,000 бочекъ; полотна 810,000 арш.; борошна гречаного 40,000 четв.; рогатого скота 1,000 шт.; да вывозъ изъ Запорожья въ Малую Россію опредѣлялъ: рыбы паровыхъ возовъ 5,000, соли паровыхъ же возовъ 4,500.

Обо всемъ этомъ Гетманъ 15 декабря 1755 года представилъ на Высочайшее имя, въ Государственную Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ.

Въ дополненіе къ этому представленію поступила и справка изъ книгъ индуктнаго сбора и эѳектовыхъ денегъ, значившихся взысканными съ Запорожскихъ козаковъ, по которой оказалось, что во всѣхъ малороссійскихъ полкахъ поступило:

	Индукт.	Эѳект.
Въ 1749 г.	596 р. 59 к.	62 р. 13 к.
„ 1750 г.	596 „ 81 „	24 „ 19½ „
„ 1751 г.	798 „ 63 „	74 „ 29 „
Вѣдомость въ откупщика Пелипонова		
Въ 1745 г.	264 р. 55 к.	50 р. 64 к.
„ 1748 г.	296 „ 53 „	80 „ 86 „

Это свѣдѣніе тоже представлено въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ въ мартѣ 1756 года.

Дѣло № 30033. О правахъ войска Запорожскаго на земельныя угодья, съ опредѣленіемъ войсковой территоріи и съ прошеніемъ пожалованія Высочайшей грамоты на войсковыя земли, Запорожскому войску опредѣленныя. Когда возникъ вопросъ о безпошлинномъ привозѣ въ Запорожье разныхъ товаровъ и жизненныхъ продуктовъ и вывозѣ таковыхъ въ Малороссію, то Запорожскій Кошъ одновременно вступилъ съ ходатайствомъ объ огражденіи войска Запорожскаго отъ притѣсненія сторонними въ поземельныхъ довольствіяхъ. По этому предмету было подано Гетману Разумовскому,

4 мая 1755 года „отъ Войска Запорожскаго Низового нижайшее доношеніе", слѣдуюшаго содержанія:

„Предъ симъ къ вашей Ясновельможности отъ онаго войска нижайше представлено, каковы земли, рѣчки, угодіи во владѣніи Войска Запорожскаго Низоваго здавныхъ лѣтъ были, начто многіи старожили здѣшніе свидѣтельствуютъ, да и сысканные копіи съ Высочайшей ихъ царскаго Величества, блаженной памяти Великихъ Государей и князей Іоана Алексѣевича, Петра Алексѣевича и Великой Государыни Благовѣрной царевны великой княжны Софіи Алексѣевны, отъ созданія міра въ 7196 г. мѣсяца іюня 14, состоявшейся грамоты на Самаръ и прочіе рѣчки, что во владѣніи тою Самарою отъ тогда зачатой состроенной для содержанія провіантовъ крѣпости Старой Самары (гдѣ нынѣ Полтавскаго полку сотня) препятствія войску Запорожскому небудетъ. Да зъ Универсала Богдана Хмѣльницкаго Гетмана..... 1655 г. января 15 дня, въ Бѣлой Церкви, въ силу грамоты найяснѣйшаго Короля Польскаго Стефана Баторія, въ року 1575 августа 20 дня, на всѣ угодья, жалованныя оному войску, съ яснымъ показаніемъ значатъ коихъ копіи. Самые оригиналы хотя въ Кошѣ за бывшими давно частыми переходами, перемѣнами, военными случаями, пожарами нынѣ не сыскалось, однакъ не безнадежно, что оныхъ отпуски по порядку записаны Высочайшія и царскаго Величества грамоты въ Государственной Архивѣ, а универсалъ Гетмана Богдана Хмельницкаго въ малороссійскихъ дѣлахъ и пунктахъ его Хмельницкаго есть. Нынѣ же въ самыхъ ближнихъ отъ Сѣчи Запорожскихъ мѣстахъ на сей сторонѣ Днѣпра, не больше какъ въ сто верствъ, гдѣ зимовники козачьи въ тѣхъ рѣчкахъ Слободскій полкъ, мѣстечка и селы строятся и жильемъ распространяются, то оному войску крайне жить и довольствоваться нѣначемъ будетъ, ибо самыя лучшія и користныя угодья отошлы отъ онаго войска: приморскія косы Войску Донскому, а Самарскія мѣста, кои Высочайшею Ея Императорскаго Величества въ 746 г. мая 12 дня, по размежеваніи съ войскомъ Донскимъ земли, состоявшеюся грамотою, Высочайше жалованы и опредѣлены точно Войску Запорожскому Низовому, Полтавскій полкъ вспорно ко владѣнію привлекаетъ Старосамарской сотнѣ. Да нынѣ учрежденныя таможни въ Кременчукѣ и въ Переволочнѣ къ царицанкѣ, куда самый трактъ зъ Малой Россіи въ Сѣчъ ватагамъ со всѣхъ провозимыхъ отъ туда сюда и туда товаровъ, съѣстныхъ и питейныхъ припасовъ, такожъ изъ мѣлочнаго всякаго сорту на одѣяніе и прочее, тутъ въ семъ войску крайне нужнаго, пошлины и тарифы взимаются, и чрезъ то въ привозѣ здѣсь хлѣба и прочихъ съѣстныхъ и питейныхъ, паче же воинскихъ припасовъ весьма умалилось и не надежно быть противъ прежняго довольствія, и нынѣ все, а особливо хлѣбъ, питейные и воинскіе припасы весьма уже въ войскѣ ономъ дорого

въ продажѣ, ибо большъ нѣоткуда оныхъ нужныхъ припасовъ получать. Запорожскіе же козаки ввозною въ Малую Россію рыбы, соли и всего, кому на продажу въ ярмаркахъ изъ своихъ заводовъ рогатой и лошадиной скотины и ловлею звѣря довольствовались и какою себѣ къ службѣ Ея Императорскаго Величества исправляли. А нынѣ въ степахъ, гдѣ въ звѣрину добычъ получали и скоты держали, крѣпко стѣснены и за многолюдствомъ и звѣря уже малость. А почти нынѣ жъ рыбы и соли возить въ Малую Россію и скотъ на продажу выгонить съ трудностію и убыткомъ, за вышеписанною пошлиною будетъ, якожъ уже и есть. Особливо жъ и жалованные отъ Ея Императорскаго Величества Высочайшею грамотою оному войску за вѣрныя службы по Днѣпру перевозы, въ которыхъ всѣ войсковыя нужды иностранные какъ съ Крыму, зъ Очакова, такъ и съ Польши въ Кошъ присылающіесь по дѣламъ Старшины и рядовые принимаются, и многія Коммиссіи и прочія надобности отправляли чрезъ умаленное хожденіемъ въ Крымъ зъ Малой Россіи за солью, а изъ Крыма въ Малую Россію ватагъ и купечества, яко уже показалось съ сей весны, что противъ прежняго ходу ватаги и третей части не имѣется, Никитинской и Кодацкой весьма останутся, и прежній въ войсковой скарбъ приходимый сборъ весьма умалится.

Того ради зъ Старшиною и атаманами куренными и со всѣмъ войскомъ возъимѣли Совѣтъ и смѣло о всемъ прописанномъ Вашей Ясновельможности, яко Главному нашему Коменданту представить и послать нарочныхъ Старшинъ, къ чему и выбраны бывшій Кошевый атаманъ Данило Стефановъ. да при немъ въ товарищи Петръ Кольнишевскій и Иванъ Чегуевицъ и при семъ, посылая оныхъ, Вашей Ясновельможности высокомилостиваго отца нашего всенижайше просимъ о всѣхъ нашихъ вышеписанныхъ нуждахъ къ высокому Вашей Ясновельможности разсмотрѣнію Ея Императорскому Величеству представить, дабы чѣмъ точно какими землями и угодьями войско Запорожское изъ давнихъ временъ жалованы, и оными по приходѣ зъ Гетманомъ Богданомъ Хмѣльницкимъ подъ всероссійскую державу, какъ въ предписанной копіи универсала его Гетмана Хмельницкаго явствуетъ владѣли, въ Архивѣ Государственной и малороссійскихъ дѣлахъ и пунктахъ Его Гетмана Богдана Хмѣльницкаго Всемилостивѣйше повелѣно учинить справку. И на тѣ всѣ угодія, какія оному войску доведутся, хотя уже, кромѣ весьма многихъ отшелыхъ, остальныя на той сторонѣ Днѣпра, въ показанной Ея Императорскаго Величества грамотѣ по размежеванію зъ войскомъ Донскимъ землѣ, Высочайше войску Низовому Запорожскому опредѣленныя угодья, отъ Днѣпра рѣкою Самарою, Волчьими водами, Бердою, Кальчикомъ и Калміусомъ и прочими впадающими въ ихъ рѣчками и надлежащими тѣмъ рѣчкамъ косами и балками и всякими угодьи, да особливо,

якъ явствуетъ копія универсала, предписаннаго Гетмана Хмѣльницкаго по рѣчки Орели, а на сей сторонѣ Днѣпра отъ нынѣшнихъ поселеній Слободскаго полку отъ Днѣпра рѣчками Сомоткань, Скисаганами, чрезъ степь даже до Богу и устья Синюхи, а оттоль внизъ по турецкую границу, а вгору до самой Сѣчи по отведенную тому полку по Его Императорскаго Величества Сенатскому указу границу на вѣчное владѣніе Высочайшую Ея Императорскаго Величества грамоту, чрезъ оныхъ нарочныхъ оному войску всемилостивѣйше пожаловать, чтобъ впредь въ земляхъ и угодьяхъ Запорожское Низовое войско ни откого изобижаемо не было, и споровъ, вѣдая свои земли, и затрудненій слѣдовать не могло. А слободскому поселившемуся въ тѣхъ мѣстахъ полку, гдѣ нынѣ зимовники козачьи, больше вселяться и ничего туда мѣшаться, яко то: землю пахать, травы косить, байраковъ и терновъ пустошить, ибо уже населеніе того Слободскаго полка въ разныхъ мѣстахъ, де подлѣ козачьихъ зимовниковъ пустошь въ байракахъ и тернахъ дѣлаютъ, и обидъ никакихъ дѣлать всемилостивѣйше запрещеній и вмѣсто отшедшихъ земель отъ того войска, какъ въ копіи съ универсала Богдана Хмѣльницкаго явствуетъ, на сей Новой Сербіи и Слободскомъ полку, а на той сторонѣ Днѣпра Донскому войску, гдѣ степи и ловля звѣря и косы рыбныя весьма удобны были, и войско оное тою ловлею довольствовалось, Высочайшею Ея Императорскаго Величества прибавнаго всемилостивѣйшаго хлѣбнаго и денежнаго жалованья, или другимъ чѣмъ войско оное за вѣрные и непорочные въ компаніи съ турками и съ татарами бывшей войны оказанныя службы, о коей бывшій Генералъ-Фельдмаршалъ да и нынѣ Ея Императорскому Величеству блаженныя и вѣчно достойныя памяти Аннѣ Іоановнѣ дѣйствительно представленному засвидѣтельствовалъ и отъ Ея Императорскаго Величества Высочайшая милостивая грамота, что то принято Ея Императорскаго Величества и россійскому престолу съ удовольствіемъ и съ обнадеживаніемъ Высочайшей милости, въ прошломъ 1736 году прислана, Всемилостиво пожалована, не оставленна и отъ учрежденной въ Кременчукѣ и Переволочной по Днѣпру пошлины и Тарифы, яко Сѣчъ Запорожская не за границами Ея Императорскаго Величества состоитъ, да и за сказанными резоны, что въ войску Запорожскомъ Низовомъ крайняя трудность въ нужныхъ привозимыхъ вещахъ, а паче въ хлѣбѣ, съѣстныхъ, питейныхъ и воинскихъ, такожъ и по одѣянію потребныхъ недостатокъ и дорожнета будетъ, всемилостивѣйше свобождено и какъ хлѣбъ, такъ и прочее, нужно сюда потребное, а именно—въ Малой Россіи рыболовныя нити, горячее вино, полотно росхожее, рубашки, овчинное бѣлое на свитки сукно, ружья и другіе воинскіе припасы, овцы и всѣ съѣстные и питейные припасы, а отсель въ Малую Россію рыбу, соль, звѣрь и скотъ лошадей и рогатый безъ пошлины и тарифы пропускаемо было бъ

и отомъ Днѣпровскимъ форпостамъ и таможнямъ, отъ кого подлежитъ, Высочайшими указами предложено бъ. Да Полтавскому полку въ Самарѣ и прочихъ тамошнихъ мѣстахъ владѣніе спорное, по силѣ предписанной Высочайшей Ея Императорскаго Величества грамоты, въ 1746 году состоявшейся, всепокорнѣйше просимъ Вашей Ясновельможности милостиво отказать и туда въ Самарь нѣзачѣмъ тому полку, и Старосамарскимъ жителямъ мѣшаться не велить, и высокимъ Вашей Ясновельможности ордеромъ предложить зъ вышеписанныхъ же Высочайшихъ въ 746 годѣ на Самару и на прочія мѣста и за оказанную въ турецкой войнѣ службу грамотъ и съ копіи ихъ царскаго Величества блаженной памяти Іоана Алексѣевича, Петра Алексѣевича и Софіи Алексѣевны, да зъ универсала Гетмана Богдана Хмельницкаго точныя копіи и зъ оными нарочными въ высокое благоразсмотрѣніе Вашей Ясновельможности посылаются, и, что по сему всему воспослѣдуетъ, чрезъ сихъ же старшинъ милостивою резолюціею мене зъ товариствомъ снабдить, и оныхъ посланныхъ въ отеческой вашей Ясновельможности высокой милости и призрѣніи содержать, и какое отъ нихъ прошеніе слѣдоватеметъ за дѣйствительно высокомилостиво повелѣть принимать. О чемъ они инструкціей отъ войска поставлены, всенижайше просимъ.

Войска Запорожскаго Низоваго Атаманъ Кошевый Григорій Федоровъ зъ Старшиною, войсковою куренными атаманами и со всѣмъ войскомъ".

Въ приложенной при семъ прошеніи копіи грамоты Ея Императорскаго Величества Анны Іоановны значится:

„Нашего Императорскаго Величества подданному низоваго Войска Запорожскаго Кошевому Атаману Ивану Милашевичу и всему будучему при тебѣ поспольству, Нашего Императорскаго Величества милостивое слово.

Съ какою вѣрностію и усерднымъ прилежаніемъ Вы Кошевый Атаманъ и все товариство и войско Низовое Запорожское, по своей къ намъ подданнической должности въ настоящей Компаніи противъ непріятелей нашихъ турокъ и татаръ дѣйство чините, о томъ Намъ по доношеніямъ нашего Генералъ-Фельдмаршала фонъ Миниха обстоятельно извѣстно, которую Вашу вѣрность нашихъ вѣрноподданныхъ ревностную службу мы неиначе, какъ ко всемилостивѣйшсму нашему удовольству воспріемлемъ, имѣя несумнѣнную надежду, что вы по своей къ намъ подданнической вѣрности въ такъ потребное и нужнѣйшее время къ вашей пользѣ интересовъ Нашихъ и въ защищеніе Имперіи, нашего и своего отечества, противу помянутыхъ непріятелей подлежащее дѣйство, гдѣ и къ тому случай и служба наша будетъ требовать съ ревностнымъ радѣніемъ продолжать неоставите, зачто Вы вѣрные наши подданные содержаны будете въ неотъемлемой Нашей Императорской склонной милости, которую въ знакъ и засвидѣтель-

ствованіе въ показанныхъ къ намъ службахъ нашего всемилостивѣйшаго удовольства посланы нынѣ отъ насъ къ вамъ вѣрнымъ нашимъ подданнымъ клейноты, вновь сдѣланныя, которыя вамъ отдадутся отъ нашего генералъ-Фельдмаршала графа Фонъ-Миниха. Мы же пребудемъ къ Вамъ Кошевому Атаману и ко всему Низовому Запорожскому войску Нашему Императорскою милостію всегда благосклонны. Дано въ Петербургѣ сентября 2 дня 1736 г.".

Далѣе въ перепискѣ значится, что по всеподданнѣйшему прошенію Запорожскаго Кошевого Атамана и всего войска, поданному 25 мая 1743 года, полковникомъ и куреннымъ Атаманомъ Иваномъ Бѣловымъ. съ товарищами объ отпускѣ жалованья и проч., Ея Императорское Величество Государыня Елисавета Первая, Высочайшею грамотою на имя Кошевого Атамана Низоваго Запорожскаго войска Якима Игнатовича повелѣла отпустить Запорожскому войску на 743 годъ 4,660 руб. пороху и свинцу по 50 пуд., а также и хлѣбное жалованье муки 1,000 четв. и крупъ, на то число по пропорціи изъ Кременчугскаго магазина отправить казенными судами.

Вскорости послѣ этого по жалобамъ Запорожцевъ о захватѣ Донцами ихъ земель и отъ Донцовъ за обиды, наносимыя имъ Запорожцами, правительствомъ было сдѣлано распоряженіе о размежеваніи между запорожцами и Донцами земель и другихъ угодій, по имѣющимся у нихъ документамъ, или за неимѣніемъ по свидѣтельству знающихъ границы старыхъ людей. Съ этою цѣлью былъ командированъ туда подполковникъ Яковъ Билсъ, въ 1745 году, изъ донесенія котораго видно, что для того межеванія назначено было имъ мѣсто, гдѣ быть собранію какъ Донскаго, такъ и Запорожскаго конвоя при старшинахъ и старожилахъ у р. Еланчика; но когда Билсъ прибылъ къ Міусу съ донцами, то стоявшій тамъ запорожскій полковникъ Чорный съ командою объявилъ, чтобы онъ Билсъ съ солдатами переправился, а Донцовъ не пропуститъ чрезъ рѣчку, а если будутъ переходить сами, то они Запорожцы будутъ обороняться. Почему Билсъ принужденъ былъ стоять при Устьи Міуса до прибытія изъ Запорожскаго Коша 4 октября старшинъ и старожиловъ, съ донесеніемъ отъ Кошеваго, что документы письменные на земли съ прошедшей Шведской баталіи потеряны. Но такъ какъ ни у Запорожцевъ, ни у Донцовъ никакихъ документовъ на владѣніе землями не было. то приступлено было къ вспросу подъ присягой старшинъ объ указаніи прежнихъ старыхъ границъ, того и другаго войска, въ предѣлахъ котораго Запорожцы и Донцы пользовались землями и другими угодьями; но депутаты эти съ той и другой стороны точныхъ границъ не указали, и по тѣмъ сказкамъ о спорныхъ угодіяхъ обѣ стороны увѣряютъ къ своей правдѣ, почему и основанія къ размежеванію взять было нѣсчего; только старшины Донскіе и старожилы въ той своей сказкѣ между прочимъ показали, что владѣли они тѣми спорны-

ми мѣстами и до р. Берды, гдѣ нынѣ граница положена между Россійскою Имперіею и Портою Оттоманскою, и съ давнихъ лѣтъ, а въ свѣжей памяти отъ самаго перваго взятія Г. Азова, даже до самовольнаго Запорожскаго вступленія тому назадъ третій годъ. На противъ уже той сказки присланные со стороны Запорожской Старшины Иванъ Бѣлый да Григорій Роженъ объявили, что довольствуются они тѣми спорными мѣстами тому третій годъ, и письменно о томъ показали, яко бы не самовольно, а потому, что, когда въ прошломъ 1741 году было размежеваніе между Россійской Имперіей и Портою Оттоманскою, и часть Запорожскихъ земель на правой сторонѣ Днѣпра отошла къ Турціи, тогда взамѣнъ эти спорныя мѣста были указаны производившимъ разграниченіе Тайнымъ Совѣтникомъ Неплюевымъ въ пользованіе Запорожцамъ. Хотя и надлежало спорныя мѣста повѣрить въ натурѣ, но Запорожцы къ участію въ этомъ Донцовъ не пропустили, самому же Билсу объѣзжать тѣ мѣста безъ показанія съ обоихъ сторонъ и безъ конвоя не представлялось возможности и пользы. А какъ Запорожцы обѣщали Билсу прислать письменный документъ, данный Неплюевымъ на тѣ спорныя земли, то Билсъ ожидалъ ихъ два мѣсяца, покуда получилъ увѣдомленіе отъ Коша, что таковаго документа не оказалось. Такъ то размежеваніе и не состоялось. А между тѣмъ Запорожцы, переѣхавъ для рыбной ловли на Кубанскую сторону, построили шалаши. Въ виду этого Билсъ принялъ мѣры для удаленія оттуда Запорожцевъ, и ихъ „шиши", по разнымъ косамъ бывшіе, сжогъ и самыхъ рыболововъ посгонялъ; но, спустя небольшое время, Запорожцы, переѣхавши море, вновь устроились между Чубурской и Ейской косами. Отправленные изъ Черкаска нарочные калмыки вновь сожгли устроенные Запорожцами шиши и рыбу, а Запорожцы на пяти лодкахъ въ море уѣхали. Калмыки, продолжая путь свой далѣе, усмотрѣли въ Турецкой сторонѣ на острову еще четыре шиша, одинъ большой и три малыхъ, къ которымъ заразлитіемъ воднымъ доѣхать не могли.

Когда все это было доведено до свѣдѣнія правительства, то послѣдовала отъ Ея Императорскаго Величества, чрезъ Правительствующій Сенатъ Запорожскаго Низоваго войска Кошевому Атаману Василію Григорьеву 12 мая 1746 года, высочайшая грамота о назначеніи пограничной межи между землями Запорожцевъ и Донскихъ козаковъ, та самая, съ которой копія представлена при означенномъ выше доношеніи Гетману Разумовскому отъ войска Запорожскаго 4 мая 1755 года.

Содержаніе этой грамоты изложено въ Сенатскомъ указѣ 30 апрѣля 1746 года, напечатанномъ въ XII т. Полн. Собр. Законовъ № 9282.

1756 годъ.

Дѣло № 26212. О спорныхъ селеніяхъ на Запорожскихъ земляхъ. Даниловкѣ и Ревуковкѣ. По распоряженію Генеральной Войсковой Канцеляріи,

Полтавской Полковой Канцеляріи было поручено Сотнику Кулику произвесть ревизію объ имуществѣ и дворовомъ числѣ въ Залинейныхъ селахъ Даниловкѣ и Ревуковкѣ, причисленныхъ къ Орлянской сотнѣ. О нечиненіи препятствія такой ревизіи было сообщено и Кошевому Атаману войска Запорожскаго.

Сотникъ Куликъ однако самъ въ названныя селенія не поѣхалъ, а въ началѣ 1756 года послалъ туда особыхъ нарочныхъ для описанія тѣхъ селеній; но посланные, возвратившись, доложили, что „атаманы Даниловскій Василь Охрименко и Ревуковскій Тимошъ Таранъ съ прочими тамошними обывателями въ многолюдствѣ ихъ къ тому описанію не допустили и присикались бить,—объявляя, что они находятся въ вѣдомствѣ войска Запорожскаго и всякія налагаемыя отъ войска Запорожскаго подати оному войску отбуваютъ, а сотни Орлянской слушаться отъ онаго войска не велѣно; а когдажъ туда впредь кто присланъ будетъ, то тѣхъ посыльныхъ въ смерть побьютъ“.

Сотникъ Куликъ, донося объ этомъ по начальству, докладывалъ, что въ виду такихъ угрозъ Даниловцевъ и Ревуковцевъ онъ самъ въ тѣ села не ѣздилъ.

О таковомъ донесеніи Сотника Кулика Командиръ Полка Полковникъ Горленко, 31 Января 1756 г., донесъ Генеральной Войсковой Канцеляріи.

Вслѣдъ за тѣмъ Полковые Коммисары Полтавскаго полка Лука Руденко и Иванъ Самарскій, представляли, что подлежащихъ по полковому росписанію съ названныхъ выше Даниловскихъ и Ревуковскихъ обывателей, за зимніе мѣсяцы 1756 года натуральныхъ порціоновъ и раціоновъ и Компанейскихъ денегъ Запорожскіе козаки доправлять не допускаютъ.

Генеральная Войсковая Канцелярія, получивъ такія донесенія, отнеслась къ Кошевому Атаману объ исполненіи преже посланнаго ему ордера по сему предмету, и чтобы впредь никакихъ ослушаній распоряженіямъ той Канцеляріи не оказывать.

Дѣло № 12271. О томъ же предметѣ. Когда Полтавскій Полковникъ Горленко донесъ Генеральной Войсковой Канцеляріи, что жители залинейныхъ селъ Даниловки и Ревуковки недопускаютъ производить въ тѣхъ селеніяхъ ревизію, для раскладки на нихъ недоимки за 1756 годъ, и Канцелярія сообщила Кошевому Атаману объ устраненіи тѣхъ препятствій, то на это получила отъ него такое сообщеніе, что села тѣ издревле принадлежали къ войску Запорожскому, и вписывать ихъ въ ревизію полка Полтавскаго не надлежитъ, до тѣхъ поръ, покуда вопросъ о спорныхъ земляхъ не будетъ разрѣшенъ Сенатомъ.

Въ это время вопросъ о спорныхъ земляхъ Запорожскаго войска по представленію Гетмана разсматривался уже въ высшемъ Правительствѣ,

при личномъ ходатайствѣ Запорожскихъ депутатовъ въ Петербургѣ. На представленіе Гетмана по этому предмету 12 Іюня 1756 года послѣдовала Высочайшая резолюція, по которой Сенатъ грамотою отъ имени Государыни Императрицы повелѣлъ:—„Всѣмъ Запорожскимъ Землямъ и угодьямъ, которыя ко владѣнію войску Запорожскому принадлежатъ, чрезъ нарочныхъ и при депутатѣ отъ войска Запорожскаго учинить описаніе и, положа на карту, представить Правительствующету Сенату.“ Вмѣстѣ съ тѣмъ велѣно Кошевому Атаману обывателей малороссійскихъ на Запорожскія земли не принимать, и тѣхъ, кто тамъ живетъ, высылать на прежнее жительство.

Вслѣдствіе этого Гетманомъ строго предложено Кошевому Атаману не препятствовать опредѣленнымъ отъ Полтавскаго полка нарочнымъ произвесть означенную ревизію сказаннымъ обывателямъ, принадлежащимъ къ Орлянской сотнѣ, къ отбыванію общенародныхъ повинностей и взысканіи съ нихъ прежнихъ недоимокъ.

Дѣло № 30035. О спорныхъ Запорожскихъ Земляхъ и послѣдовавшемъ Высочайшемъ повелѣніи объ описаніи ихъ. Въ Запорожскомъ Кошѣ былъ полученъ Гетманскій ордеръ съ Высочайшимъ повелѣніемъ, изложеннымъ въ грамотѣ 10 Іюля 1756 года, которою предписывалось: имѣющіесь по ту сторону р. Самоткани Запорожскіе зимовники перевести на другія удобныя мѣста Запорожскихъ дачъ, въ виду того, что по представленію Генералъ Маіора Хорвата высочайшею грамотою послѣдовавшею изъ Правительствующаго Сената 20 Апрѣля 1752 г., повелѣно: „Выходящее изъ заграницы православное простонародство повелѣно было еще и далѣе селить, тоежъ отъ поселенія Новосербскаго внизъ по Днѣпру р. не ниже Хортицкаго острова“.

На это предписаніе Кошевый Атаманъ Григорій Федоровъ 20 Августа 1756 года писалъ Гетману, что войско Запорожское и такъ уже стѣснено въ земляхъ и другихъ угодьяхъ, а „ежели еще Ново-Сербскому народу, или козачьему Слободскому полку, или кому другому по-надъ р. Днѣпромъ и по-надъ другими мѣстами до Хортицкаго острова селиться дозволено будетъ, да ежели и Полтавскому полку и Богородическимъ жителямъ въ Самарскихъ и войсковыхъ дачахъ земля, и другія угодья отданы будутъ, то войско Запорожское Низовое въ такое утѣсненіе и обиду крайнюю придетъ, что и служить Ея Императорскому Величеству всеросійскому престолу нѣчего будетъ, ибо только и удобныхъ мѣстъ къ ловлѣ рибы и звѣря и сидѣнію зимовниками и пасѣками по—надъ р. Днѣпромъ и въ Самарскихъ дачахъ, а хотя и другія мѣста есть, точію въ оныхъ звѣрей и рыбъ ловить и другія корысти имѣть за многолюдствомъ не можно“.

Почти одновременно съ этой перепиской, 12 Іюля 1756 года, по Высочайшему повелѣнію Гетманъ поручилъ Генеральной Войсковой Канцеля-

ріи произвести опись Запорожскихъ земель. По этому предписанію Канцелярія предписала Сотнику Полковому Зарудному и Войсковому товарищу Михаилу Старицкому „ѣхать на Запорожскія земли и обще съ опредѣленными отъ Г. Бригадира и кр. Св. Елисаветы комендантa и при депутатахъ отъ войска Запорожскаго Низоваго всѣмъ Запорожскимъ землямъ и угодьямъ, которыя имъ ко владѣнію принадлежатъ, учинить обстоятельное описаніе и чертежъ и положить на карту, съ яснымъ показаніемъ, на какія рѣки или урочища владѣніе Запорожскихъ козаковъ простирается безпорно, а гдѣ отъ него и въ чемъ показаны будутъ споры, и всему тому во сколько верстъ въ окружности". Для составленія чертежей приглашался сынъ Миргородскаго Полковника Павелъ Остроградскій, искустный по этой части; но онъ отозвался, что для такой работы инструментовъ не имѣетъ, безъ чего и чертежа сочинить невозможно; Зарудный же просилъ уволить его отъ этой Командировки, по тому случаю, что онъ имѣетъ отъ Гетмана другія порученія по Запорожскимъ дѣламъ, а Старицкій отозвался больнымъ. Войсковая Генеральная Канцелярія первое и послѣднее донесенія признала уважительными, а Заруднаго не основательнымъ, подтвердила ему исполнить предписанное, а въ товарищи къ нему Старицкаго назначила Войсковаго Товарища Ерему Хвоста. О назначеніи же геодезиста для съемки Запорожскихъ дачъ Канцелярія отнеслась къ названному Коменданту Глѣбову и о всемъ этомъ донесла Гетману 13 Сентября 1756 года.

На отношеніе Генеральной Войсковой Канцеляріи Комендантъ Глѣбовъ 28 Октября того года отвѣтилъ, что уже наступаетъ осеннее время, и по случающимся ненастнымъ и холоднымъ днямъ инженерамъ и геодезистамъ описаніе Запорожскихъ земель и угодій, а паче чертежа даже и на черно учинить невозможно, а предлагалъ по этимъ обстоятельствамъ описаніе то отложить до будущей весны. О чемъ Г. В. Канцелярія 29 того же Октября и донесла Гетману, который, съ своей стороны обо всемъ этомъ представилъ Правительствующему Сенату. Сенатъ, разсмотрѣвъ представленія, не опредѣляя срока для ученыхъ работъ грамотою 22 Ноября того же 1756 года только подтвердилъ Елисаветинской крѣпости Коменданту Бригадиру Глѣбову о назначеніи нарочныхъ и геодозиста для составленія описанія и карты Запорожскимъ землямъ.

1758 годъ.

Дѣло № 16329. О перенесеніи Запорожской Сѣчи съ одного мѣста на другое. Войска Запорожскаго Кошевый Атаманъ Григорій Федоровъ съ Старшиной 27 Апрѣля 1758 года сдѣлалъ представленіе Гетману Разумовскому „о тѣснотѣ и крайней нужности мѣста того, гдѣ нынѣ Сѣчь Запорожская положеніе свое имѣетъ, какъ то: по недостатку тамо въ нынѣш-

нія времена противъ прежнихъ воды, за умаленіемъ оной въ рѣчкѣ, состоящей при ономъ мѣстѣ, и за неимѣніемъ при томъ нимало источниковъ криничныхъ, зачѣмъ де принуждено войско довольствоваться водою, въ ямахъ бываемою, неподвижною, зацвѣлою и измѣшанною съ нужнымъ всѣмъ, отчего приключаются болѣзненныя заразы и смерти безвременно и, кромѣ того, по нынѣшнему пріумноженію противу прежнего онаго Запорожскаго войска тамо въ Сѣчи такъ тѣсно, что между куренями проходъ и въ базарахъ проѣздъ съ трудностію имѣть можно, и въ случаѣ пожара обороны подать не свободно. И по тѣхъ и прочихъ нужностяхъ, прописанныхъ Запорожской Сѣчи, оттоль изобрано другое удобное и не тѣсное, пристойное мѣсто въ Россійской границѣ, немного выше надъ Днѣпромъ при Никитинскомъ, гдѣ и застава отъ нынѣшней Сѣчи не больше, какъ въ двадцать верстъ вверхъ Днѣпра и въ ровномъ почти пограничномъ состояніи, гдѣ положеніемъ какъ городу Сѣчи со всѣмъ посадомъ, такъ и крѣпости вмѣститься довольно обширно и весьма хорошо при водѣ можно будетъ, и съ прошеніемъ къ Ея Императорскаго Величества представленія о всевысочайшемъ дозволеніи въ переносъ туда Коша Запорожскаго, учрежденіи Сѣчи расположеніемъ и состроеніемъ тамо просторнѣйшей противу нынѣшней церкви каменной, такожъ въ пожалованіи на постройку оной денежной казны и желѣза съ Днѣпровскихъ постовъ Самарскихъ".

Прошеніе это Гетманомъ Разумовскимъ было представлено на Высочайшее усмотрѣніе. Но Государыня Императрица потребовала чрезъ Сенатъ отъ Гетмана заключеніе по сему предмету. Тогда Разумовскій поручилъ Генеральной Войсковой Канцеляріи назначить Коммиссію для осмотра мѣстъ какъ Старой Сѣчи, такъ и предполагаемой къ устройству Новой Сѣчи, представленія плана послѣдней мѣстности. Коммиссія, назначенная изъ чиновниковъ Миргородскаго полка, находившагося по порученіямъ въ сѣчи, Сотника Заруднаго и войсковаго Товарища Митрофановскаго, исполнивъ порученіе, нашла представленіе Кошеваго Атамана вполнѣ справедливымъ. О чемъ донося Г. Б., Канцелярія докладывала: „Чтожъ до пограничности касается, то Никитина, куда Сѣчь перенести желаютъ, ближе положеніе свое къ турецкой границѣ, нежели гдѣ нынѣ сидитъ Сѣчъ, имѣетъ". Вмѣстѣ съ тѣмъ былъ представленъ и планъ мѣстамъ Запорожскихъ Сѣчей существовавшей и предполагавшейся. Все это Генеральной Канцеляріей въ мартѣ 1759 года было представлено Гетману, который отъ себя представилъ въ въ Сенатъ. Но тамъ такое представленіе нашли недостаточнымъ и воротили его Гетману съ тѣмъ, чтобы онъ еще и отъ себя далъ мнѣніе по этому предмету. По этому требованію Разумовскій въ 1760 году представилъ личное свое мнѣніе, въ которомъ признавалъ ходатайство Кошеваго Атамана о перенесеніи Сѣчи на новое мѣсто заслуживающимъ уваженія.

Въ Сенатѣ это дѣло разсматривалось медленно и вынудило Кошеваго Атамана Федорова 7 Іюля 1761 года вновь возобновить ходатайство по предмету перенесенія Запорожскаго Коша въ Никитину. Ссылаясь на прежнее свое представленіе, Федоровъ писалъ Гетману, что у него въ Сѣчи, по мимо безводія, „мертвыми гробами весь городъ почти отнятъ, и проходовъ нѣтъ". Гетманъ и это новое ходатайство 19 Сентября того же года представилъ въ Сенатъ и для скорѣйшаго разрѣшенія вручилъ свое представленіе писарю Запорожскаго Коша Чегуевцу, для доставленія лично въ Петербургъ.

1759 годъ.

Дѣло № 12270. О числѣ строевыхъ козаковъ въ войскѣ Запорожскомъ. На основаніи Высочайшихъ повелѣній Гетманъ неоднократно предписывалъ Запорожскому Кошу, чтобы Запорожскіе козаки соблюдали крѣпкую предосторожность отъ турецкой стороны и всегда имѣли готовое войско къ выступленію въ походъ, по первому требованію, особо конное и особо пѣшее.

По запросу Генеральной Канцеляріи Запорожскій Кошъ въ 1759 году 20 Іюня донесъ, что по справкѣ, въ какомъ куренѣ сколько исправныхъ козаковъ, получающихъ жалованье и могущихъ во всякое время выступить въ походъ, составлена вѣдомость и изъ значащихся по ней козаковъ тысячъ до пяти будетъ конныхъ и до шести тысячъ пѣшихъ, и именно куреней: Поповичевскаго 340, Васюринскаго 220, Незамаевскаго 350, Крилѣвскаго 480, Щербиновскаго 319, Титаровскаго 330, Шкуринскаго 338, Коренѣвскаго 410. Рогевскаго 406, Корсунскаго 415, Калниболотскаго 265, Уманскаго 224, Деревянковскаго 226, Нижестебліевскаго 200, Вышестебліевскаго 250, Джерелѣвскаго 300, Переясловскаго 119, Полтавскаго 250, Мишастовскаго 265, Минскаго 611, Тимошовскаго 343, Величковскаго 361, Леушковскаго 200, Пластуновскаго 341, Дядьковскаго 327, Ведмедовскаго 218, Брюховецкаго 247, Платнировскаго 300, Пашковскаго 306, Кущѣвскаго 268, Кислякѣвскаго 220, Ивановскаго 454, Конеловскаго 200, Сергіевскаго 200, Донскаго 205. Ирклієвскаго 511, Канивскаго 550, Батуринскаго 200. Итого 11769 человѣкъ.

1761 годъ.

Дѣло № 1831. Письмо Запорожцевъ съ подарками Гетману. „Высокосіятельнѣйшій Графъ. Высоко[illegible]ительнѣйшій Г-нъ, Господинъ Гетманъ и многихъ орденовъ Кавалеръ.

Нашъ Милостивый Батько, [illegible]премилосердный Добродію.

По всеглубочайшей нашей [illegible]кности, падши къ милостивымъ стопамъ Вашему Высокографскому Сіятельству, нижайше со всѣмъ Низовымъ

Запорожскимъ войскомъ кланяемся, и дерзнули то взнести зъ сими нарочно посланными старшинами и въ засвидѣтельство бьемъ челомъ и вовсенижайшій нашъ степной презентъ высокому Вашего Графскаго Сіятельства дому отправили эшекъ съ жеребятами четыре, запорожскихъ сафьяновъ пятьдесятъ, да черкескихъ бурокъ три, всемилосерднымъ принятіемъ отеческимъ повелѣть не оставить, и при томъ по нижайшимъ войсковымъ нуждамъ взнесеннымъ высокоповелительнѣйшимъ и милосерднѣйшимъ призрѣніемъ Запорожскій Кошъ отечески пожаловать рабски просимъ, а мы найвѣрнѣйше вашего высокографскаго Сіятельства слуги вѣчные прибыть имѣемъ.

Вашего высокографскаго Сіятельства Всемилостивѣйшаго батьтка и премилосерднѣйщаго добродія и всенижайшіе и вѣрнѣйшіе слуги Атаманъ Кошевый Григорій Федоровъ, войсковые Старшины, Атаманы и все товариство". 1861 г. Февраля.

Дѣло № 7024. О введеніи въ войскѣ Запорожскомъ добрыхъ порядковъ и благоустройства, и предположеніяхъ высшаго правительства переселить Запорожское войско на Волгу, если будутъ продолжаться въ томъ войскѣ безпорядки. Представленіе Запорожскаго Коша Гетману Разумовскому.

„О содержаніи здѣшняго войска и истребленіи конечномъ всего бывшаго зла извѣстныхъ худостей мы неусыпное тщаніе имѣемъ, и въ силѣ высокихъ Вашей Ясновельможности наставленій, сыскивая еще найспособнѣйшіе къ тому примѣры, какъ нынѣ въ совершенное утишеніе безопасное все Низовое Запорожское войско приходитъ, ибо уже и въ дикихъ около Калміуса по Азовскому морю степахъ крыющихся и убѣжавшихъ воровъ, въ трехъ чатахъ бывшихъ до тридцати человѣкъ, искуснымъ образомъ посыланными при четырнадцати куренныхъ атаманахъ партіями достате искоренено, а нѣсколько небольшое число къ Донскимъ приморямъ ушли, а съ привезенными до Коша слѣдуется; около Богу жъ рѣки человѣкъ до десяти послѣднихъ разбойниковъ шатающихся въ самыхъ пограничныхъ найскрытнѣйшихъ мѣстахъ, дабы всякими образами въ руки прибрать и очистить совсѣмъ здѣшніе степы отъ бывшихъ зловредныхъ, и о успокоенію пограничному и внутренному, при войсковомъ Асаулѣ, при десяти атаманахъ нынѣ отправлены найпрестойнѣйшія команды, съ искустнымъ особеннымъ наставленіемъ и по очищеніи тѣхъ послѣднихъ злодѣятелей, со объясненіемъ по исполненіи какъ о семъ, такъ тогда и томъ Вашей Ясновельможности донести имѣемъ, а до того нынѣ остается единственное при Кошѣ Запорожскомъ исправленіе и приведеніе нами въ совершенство и уже порядокъ безопасности, страхъ и послушаніе сего вольнаго пограничнаго и достаточнаго войска ненарушимое и твердое содержаніе съ важнѣйшимъ знающимъ искуствомъ, береженіемъ не слабымъ и не оскалымъ. О чемъ мы завсегда, по вѣрно присяжной должности стараясь, къ

спокойству высокихъ командъ до онаго къ найполѣзнѣйшему и лучшему утвержденію вѣчному изобрѣтаемъ потребныя сему Кошу, яко простонародству вольному, къ поправленію себя незабвенному, нижеслѣдующія обязательства: 1) Дабы все вышеписанное сохранено вѣчно, исполняемо ими было безъ малѣйшаго нарушенія, съ увѣщеваніемъ грознымъ и милостивымъ доброму войску чрезъ нарочныхъ двухъ отъ Вашей Ясновельможности знатныхъ старшинъ, или паче къ особливому страху офицера штапа какого, должно обовязать всѣхъ старшинъ и атамановъ подпискою жестокою, а не далѣе, какъ тутъ довольный съѣздъ бываетъ въ Тройцынъ день въ Пятидесятницу. 2) Къ содержанію онаго войска тѣмъ всѣмъ путемъ въ Кошѣ командирей слабыхъ и неспособныхъ отнюдь, какъ извѣстные отрѣшенные Кошевый Атаманъ Алексѣй Бѣлицкій да Судья Сохацкій, поступали въ едино посмѣяніе и крайнее разорѣніе и вредъ пограничностямъ и внутренностямъ и довелось было безкомандное мѣсто совсѣмъ заспалое, отнюдь бы не опредѣляли, и наклоненія ихъ къ тому отъ всякихъ простотѣ нынѣшнихъ утыскахъ, какъ то уже и выносится, отъ ихъ не принимали бъ, подъ казнею смертною запретить и обовязать какъ Кошъ, такъ и тѣхъ лицъ подъ смертнымъ, чтобы никогда уже и не принимались за тѣ чины, истязаніемъ. 3) Чтобы здѣшній народъ простой не имѣлъ причины, что слабой и совсѣмъ многимъ послѣдовавшимъ вредамъ и убыткамъ и разореніямъ причиненной первой за свое таково правленіе предъ всѣми атаманами Старшинами тѣми присланными выговоркою внушительною истязанъ и опрошенъ, для чего такъ допустилъ, и для того въ Генеральную войсковую Канцелярію съ тѣми нарочными явился бъ къ чувствованію впредъ до такихъ дѣлъ не касаться и не принимать невозможнаго снесть, начальство и другія недостойныя оттого бъ отвращались и непокушалися и никакихъ подговоровъ и подкуповъ подъ лишеніемъ живота не дѣлали. 4) По взятіи всего того, весьма нужнаго, потребнаго съ обовязками публичными за едину простоту того певнаго Атамана Кошеваго Бѣлицкаго, что ни въ какихъ дѣлахъ не бывалъ и чинилъ то съ одной слабости, невѣдѣніемъ угождая только обычаямъ войска по своему легкомыслію и простодушію, во всѣхъ простыхъ отечески и въ истязаніе ни въ какое и судъ не приведенъ бы былъ, за его старую службу и за простоту милостивое размотрѣніе учинить, мы подлинно вѣдая его въ томъ ни отъ хитрости, ни отъ незнанія и природной слабости погрѣшно Вашей Ясновельможности просить и дерзнули о семъ не для его уразы, но къ исправленію только до содержанія вѣчностію Запорожскаго Низоваго войска въ учреждаючіеся нынѣ добромъ и спокойномъ порядкѣ безъ потерянія впредь. О чемъ о цѣлости интересныя пограничныя соблюдаемы быть могутъ съ пользою всегдашнею представить, съ тѣмъ, чтобъ сего ни подъ какимъ видомъ и

сдѣшнихъ и кто будетъ присланъ, знать ни кто не могли, дабы насъ не погубили вольностію своею, за то и всеподданнѣйше открывая нашу въ томъ вѣрность, просимъ въ великомъ важномъ секретѣ милостиво повелѣть сіе содержать, кромѣ по подлежности Высочайшему представленію, и буди за благо апробуется, то вышеписанную присылку къ Тройцыну дню пожаловать, буде можно съ штапъ-офицеровъ прислать, а дали уже и сходственно да прямо изъ Глухова, а не съ полковъ малороссійскихъ, и насъ чрезъ сего увѣдомить отечески не оставить, и чтобъ якъ найскорѣе послѣдовать могло сіе яко вся нужда въ томъ здѣшности зависитъ, пріобрѣсть просимъ, ибо пановы пограничные вреды уже съ тою состояли, и съ письма Крымскаго Хана, писаннаго къ нашему войсковому писарю, полученнаго въ новонынышнемъ году, представляемъ къ разсмотрѣнію при семъ точную копію.

Кошевый Атаманъ Григорій Федоровъ, Войсковый Судья Петръ Колнишевскій, Войсковый писарь Иванъ Чегуевицъ". 1761. Апрѣля 28.

Въ приложенномъ въ копіи письмѣ войсковому Писарю Чугуевцу, отъ 5 Января 1761 г. Крымскій Ханъ извѣщаетъ, что Запорожцы постоянно занимаются грабежомъ Крымскихъ народовъ и недавно пограбили у чабановъ Крымскаго Диванъ Эфендія за Перекопомъ двухъ воловъ и одну лошадь; каковые разбойники, какъ полагаетъ Ханъ, „отъ Кошеваго Атамана не мало отъ воровства и отъ грабительства не сокращаются".

Въ виду чего Ханъ просилъ довести до свѣдѣнія обо всемъ томъ малороссійскому Гетману, „ибо впредь сіе на васъ спросится".

На другой день, т. е. 29 Апрѣля Кошевый Атаманъ съ Судьей и Писаремъ послали письмо Генеральному Писарю Безбородку, съ просьбой ускорить разрѣшеніемъ сдѣланнаго представленія о присылкѣ въ Сѣчь Офицеровъ для внушенія Сѣчевому товариству добраго порядка въ Управленіи Запорожскимъ войскомъ.

При этомъ имѣется въ дѣлѣ слѣдующій докладъ: „Въ прошломъ 760 году послано старшинъ и атамановъ Запорожскихъ двадцат человѣкъ за жалованьемъ въ С.-Петербургъ. Егда прибыли ко Всевысочайшей рукѣ, то отъ Высочайшихъ Ея Императорскаго Величества устъ сказано имъ всѣмъ: *надо у васъ въ войскѣ усмирить шалости и воровства*, гдѣ заразъ Его Сіятельство Канцлеръ Михайло Ларіоновичъ Воронцовъ высочайшимъ именемъ тѣмъ старшинамъ и атаманамъ внушалъ, что отъ Порты Оттоманской и отъ Польши великія жалобы и нарѣканія на дворъ Россійскій приходятъ, и уже де и россійскимъ подданнымъ много отъ вашихъ разореній есть; какъ гдѣ чрезъ васъ еще худости будутъ, и вредъ какой послѣдуетъ, то вы о себѣ уже думайте много больше, помилованія не имѣтемете, и повелѣлъ имъ на другой день явиться въ Конференсію, гдѣ они, когда пришли,

то въ собраніе министровъ ихъ представили, и отъ всѣхъ сказано: мы де высочайшее, сказанное вамъ вчерась, повелѣніе подтверждаемъ, при томъ говорили о всякихъ неудовольствіяхъ, для чего такое воровство и шалости продолжаются отъ Запорожжа, поколь де будутъ за васъ утруждаемы команды, и дворъ россійскій поноситемется нарѣканіями. И наибольшимъ, образомъ выговаривалъ Канцлеръ, упоминая то, ежели де вы сего монаршаго и нашего повелѣнія подъ смертною казнью въ Кошѣ всему войску, а паче знающимъ силу и порядокъ людямъ, не объявите въ тонкости и сами себе въ скорости не удержите отъ худости, то вы въ государствѣ, какъ ноготь (указывая на свой перстъ): очистить легко, такъ и васъ привесть можно, и сыщется де вамъ иное мѣсто, и съ тѣмъ они по довольному до двухъ часовъ истязаніи отпущены, а въ домахъ своихъ Сенаторы нѣкоторые приказали въ Кошѣ сказать, чтобы какъ можно поспѣшили то въ Кошѣ себѣ исправленіе, ибо де объ васъ шло уже разсужденіе *винныхъ передать ссылкамъ, а оставшихъ вывесть на Волгу.*

Они, прибывши въ Кошъ, Кошевому Бѣлицкому и Судьѣ тогдашнему всѣ тѣ рѣчи за первымъ приходомъ представили подробно, токмо тѣ Кошевый и Судья по незнанію важности и слабой простотѣ не могли взять никакого предпріятія. А когда сторонные Старшины, атаманы и старики, знающіе о тѣхъ прибывшихъ, познали все то повелѣніе и угроженіе, то пришли въ немалое сумнѣніе и сожалѣніе и, учиня добрыя и искусныя ......ты, призвавши всѣхъ тѣхъ ....шихъ двадцать человѣкъ на .... общей, спрося предъ новымъ .... годомъ, изобрали и упросили .... въ Кошѣ быть правителемъ .....вому судьѣ и писарю и, съѣхавши .... всѣ старики и прибывшіе .... многимъ числомъ, видо сверхъ ....ронныхъ худости, что что самы се ...... по Запорожжу воровствомъ были ......рилы, положили добрымъ в...... приняться вдругъ и искорени.... все то зло и ввели порядки доб..... и росписались круговымъ обязатель...., чтобы уже никому послабы не дѣл.... и то учрежденіе вѣчно въ исполн..... подъ смертнымъ штрафомъ содерж..... и не отпустить вольностей и обяз..... своихъ ничѣмъ не терять. А воровство, убійство въ родахъ старш.... на вѣки вывесть совсѣмъ поче..... все то опредѣленными командира.... сначала сего года и приведено ...... въ доброе содержаніе и взнесена все...... та подробно Его Ясновельможности въ Генеральную Канцелярію. Дабы же то сохраняемо найлучше было, и что оное есть въ пользу зъ разнымъ направленіемъ, секретно отъ коша требовано присылки нарочныхъ достойныхъ съ подтвержденіемъ отъ Его Ясновельможности сего году мая въ первыхъ числъ къ Тройчному дню, чего не получено.

Нынѣ въ Кошѣ и по всему войску, яко народъ простой на видъ, отъ высокой власти о томъ себѣ подтвержденія и важнаго внушенія ниоткуда

не имѣя, начали думать и говорятъ, яко бы то учрежденіе и выводъ худостей отъ самыхъ кошевыхъ старшинъ, а не съ повелѣній сдѣлано, и сумнѣніе въ томъ съ похвалками на старшину держатъ, и которые противились и возмущали другихъ къ неисполненію добраго содержанія, какъ и два атаманы, которые были присланы за то въ Глуховъ, нынѣ поощряются къ измѣнѣ всѣхъ тѣхъ порядковъ и подаютъ вящшій видъ къ держанію сумнѣнія на старшихъ.

А понеже когда уже сіе содержаніе потеряютъ и распустятъ прежнее воровство и междоусобство, то никогда такое доброе волею и искуствомъ привесть того народа въ успокоеніе не можно, какъ то прежпіе годы разными старательствы и затрудненіями наклонить ихъ въ томъ было неможно.

Къ поправленію всего вышеписаннаго надлежитъ прежде требуемую посылку достойную нарочныхъ опредѣлить съ особливымъ искустнымъ наставленіемъ“ [1]).

По всѣмъ этимъ представленіямъ Запорожскаго Коша въ Генеральной Войсковой Канцеляріи было заготовлено отъ имени Гетмана и послано на усмотрѣніе Его Ясновельможности слѣдующее предписаніе:

„Войска Низоваго Запорожскаго Господину Атаману, Старшинамъ войсковымъ, куреннымъ атаманамъ и всему товариству.

Изъ присланныхъ отъ Васъ доношеній и рапортовъ выдимъ мы, что нынѣ въ войскѣ Запорожскомъ Низовомъ за опредѣленіемъ васъ Атаманомъ Кошевымъ и прочей старшины войсковой вновь въ сіи чины учреждено новое доброе исполненіе, гораздо лучше прежняго распоряженія, какъ къ искорененію и пресѣченію вовсе воровства и всѣхъ худостей, такъ и къ содержанію въ покоѣ границъ, что и самая поданная отъ всѣхъ тамошнихъ старшинъ, атамановъ, стариковъ и добросовѣстныхъ первѣйшихъ козаковъ подписка (которой предъ симъ прислана къ намъ отъ васъ копія) съ прилѣжнымъ стараніемъ происходитъ, ибо уже многія воровскія собранія въ тамошнихъ мѣстахъ посыланными нарочно отъ Коша командами искоренены, и переловленные воры, гайдамаки и иные сюда присланы, а другіе безъ послабленія отправлены въ подлежащія мѣста къ слѣдствію и поступленію съ ними по указамъ, а надъ прочими въ тамошнемъ Кошѣ Запорожскомъ слѣдуется да и въ прочемъ принадлежащемъ до воздержанія отъ непорядочныхъ и противныхъ повелѣніямъ поступковъ и приведенія всего войска Низового въ добрый порядокъ, послушаніе и страхъ, не оспалое ваше раченіе усматриваемъ, чѣмъ мы весьма довольны будучи, васъ Господина Атамана Кошеваго, старшину войсковую, атамановъ куринныхъ и доброе товариство войска Запорожскаго за таковое полезное Высочайшей Ея Императорскаго Величества имперіи, всему же

[1]) Гдѣ поставлены точки, тамъ слова на краю листа опалены.

войску Запорожскому распоряженіе похваляемъ. Но дабы сей добрый и похвальный порядокъ къ безопасности границамъ всѣмъ сосѣдственнымъ мѣстамъ и проѣзжающимъ страхъ и послушаніе не на короткое время, но навсегда безъ отмѣны твердо и вѣчно тамъ у васъ въ войскѣ Запорожскомъ Низовомъ содержано было, въ наблюденіе высочайшихъ Ея Императорскаго Величества повелѣній и нашихъ многихъ ордеровъ, для того заблагоразсудили мы къ вѣчному утвержденію того послать еще къ вамъ въ Сѣчъ Запоржскую нарочныхъ, почему и посланы съ симъ ордеромъ №№ да №№, которымъ отъ насъ особое наставленіе дано и велѣно ѣхать имъ съ поспѣшеніемъ въ Сѣчъ Запорожскую, и за прибытіемъ туда и за врученіемъ вамъ, Атаману Кошевому и Старшинѣ войсковой сего ордера, за собраніемъ же всѣхъ куренныхъ атамановъ старшинъ и товариства стариковъ тамошнихъ войска Низоваго Запоржскаго публиковать и довольно внушить всѣмъ: 1) дабы тамо въ войскѣ Запорожскомъ Низовомъ по куренямъ, зимовникамъ, пасѣкамъ и нигдѣ отнюдь воровъ, гайдамакъ и другихъ сумнительныхъ и накакихъ безвѣрныхъ свидѣтельствъ и пашпортовъ людей, ни подъ какимъ видомъ не передерживали и не укрывали и кошенниковъ давнишнихъ командами въ мѣста по степамъ, буеракамъ и по другимъ мѣстамъ собираться не допускали, но всячески съ усердіемъ и ревностно старались всѣхъ такихъ злодѣевъ и согласниковъ ихъ, гдѣ бы только слухъ о нихъ зашелъ, переловить и до послѣдняго въ конецъ истребить, обиженныхъ же ими, какъ возможно, удовольствовать обидѣтелей имѣніемъ ко успокоенію, и всѣ худые, тамо бываюпце, поступки конечно прекратить, чрезъ что какъ командамъ напрасныхъ затрудненій впредь не слѣдовало, такъ и войско Запорожское Низовое (какъ издревле было похвальнымъ, въ нарѣканіи и безславіи не осталось. 2) Всѣ происходимые въ ономъ Запорожскомъ войскѣ самовольство, разбой и прочіе непотребные и противные законамъ поступки чиняться отъ безстрашія и шалости, чрезъ частыя перемѣны тамошнихъ командировъ, т. е. Атамана Кошеваго и Старшинъ войсковыхъ, что происходитъ наипаче отъ худыхъ и непостоянныхъ самовольствующихъ людей, которые и выбираютъ въ тѣ чины по своему праву, кого захотятъ, высочайшею Его Императорскаго Величества грамотою, 753 г. Іюля въ 19 день состоявшеюсь и къ намъ присланною, повелѣно впредь въ войскѣ Запорожскомъ атамана Кошеваго и старшинъ войсковыхъ безъ позволенія даваемаго собою не перемѣнять и другихъ не опредѣлять, подъ опасеніемъ Высочайшаго Ея Императорскаго Величества гнѣва и тяжкаго наказанія. Очемъ отъ насъ и отъ нашей Генеральной Канцеляріи въ оное Запорожское войско многіе происходили предложенія,—съ запрещеніемъ таковыхъ самовольныхъ поступковъ, то онымъ же нынѣ нарочно отправленнымъ отъ насъ въ Сѣчь Запорожскую №№ велѣно и о семъ притомъ собра-

ніи войска Запорожскаго внушить и опубликовать, что бы тамо таковое безпорядочное самоволіе перемѣною Кошеваго Атамана и старшинъ войсковыхъ всеконечно оставлено, и никто бъ въ такову дерзость вступать не отважился, и никто бъ, а паче недостойные и немогущіе въ содержаніи команды въ добромъ порядкѣ, сами собою за тѣ началы не принимались бы и отъ того отвращались, и никакими подговорами и накупами не покушались, а еслибы кто изъ самовольцевъ противу сему поступать дерзнулъ, таковыхъ и согласниковъ ихъ вамъ Атаману Кошевому, Старшинѣ войсковой и куреннымъ атаманамъ забирать подъ караулъ и присылать въ Глуховъ къ намъ. Вслѣдствіе чего и вамъ, нынѣшнему Кошевому Атаману и Старшинѣ войсковой отъ своихъ должностей ни подъ какимъ видомъ самымъ собою примѣромъ прежнимъ безъ нашей воли и дозволенія не оставить, подъ опасеніемъ отвѣта и жестокаго истязанія; буде же какову перемѣну по правильнымъ резонамъ учинить надобно бъ было, то представлять въ самой справедливости къ намъ отъ всего войска Запорожскаго, съ показаніемъ обстоятельныхъ резоновъ къ резолюціи, которою и снабдены будете безъзамедлительно, и чтобъ все вышеизображенное навсегда вѣчно въ войскѣ Запорожскомъ Низовомъ сохраняемо и исполняемо было безъ малѣйшаго нарушенія, въ томъ вышеупомянутымъ же посланнымъ нынѣ къ вамъ нарочнымъ велѣно у васъ атамана Кошеваго, старшины войсковой, куренныхъ атамановъ и прочихъ всѣхъ старшинъ старинныхъ и знатныхъ козаковъ, въ томъ числѣ и впрежде бывшихъ Кошевого Алексѣя Бѣлецкаго и судьи Федора Сохацкаго, въ подтвержденіе преже данной къ Кошъ Запорожскій подписки съ увѣщеваніемъ вновь подобовязательствомъ за преступленіе жесточайшей казни взять подписку и оную за возвращеніемъ сюда представить намъ въ оригиналѣ, и ежели противу сего выше выраженнаго въ войскѣ Запорожскомъ Низовомъ такое полезное и похвальное учрежденіе содержано и затверждено будетъ навѣки безъ малѣйшаго нарушенія, то оному всему Запорожскому войску лучшая всегда и вовсемъ польза и честь пріобрѣтено быть можетъ, съ чегои мы, яко учрежденный по Высочайшей Ея Императорскаго Величества волѣ въ Малой Россіи и надъ онымъ всѣмъ войскомъ запорожскимъ Гетманъ всегда довольны быть можемъ и о томъ безъ представленія къ Ея Императорскому Величеству съ похвалою (сверхъ прежняго) и къ содержанію онаго всего Запорожскаго Низоваго войска въ особливой Высочайшей милости не оставимъ. 3) Понеже бывшіе предъ вами Кошевый Атаманъ Алексѣй Бѣлицкій и судья Федоръ Сохацкій отрѣшены нами отъ тѣхъ должностей за неисполненіе ими многихъ посыланныхъ отъ насъ въ войско Запорожское о искорененіи тамъ умножившихся въ то время воровъ, гайдамакъ и о учрежденіи добрыхъ къ тому и прочему распоряженій, на основаніи Ея Императорскаго Величества повелѣніи и ордеровъ и за прочіе многіе

непорядки и слабое содержаніе командъ, что многіе вредъ и убытки и разоренія и на войско низовое Запорожское Низовое нарѣканіе и безславіе послѣдовало (о чемъ въ посланномъ отъ насъ въ запорожское Низовое войско Ноября отъ 20 дня прошлаго 1760 г. ордерѣ пространнѣе выражено) а для чего таковы отъ оныхъ Бѣлицкаго и Сохацкаго непорядки и слабость въ содержаніи команды послѣдовали, въ томъ должнаго отвѣта въ нихъ не взято, по причинѣ бывшей опасной тогда въ тамошнихъ мѣстахъ болѣзни, и за то ихъ въ страхъ другимъ не истязано понынѣ, того ради предъ показаннымъ же нарочнымъ № велѣно отъ насъ при собраніи тамо въ Сѣчи Запорожской всего войска онымъ Бѣлицкому и Сохацкому за такову ихъ слабость и нераченіе, и что впредь до такихъ дѣлъ и урядовъ коихъ снесть не въ состояніи, некасались учинить выговоръ, — съ подпискою, что они болѣе таковые уряды и должности, какихъ снесть не могутъ, вступать не будутъ; кромѣ того, имѣете вы приказать имъ, Бѣлицкому и Сохацкому, для отвѣту и учиненія имъ въ страхъ другихъ должнаго истязанія ѣхать въ Глуховъ, и чтобъ они безъотговорочно и конечно вмѣстѣ съ показанными нарочными въ Глуховъ ѣхали и за прибытіемъ сюда явились въ нашей Генеральной Канцеляріи, въ томъ ихъ крѣпко обовязать подпискою, которую онымъ же нарочнымъ вручить для представленія намъ, и что о всемъ вышеповелѣнномъ исполненіемъ произойдетъ, о томъ отъ онаго войска Низового Запорожскаго прислать къ намъ съ обстоятельствами рапортъ“. 1761 г. мая дня зъ Глухова.

14 числа того же мая въ Войсковой канцеляріи было получено письмо отъ Василія Туманскаго, писанное изъ Яготина, что Его Ясновельможность, разсмотрѣвъ все присланное ему, нашелъ „что на посылку въ Сѣчь Запорожскую нарочныхъ, чтобъ моглибъ поспѣть Тройному дню, время уже прошло, да и нужды въ томъ не усмотрено, и для того оставлено то все здѣсь на дальнѣйшее впредь по обстоятельствамъ разсмотрѣніе“.

Далѣе изъ дѣла видно, что заготовленный въ Войсковой Генеральной Канцеляріи въ Запорожскій Кошъ ордеръ состоялся 4 Октября, того года. Для посылки въ Сѣчь нарочными были назначены Бунчуковый Товарищъ Михаилъ Милорадовичъ и Генеральной войсковой артилеріи Асаулъ Григорій Кологривый, которые, исполнивъ возложенное на нихъ порученіе вь донесеніи своемъ въ Декабрѣ того же 1761 года Гетману Разумовскому писали такъ: — „За пріѣздомъ нашимъ въ Запорожскую Сѣчь, ордеръ Вашей Ясновельможности Господину Атаману Кошевому отъ насъ при собраніи Старшины войска Запорожскаго, куренныхъ атамановъ и въ множественномъ числѣ козаковъ врученъ и публикованъ, который выслушавъ, онъ Атаманъ Кошевый съ Старшиною атаманами и всѣмъ войскомъ приносили Вашей Ясновельможности за похвалу нынѣшнихъ ихъ поступокъ добрыхъ

нижайшее ихъ благодареніе, охотно обяззясь и впредь безъ отмѣны установленій добрый порядокъ о искорененіи всякихъ худостей въ войскѣ Запорожскомъ вѣчно содержать, причемъ мы войску Запорожскому довольно и послѣ того неоднократно внушали, дабы все вышеизображеное въ силѣ Высочайшихъ Ея Императорскаго Величества указовъ, Вашей Ясновельможности высокихъ ордеровъ въ войскѣ Запорожскомъ безъ всякаго нарушенія вѣчно сохраняемо и исполняемо было, и въ томъ. Атаманъ Кошевый, Старшины войсковые и куренные атаманы и знатное товариство подъ обовязательствомъ дали подписку, которую подлинную при семъ Вашей Ясновельможности представляемъ".

Представленная подписка слѣдующаго содержанія:

„1761 г. Декабря мы нижеподписавшіеся, выслушавъ высокаго Его Сіятельства Ясновельможнаго и высокоповелит. господина Гетмана и разныхъ орденовъ кавалера графа Кирила Григорьевича Разумовскаго присланный съ нарочными Бунчуковымъ Товарищемъ Михаиломъ Милорадовичемъ и Асауломъ генеральной войсковой Артиллеріи Григоріемъ Кологривовымъ ордера, съ похвальнымъ нынѣ учрежденныхъ въ войскѣ Низовомъ Запорожскомъ добрыхъ и полезныхъ распоряженій о искорененіи воровъ, всѣхъ худостей и о содержаніи въ покоѣ границъ, какъ въ томъ семъ мы прошлаго 1760 года Декабря 20 приговоромъ обязались, и по оному дѣйствительно содержимъ, чѣмъ Его Сіятельство, будучи доволенъ, ежели такое полѣзное и похвальное учрежденіе содержано и утверждено будетъ навѣки, обнадеживая войко запорожское лучшую всегда и во всемъ похвалу и честь пріобрѣсти, и къ Ея Императорскому Величеству о томъ съ похвалою представить, и по силѣ онаго Его Сіятельства ордера къ непремѣнному вѣчному утвержденію, что сей добрый порядокъ вѣчно содержать по учиненному вышеписанному прошедшаго 1760 году приговору безъ всякаго нарушенія и въ наблюденіи того во всемъ войскѣ Запорожскомъ Низовомъ по куренямъ, зимовникамъ, пасѣкамъ, ежели воры, гайдамаки и другіе сумнительные люди безъ всякихъ свидѣтельствъ и пашпортовъ являются, сыскивать, пересматривать, ловить и вовсе искоренять и передержателей не укрывать, истреблять, такожъ кошинниковъ давнишнихъ по степамъ, байракамъ и другимъ мѣстамъ въ Запорожскихъ дачахъ собираться допущать не будемъ, но всячески со усердіемъ и ревностію стараться всѣхъ таковыхъ злодѣевъ и согласниковъ и, гдѣ бы только слухъ объ нихъ зашелъ, переловливать и до послѣдняго въ конецъ истреблять, обиженныхъ же ими ворами по выводу подлиному и настоящему дѣла въ справедливыхъ и доказательныхъ скахъ, какъ возможно, изъ имѣнія обидителей довольствовать, и всѣ худыеибывающіе поступки прекратить имѣемъ, ко умноженію издревле пріобрѣтенной доброй славы всему войску Запорожскому. А если кто зъ насъ въ

потачкахъ воровскихъ и закрывательствахъ изобличится, то долженъ за то судимъ быть по указамъ, и подписываемся: Атаманъ Кошевый Григорій Федоровъ, Войсковый Судья Петръ Колнишевскій, Войсковый Писарь Иванъ Глоба, Асаулъ войсковый Лукьянъ Ивановъ".

Далѣе идутъ подписи куренныхъ Атамановъ, Старшаго товариства куреней: Рогивскаго, Корсунского, Калниболоцкого, Уманскаго, Деревянковскаго, Нижестебліевскаго, Вышестебліевскаго, Переясловскаго, Джеремевскаго, Кущевскаго, Сергіевскаго, Полтавскаго, Мышастовскаго, Минскаго, Тимошовскаго, Величковскаго, Леушковскаго, Пластуновскаго, Дядьковскаго, Брюховецкаго, Платнировскаго, Ведмедовскаго, Пашковского, Кисляковского, Донского, Криловского, Канивскаго, Батуринского, Поповичевского, Васюринского, Незамаевскаго, Ирклієвсского, Щербиновкого, Титаровского, Шкуринского, Куреновского, Ивановского, Конеловскаго.

Въ каждомъ куренѣ товариство подписывалось послѣ куренного Атамана, гдѣ одинъ, гдѣ два, и такъ до десяти человѣкъ; только въ одномъ Сергіевскомъ куренѣ подписался одинъ атаманъ Левко Горбъ, безъ товариства. Нѣкоторые подписи, повидимому, были своеручныя, за нѣкоторыхъ козаковъ подписали ихъ товарищи, а нѣкоторые противъ своихъ фамилій, вписанныхъ, вѣроятно, писаремъ, поставили черниломъ кресты.

Дѣло № 2505. О доставленіи къ Высочайшему двору Запорожскихъ лошадей. Кошевый Атаманъ Запорожскаго войска при письмѣ 1 Іюля 1761 года представилъ Гетману Разумовскому нѣсколько штукъ „степныхъ козачьихъ лошадей, во всемъ Запорожскомъ Низовомъ войскѣ найгоднѣйшихъ, выбранныхъ изъ молодыхъ" одногодковъ, требовавшихся „по Высочайшему соизволенію и приказу Его Императорскаго Высочества Благовѣрнаго Государя Великаго князя Петра Федоровича", съ тѣмъ чтобы Гетманъ посмотрѣлъ этихъ лошадей и, если найдетъ годными, то представилъ бы по принадлежности.

Дѣло № 15759. О сообщеніи въ Запорожскій Кошъ Крымскихъ извѣстій о Кубанскихъ татарахъ. Бывшій на Кубани въ плѣну у татаръ Донской козакъ Петръ Тарасовъ въ 1761 году привезъ отъ Сераскира Кубанскаго Донскому Атаману Ефремову два письма, въ которыхъ Сераскиръ писалъ, что хотя Крымскій Ханъ и намѣренъ былъ двинуться съ войскомъ въ походъ на Темиргоевцевъ (черкеское племя, за Кубанью жившее), для чего хотѣлъ переправиться съ Крымской на Кубанскую сторону, но онъ Сераскиръ недозволилъ ему въ томъ и послалъ отъ себя къ Хану нарочныхъ „съ тѣмъ объявленіемъ, что бы онъ на Кубанскую сторону не переходилъ, а ежели станетъ силоваться, то онъ Сераскиръ, собравъ Кубанское войско, въ томъ ему Хану препятствовать будетъ, и отнюдь на Кубанскую сторону не перепуститъ". Послѣ чего Сераскиръ полагалъ, что Ханъ свой переходъ

на Кубанскую землю сдѣлаетъ чрезъ Донъ. Въ виду этого Сераскиръ просилъ Атамана Ефремова не допустить Крымскаго Хана перейти чрезъ Донскіе предѣлы на Кубань.

О чемъ Донской Атаманъ Ефремовъ, донося Государынѣ Императрицѣ, присовокупилъ, что для наблюденія за дѣйствіями Крымскаго Хана онъ подъ приличнымъ предлогомъ послалъ нарочнаго къ Хану съ письмомъ; самому же нарочному поручено обо всемъ разузнать въ Крыму и, если будетъ получено достовѣрное свѣдѣніе, что Ханъ дѣйствительно предпріиметъ движеніе со своими войсками на Кубань чрезъ Донъ, по противу этого со стороны его, Атамана, будетъ принята неослабная воинская предосторожность. Въ разрѣшеніи такого донесенія просилъ резолюціи.

Такое донесеніе Атамана Ефремова было передано въ Сенатъ, который затребовалъ надлежащія свѣдѣнія отъ Военной Коллегіи, а сія послѣдняя послала указъ Генералъ Аншефу Стрѣшневу, чтобы онъ распорядился въ пограничныхъ отъ Крыма мѣстахъ и форпостахъ имѣть крѣпкую предосторожность, чтобы въ случаѣ, если Ханъ съ войскомъ рѣшится пройти самовольно чрезъ пограничныя наши мѣста изъ Крыма на Кубань, то чтобы этимъ не причилъ какого разоренія нашимъ пограничнымъ жителямъ. О чемъ для такой же предосторожности со стороны малороссійскихъ полковъ и Запорожскаго войска Сенатъ прислалъ Гетману указъ 29 Октября 1761 года. Этотъ указъ Гетманъ передалъ въ Генеральную Войсковую Канцелярію, а Канцелярія сообщила въ Запорожскій Кошъ, чтобы Запорожское войско было во всегдашней готовности къ выступленію въ походъ.

Дѣло № 24143. О волненіяхъ въ Запорожской Сѣчи при выборѣ должностныхъ лицъ. Изъ приведенныхъ выше документовъ видно, что 1761 годъ былъ знаменательнымъ въ Запорожскомъ войскѣ тѣмъ, что Кошевый Атаманъ Григорій Федоровъ едва ли не первый началъ строго преслѣдовать самоволіе Запорожцевъ, искоренять между ними противные законамъ благоустроенныхъ обществъ поступки, — карая непослушныхъ доброму порядку и, что особенно замѣчательно, что Федоровъ въ помощь себѣ просилъ даже содѣйствія Гетмана присылкою въ Сѣчь вліятельныхъ офицеровъ, для внушенія еще и отъ высшей власти Запорожскому товариству держаться добрыхъ порядковъ, заведенныхъ Кошевымъ Атаманомъ съ его ближайшими помощниками Кошеваго Управленія. Дѣло объ этомъ предметѣ началось въ началѣ года, но тянулось до конца, по разнымъ Канцеляріямъ, и только въ Декабрѣ закончилось общей въ Кошѣ подпиской.

Между Кошевой войсковой Старшиною болѣе всѣхъ выдавался своей дѣятельностью въ пользу заведенія въ Запорожскомъ войскѣ добрыхъ новыхъ порядковъ, неоднократно бывшій представителемъ Запорожской депутаціи и при Гетманскомъ и при Высочайшемъ дворѣ Войсковый Писарь

Чегуевицъ, и на него то среди года обрушилось нападеніе недовольнаго Сѣчеваго товариства. Шумное собраніе Запорожцевъ на своевольной радѣ отстранило отъ должностей Войсковаго Писаря Чегуевца и Войсковаго Асаула Носаня, а отказавшіеся въ виду недовольства Сѣчеваго товариства сами отъ своего Уряда Кошевый Федоровъ и Судья Калнишевскій благоразумными куренными атаманами были упрошены остаться на своихъ мѣстахъ. Но среди благонамѣренныхъ куренныхъ представителей атаманы Платнировскаго и Шкуринскаго куреней Гардовый и Таранъ поднимали бунтъ и требовали смѣны съ должностей какъ Кошеваго, такъ и Судьи, за то, что по Высочайшему требованію и Гетманскому приказанію въ Кошѣ дана была подписка куренныхъ атамановъ, стариковъ и молодыхъ добросовѣстныхъ козаковъ (въ 1760 году), „подъ караніемъ горломъ и худобою", чтобы „при выборѣ старшинъ шумства и бунтствъ не слѣдовало", и чтобы искоренять всякое зло въ войскѣ Запорожскомъ. Эти буяны Гардовый и Таранъ, волнуя Сѣчевое товариство противу Кошевой власти, „называли другихъ атамановъ дураками, что обязательство круговое о содержаніи порядковъ и искорененіи зла всегдашнемъ дали и подписались, объявляя и подводъ, что добра де не будетъ, пока така строгость держатеметься".

По распоряженію Кошеваго Атамана бунтовавшихъ атамановъ куренныхъ Гардоваго и Тарана другіе добросовѣстные атаманы, выругавши, взяли изъ присутствія въ собраніи въ Пушкарню и, тамъ ихъ заковавши, опредѣлили поступить съ ними согласно круговой подпискѣ „яко зъ бунтовщиками", которые подлежатъ „смертному штрафу". Но Кошевый Атаманъ не рѣшился исполнить приговоръ Куренныхъ Атамановъ и произвести надъ противниками добраго порядка смертную казнь.

4 Іюля 1761 года Кошевый Атаманъ Федоровъ съ Войсковымъ Судьей Калнишевскимъ при секретномъ донесеніи Гетману, описавши все происшествіе, случившееся въ Кошѣ на общемъ собраніи Сѣчеваго товариства, представили въ Глуховъ бунтовавшихъ куренныхъ атамановъ Гардоваго и Тарана съ своимъ мнѣніемъ, чтобы этихъ преступниковъ, не лишая жизни, „бить Кіями въ Глуховѣ на мосту и въ вѣчную работу послать", чтобы они никогда не могли уже воротиться въ Запорожскую Сѣчь, какъ весьма вредные люди, бунтовавшіе въ собраніи и ходившіе по куренямъ для подговоровъ другихъ изъ товариства къ возмущенію,—чему уже нѣкоторые и слѣдовали. Объ уваженіи изложеннаго мнѣнія Кошевый съ Судьей особо еще просили письмомъ 5 Іюля Генеральнаго Войсковаго писаря, настаивая на томъ въ своей просьбѣ, чтобы названные возмутители не были возвращены въ Сѣчь и не подняли тамъ на бунтъ прочее сѣчевое товариство, при которомъ не только невозможно было удержать въ Сѣчи добрыхъ по-

рядковъ, но „и имъ правящимъ отъ замысловъ такихъ спасти своего живота уже трудно будетъ“.

На такое представленіе и просьбу отъ Гетмана послѣдовалъ отвѣтъ Кошевому Атаману 24 Іюля того же года, что, такъ какъ Высочайшею грамотою 19 Іюля 1753 года повелѣно въ Кошѣ Запорожскомъ Кошеваго Атамана и прочихъ старшинъ безъ особаго позволенія не перемѣнять подъ опасеніемъ Высочайшаго гнѣва и тяжкаго наказанія, то поэтому присланныхъ двухъ куренныхъ атамановъ Ивана Гардоваго и Корнѣя Тарана, возстававшихъ противу этого повелѣнія, за таковое самоволіе и продерзости онъ Гетманъ *лишилъ ихъ званія*. Эти разжалованные атаманы возвращены за конвоемъ въ Запорожскую Сѣчь, съ такимъ приказаніемъ: когда эти возмутители прибудутъ въ Сѣчь, то „собрать всѣхъ того войска Низоваго Запорожскаго Старшинъ, куренныхъ атамановъ и товариство и при собраніи всѣхъ онымъ бывшимъ атаманамъ Гардовому и Тарану объявить, что за вышеизображаемыя немалыя продерзости ихъ учинить имъ жесточайшее на тѣлѣ наказаніе и именія всего лишить хотя слѣдовалобъ, однакъ въ разсужденіи ихъ простоты, и что сей отъ нихъ первый случай послѣдовалъ, и отъ васъ никакихъ подозрѣній на нихъ не объявлено, и къ тому жъ и сами вы другихъ старшинъ безъ дозволенія нашего перемѣнили, отъ тогō слѣдуемаго имъ наказанія и лишенія имѣнія увольняемъ. А имѣете имъ Гардовому и Тарану зъ сего нашего ордера найкрѣпчайше подтвердить, чтобы они впредь таковыхъ самоволій и продерзостей, какъ выше прописано, отнюдь чинить ни подъ какимъ видомъ не дерзали и отъ того всячески воздерживались, въ чемъ и подпискою обовязать“.

Кошевый Атаманъ съ старшиною такимъ исходомъ дѣла съ атаманами Гардовымъ и Тараномъ были весьма недовольны и 15 Сентября того же 1761 г. писали Войсковому Генеральному Писарю, что хотя они съ тѣхъ бывшихъ атамановъ и взяли подписку, чтобы она впредь безчинства не дѣлали; но эти лица и теперь продолжаютъ возмущать другихъ противъ существующихъ порядковъ, и что если что, недобро учинится въ Запорожской Сѣчи, то чтобы имъ Кошевому и Старшинамъ не быть въ отвѣтѣ.

1762 годъ.

Дѣло № 24394. О присягѣ Запорожскаго войска Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ. По смерти Государя Императора Петра Ѳеодоровича въ Запорожскомъ Кошѣ отъ Кіевской Губерской Канцеляріи былъ полученъ манифестъ о восшествіи на престолъ Государыни Императрицы Елисаветы Петровны, который велѣно опубликовать всенародно, и учинить всѣмъ присягу оной Государинѣ.

Получивъ такой ордеръ, Кошевый атаманъ Григорій Федоровъ, собравъ духовный чинъ, пошелъ въ церковь и тамъ опубликовалъ сказанный манифестъ и привелъ къ присягѣ всю войсковую Старшину куренныхъ атамановъ и всѣхъ козаковъ, находившихся въ Сѣчи, съ которыми и самъ далъ присягу 19 января 1762 года; тѣ же Запорожцы, которые находились внѣ Сѣчи „въ отдаленности на степахъ, въ Кальміусѣ, Самарѣ и прочихъ мѣстахъ", приводились къ присягѣ тамъ въ церквахъ при особо посланныхъ отъ Коша нарочныхъ. Списки всѣмъ присягнувшимъ Кошевый Атаманъ 21 Января представилъ въ Кіевскую Губернскую Канцелярію.

Въ представленномъ спискѣ значатся принявшіе присягу: Войска Запорожскаго Низоваго Атаманъ Кошевый Григорій Федоровъ. Войсковый Судья Петръ Калнишевскій, Войсковый Писарь Иванъ Глоба, Войсковый Асаулъ Лукьянъ Ивановъ. Атаманы Куренные всѣхъ 38 куреней подписались. Войсковый Довбышъ Яковъ Соколовскій. Войсковый Пушкарь Савка Кронъ, Государственной Коллегіи иностранныхъ дѣлъ Переводчикъ Василій Рубанъ. Войска Запорожскаго Низоваго козаки: идутъ подписи ихъ по куренямъ отдѣльно. Сѣчевой церкви священнослужители: Кіево-Межигорскаго монастыря Іеромонахъ Владиміръ, Сѣчевой церкви начальникъ. Іеромонахъ Георгій. Уставникъ Іеромонахъ Леонидъ. Іеромонахъ Кларій. Іеромонахъ Іліодоръ. Іеромонахъ Товія. Іеродіаконъ Висаріонъ. Монахъ Антипа. Кіево-Софійскаго монастыря Іеромонахъ Деонисій, Іеродіаконъ Салофаилъ.

Войска Запорожскаго Войсковой Канцеляріи Канцеляристы. Всѣхъ ихъ подписалось 31 человѣкъ.

1765 годъ.

Дѣло № 22278. О перемѣнѣ въ Запорожскомъ войскѣ Кошевой Старшины. Въ теченіе 1762—1764 годовъ въ Запорожскомъ войскѣ происходили перемѣны Кошевой старшины и въ послѣднее время Кошевымъ атаманомъ былъ Филиппъ Федоровъ и войсковымъ Судьей Сухій. Но и эти кошевые правители на Собраніи въ Запорожской Сѣчи 1 Января 1765 года Войсковаго товариства заявили просьбу объ увольненіи ихъ отъ должности за старостію лѣтъ и слабостью здоровья, и по этой просьбѣ, искренней или обычной у Запорожцевъ, были уволены, а на мѣсто ихъ избраны по общему совѣту „предъ церковью Божіею въ присутствіи атамановъ, Стариковъ и честнаго товариства, при распущенномъ знамени и подлежащей церемоніи, со всякимъ почтеніемъ, безъ малѣйшаго шумства" Кошевымъ Атаманомъ бывшій прежде Войсковымъ Судьей Калнишевскій, а Войсковымъ Судьей Куренный Атаманъ Головко.

О чемъ вновь избранный Кошевый Калнишевскій донесъ Гетману 3 Января 1765 года.

Дѣло № 6165. О неисполненіи Запорожскимъ войскомъ Высочайшихъ повелѣній по предмету перемѣны Кошевыхъ Атамановъ и проч. войсковой старшины и пожалованной золотой медали Императрицей для ношенія Кошевыми Атаманами на шеѣ. „Сіятельнѣйшій Графъ, Высокородный, Высокопревосходительный Господинъ Генералъ-Аншефъ, Малороссійскій Генералъ Губернаторъ, Коллегіи Малороссійской Президентъ, Украинскаго и Малороссійскаго корпусовъ главный Командиръ и кавалеръ, Милостивый Государь нашъ.

Сего Февраля 4 и 6 числъ присланы въ Генеральную Войсковую Канцелярію отъ атамана Кошеваго Петра Калнишевскаго два рапорты, съ которыхъ 1-мъ представлено, что войска Запорожскаго Низоваго Атаманъ Кошевый Филиппъ Федоровъ, также Судья войсковой Мойсей Сухій, многажды предлагая войска Запорожскаго куреннымъ атаманамъ, старикамъ и всему честному товариству, что они по старости своей и слабости здоровья, при своей должности, по немало понесеннымъ при оныхъ трудамъ, далѣе не быть и себе допокоить желаютъ, и отъ оныхъ стужительно просили ихъ уволнить, почему де, когда по многому прошенію всѣхъ атамановъ стариковъ и товариства, атаманъ Кошевый и Судья войсковый быть при тѣхъ должностяхъ не согласились и уволены, а на мѣсто онаго Федорова по общему Совѣту прошедшаго Генваря 1, предъ церковью Божіею въ присутствіи всѣхъ атамановъ, стариковъ и честнаго товариства, при распущенномъ знамени и съ подлежащей церемоніей, съ подлежащимъ почтеніемъ и безъ малѣйшаго шумства онъ Калнишевскій къ проявленію и командованію войскомъ да въ войсковые Судьи Атаманъ куренный Павелъ Головко и Асауломъ атаманъ же Титаровскаго куреня Алексѣй Черный выбраны и опредѣлены и притомъ де въ церкви Божіей *Высочайше пожалованную войску Запорожскому для ношенія всегда Кошевымъ Атаманамъ на шеи золотую съ портретомъ медаль* оный бывшій Кошевый Атаманъ Филиппъ Федоровъ, снявъ съ себя, на его Атамана Кошеваго Калнишевскаго наложилъ. Писарь же де Войсковый Иванъ Глоба паки въ той должности (хотя многіе отказы чинилъ съ прошеніемъ уволненія) остался, и потому де онъ Калнишевскій съ старшиною главною Коша войска Запорожскаго Низоваго, принявъ правленіе, обовязывается всегда по вѣрности своей по тамошней пограничной высочайшій интересъ и всѣ добрые затвержденные въ войскѣ Запорожскомъ порядки безъ малѣйшаго каковаго упущенія хранить и о томъ всемъ несумнѣнное по.еленіе имѣть. 2-мъ Что оный Кошевый Атаманъ Калнишевскій для испрошенія по просьбамъ всего тамошнего войска Высочайшей резолюціи въ С.-Петербургъ къ Высочайшему Ея Императорскаго Величества Двору прошедшаго Генваря среднихъ числъ, по общему всего войска приговору отправляется, и по себѣ къ содержанію

Коша войска Запорожскаго Низоваго Правленія и пограничныхъ дѣлъ къ командованію при войскѣ Войсковаго Судью Павла Фролова Головка того оставилъ. А по справкѣ въ Генеральной Войсковой Канцеляріи явилось въ отправленной изъ Правительствующаго Сената прошлаго 763 г. отъ 18 Іюля Ея Императорскаго Величества къ войску Запорожскому съ посылкою для ношенія Кошевому атаману на шеи золотой медали съ портретомъ грамотѣ (которой копія при грамотѣ же къ Его Сіятельству Господину Генералъ Фельдмаршалу Сенатору и кавалеру Графу Кирилу Григорьевичу Разумовскому по бытности его Гетманомъ отъ Его Сіятельства при ордерѣ въ Генеральную и Войсковую Канцелярію прислана), между прочимъ написано: Для лучшаго управленія и содержанія въ добромъ порядкѣ Ея Императорскаго Величества вѣрноподданнаго войска Запорожскаго весьма способствовать можетъ, когда Атаманъ Кошевой и прочая старшина всего войска не часто перемѣняемы будутъ, какъ то напредъ сего бывало, и для того Всемилостивѣйше отъ Ея Императорскаго Величества соизволеніе объявлено дабы помянутый Кошевый атаманъ и Старшины безъ важныхъ причинъ и преступленія правъ и указовъ новыми перемѣняемы не были, и когда въ такой перемѣнѣ ихъ нужда, или потребность случится, тогда подлежитъ, избирая на ихъ мѣсто новыхъ, по прежнему обыкновенію представлять объ нихъ чрезъ Гетмана Малороссійскаго къ Ея Императорскаго Величества конфирмаціи. А прошедшаго жъ 764 г. Высочайшими Е. И. В. Правительствующаго Сената грамотами къ Его Сіятельству присланными (которыхъ копіи при ордерахъ Его Сіятельства въ Генеральную Войсковую Канцелярію присланы жъ), 1-го Генваря 30 состоявшеюсь, велѣно Его Сіятельству учинить отъ себя войску Запорожскому крѣпкое запрещеніе, чтобъ впредъ нарочныхъ за другими, кромѣ обыкновеннаго жалованья, войсковыми дѣлами отъ войска Запорожскаго въ присылкѣ туда не было, а писать, о чемъ потребно будетъ, по командѣ чрезъ Его Сіятельство въ Сенатъ по почтѣ или, съ присылаемыми туда за обыкновеннымъ тому войску жалованьемъ. Во исполненіе которой Ея Императорскаго Величества грамоты (тогдажъ какъ съ помянутаго Его Сіятельства ордера значитъ) въ Сѣчь Запорожскую Атаману Кошевому зъ старшиною и товариствомъ отъ Его Сіятельства накрѣпко предложено, чтобъ впредь нарочныхъ за другими, кромѣ обыкновеннаго жалованья, войсковыми дѣлами отъ Коша Запорожскаго непосылано, но въ чемъ надобность укажетъ, представленобъ прямо Его Сіятельству въ подлежащихъ обстоятельствахъ, почему отъ Его Сіятельства къ Ея Императорскому величеству и Правительствующій Сенатъ съ прошеніемъ Высочайшей резолюціи писано будетъ. 2-го По листу Его Сіятельства и по рапортамъ Господина Генералъ Аншефа Кіевскаго Генералъ Губернатора и кавалера Глѣбова о выборѣ вновь въ войскѣ Запо-

рожскомъ Низовомъ атамана Кошевого и старшинъ войсковыхъ, Апрѣля 19 состоявшемусь, велѣножъ по командѣ надъ тѣмъ войскомъ о новомъ Кошевомъ и Старшинахъ истребовать подлежащаго извѣстія, чего ради тотъ выборъ учиненъ въ противность Высочайшей Ея Императорскаго Величества посланныхъ въ оное Запорожское войско отъ 18 Іюля 763 года грамоты, и, получа тотъ отвѣтъ, донесть Ея Императорскому Величеству и войску Запорожскому подтвердить, дабы въ такой перемѣнѣ и выборѣ Кошеваго и старшинъ поступали такъ, какъ вышеобъясненною Высочайшею грамотою повелѣно непремѣнно, по которой грамотѣ отъ Его Сіятельства въ войско Запорожское Низовое къ Атаману Кошевому съ Старшиною и товариствомъ о присылахъ къ Его Сіятельству повелѣннаго отвѣту и о протчемъ къ непремѣнному исполненію ордеръ посланъ, и на то отъ Кошеваго Низоваго войска Запорожскаго Филиппа Федорова съ войсковою Старшиною Куренными атаманами и войскомъ, присланнымъ на имя Его Сіятельства рапортомъ представлено, что въ войскѣ Запорожскомъ того 1764 года Генваря въ 1 день учиненъ выборъ по усильному домогательству отъ бывшаго Атаманомъ Кошевымъ Григорія Федорова зъ Старшиною, по старости и крайней въ его здоровьѣ слабости и по немалымъ болѣзнямъ къ немужъ, за таковыми нуждами, и крайнему изнеможенію и по многопонесеннымъ при правленіи трудамъ, и дабы де въ войскѣ Запорожскомъ по тамошней пограничности въ правленіи остановки и въ интересныхъ дѣлахъ по тогдашнимъ заграничнымъ обстоятельствамъ медлительности не послѣдовало, на мѣсто онаго Григорія Федорова въ Кошевые Атаманы отъ всѣхъ старшинъ, стариковъ и атамановъ избрано его Филиппа Федорова. О чемъ отъ него какъ и выше значитъ къ Его Сіятельству чрезъ Генеральную Канцелярію рапортовано, дабы де впредь въ такой перемѣнѣ и выборѣ Кошеваго и Старшинъ въ войскѣ Запорожскомъ поступано было такъ какъ вышеизображенною Высочайшею Е. И. В. присланною въ войско Запорожское грамотою повелѣно о томъ ордеръ Его Сіятельства, состоявшійся въ силѣ Е. И. В. грамоты общему собранію объявливанъ, и довольно внушанъ, и по оному Кошъ войска Запорожскаго Низоваго всегда исполненіе чинить долженствуетъ, который рапортъ въ оригинали тогожъ 764 г. Іюня отъ 13 отъ Генеральной Канцеляріи при особливомъ рапортѣ къ Его Сіятельству присланъ. Но какъ нынѣшняя перемѣна Кошеваго Атамана и Старшинъ произошли не въ силѣ вышеизображенныхъ указовъ и повелѣній, для того о семъ подъ благоразсмотрѣніе Вашему Сіятельству представляемъ не соизволеноль будетъ отъ Вашего Сіятельства, куда подлежитъ о томъ взнесть. Нынѣшнемужъ Атаману Кошевому Калнишевскому ежели онъ въ Генеральной Канцеляріи къ отъѣзду себѣ въ Петербургъ будетъ просить паспортъ предтверждено будетъ явиться у Вашего Сіятель-

ства ко испрошенію къ этому дозволенія. Впрочемъ прибываемъ съ должнѣйшимъ почтеніемъ Вашего Сіятельства Милостиваго Господина нашего покорнѣйшіе слуги, Семенъ Кочубей, Василій Туманскій, Данило Апостолъ". 1765 г. Февраля 12 Глуховъ № 5251.

По этому представленію Президентъ сдѣлалъ въ Правительствующій Сенатъ доношеніе, а въ Запорожскій Кошъ послалъ слѣдующій ордеръ:

„Ея Императорскаго Величества Самодержицы Всероссійской всемилостивѣйшей нашей Государыни отъ Арміи генералъ Аншефъ, Малороссійскій Генералъ Губернаторъ, Президентъ малороссійской Коллегіи украинскихъ и малороссійскихъ корпусовъ главный Командиръ обоихъ россійскихъ орденовъ и Св. Анны кавалеръ, я ниже сего подписавшійся, войска Запорожскаго Низоваго войсковымъ и куреннымъ Старшинамъ и всѣмъ, до кого сіе надлежитъ, предлагаю, что Ея Императорское Величество по всеподданнѣйшей моей реляціи о выборѣ войскомъ Запорожскимъ Низовымъ на мѣсто отрѣшеннаго атамана Григорія Федорова Филиппа Федорова, а потомъ Петра Калнишевскаго, такожъ и прочей старшины войсковой, всемилостивѣйше повелѣть соизволила, какъ уже отправленною отъ Ея Императорскаго Величества грамотою войску Запорожскому всевысочайше велѣно Кошеваго Атамана и Старшину Войсковую безъ важныхъ причинъ и преступленія правъ и указовъ Е. И. В. новыми не перемѣнять, когда же въ таковой перемѣнѣ ихъ нужда или потребность случиться, тогда, избирая на ихъ мѣсто новыхъ, по прежнихъ обыкновеніямъ, представлять объ нихъ чрезъ бывшаго тогда Гетмана малороссійскаго къ Е. И. В. конфирмаціи.

По всемилостивѣйшемужъ увольненію бывшаго Гетмана Малороссіи Е. И. В. всевысочайше учредить соизволила малороссійскую Коллегію, а меня всемилостивѣйше пожаловала какъ той Коллегіи Президентомъ, такъ и Генераломъ Губернаторомъ всей Малороссіи, препоруча и дѣла Запорожскаго войска той Коллегіи въ вѣдомство, почему и подлежало бы войску Запорожскому, хотя бы оные Атаманы и прочая Старшина войсковая и просили о смѣнѣ оныхъ, не отрѣшали, сдѣлать выборъ и по выборѣ, не утверждая вновь избранныхъ достоинствъ, представлять чрезъ Малороссійскую Коллегію Е. И. В., а когда бы то Ея Императорскимъ Величествомъ конфирмовано было, тогдабъ какъ стараго отрѣшить, такъ и вновь избраннаго принадлежащей церемоніей утвердить слѣдовало, и какъ по благополучномъ и всерадостномъ возшествіи Е. И. В. на всероссійскій Императорскій престолъ, Е. И. В. всемилостивѣйше конфирмованъ кошевымъ атаманомъ предпомянутый Григорій Федоровъ, и потому всемилостивѣйше повелѣть соизволила, что впредь до указу въ войскѣ Запорожскомъ Низовомъ Кошевымъ атаманомъ по прежнему оному Григорію Федорову, равно и всѣмъ старшинамъ тѣмъ, кои тогда Е. И. В. всемилостивѣйше утверждены, и какъ

отправленнаго теперь отъ войска Запорожскаго, вновь избраннаго Атамана Петра Калнишевскаго ко всевысочайшему двору Ея Величества для испрошенія резолюціи всѣ представленія выслушаны будутъ, тогда и дальнѣйшее Императорское повелѣніе по сему происшествію возслѣдовать имѣетъ, и войска Запорожскаго Низоваго кошевая и куренная старшина и все, до кого сіе надлежитъ, имѣетъ учиниться непремѣнное исполненіе по оному Е. И. В. указу, и что сдѣлано будетъ, меня не медленно увѣдомить. Въ Москвѣ Марта 16 дня 1765 года“.

1766 годъ.

Дѣло № 1840. Секретное извѣстіе о Крымскихъ дѣлахъ. Запорожскаго Низоваго войска войсковый Судья Павелъ Головатый секретно доносилъ Малороссійской Коллегіи 18 Апрѣля 1766 года, что посылавшійся для развѣдокъ въ Крымъ казакъ куреня Шкуринскаго Степанъ Панчошинъ, находясь въ Едичкульской ордѣ, былъ у кочующаго на вершинѣ р. Бѣлозерки ауломъ мурзы Мустафы, слышалъ, что Едисанскіе татары, кочевавшіе за р. Бугомъ, имѣли намѣреніе выйдти съ подъ владѣнія Крымскаго Хана въ Венгрію, потому что Ханъ по приказу Порты заставляетъ ихъ сдѣлать удовлетвореніе Волохамъ за учиненное имъ бывшимъ преже Крымскимъ Ханомъ Крымъ-Гиреемъ разореніе въ 758 г. Въ чемъ татары Хану противятся. За это Ханъ, потребовавши къ себѣ 20 ногайскихъ мурзъ, приказалъ ихъ удавить.

Венгерское правительство обѣщало дать Едисанскимъ татарамъ подъ кочевье земли.

1772 годъ.

Дѣло № 30466. Письма Кіевскаго митрополита Гавріила графу Румянцеву о разрѣшеніи строить въ селеніяхъ войска Запорожскаго церкви и кладбища. „Высокосіятельный графъ, мой особливѣйшій милостивецъ и благодѣтель. Войска Запорожскаго Кошевый Атаманъ Петръ Калнишевскій съ своими старшинами и товариствомъ и тамошнимъ духовнымъ правленіемъ просили у меня въ прошедшемъ Апрѣлѣ текущаго года благословеніе на построеніе четырехъ церквей въ ихъ жилищахъ, гдѣ еще оныхъ не бывало. Я за силу Синодальняго указу, недозволяющаго безъ доклада Синоду вновь строить церквей, гдѣ не бывало, о прошеніи ихъ козаковъ представлялъ и на то получилъ резолюцію, дозволить имъ церкви оныя и впредь просимыя строить, только по сношенію съ свѣцкимъ правительствомъ, гдѣ оные Запорожцы вѣдомы. Уповая, что никому посредственнѣе не подкомандны, какъ Вашему Сіятельству, смѣю съ моею покорностію утруждать Ваше Сіятельство и просить увѣдомленія, можноли мнѣ въ ихъ козачьихъ

жительствахъ дозволить нынѣ и впредь строеніе вновь церквей святыхъ, въ коихъ по моему мнѣнію окажется надобность. Начто ласковой и согласной моему мнѣнію отповѣди вашей, всеохотно ожидая, прибываю со вседолжнѣйшимъ моимъ почитаніемъ Вашего высокографскаго Сіятельства, моего особливѣйшаго милостивца и благодѣтеля Доброжелательный молитвенникъ и слуга покорный, смиренный Гавріилъ митрополитъ Кіевскій". Іюля 23 1772 года изъ Кіева.

Не получая отвѣта, митрополитъ Гавріилъ вторично просилъ графа Румянцева о томъ же письмомъ 20 Сентября 1772 года, но ни на то, ни на другое письмо отвѣтовъ Румянцева не имѣется.

Сего же 20 Сентября митрополитъ Гавріилъ обращался къ графу Румянцеву съ слѣдующимъ письмомъ:

„Присланнымъ въ Духовную Кіевскую Консисторію отъ духовнаго намѣстника Старокодацкаго правленія доношеніемъ представлено, что де по силѣ указовъ изъ Консисторіи, въ томъ правленіи полученныхъ, ассигновать особыхъ кладбищъ для погребенія мертвыхъ тѣлъ самому Правленію, безъ отводу отъ Коша войска Запорожскаго Низового не можно. А хотя де отъ онаго Коша требовано по указамъ де исполненія, токмо де резолюціи долго не было, а потомъ де изъ показаннаго Коша въ означенное Духовное Правленіе предписано, по елику де въ сихъ мѣстахъ вольностей войска Запорожскихъ стѣсненныхъ большихъ городовъ нѣтъ, и народныя строенія архитектурою не стѣснены, но обыкновенно степныя поселенія, а гдѣ де приходскіе церкви и чаще около оныхъ жилье, туда де въ разсужденіи тѣхъ поселеній вокругъ церквей достаточная часть свободной земли, церковнымъ митыремъ называемая, опредѣлена, и въ оныхъ мѣстахъ заборомъ отъ другихъ по нуждѣ лѣса частоколомъ ограждена, а гдѣ де рѣже, да и по обѣимъ сторонамъ рѣчки строенія, такъ де обыкновенно не внутри, но внѣ народныхъ жиловъ, на выгонныхъ земляхъ погребаются, слѣдственно, де и отводъ земли одномѣстно по такимъ малымъ и рѣдкимъ строеніямъ ненуженъ, ибо де хотябъ и отводъ учинить, то де по разлитіи, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и по вскрытіи зимой воды переправливать мертвыя тѣла, по неимѣнію мостовъ и гатей, по причинѣ степныхъ и безлюдныхъ мѣстъ, съ одной на другую сторону рѣчки, мнится де не прилично. По коимъ де всѣмъ резонамъ отъ того Коша тѣмъ же ордеромъ таковыя мертвыя тѣла безъ сооруженія кладбищенскихъ церквей и, не избирая другихъ мѣстъ, погребать на прежнихъ мѣстахъ повелѣвается. О коихъ обстоятельствахъ и Старокодацкое Духовное Правленіе согласно свидѣтельствуетъ и утверждаетъ. А какъ я уповаю, что Запорожскіе козаки никому непосредственнѣе не подкомандны, какъ Вашему Сіятельству, то я и почелъ за нужное представить о томъ на Ваше разсмотрѣніе и

учрежденіе и, съ покорностію моею прося о не оставленіи меня, какая на сіе отъ Вашего Сіятельства воспослѣдуетъ резолюція, безъ увѣдомленія. Прибываю и прибуду какъ нынѣ, такъ и навсегда совседолжнѣйшимъ и совсеусерднѣйшимъ моимъ почитаніемъ". Слѣдуетъ подпись.

Но и на это письмо отъ Графа Румянцева отвѣта не имѣется.

1773 годъ.

Дѣло № 5590. О разореніи Запорожцами жителей Изюмской провинціи, съ Елисаветградцами, и порученіи Генералу Воейкову произвести разслѣдованіе о территоріи войска Запорожскаго. Указъ Правительствующаго Сената Малороссійской Коллегіи, отъ 20 Августа 1773 г. № 446.

До Сената дошли жалобы 1) Что Запорожскій Полковникъ Гаража съ командою козаковъ наѣзжаетъ на Изюмскую провинцію Слободской губерніи и, считая тѣ земли Запорожскими, разоряетъ и опустошаетъ жителей, забираетъ къ себѣ помѣщичьихъ и войсковыхъ людей со всѣмъ ихъ имуществомъ и переселяетъ къ себѣ. 2) Что войско Запорожское дѣлаетъ тоже самое и съ жителями Елисаветградской провинціи. 3) Тоже войско Запорожское препятствуетъ въ отысканіи и привозѣ для строющейся Днѣпровской линіи зарытаго въ землѣ еще въ прежнія времена татарами жженаго кирпича, тесаннаго плитнаго камня и извести и дѣлаютъ другія препятствія воинскимъ командамъ.

По этому Сенатъ предписывалъ Малороссійской Коллегіи прекратить въ Запорожскомъ войскѣ объясненные выше безпорядки и наложить какъ на Гаражу, такъ и другихъ виновныхъ должное взысканіе, а также ожидать разсмотрѣнія происходящихъ споровъ за земли съ обоихъ сторонъ и имѣющаго послѣдовать по этому рѣшенія.

Изъ преморіи Военной Коллегіи Малороссійской Коллегіи 31 Января 1774 г. № 116, видно, что претензіямъ со стороны Запорожцевъ о правахъ ихъ на земли не предвидѣлось конца, что они, „ссылаясь на Высочайшія грамоты, оказываютъ величайшее неудовольствіе, что прибывающіе справницы, правители и другіе чиновники населяютъ ихъ земли своими деревнями, и что имъ легче бы было снести распространеніе селеній военныхъ людей, нежели партикулярныхъ".

Поэтому Военная Коллегія предложила генералу Воейкову разсмотрѣть жалобы Запорожцевъ, „а, если то въ самомъ дѣлѣ окажется, кѣмъ слѣдуетъ учинить строгое запрещеніе, чтобы никто отъ земель войска Запорожскаго ничемъ не занималъ, а буде оныя заняты, велѣть очистить и впредь войску Запорожскому никакихъ претѣсненій не чинить".

П. П. Короленко.

Пожеланія и проклятія.

(Преимущественно малорусскія).

Содержаніе.

Предисловіе. Пожеланія „добрыдень“; пожеланія, выраженныя въ малорусскихъ пѣсняхъ родинныхъ зажнивныхъ и рождественскихъ. Параллели изъ словесности польской, сербской, болгарской, румынской, новогреческой. Пожеланія доброй доли, чтобы „передъ душой стало“ и хозяйственныя. Проклятія у древнихъ евреевъ, грековъ, римлянъ и др. древнихъ народовъ. Договорныя клятвы руссовъ. Отношенія проклятія къ другимъ формамъ словесности. Ритуалъ. Клятвы съ ѣдой земли. О степени дѣйствительности проклятія. „Галатынъ“. Примѣры совпаденія малор. проклятій съ великорусскими, болгарскими, греческими и др. Проклятія „безъ дна и покрышки“, о первой пулѣ, о крикѣ вороновъ, о замкнутіи устъ и др. Распредѣленіе проклятій на общія зложеланія и частныя пожеланія смерти, болѣзней, лишенія зрѣнія, рѣчи и т. д. Обращенія къ силамъ природы. Миѳическіе и историческіе элементы. Зложеланіе, „чтобы лунь ухопыла“. Роль ката въ проклятіяхъ. „Стоять пидъ великими викнами“. Проклятія на дѣвицъ, на душу и загробную жизнь. Проклятія юмористическія. Мать въ проклятіяхъ. Значеніе родительскаго проклятія и главныя формы проявленія его въ народной словесности, въ пѣсняхъ, сказкахъ о превращеніяхъ и др. Формальное значеніе родительскаго проклятія (наряду съ значеніемъ бытовымъ). Проклятія въ думахъ-матери, жены, козаковъ. Заклятые клады. Юридическія проклятія въ „духовницахъ“, дарственныхъ записяхъ и т. д. Старинныя церковныя проклятія въ Малороссіи. Сходные народные обычаи въ Грузіи и въ Великороссіи.

Предисловіе.

Благожеланія и проклятія представляютъ много интереснаго для историковъ быта, литературы, культуры, вообще для уясненія народной психологіи. Матеріалъ обширный, но весьма разбросанный и почти совсѣмъ не изслѣдованный. Благожеланій касался А. А. Потебня въ той мѣрѣ, насколько они входятъ въ малорусскія колядки. О проклятіяхъ мнѣ извѣстна лишь одна небольшая статья Лазо (Lasaulx) на нѣм. яз.; но здѣсь рѣчь идетъ лишь о проклятіяхъ классическихъ народовъ (ἀρα, devotio. dirae precationes и др.). Благожеланія и проклятія проникли во многія литературныя произведенія, вообще захватили большой кругъ литературныхъ и бытовыхъ явленій. Пожеланія порождены въ минуты свѣтлаго настроенія зложелательства вылились изъ раздраженія, въ моменты приподнятаго психическаго настроенія. Оттого въ проклятіяхъ, при всей ихъ краткости,

много соли и горечи. Цивилизованные народы на длинномъ и тернистомъ пути своей жизни испытали много разныхъ бѣдствій. Древній человѣкъ въ своемъ личномъ опытѣ и въ опытѣ другихъ имѣлъ болѣе матеріала для выбора проклятій, чѣмъ для выбора пожеланій. Выработанныя литературныя формы пожеланій и проклятій мѣстами клонятся къ упадку, мѣстами совсѣмъ исчезли, подъ вліяніемъ новыхъ культурныхъ условій. О проклятіяхъ, разумѣется, никто не пожалѣетъ. Другое дѣло „благословія". Тутъ много цѣннаго въ гуманистическомъ смыслѣ. Забвеніе „благословій" серьезная утрата, тѣмъ болѣе что нельзя разсчитывать на скорое восполненіе пробѣла благотворными вліяніями лучшихъ произведеній передовыхъ писателей художниковъ.

1.

Благожеланія.

Во всѣхъ странахъ лучшіе люди дорожили благожеланіями и старались закрѣпить и утвердить ихъ въ обыденной жизни. Въ основу всегда клалось какое нибудь одно, краткое, сильное и наиболѣе популярное пожеланіе, чаще всего пожеланіе: Vale, salve, добрыдень, будь здоровъ! Еще Владиміръ Мономахъ наставлялъ: „человѣка не минѣте, ни привѣчавше; добро слово ему дадите". И этотъ завѣтъ прочно держался въ Южной Руси и нынѣ еще хранится въ селахъ, не испорченныхъ городскими и фабричными вліяніями. Нарушеніе его въ старой Малороссіи считалось большимъ грѣхомъ, какъ видно изъ думы про Алексѣя Поповича. Буря разыгралась на морѣ, потому, между прочимъ, что Алексѣй Поповичъ

Мимо царськои громады пробигавъ,
За своей гордощей шляпы не здыймавъ
На день добрый не дававъ (*Ант. и Драг.* I. 180).

Малорусскія формы благожеланій отмѣчены въ пѣсняхъ родинныхъ, свадебныхъ, рождественскихъ, зажнивныхъ. Не претендуя на исчерпывающую полноту, отмѣтимъ нѣсколько традиціонныхъ формулъ украинскаго доброжелательства, и для уясненія послѣдняго такъ, сказать по дорогѣ, захватимъ сербскія и болгарскія благословія.

Уже при родахъ бабка иногда приговариваетъ: „Ой, опростай, Боже, мою унученьку, іі душечку та роженную, другу душечку та суженную".
(*Чуб.* III 7.).

На крестинахъ приговариваютъ, обращаясь къ ребенку: „Нехай тебе Богъ благословыть и поможе тоби вiйты въ христіанскую виру; дай Боже, щобъ ты росло велике та щаслыве було". По адресу матери говорятъ „Приведы, Боже и породиллю до першого здоровья, дай Боже, щобъ вона его охрестыла и до розуму довела и на весильи погуляла". (*Чуб.* III 9).

Въ дѣтской колыбельной пѣснѣ высказываются пожеланія, чтобы „ристочки у кисточки, соньки-дримки въ виченьки, розумъ добрый въ головоньку“, чтобы дитя росло, не болѣло, чтобы оно служило утѣшеніемъ для матери и для всей родыноньки.

Въ свадебныхъ пѣсняхъ „присудыла Божа Маты не великимъ посачемъ, а счатьемъ—здоровьенкомъ“ (*Чуб.* IV 161). Пожеланія въ свадебныхъ пѣсняхъ выражаются во многихъ мелкихъ, еле уловимыхъ чертахъ.

Въ „Огородкѣ“ Радивиловскаго (1676 г.) отмѣчены два любопытныхъ пожеланія при посѣвѣ хлѣбнаго зерна: „бѣдный ролникъ, гды сѣетъ, кидаетъ сѣмена и на долю убогихъ, мовячи, „сходы Боже, и для убогихъ“; въ другомъ мѣстѣ: „засѣявши господарь ниву звыклъ такъ кончити-зроды, Боже, для всѣхъ“ (*Марковскій*, Ант. Радивиловскій, стр. 65).

Въ зажнивныхъ пѣсняхъ разбросаны пожеланія здоровья, урожая и всякаго благополучія и хозяевамъ поля, и жницамъ:

Судивъ намъ Богъ дожаты
Суди, Боже, и пожиты
Миромъ въ покою,
Въ доброму здоровью

(*Чубин.* III 230).

Обычныя въ зажнивныхъ пѣсняхъ величанья хозяина, хозяйки и поля служатъ своего рода пожеланіями, чтобы и впредь такъ было.

А мы жито дожали,
Щобъ ще за рокъ дождали.
Килько на неби зирочокъ,
Тилько въ поли копочокъ.

(*Чуб.* III 246).

Гораздо богаче пожеланіями колядки, малорусскія и въ особенности болгарскія. Цѣль колядокъ „домъ звеселиты“. Въ основѣ колядокъ лежитъ пожеланіе въ связи съ величаньемъ, т. е. съ возведеніемъ лица, къ коему обращена пѣсня къ идеальнымъ положеніямъ: къ значенію міровому, къ высокому общественному положенію, къ блеску богатства, мудрости, благочестія, удали, красоты... „На всѣхъ ступеняхъ развитія, говоритъ А. А. Потебня, потребность счастья, блеска, могущества требуетъ удовлетворенія хоть въ мечтѣ. Тѣмъ болѣе способно на время утолить эту жажду нѣчто столь объективное, какъ пѣсня. Даже нынѣшній культурный человѣкъ не могъ-бы подавить свѣтлой улыбки, если-бы ему и о немъ спѣли:

На коня садится, подъ нимъ конь бодрится;
Ой по лугу ѣдетъ—лугъ зеленѣетъ;

но несравненно важнѣе значеніе величальной пѣсни для людей прежнихъ. Чѣмъ далѣе въ старину, тѣмъ обычнѣе и крѣпче вѣра въ способность слова однимъ своимъ появленіемъ производить то, что имъ означено. На такой вѣрѣ основаны всѣ поздравленія и проклятія. Они и донынѣ держатся не только одною инерціею, но и самой этой вѣрой“... Указавъ далѣе на различныя проявленія внесенія поэтическаго образа въ объясняемое

и на важное значенiе въ жизни и въ поэзiи заключенiя по почину, т. е. наклонности человѣка настоящее, какъ начало ряда событiй, считать образомъ будущаго, А. А. Потебня замѣчаетъ, что обрядныя величанья пережили время господства миѳическаго мышленiя, сохранивъ лишь ту практичность, которая составляетъ неотъемлемое свойство поэзiи. „Вѣра въ непосредственную силу слова, какъ явленiе господствующее, могла остаться далеко позади, и тѣмъ не менѣе колядка могла остаться при практическомъ значенiи другаго рода, какъ пожеланiе, какъ попытка водворить „въ человѣцѣхъ благоволенiе". Отсюда естественно вытекаетъ, что колядки изображаютъ свѣтлую, желанную сторону жизни, и колядники—„гости любыи, угодные". (Объясн. малор. и срод. пѣсенъ II, 59).

Потебня подробно разобралъ колядочный мотивъ сказыванiя радости. Въ однѣхъ колядкахъ мотивъ этотъ изложенъ ясно и опредѣленно, въ другихъ онъ затемнился; обращенiя „чи чуешъ", „встань гори" и проч. потеряли связь съ дальнѣйшимъ содержанiемъ колядокъ и стали припѣвомъ, какъ-бы формальнымъ опредѣленiемъ категорiи этихъ пѣсенъ. Часто встрѣчающееся въ началѣ болгарскихъ пѣсенъ выраженiе „Станенине" происходитъ изъ „въ(з)стани нынѣ". Господаря будитъ „ластивка", „зозуля", соловей", мѣстами „зоря (утренняя звѣзда) зоветъ, сказываетъ вѣсть, радость", въ зависимости и въ связи съ народно-поэтическими представленiями мѣсяца и звѣзды денницы, ихъ видимой близости и видимаго удаленiя, какъ любовнаго свиданiя и брака, ссоры и разлуки. Часто встрѣчается такой мотивъ „Три радости. Богъ, царь или панъ зовутъ, дарятъ"; этотъ мотивъ проявляется въ колядкахъ, волочебныхъ пѣсняхъ и свадебныхъ величаньяхъ. Въ связи съ предъидущимъ мотивомъ стоитъ мотивъ „Богъ оретъ, святые помогаютъ"; въ результатѣ урожай, сборъ хлѣба; въ концѣ главы приведены нѣкоторыя относящiяся сюда апокриѳическiя сказанiя.

Благожелательное символическое значенiе имѣетъ „сѣянiе, вѣянiе золота, серебра". Самый образъ „засѣванiя золотомъ" имѣетъ прямое отношенiе къ урожаю. Столь же благожелательное значенiе имѣютъ колядочные мотивы: Господь обходитъ дворъ величаемаго, считаетъ скотъ, мѣряетъ деньги", „Господь со святыми или святые обходятъ хозяйское поле". „Господарь готовится встрѣчать, угощать гостей, колядниковъ, Бога или святыхъ".

Обрисовка желаемаго богатства и довольства выражается въ колядкахъ и щедривкахъ обыкновенно въ той формѣ, что Господь ходитъ „по обори и лагодыть волы по три плуги, бычки—третячки та й по чотыри; ходыть по стаенци и лагодыть кони на три бороны, лошаки—стрижаки та й по чотыри; ходыть по току, та й все лагодыть, кладе стижкы та й въ три рядки, яру пшеницю та по чотыри; ходыть по пасици, та й все лагодыть пчолки на три ряды" и т. д. (*Чуб.*, т. III, стр. 347). Во многихъ

колядкахъ и щедривкахъ разрабатываются отдѣльные мотивы этихъ пожеланій—о хорошемъ урожаѣ хлѣба, приплодѣ скота и т. д. Прекрасныя въ художественномъ отношеніи колядки этого рода напечатаны въ общеизвѣстныхъ сборникахъ Чубинскаго и Головацкаго. Обыкновенное окончаніе колядокъ, обращенныхъ къ земледѣльцамъ:

Бувай же здоровъ
Пане господару, съ дитьми, съ женою....
Дай же ты, Боже, чого жадаешъ!
Щастячка на дворъ на худобочку,
Здоровля въ сей домъ на челядочку....
Даруе тоби Господь три доли въ поли:
Першая доля—щастя, здоровля,
Другая доля—волы, коровы,
Третья доля—жито, пшеныци,
Усяка пашныця (*Чуб.* III 421 и др.)

Пасѣчникамъ поютъ такую прекрасную колядку съ пожеланіями:

Шумить, гуде, дубровою йде...
Пчолонька-мати пчолоньку веде:
Пчолоньки мои, дитоньки мои,
Ой дежъ мы будемъ при саду мати
Рои роити и меды носити?
Будемо мы при саду рои роити
И меды носити у пана-господаря,
У ёго бортяхъ и въ его новыцяхъ:
Медокъ солодокъ пану-господару,
Жовтые воски Богу на свичу.
За симъ же словомъ да бувай здоровъ. (*Чуб.*, т. III, стр. 392.).

Возьмемъ еще слѣдующую превосходную колядку въ честь домохозяина и въ особенности его жены:

У нашого пана хороша пани;
Богъ ёму давъ славную жену въ ёго дому!
По двору ходыть, якъ мисяць сходыть;
По синцяхъ ходыть, якъ зоря сходыть.
Садыла сынки въ чотыри рядки,
Садыла дочки въ три рядочки.
Сыночки зросли—у школу пишлы,
А дочки зросли—у швачки пишлы,
Сыночки идуть—книжечки несуть,
А донечки идуть—хусточки несуть:

Книжечки на стилъ, батеньку до нигъ,
А донечки хусточки на пилъ, матюнци до нигъ.
(*Чуб.* т. III, стр. 404.)

Въ колядкѣ нарисована симпатичная картинка крестьянской семейной жизни: домохозяйка—хорошая жена, хорошая мать; сыновья грамотны; дочки—мастерицы шить; дѣти признательны, благодарны родителямъ и чествуютъ ихъ въ великій день праздника Рождества Христова. О самомъ домохозяинѣ въ колядкѣ не говорится; достаточно, что у него такая хорошая жена, такія благовоспитанныя дѣти. Похвала сыну выражается въ указаніи, что онъ собирается жениться, „коня строитъ," чтобы привести отцу хорошую „невѣстку" не изъ тѣхъ дивчатъ, что „танокъ водятъ", а изъ тѣхъ, что на „хорошей нивѣ", за которыми „снопки густыи" (*Чуб.* III т. стр. 416, 464) Похвала дочери въ словахъ: „до церкви йшла, якъ зоря зійшла, а зъ церкви йшла красною панною": паны се встрѣчаютъ, шапки знимаютъ". (*Чуб.* т. III стр. 395.)

Подобнаго рода пожеланія встрѣчаются въ польскихъ пѣсняхъ, въ которыхъ также

A za onym płužkiem
Sam Pan Jezus chodzi,
Najsviètsza Panienka
Sniadanko nosila:
A daj tu, Boze,
Wszelake zboze и т. д.

Сербскія пожеланія по содержанію и выраженію сходны съ малорусскими, напр., македонскіе сербы на праздникѣ „славы" поютъ:

У чиjе се здравлье вино пiје,
Све ту здраво и весело било!
Родила му се пшеница и вино!
А по кути сва мушка дечица,
И по трлу сва близни jаганьца
И у брдо виновна лозица
И по польу классата пшеница....
Дамакине! добро смо ти дошли.
Добри гости у добри те нашли...

Иванъ имя, коледо, добри гости, коледо
Добре гости, „ Русалиjе, ко,
Добре су му „ глас донели „
Овце му се „ избагньиле
Све jаганьци „ калушасти „
Козе му се „ искозиле „
Краве му се „ истелиле „
Кобиле му се „ иждребиле „ и т. д.

Ястребовъ, Пѣсни тур. сербовъ 13—32.

Болгарскія пожеланія, или, какъ они называются у болгаръ, „благословіи“, входятъ въ колядныя пѣсни, въ величальныя („слави“) и въ лазарицы“. „Благословій“ огромное количество; они разсѣяны по сборникамъ Миладиновыхъ, Качановскаго, Иліева; особенно много собрано ихъ въ вышедшихъ въ печати 12 томахъ Сборника за нар. умотв. Благословія и славы захватили многіе пѣсенные мотивы изъ другихъ народно-поэтическихъ областей, эпоса, апокрифическихъ сказаній, балладъ, лирическихъ семейныхъ пѣсенъ. Благословія различаются по тому, къ кому они обращены; поютъ благословія „на орачъ“, „на овчарь“, „на козарь“, „на конярь“, „на механджія“ (кабатчику), на кошаритѣ“ (пчеловодамъ), „на скорожененъ мужъ“, „на невѣста“, „на младоженецъ первецъ“ (въ первый годъ женитьбы), „на домакиня, която рожда“, даже „на близнета“, „на гайдаря“, —репертуаръ огромный. Болгарскія благословія и славы заслуживаютъ спеціальнаго изслѣдованія; мы ограничимся лишь указаніемъ наиболѣе характерныхъ мотивовъ въ параллель къ сходнымъ малорусскимъ.

Болгарскіе колядовщики въ концѣ пѣсенъ часто указываютъ на цѣль:

Доідохме у нашего домакина
Да го развеселимъ.

(*Сборн.* за нар. умотв. I, 7)

Од Бога ти много здравье,
Од нас малка веселбица

(*Сборн.* III, 3).

Въ одной колядкѣ высказывается пожеланіе, чтобы открылось небо и земля и снизошли дожди; сколько на небѣ звѣздъ, столько копенъ тебѣ (ошибочно—здоровья въ домѣ). (Сборн. II, 1). Приведемъ для сравненія съ малорусскими 2 или 3 болгарскихъ колядки съ благословіями, съ приложеніемъ перевода en regard.

На орачь	Хлѣборобу.
Станенине господине,	Станенине господине *)
Орачъ оре равно поле,	Пахарь пашетъ ровное поле
Воловци му два ангелье,	Вмѣсто воловъ у него 2 ангела,
Купралья му струкъ босильокъ.	Сохой у него стебель василька
Веседень оре, Бога моли,	Цѣлый день оретъ, Бога проситъ:
Дай ми, Боже, да се роди	Дай, Боже, чтобы уродилась
Се пченица се белиіа	Бѣлая пшеница
Да омесим Богу колак	Господу Богу на хлѣбъ...

*) Окаменѣвшій запѣвъ изъ встань нынѣ господине.

На скотовъдецъ.

Станенине господине,
Добри сме ти госкье дошли,
Доборъ сме ти гласъ донели,
Низъ хубава долна земьа.
Офци ти се изіагнили,
Се офчици ваклошатки,
И овнафци витторошци;
Кози ти се се искозили
Се козици виторошки
И порчевци іаргорошци;
Кравици се истелили,
Се кравици белобоски,
Се воловци еленчовци;
Кобилки се иждребили,
Се кобилки левогривки,
И коньовци патуньокци.
Станенине господине
Тебе пеіемъ, домакине.

Владѣльцу скота.

Г. с! хорошіе гости къ тебѣ пришли и добрую вѣсть принесли изъ далекой красивой земли. Овцы твои дали ягнятъ, курчавыхъ овечекъ и барашковъ съ завитыми рогами; козы окотились красивыми козочками и круторогими козликами; коровы отелились теличками съ бѣлыми дойками и бычками, похожими на оленей; кобылы дали жеребятъ, кобылицъ съ хорошей гривой и бѣлоногихъ жеребцовъ. Г. с. тебѣ поемъ панъ господарь!

Въ такомъ сложномъ развитіи у болгаръ выражается малорусская колядочная „худобочка“. Эта колядка идетъ и частями, если поютъ хозяину, имѣющему однѣхъ овецъ или однѣхъ козъ.

На кошаритѣ.

Станенине господине,
Лекомъ лети лева чела,
Лекомъ лети по росица,
По росица, по травица,
Та собира млогу благо,
Та доноси на ножица,
На ножица по жолтица,
На главица по паница.

Пчеловоду.

С. г! Легко летитъ пчела по росѣ и по травѣ, да собираетъ она много добра и да принесетъ его на ножкахъ, на ножкѣ по червонцу, на головкѣ по горшку (меда).

Семейныя благословія и славы съ величаньемъ домохозяина, домохозяйки, дѣтей ихъ также у болгаръ весьма разнообразны и обстоятельно развиты; нѣкоторыя благословія этого рода представляютъ большія пѣсни съ разными вставными эпизодами эпическаго, апокрифическаго или повѣствовательнаго происхожденія.

Въ драгоцѣнномъ изслѣдованіи *А. Н. Веселовскаго* о колядкахъ въ 32 т. Сборн. Акад. Н. приведено нѣсколько новогреческихъ и румынскихъ колядокъ съ пожеланіями и одна близкая къ нимъ по содержанію прован-

сальская пѣсня. Малор. колядочному: „да бувай здоровъ, не самъ собою, зъ отцемъ, зъ матерью, со всимъ родомъ“ отвѣчаетъ румынское: „да будетъ здравъ съ отцомъ и матерью, съ братьями и сестрами, и со всѣми нами въ этомъ году и на многія лѣта—fiemi sanetosu cu taica, cu maika, cu frati, cu surori, si cu noi su totii, l'anuli, la multi ani“ (271). Въ другой румынской колядкѣ высказывается пожеланіе: „да будутъ у насъ коровы молочны и лѣтомъ хлѣбъ; сколько камней въ колодцѣ, столько крынокъ сливокъ; сколько травы на межѣ, столько овецъ въ загонѣ; сколько стеблей въ метлѣ столько ребятъ въ постели“ и пр. (117. Подобно въ осетинской пѣснѣ: „да получитъ мальчика ваша хозяйка, да убьетъ оленя вашъ хозяинъ“ (440). Въ критской каландѣ находятся пожеланія о приплодѣ скота, близкія къ южнославянскимъ. Подобныя пожеланія обнаруживаются и въ провансальской пѣснѣ—tout bon ça y entre, fremes enfantan, cabres cabrian, fedes aneillan, prou bla et prou farine, de win un plene tine“ (117).

Въ греческихъ колядкахъ (въ томъ числѣ въ одной перевед. въ сб. Chodzko 1862) въ пожеланіяхъ встрѣчается интересный мотивъ о процвѣтаніи жезла (или палки св. Василія).

Религіозно-мистическій и миѳическій элементы скрываются въ благожеланіяхъ доли, сречи; такое значеніе ярко обнаруживается въ многочисленныхъ сказкахъ о томъ, какъ бѣднякъ разыскивалъ долю, и нашелъ ее спящей, въ видѣ лѣнивой и грязной женщины; пожеланія доли предполагаютъ другой болѣе благопріятный исходъ, въ родѣ того, какой выражается въ албанскомъ пожеланіи: „да пройдетъ здѣсь Ора и да исполнитъ все это“. Ора—миѳическое существо. Она странствуетъ по землѣ, прислушивается къ мольбамъ и проклятіямъ людей и тотчасъ исполняетъ ихъ, какъ скоро они дойдутъ до ея слуха (*Аѳан.* Поэт. воззр. I 428).

Оставляемъ въ сторонѣ многочисленныя и обычныя хозяйственныя пожеланія при посѣвѣ, на зажинкахъ, по окончаніи жатвы, при посадкѣ роя въ улей, при покупкѣ лошади или коровы, чтобы фруктовыя деревья приносили плоды, при посѣвѣ маку, при посадкѣ огурцовъ, капусты, моркови и т. д. Значительное число хозяйственныхъ пожеланій собрано въ „Малорусскихъ заклинаніяхъ“ П. С. Ефименка, стр. 42—58 и въ „Трудахъ“ Чубинскаго I 85.

Въ числѣ малорусскихъ благожеланій интересно по литературному происхожденію: „хай воно вамъ передъ душечкою стане“ (на томъ свѣтѣ). Пожеланіе это основано на сказаніяхъ того разряда, который былъ отчасти мной изслѣдованъ въ статьѣ о легендахъ о грѣшной матери (Кіев. Стар. 1893).

2.

Проклятія.

Проклятіе такъ же свойственно народамъ, какъ свойственна молитва, и можно сомнѣваться, чтобы существовалъ гдѣ либо народъ безъ молитвъ и проклятій. У народовъ культурныхъ проклятіе получило широкое приложеніе въ разнообразныхъ проявленіяхъ жизни частной, семейной, общественной. Ветхозавѣтныя книги полны проклятій. Іегова проклинаетъ змѣя, проклинаетъ Каина; патріархи проклинаютъ непослушныхъ сыновей. Уже на первыхъ страницахъ книги Бытія Іегова говоритъ Адаму: „проклята земля въ дѣлѣхъ твоихъ" (гл. 3). Въ концѣ 108 псалма: „да облекутся оболгающія мя въ срамоту, и одеждутся яко одеждою студомъ своимъ". Библейскія проклятія не проникли въ русскую народную словесность и не оказали на нее вліянія.

У классическихъ писателей также находится много разнообразныхъ проклятій, и многія изъ нихъ имѣли значеніе установленнаго закона. У грековъ подвергались проклятію измѣнники отечеству, убійцы и оскорбители родителей, кто не указывалъ слѣпому пути, кто высказывался за союзъ съ персами, кто оскверняль гробницы, нарушители договоровъ. Римляне проклинали враговъ государства и преступниковъ (devotio, dirae precationes) за нарушеніе границъ, за оскорбленіе родителей, за обманъ кліента: „patronus si ctrenti fraudem fecerit, sacer esti"; „qui terminum exarusset et ipsum et boves sacros esse" и мн.др. (*Lasautx*, Stud. d. klassisch. Alterth. 159—177, Trede III 229—232). Классическія проклятія не остались безъ вліянія на позднѣйшія славянскія церковныя и свѣтскія проклятія при заключеніи договоровъ.

Проклятія были въ ходу у древнихъ индусовъ и вошли въ Веды (*Липпертъ*, Ист. культ. 359), были въ ходу и у древнихъ скандинавскихъ народовъ, и вошли въ пѣсню о Гельги и Сигрунѣ и др. памятники, напр., въ такихъ выраженіяхъ: „пусть не двинется подъ тобою корабль", пусть стоитъ, какъ вкопанный, твой конь", „пусть мечъ твой обрушится на твою голову" (Эдда въ изд. Simrock'a).

Въ древней домонгольской Руси клятва и проклятіе были въ большомъ ходу. Договоръ Игоря съ греками (945 г.) былъ скрѣпленъ такими словими: „да не имуть (нарушители мира) помощи отъ Бога, ни отъ Перуна, да не ущитятся щиты своими и да посѣчены будутъ мечи своими, отъ стрѣлъ и отъ иного оружія своего да будутъ рабы въ сей вѣкъ и въ будущій". Въ договорѣ Святослава присяга (въ лѣтописи подъ 971 г.) выражена такъ: „да имѣемъ клятву отъ Бога.... и да будемъ золоти яко золото и своимъ оружьемъ да иссѣчены будемъ". Что въ эти древнія клятвы

вошелъ національно-славянскій элементъ, видно изъ того, что проклятіе мечомъ встрѣчается и въ малорусскомъ казацкомъ эпосѣ въ сходной формѣ (щобъ тя „ясни мечи порубалы“ въ думахъ про Ивася Коновченка) и въ болгарскихъ пѣсняхъ („що первна сабя махнула, тебе се, сынко, прѣсекла“); еще болѣе обычны въ проклятіяхъ болѣзни, причемъ подъ „залоти“, вѣроятно, разумѣлась желтуха, какъ это уже неоднократно высказывалось въ печати (напр., у Владимірова во „Введеніи“ 124). Пожеланіе рабства въ будущемъ вѣкѣ отвѣчаетъ древнимъ представленіямъ о загробной жизни, какъ продленіи жизни земной.

Любопытный намекъ на проклятія въ „Поученіи Владиміра Мономаха, „не дайте пакости дѣяти отрокамъ, ни своимъ, ни чужимъ, ни въ селахъ, ни въ житѣхъ, да не кляти васъ начнутъ“.

Въ формальномъ отношеніи проклятія стоятъ въ тѣсной связи съ другими явленіями народной словесности, съ примѣтами, клятвами, договорами, сказками и пѣснями. Относительно пѣсенъ проклятіе большей частью играетъ подчиненную и зависимую роль; оно вводится въ пѣсни, какъ общій пріемъ расширенія содержанія, иногда безъ тѣсной внутренней связи съ главной мыслью. Другое дѣло клятвы и договоры; съ ними проклятіе сливается органически; клятва—это то же проклятіе, но обращенное на субъекта, на говорящаго; многіе заговоры представляютъ расширенное проклятіе. Въ этомъ отношеніи особенно выдаются древніе классическіе наговоры-проклятія, собранныя въ книгѣ проф. *И. В. Помяловскаго* „Эпиграфическіе этюды“ (1873 г.) стр. 59. Что у современныхъ народовъ, въ частности у малоруссовъ, излагается въ сжатой формѣ одного сильнаго выраженія, въ 2—3 словахъ, въ классическихъ наговорахъ-проклятіяхъ развито обращеніями къ подземнымъ богамъ и повтореніемъ зложеланій. Такое расширеніе, свидѣтельствующее объ извѣстной искусственности и обдуманности, обусловлено было тѣмъ, что извѣстныя по свинцовымъ досчечкамъ наговоры прошли черезъ руки профессіональныхъ мастеровъ.

На идеѣ о силѣ проклятія, въ особенности родительскаго, построено много историческихъ преданій, легендъ и сказокъ, напр. легенды о Каинѣ (*Дикаревъ*, Этнограф. Збир. II 6), сказанія о провалившихся отъ проклятія городахъ (см. мою брошюру на эту тему), сказки о заклятыхъ покойникахъ, заклятыхъ кладахъ и др. По большой популярности проклятія вошли и въ пословицы, и даже въ анекдоты. Таковъ, напр., анекдотъ о вдовѣ, которая высказывала довольство своимъ вдовьимъ положеніемъ въ словахъ: „лягла не клята, встала не мьята“ (*Гринченко* Этн. матер, I 81).

Несомнѣнно, что проклятія часто были связываемы съ опредѣленными традиціонными обрядными дѣйствіями. Въ 1 пѣс. о сыновьяхъ Эдипа Ста-

ція (въ 1 в. по Р. Хр.) Эдипъ бьетъ руками землю и громко выкрикиваетъ проклятія, призывая подземныхъ боговъ и фурій (*Trede* III 232).

Макробій сообщаетъ, что римляне, произнося проклятія противъ враждебныхъ городовъ или армій, заканчивали проклятія словами Tellus mater teque Jupiter obsecro", причемъ заклинатель, произнося слово „мать Земля", прикасался руками къ землѣ, а при словѣ „Юпитеръ" воздѣвалъ руки къ небу (*Lasaulx*, 174).

У италіанцевъ и нынѣ существуетъ значительный ритуалъ проклятій. Проклинающій выбираетъ ночное время, зажигаетъ двѣ свѣчи и громко читаетъ 108 псаломъ, который, какъ извѣстно, заканчивается проклятіемъ Въ Калабріи мать, проклиная сына, распускаетъ волосы, рветъ на себѣ одежду, становится на колѣни, обращается къ востоку, бьетъ землю руками и выкрикиваетъ громко проклятія (*Trede*, D. Heidenthum in d. röm. Kirche III 229—232).

Обращаясь къ современнымъ малорусскимъ проклятіямъ, мы находимъ лишь словесныя формулы; но за ними, по крайней мѣрѣ за нѣкоторыми формулами, можетъ скрываться ритуалъ, опредѣленныя условія дѣйствія. Въ одномъ варіантѣ думы про Ивася Коновченка сохранилось любопытное указаніе на ритуалъ проклятія: Мать Коновченка

Слезьмы плакала, рыдала,
До небесъ руки пидіймала.
Свого сына Ивася проклинала... *)

Весьма замѣчательна клатва съ ѣдой земли. Въ сказкахъ волкъ „божится—клянется, землю ѣстъ". Въ одной смоленской сказкѣ жена въ подтвержденіе своихъ словъ съѣдаетъ комъ земли (*Владиміровъ*, Введеніе въ ист. р. слов. 150.). Въ малорусскихъ поговоркахъ: „ты землю ивъ—зарикався" (*Номисъ* 2247), „землю поидалабъ—колыбъ могла" (ib. 4850), „земли ззьимъ" (ib. 6747).

Какъ малоруссы смотрятъ на клятву? За исключеніемъ немногихъ случаевъ, когда проклятію придаютъ дѣйствительно весьма важное значеніе (напр. материнскому), у малоруссовъ, повидимому, уже выработалась и окрѣпла мысль о формальномъ значеніи проклятія. На существованіе убѣжденія въ недѣйствительности проклятія указываетъ во первыхъ такое ограниченіе его значенія, какое выражается въ пословицахъ „жиноцька клятьба дурно иде—якъ мимо сухе дерево витеръ гуде", „дурна клятьба объ стину головою", „Богъ не дытына, щобъ дурнивъ слухаты", „Богъ не дытына слухаты дурного галатына", „Якъ бы Богъ слухавъ пастуха, то бъ уся череда выгынула", такъ какъ пастухъ всегда говоритъ „а щобъ тебе, а бодай тебе!

*) Встрѣчается и болѣе общій мотивъ: „тогда старенька жена ударится объ полы руками", (*Костомаровъ* Ист. казач. въ пѣс. 55).

(*Номисъ*, Приказки, №№ 4120—4125). Сходное представленіе выразилось въ польской пословицѣ „gdy komu Bóg blagoslawi, przeklenstwi tam nic nie sprawi“ (*Adalberg*, Księga przyslów, 33).

Что значить *галатынъ*? Слово темное. Галати, галатенъ, галатска встрѣчается въ болгарскихъ пѣсняхъ. Проф. *М. С. Дриновъ* въ рец. на болгарскій словарь Дювернуа, гдѣ слово это истолковано ошибочно, приводитъ такое весьма вѣроятное его объясненіе. Названіе галловъ у позднѣйшихъ грековъ (Γαλάτης) употреблялось въ значеніи колдуна, волхва и т. п. Съ такимъ значеніемъ это слово очень рано путемъ книжнымъ проникло къ болгарамъ. Въ одной старинной рукописи: „вь послѣднѣ лѣта вьстануть магесницы, обаяницы... галате...“ Слово галатинъ, по объясненію М. С. Дринова, означаетъ околдованный. Нужно думать, что такимъ книжнымъ путемъ это слово въ старое время проникло и въ Малороссію; но здѣсь съ нимъ, повидимому, связывалось нѣсколько иное представленіе о придурковатомъ великанѣ (у Номиса „галатынъ придурковатый“).

Между проклятіями разныхъ народовъ, близкихъ и дальнихъ по племенному родству и по географическому разстоянію, обнаруживается значительное сходство, иногда прямыя совпаденія, въ зависимости отъ сходной или тожественной точки зрѣнія и общаго психологическаго настроенія.

Малор. и великор. проклятіямъ, чтобы „не было ни дна, ни покрышки“ соотвѣтствуетъ въ ново-греческихъ пѣсняхъ проклятіе матери, „чтобы не было гробовой покрышки, чтобы не съѣла земля“—„Νά μη σε χοψ η πλάκα. να μη σε φάγη το χῶμα“. (*Созоновичъ*, Ленора Бюргера, 138). И въ греческихъ сказкахъ встрѣчается проклятіе: „чтобъ провалилась земля подъ тобой“ (*Hahn* II 100). У болгаръ: „да ти се провали андако“ (*Сборн.* за нар. умотв. VII 215), „да му се урне гроба“ (ib. VI 208), „да го зарине цѫрната земьа“ „ега даде Господи да се не растуре, кога умре“, „земьата да го погѫтне“ (или „претисне“ или „исфѫрле“, т. е. поглотитъ, задавитъ, выброситъ, ib. 209).

Малор. проклятіе „щобъ тебе перва куля не минула“ вышло изъ пѣсенъ, изъ пѣсенной формулы проклятія матерью сына, по всей вѣроятности, изъ думъ про Ивася Коновченка. У болгаръ встрѣчается „пушка да го прениже“ (*Сборн.* за нар. умотв. VI 211). Въ художественной болгарской пѣснѣ мать проклинаетъ сына за то, что онъ ушелъ въ разбой:

Синко, стояне, стояне,
Какъ отишълъ, синко, не дошълъ!
Били ти, синко, били ти:
Дълги ортоми друмове,
Дребни камъньe сватове,

Черни чекурье кумове,
Черни гарване попове,
Танка топола невѣста!
Потера ви потерала
Още първата недѣля:

Сичка ти дружине се отървала,
Тебе те, синко, фанѫла!
Що първна пушка пукнѫла,
Въ тебе се, синко запрѣла!
Що първна сабя махнѫула,
Тебе се, синко, прѣсѣкла

(*Бом. прѣглед* 1896 III 54.)

Въ „Сорочинской ярмаркѣ" Гоголя баба говоритъ: „чтобъ ему на томъ свѣтѣ чортъ бороду обжегъ!" Гоголь могъ подслушать у народа такое проклятіе. Сходное проклятіе существуетъ въ южной Италіи—„чтобъ душа твоя была сожжена" (*Trede* III 232).

Малор. проклятію „щобъ тебе роса попоила" (*Манж.* въ Сб. Х. Ист. Ф. Общ. VI, 195), повидимому, отвѣчаетъ новогреческое „чтобы на тебя капля упала" (*Hahn* 146). Смыслъ тонкій; лишь трупы подвергаются дѣйствію росы, дождевой капли.

Малор. проклятію „щобъ вороны кракали" соотвѣтствуетъ классическая формула проклятія ες κοραχας (лат. in malam crucem). Проклятія эти ведутъ начало изъ той эпохи, когда трупы непогребенныхъ, особенно повѣшенныхъ, оставлялись въ добычу воронамъ (*Тимошенко*, въ Рус. Фил. Вѣст. 1884 III 137). Отсюда же болгар. проклятіе „орлите да го дигнат" (*Сборн.* за нар. умотв. VI 211), „чафки умо да му искѫцат" (ib. 212). Такія проклятія вполнѣ отвѣчаютъ той картинѣ, какая находится въ думѣ про бѣгство трехъ братьевъ изъ азовской неволи: „орлы сизопери налитали, на кудри наступали, зъ лоба очи выдырали".

Малор. проклятія съ обращеніемъ къ солнцу, ниже нами приведенныя, стоятъ въ психологическомъ родствѣ съ классическими наговорами на убійцъ, съ обращеніемъ къ правосудному солнцу открыть ихъ и наказать. Такой наговоръ сохранился на одной надгробной колоннѣ. Проф. Помяловскій, приведши надпись, напоминаетъ разсказъ Тацита о томъ, что по открытіи заговора Пизона Неронъ пошелъ благодарить солнце (Эпигр. этюды, 38).

Малор. и великор. проклятіямъ съ онѣмѣньемъ (типунъ тоби на языкъ и др.) соотвѣтствуютъ заговорныя формы: „заключь имъ, Господи, моимъ супротивникамъ умъ и языкъ", что часто встрѣчается и въ классическихъ наговорахъ въ надписяхъ (nec loqui nec sermonari possit и пр.) У Сенеки: quis non, si admoneatur ut cogitet, tamquam dirum omen respuat et in capita inimicorum aut ipsius intempestivi menitoris abire illa iubeat (*Помялов.* Эпигр. этюды 149). У современныхъ болгаръ: да онемее; ега занемее; коска у грѫкльана да му застане (*Сборн.* за нар. умотв. VI, 209).

Малор. „щобъ ты и въ старцахъ счастья не мавъ" (*Ном.* 3683) соотвѣтствуетъ болгарская „Аргатинъ да биде, та ништо да не спечале" (*Сборн.* за нар. умотв. VI 206).

Малор. „кольки на тебе нема“ (*Манжура*) соотвѣтствуетъ болгарская „бодеш да го акне“ (*Сборн.* VI, 206).

Малор. и велик. „чтобъ пусто было“ соотвѣтствуетъ болгарск.“ да му опустее името“, „да опустее и оштурее“ (*Сборн.* VI, 208).

Малор.: „щобъ путь погибла“ соотвѣтствуетъ великорус. „не было бъ тебѣ ни пути, ни дороги“.

Много проклятій общаго свойства, напр. Щобъ тоби на свити добра не було. Щобъ лопнувъ. Щобъ тоби лыхомъ скрутылося. Бодай нагло зсли Нужда бъ тя побила. Бій тебе Божа сила. Най го злыдни побьютъ. Соби на безголовья. (*Ном.* 3655—3785).

Еще болѣе проклятій съ пожеланіями смерти, болѣзни вообще того или другаго недуга въ частности. Щобъ ты счезъ якъ слына (*Zbior Wiadom.* VIII, 245). Щобъ ты счезъ, якъ собака въ ярмарокъ (ib. 245). Бодай же кинецъ вашъ бувъ нудный та гиркій (*Ном.* 3710). Щобъ тебе положили на лаву. Щобъ тебе на марахъ вынесло. Щобъ тебе сыра земля пожерла (*Ном.* 3790—3). Щобъ тебе поховали на разстанни (какъ висѣльника) (3799). Щобъ кури загребли (*Ном.* 3800). Хай винъ пидъ плавъ (трясину) пиде (*Манж.* во 2 т. Сбор. Х. И.-Ф. О., 162).

Въ проклятіяхъ болѣе всего достается глазамъ, какъ высшему органу чувства: самое распространенное проклятіе: „щобъ тоби повылазило“, „баньки имъ бодай послипило“; великор. „лопни глаза“. У другихъ народовъ также въ ходу такія проклятія. У мавровъ Сѣверной Африки говорятъ: „пусть пять (рука) падутъ на ваши глаза“ (*Пешель,* Народовѣд. 109). Въ одномъ кабильскомъ сказаніи о заимѣ дней старуха говоритъ: пять моихъ пальцевъ въ твой глазъ (*Romania* 1889 XVIII, 107). У болгаръ говорятъ: „бабки да му излезат на очите“, „гарван очите да му извади“, „да окьоровее“ (т. е., да ослѣпнетъ), „да нама очи у главата“, „да му побелеіат и двете очи“ (что бы побѣлѣли глаза отъ бѣльма), „кьораф да киниса“ (чтобъ ходилъ слѣпцомъ) (*Сборн.* за нар. умотв. VI, 207—212).

Щобъ тоби руки покорчило, груди забило, за живитъ взяло, завійна взяла, ризачка попоризала, срачка на симъ литъ, хиндя поподержала, родымецъ побывъ, причина вдарила.... такъ разнообразятся пожеланія по болѣзни. Сюда примыкаютъ такія проклятія, какъ „колкы на тебе нема“ „щобъ тебе.... лють (?) турнула, сто болячокъ у печинки, щобъ ты сказывся, особачився, щобъ тебе шугла (горячка) напала, щобъ ты мавъ припадокъ, бодай тебе грецъ вымывавъ и т. д. (*Ном.* 3730 и сл., *Zbiór* III 133, VIII 245). Въ этихъ проклятіяхъ не мало силы и выразительности, что чувствовали и чѣмъ по своему пользовались выдающіеся писатели, Котляревскій, Гоголь, Квитка; напр. въ „Перелицованной Энеидѣ“—„завыйныця вхопыть, на голову насяде клопитъ“ и пр., въ „Сорочинскомъ ярмаркѣ“ баба осы-

паетъ проклятіями встрѣчнаго парня шутника, особенно распространяясь на счетъ его отца.

Въ русскихъ, болгарскихъ и др. проклятіяхъ встрѣчаются разныя болѣзни, какія только извѣстны народу, и въ особенности часто лихорадка „трясца", съ рѣзкими подчеркиваніями у болгаръ: „три годишна треска да го фане", „треска да го тресне, како брашнарска врекья (*Сборн.* за нар. умотв. VI, 212), т. е. чтобы трясло 3 года или такъ, какъ выбиваютъ мучной мѣшокъ.

Проклятія „щобъ тебе *лунь вхопивъ*" коснулся А. А. Потебня во 2 ч. „Къ исторіи звуковъ" стр. 7. Проклятіе это встрѣчается въ Энеидѣ Котляревскаго нѣсколько разъ. Потебня давалъ миѳическое толкованіе выраженію „лунь вхопывъ" (о чемъ см. его книгу. О миѳич. знач. нѣкот. обрядовъ, 98). Я думаю, что проклятіе это можно объяснить проще: щобъ тебе лунь вхопыла—чтобы ты погибъ, чтобы тебя разнесли хищныя птицы. Лунь въ великор. falco rusticolus. въ друг. славян. нарѣчіяхъ vultur, milvus, т. е. коршунъ. Проклятіе съ лунемъ стоитъ въ связи съ тѣмъ весьма распространеннымъ въ поэзіи разныхъ народовъ мотивомъ, гдѣ смерть героя узнается потому, что воронъ несъ его руку. Пушкинъ передалъ этотъ мотивъ въ шотландской пѣснѣ, взявъ его изъ шотландской народной баллады.

Проклятія по силамъ и явленіямъ внѣшней природы: Щобъ ты скризь сонце пройшовъ. Сонце бъ тя побыло (*Номисъ.* 3665—3666).

Срав. болгар.; „да го не видѣ ни сѫнце, ни месечина" (*Сборн.* VI 208), въ особенности „месецо да го изеде" (ib. 210), „сѫнце да го не огрее" (ib 211).

Ой щобъ ихъ вихромъ вынесло (*Этногр. Обозр.* 1889 III, 50). Щобъ тебе буря вывернула. Щобъ тебе понесло поверхъ дерева. Щобъ тебе понесло по нетряхъ та по болотахъ (*Ном.* 3668—9). Сравн. болгар. ветрушка да го занесе (*Сборн.* VI, 207). Хай его побье те що въ хмари гуде (*Ном.* 3773). Хай его пале небесна сыла зъ усихъ 4 сторонъ (*Манжура*, въ Сбор. Х. И.-Ф. О. VI, 194). Срав. италіанское проклятіе: убей тебя молнія (*Trede* III, 229). По ирландскому повѣрью выговоренное проклятіе семь лѣтъ носится въ воздухѣ и въ каждое мгновеніе можетъ пасть на того, противъ котораго произнесено (*Аѳан.*, Поэт. воззр. I, 428).

Въ проклятіяхъ отразились кое-какія суевѣрія и сказанія, напр.: „Щобъ ты на осыни повисывсь" (изъ апокрифовъ объ Іудѣ). „Щобъ на тебе образи падали" (*Ном.* 3685). Паденіе иконы, по народнымъ повѣрьямъ, знаменуетъ несчастье. Предполагается, что такой человѣкъ, котораго не будутъ выносить иконы, всѣмъ опротивѣетъ и погибнетъ. Такое проклятіе можетъ быть скорѣе всего относимо людьми обиженными къ притѣснителямъ.

Въ проклятіяхъ сохранились черты древнихъ религіозно-миѳическихъ представленій, напр. Побій тебе лыха годына (*Ном.* 3748). Срав. въ

„Словѣ о Полку Игоревѣ"—невеселая година встала. Щобъ тебе Чорный Богъ убывъ (*Ном.* 3471). Щобъ на тебе Дивъ пришовъ (*Ном.*, 3743, *Zbior* III 90) Побыла бъ тебе морока (*Ном.* 3472). Бодай тебе Перунъ забывъ темненькои ночи (*Чубинскій* V 1092). Дивъ въ малорусскомъ проклятіи напоминаетъ Дива Слова о Полку Игоревѣ.

Особенно часто въ проклятіяхъ встрѣчаются черти, напр., извѣстное зложеланіе „чортъ тебя побери" или съ распространеніемъ на отца и мать, чтобы черти ихъ мучили, или съ усиленіемъ: „чортъ бы тебе спикъ", „стонадцять чортывъ" или описательно: „хай визьмуть ти, що трусять очеретами" (*Ном.* 3750—3769). Подобно у болгаръ: „гьяволо да го расчепе на триста парчинья" (*Сборн.* VI, 207). *).

Любопытны проклятія съ мѣстными историческими намеками, напр. Бодай тебе не минула Вересоцька гребля (*Ном.* 3674). Щобъ тебе понесло на Щокотинъ слидъ (волки съѣли богатаго козака Щокота, *Ном.* 13628). А щобъ попавъ на Серпяжинъ шляхъ (*Ном.* 13624). Номисъ дѣлаетъ замѣтку „биля Канева". Трусевичъ въ „Kwiaty" (стр. 138) приводитъ мнѣніе Изопольскаго, что дорога получила названіе отъ имени казацкаго гетмана Серпяги—Подковы. Должно быть она считалась опасной отъ разбоевъ.

Во многія проклятія вошелъ *„катъ"*—палачъ: Бодай катъ споровъ. Щобъ тебе катъ попобывъ. Щобъ тебе катъ сиконувъ передъ великими викнами. Щобъ тебе не минули кативськи руки. Бодай ты диждавъ *передъ великими викнами стояты* (по сравненію съ предыдущими проклятіями видно, что подразумѣваются плети на городской площади) (*Ном.* 3686—3692). Темная память о катѣ сохранилась во многихъ малорусскихъ поговоркахъ и выраженіяхъ. У Г. Квитки: „худобы и грошей до ката" (съ оттѣнкомъ вражды и презрѣнія"... „катъ ихъ беры", „катъ его зна", „катъма" (отрипаніе съ досадой). Въ западно-европейской искусственной литературѣ неоднократно обнаруживалась болѣзненная попытка идеализировать палача. Простое и здоровое художественное чувство народа съ отвращеніемъ относится къ профессіи палача.

Интересно зложеланіе потери общественнаго уваженія: Бодай ихъ миръ не знавъ. А щобъ тебе люде не знали (*Номисъ*, 3661—2). Слава бъ тоби пропала (ib. 3680).

Малороссы не даромъ слывутъ юмористами. Легкая насмѣшка, шутка проникла у нихъ даже въ проклятія, чего, кажется, нѣтъ у другихъ народовъ: щобъ тоби пипъ прыснывся; щобъ тоби вику якъ у козы хвистъ (*Ном.* 13623—4); щобъ тоби п. с—ку вылизавъ; побій тебе кацюба и че-

---

*) Въ связи съ проклятіями этого разряда стоятъ сказки о заклятыхъ дѣтяхъ, унесенныхъ нечистой силой (см. *Аван.* Поэт. возвр. I, 430).

сный макогинъ (*Zbior* VIII, 245); ой щобъ волы жывы булы, а плугъ поломався (*Чубин.* III 167).

Большимъ недоброжелательствомъ отличаются слѣдующія проклятія на дѣвицъ: Щобъ ты пидъ царскій винецъ не пидишла (*Ном.* 3683)—злое пожеланіе по адресу дѣвушки. Бій тебе дивоцьке несчастье (*Zbior* wiadom VIII 245). Подобнаго рода проклятіе встрѣчается у грузинъ въ пространной формѣ въ видѣ заговора—„чтобы она не надѣла свѣтлаго вѣнчальнаго платья" (*Сборн.* матер. д. изуч. Кавк. VIII, 302); у болгаръ: „да не дочака да цалива зелени венци" (*Сборн.* VI 207).

Много сильныхъ проклятій падаетъ на душу и загробную жизнь: щобъ тебе земля не приняла; щобъ пидъ тобой земля тряслась; щобъ ты на Страшный судъ не вставъ; щобъ ему ни дна, ни покрышки; щобъ пидъ нимъ земля горила на косовый сажень (*Ном.* 3775 и сл.). Хай ему дробына снытця (*Манжура*, въ Сборн. И. Ф. О. II 162). Манжура поясняетъ послѣднее проклятіе: злое пожеланіе умершему: дробына—всякая нечисть—змѣи, жабы и пр. Сходныя болгарскія проклятія: бес поп да го закопат; волове гробо да му изрнат; гуштери (ящерицы) да му лазатъ по гробо; капка вода да му се не наіде на онаі свет: на раскрѫсница (перекресткѣ) да го закопат (*Сборн.* за нар. умотв. VI 206—212).

Въ особенности интересны проклятія, чтобы земля не держала, такъ какъ въ связи съ ними стоитъ много старинныхъ и современныхъ легендъ о томъ, какъ земля не принимала проклятаго, о чемъ подр. см. *Н. Сумцова* „Къ библіогр. легендъ" въ IX т. Сборн. Х. И. Ф. Общ., *Крымскаго* въ Кіев. Стар. 1896 окт. и *Иванова* въ Этн. Об. 1889 III.

У малоруссовъ много проклятій на мать и отца, которыя въ Малороссіи служатъ замѣной великорусскихъ матерныхъ ругательствъ.

Нехай ему вырве маму. Сто чортивъ твоій мами. Трясця его мами (*Zbior* wiadom. VIII 245). Маму бъ твою мордувало (на коня). Хороба твоей матери (*Zbior* III 133). Кадукъ твоій матери (*Ном.* 3765). Эти же проклятія въ одинаковой степени распространяются и на отца, напр.: рви его батька (*Ном.* 3761). Встрѣчаются матерныя проклятія и у болгаръ, но рѣдко, напр. „маікьа, маікьа, мажлецо да іа затне" (*Сбор.* VI 210); у италіанцевъ: „чтобъ собаки съѣли душу твоей матери" (*Trede* III 229).

Въ ряду проклятій выдаются проклятія родительскія; народная молва приписываетъ имъ чрезвычайно важное значеніе. Существуетъ много разсказовъ о силѣ родительскаго проклятія. Въ новѣйшее время на эти разсказы обратили вниманіе этнографы. Такъ, *П. В. Ивановъ* въ III кн. Этнограф. Обозрѣнія 1889 года напечаталъ 11 разсказовъ о силѣ родительскаго проклятія, записанныхъ въ Купянскомъ у. Харьк. губ. Въ 3 кн. „Болгарскаго Прегледа" *А. П. Стоиловъ* напечаталъ 19 болгарскихъ разсказовъ и

пѣсенъ о родительскомъ проклятіи. Какъ г. Ивановъ, такъ и г. Стоиловъ оговариваютъ, что сборники ихъ представляютъ лишь небольшую часть вращающихся на эту тему разсказовъ („скроменъ трудецъ"). Особенно основательна эта оговорка относительно сборника г. Иванова, гдѣ совсѣмъ нѣтъ малорусскихъ пѣсенъ на тему проклятія. Подобнаго рода пѣсни разбросаны по сборникамъ Чубинскаго, Головацкаго, Антоновича и Драгоманова.

Важное значеніе родительскаго проклятія отчетливо выражено въ малор. и болгар. пословицахъ: „Батькова та матерына молитва зо дна моря рятуе, а проклёны въ калужѣ топлятъ", „майчина клетва се стига", „майчина и бащина клетва исушава", „майчина клетва на сухо не пада". И въ сербскихъ народныхъ пѣсняхъ самая тяжкая клятва материнская.

Разсказы, приведенные г. Ивановымъ, сообщаютъ о томъ, какъ дочь отъ материнскаго проклятія обратилась въ тополь, какъ сынъ, проклятый отцомъ, вскорѣ умеръ; нѣсколько разсказовъ на тему, какъ сына или дочь, умершихъ подъ родительскимъ проклятіемъ, не принимала земля, какъ гробы выходили изъ земли. Въ одномъ разсказѣ проклятый сынъ обращается въ вовкулаку. Въ двухъ разсказахъ онъ носится вихремъ. Любопытно, что и родителямъ проклятіе не обходится даромъ; они начинаютъ тосковать, мучимые угрызеніями совѣсти, чахнутъ и вскорѣ умираютъ.

Н. А. Янчукъ въ примѣчаніи къ статьѣ г. Иванова сближаетъ малор. сказанія о томъ, что земля не принимаетъ проклятаго родителями съ польскимъ сказаніемъ, что дитя, осмѣлившееся поднять руку на родную мать, по смерти выставило изъ земли руку, пока мать, по совѣту священника, не высѣкла розгою виновную руку. Розга была воткнута въ землю и выросла въ большое дерево; сказаніе это пріурочено къ плакучей березѣ подъ Грыжиной въ Познани. Интересная статья г. *Карловича* объ этомъ сказаніи напечатана въ „Вислѣ" 1888 г. Сказаніе это, вѣроятно, проникло къ полякамъ изъ Германіи, гдѣ оно весьма популярно (*Liebrecht*, Zur Volkskunde 343, *Krause*, Zeitschr. Ethnol. 1883 стр. 83, *Decke*, Lübische Sagen § 153).

Родительское проклятіе проникло во многія сказанія о превращеніяхъ. Такъ, въ Малороссіи записанъ разсказъ, что одна женщина бросила въ воду родное дятя, съ словами „да будешь ты два года ракомъ", и дитя дѣйствительно сдѣлалось ракомъ (*Чубинскій* I 224). Въ Смоленской губ. записана сказка о томъ, какъ сынъ и дочь были прокляты матерью за потерю ключей, причемъ сынъ обратился въ соловья, а дочь въ кукушку (*Добровольскій* Смол. этногр. сб. I № 39). Въ словинской пѣснѣ мать, разсердившись на дочь, сказала, „чтобъ тебя водяной взялъ", и за дѣвушкой пришелъ водяной. Существуютъ сходныя чешскія и моравскія пѣсни (*Перетцъ*, Соврем. рус. пѣсня, 28; здѣсь указаны сборники Эрбена, Сушила и

др.) Въ болгарской пѣснѣ сынъ и дочь, проклятые отцомъ, превращаются въ птицъ (*Болгар. Прѣгледъ* 1896 III 53). О проклятіи и благословеніи травы или дерева см. *А. Веселовскаго* въ 32 т. Сборн. Ак. Наукъ, стран. 457—458.

Въ малорусскихъ пѣсняхъ родительское проклятіе иногда имѣетъ значеніе формальное. Отъ частнаго употребленія оно стало риторической фигурой; такъ было и у древнихъ народовъ. Уже Цицеронъ пользовался имъ, какъ риторическимъ пріемомъ. Какъ риторическая фигура, проклятіе въ особенности укоренилось въ сербскомъ эпосѣ, напр.

1) Али Марко вили одговора
Бјела вило, грло те болјело!....
2) Удри, Груйо, усала ти рука!....
3) Одкуд књига? Огнемъ изгорела!...
4) Мучи шчери, дуго јадна била!....
5) Любила га међю очи гуја,
А црна га земля загрлила!....
6) Кам му кони? по клали ихъ вуци!..
(*Zima*, Figure u narod. piesn. 140).

Такъ, формальный характеръ материнское проклятіе, имѣетъ въ слѣдующей пѣснѣ:

Выряжала стара маты
Свого сына въ новобранци.
Ой якъ выряжила та все проклинала
А гирькими словами.
Ой не проклынай стара матусенько
Гиркими словами;
Завтра ты вміешься слезами.
(*Полит. писни*, I 31).

Пѣсня очевидно построена на томъ положеніи, что проклятіе наказуется и самъ проклинающій пострадаетъ. Мать въ этой пѣснѣ, какъ во многихъ другихъ, выступаетъ въ непривлекательномъ видѣ.

Въ большинствѣ случаевъ родительское проклятіе въ малорусскихъ пѣсняхъ имѣетъ живое бытовое и литературное значеніе, что выражается въ значительномъ разнообразіи данныхъ его выраженій.

Въ думѣ о вдовѣ и трехъ сыновьяхъ мать:

Сынивъ своихъ клене—проклинае:
Бодай же васъ, сыны мои, бидни вдовыченьки, у поли
Побыло разомъ три недили:
Щобъ васъ перва доля побыла—
Щобъ Богъ хлиба не вродывъ;
А друга доля щобъ побыла—
Щобъ не стали васъ люде знаты,
Добрымъ словомъ поклыкаты;
Третья доля щобъ побыла—
Щобъ вы въ своій домивци на промешканни
Щастя и доли не малы (*Кулишъ*, Зап. о Юж. Р. I, 26).

Въ разныхъ малорусскихъ сборникахъ встрѣчается пѣсня „Десь ты мене маты въ барвинку купала“, гдѣ дѣвица свое горькое житье объясняетъ тѣмъ, что мать проклинала ее въ дѣтствѣ и въ то время, когда собиралась ее купать, и на жатвѣ, и ночью, колыхая колыбель. Въ этой прекрасной пѣснѣ и для матери дано нѣкоторое извиненіе въ трудности ея жизни.

Въ думѣ про Коновченка мать проклинаетъ сына за самовольный уходъ въ походъ:

Бодай, мій сыну, слезы на тебе упали,
Бодай воны тебе на третей стрѣльбѣ спотыкали!...

въ вар.: Бодай ты и туды дійшло,
И выдты не пришло!
Щобъ тебе, перва куля не миновала,
У першій війскові потреби спиткала.

(*Костомар*. Ист. казач. въ пѣс. I, 55).

въ вар.: Бодай же тя, сыну,
Бодай тя, сыну три недоли спиткало!
Одна недоля, щобъ тя козаки не злюбили,
Та и до свого куреня щобъ не приймали;
Друга недоля, бы тя ясни мечи порубали,
Третья недоля, щобъ тя кули пострѣляли. (*Головац*. I, 10).

И тутъ мать потомъ горько раскаевается:

Бѣдна, побѣдна моя голова вдовына,
Що я свого сына ругала проклинала,
Счастье—долю его козацьку потеряла!
Два дни свого сына клене-проклинае,
На третій день подумае, погадае,
Руки до Бога здіймае,
Господа съ небесъ благае:
„Дай мени, Господи, си слова передъ собою маты,
А свого сына Ивася вдовыченка хочъ разъ у вичи повидаты!

Проклятіе отцовское и проклятіе материнское встрѣчается во многихъ болгарскихъ пъсняхъ (*Стоиловъ*, въ Болг. Прѣгл. 1899 III), безъ раскаянія родителей, у сербовъ, чеховъ и др. славянъ (*Перетцъ*, 28).

Проклятіе сына матерью встрѣчается въ западно-европейскихъ пѣсняхъ Такъ, въ одной старинной шотландской балладѣ братъ нечаянно убитъ братомъ и смерть свою онъ объясняетъ тѣмъ, что мать пожелала ему, когда онъ уходилъ изъ дому, не вернуться болѣе (*Child*, The english and scot. ballads II № 49). И въ другихъ старинныхъ англійскихъ и шотландскихъ. балладахъ встрѣчается родительское проклятіе (*Child* II № 42, IV № 91).

Въ южной Италіи циркулируетъ сказка о Николаѣ Рыбѣ, погибшемъ въ пучинѣ морской отъ проклятія матери, сказавшей, „чтобъ ты утонулъ". Сказка эта хорошо извѣстна въ переработкѣ Шиллера (баллада „Кубокъ"); но Шиллеръ пользовался тѣмъ варіантомъ, гдѣ вмѣсто проклятія выдвинутъ былъ другой мотивъ—корыстолюбіе (*Trede*, III 229).

У шведовъ существуетъ повѣрье, что дѣтей, проклятыхъ родителями, беретъ чортъ. Въ нѣмецкихъ сказкахъ проклятый ребенокъ обращается въ ворона. По стариннымъ нѣмецкимъ повѣрьямъ, дьяволъ бралъ дѣтей, проклятыхъ матерями. Оттого и въ „Мессинской невѣстѣ" великій нѣмецкій поэтъ сказалъ:

Eine Mutter kann des eignen Busens Kind,
Das sie mit Schmerz geboren, nicht verfluchen,
Nicht hört der Himmel solche sündige
Gebete; schwer von Thrähen fallen sie
Zürück von seinem leuchtenden Gewölbe (цит. у *Liebrecht*'а въ Des Gervasius „Otia Jmperialia" 139).

Такая нравственная тенденція полно развита въ малорусской народной словесности.

Сказанія о родительскомъ проклятіи, большей частью въ связи съ представленіемъ о неизбѣжности наказанія, господствовали и въ классической древности. Кроносъ проклялъ своего сына Зевса, Аминторъ Феникса, Пелопсъ Лая, Эдипъ проклялъ двухъ своихъ сыновей Этеокла и Полиника, Тезей Гипполита. Платонъ говоритъ, что ничто такъ не помогаетъ людямъ, какъ благословеніе родителей, и нѣтъ ничего пагубнѣе родительскаго проклятія, которое боги никогда не оставляютъ безъ исполненія. Бл. Августинъ, какъ очевидецъ говоритъ, что 7 сыновей и 3 дочери, по смерти отца дурно обошедшіеся съ матерью и проклятые ею, впали въ тяжкую болѣзнь, отъ которой двое (Павелъ и Палладія) исцѣлились лишь послѣ того, какъ помолились у гроба мученика Стефана (*Lasaulx*, Studien, 165).

Въ думѣ про козацкую жизнь козакъ уходитъ въ походъ и оставляетъ въ бѣдно йдомашней обстановкѣ молодую жену. Жена проклинаетъ:

Щобъ тоби, козаче, кинь приставъ,
Щобъ ты козакивъ не нагнавъ,
Щобъ тебе козаки не злюбили,
И атаманомъ не постановили.

Жена проклинаетъ съ разсчетомъ, чтобы мужъ ея скорѣе воротился. Здѣсь проклятіе представляется лишь искусственнымъ поэтическимъ пріемомъ.

Козакъ на коня сидае,
Жиночу клятьбу канчукомъ одбивае...

„Клятьба“ эта все таки не осталась безъ послѣдствій. Козакъ воротился черезъ четыре недѣли, нужно думать, не догнавъ козаковъ или былъ ими не взятъ (*Кіев. Стар.* 1884 XII 641).

Въ думахъ встрѣчается проклятіе моря матерью.

Кляла царица, вельможна пани,
Чорное море проклинала:
Бодай же ты море не процвитало,
Вичными часы высыхало,
Що мого сына едынычка,
Едынычка у себе взяло... (*Ант. и Драг.* I 245, *Голов.* I 3).

Въ невольницкихъ думахъ козаки проклинаютъ турецкую землю—вѣру бусурманскую (*Ант. и Драг.* I, 89), безъ указаній на формы проклятій. Въ думѣ про взятіе Варны турки проклинаютъ рѣчку, чтобы она усохла (*Голов.* I 4). Въ пѣснѣ о смерти козака:

Козакъ долину Кодыну трома клятьбамы проклинае:,
Бодай ты, долино Кодыно, мхами, болотами западала
Щобъ у весну Божью николы не зоряла, не позоряла...
(*Костом.* Ист. казач. 103).

Въ Малороссіи есть своеобразный отдѣлъ сказаній о проклятіяхъ—*заклятія на клады*. Существуетъ повѣрье, что клады зарыты съ проклятіями. Въ какихъ словахъ выражались проклятія—объ этомъ большею частью не говорится; извѣстно только, что одни клады заклинались на опредѣленное время, другіе навсегда, или, какъ говорятъ крестьяне, „поки свита и сонця“. Кромѣ того, разбойники, заклиная клады, какъ видно изъ нѣкоторыхъ разсказовъ, накликали болѣзнь или какое-либо другое несчастье на тѣхъ, кто возьметъ кладъ. Въ одной мѣстности Купянск. у. Харьк. губ. записана такая подробность: „Якъ зарываютъ гроши, або якъ пускаютъ у воду, то заклинаютъ ихъ: будь вы трижды прокляти, прокляти, прокляти. Хто ци гроши визьме, той и самъ проклятый, тому голова долой!“. Когда кончается срокъ заклятія, шкарбъ выходитъ на поверхность, принимая иногда видъ пѣтуха или въ видѣ старика. Любопытно одно малорусское сказаніе изъ того же Купянскаго уѣзда, что люди стараго времени зарывали клады при свидѣтеляхъ и клали въ ямку доску, на которой была написана крейдою заклята молитва (*Ивановъ*, въ Харьк. Сборн. 1890, 6—8). Послѣдняя подробность о доскѣ съ заклятіемъ напоминаетъ тѣ свинцовыя досчечки съ заклятіями, которыя у древнихъ грековъ и римлянъ были закапываемы въ землю; находили ихъ и въ водяныхъ источникахъ. Не удержалось ли въ малорусскомъ сказаніи воспоминаніе о дѣйствительномъ бытовомъ явленіи старой славянщины?

Проклятіе играло важную роль въ старинной Малороссіи при заключеніи актовъ, договоровъ, духовныхъ завѣщаній. Весьма любопытнымъ ма-

теріаломъ для бытовой украинской исторіи представляются старинныя духовныя завѣщаніи или „духовницы", помѣщенныя г. А. Лазаревскимъ въ 19 № Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостей за 1857 г. Въ этихъ „духовницахъ" находится подробное перечисленіе предметовъ стариннаго домашняго быта, перечисленіе, бросающее яркій свѣтъ на домашнюю жизнь украинскаго панства конца XVII и начала XVIII ст. „Духовницы" интересны также съ историко-юридической точки зрѣнія. „Духовницы" начинаются длинными разсужденіями о кратковременности человѣческой жизни, а оканчиваются цѣлымъ громомъ проклятій противъ того, кто дерзнетъ нарушить выраженную въ духовномъ завѣщаніи волю умершаго. „А на остатокъ, говорится въ концѣ духовницъ, замыкаючи сей моей остатней воли тестаментъ, въ таковый способъ оный обваровую: да будетъ проклятъ анаѳема и маранафа вшеляки въ якомъ колвекъ пунктѣ параграфъ оный нарушитъ и да низверженъ будетъ силою Всевышняго Бога до ада преисподняго живо, и да постигнутъ его тутъ въ временномъ житіи казнь Божія а въ будущемъ пекельная, да ожогнетъ его мука, каждого, кто только важитеметця оный нарушити"...

Юридическія заклинанія были въ древности въ большомъ ходу, и малороссы несомнѣнно заимствовали ихъ изъ старинной письменности.

Въ румынскихъ грамотахъ XV и XVI ст. на славянскомъ языкѣ, изданныхъ въ IX т. Сборника за нар. умотв., заклятіе встрѣчается часто. На длинномъ протяженіи почти двухъ вѣковъ повторяется одна и таже заклинательная формула. Въ грамотѣ воеводы Мирчи 1409 г. заклятіе изложено такъ: „аще ли разорит и расипет, а не утвердит и не съхранит сія вышеписанных, то таковаго Богъ да разорит и да убіет и въ сій вѣк и въ бѫдѫщи, и оучѫстіе да имат съ Іоудѫ и съ Аріѫ и съ онѣми рекшіими Іюдее, еже рекоша на Христа Спаса нашего, кръв его на нихъ и на чѫдахъ их..."

Обычай прибѣгать къ заклятіямъ бытовалъ въ Византіи. Дарственныя записи монастырямъ снабжались самыми страшными проклятіями, что, однако, мало мѣшало нарушенію ихъ (*Журн.* Мин. Нар. Просв. 1892 XII 400).

Изъ древней лѣтописи видно, что русскіе еще до принятія христіанства заключали клятвенные договоры. Извѣстное выраженіе „да будемъ золоти яко золото „любопытный памятникъ древней клятвы.

Какъ славянскій, такъ и византійскій обычай клятвенныхъ договоровъ восходитъ къ классической древности. Въ греческихъ клятвенныхъ договорахъ часто встрѣчается такое выраженіе: Ει σε τασε ηη χατεχοιμι, τὸυς δεους τούς ῶμοσα, Εμμανιας ημεν πάντας τε χαι πασας, χαι χαχιστω ολεδρω εξολλυσδαι αυτός τε χαι χρηια ταμα χαι μηνε μοι ναν χαρπον φερειν (*Помял.* Эпиграф.

этюды, 144).*) У древнихъ клятвами скрѣпляли союзные государственные договоры и частныя соглашенія, съ проклятіями противъ нарушителей. Иногда проклятія вырѣзывали на столбахъ и ставили ихъ на площадяхъ вблизи храма. Ганибалъ Карфагенскій и Филиппъ Македонскій союзный договоръ скрѣпили клятвами—карфагеняне передъ своими богами, греки передъ своими (*Lasaulx* Stud. d. klassisch. Altert. 191), любопытный историческій прототипъ позднѣйшихъ клятвенныхъ договоровъ грековъ съ руссами.

Въ Малороссіи стараго времени, въ особенности въ XVII в., широко практиковался заимствованный малоруссами со стороны церковный обычай анаѳематствованія. Православные проклинали уніатовъ, напр., на Брестскомъ соборѣ 1596 г., въ недѣлю православія въ 1629 г.; уніаты громили православныхъ. Любопытное описаніе внѣшней обрядности стариннаго малорусскаго анаѳематствованія дано въ актахъ объ анаѳематствованіи злополучной Апологіи Смотрицкаго на кіевскомъ соборѣ 1628 г. Въ праздникъ Успенія пресв. Богородицы, во время литургіи послѣ прочтенія евангелія, духовные съ митр. Петромъ Могилой во главѣ вышли изъ алтаря и стали вокругъ амвона. Петръ Могила раздалъ епископамъ по свѣчѣ и по листу Апологіи. Послѣ отреченія Мелетія Смотрицкаго отъ Апологіи, книжка была торжественно проклята; листы брошены подъ ноги; ихъ топтали и жгли. Процессія закончилась тѣмъ, что владыки погасили свѣчи, находившіяся въ ихъ рукахъ (подроб. см. въ соч. *Голубева*, Петръ Могила, 197—200).

Подобные обычаи и нынѣ держатся въ кое-какихъ мѣстностяхъ христіанскаго міра. Грузины (Кутаисской губ.) и гурійцы проклятіе и нынѣ связываютъ съ церковью, при случаѣ воровства. Потерявъ корову или лошадь, грузинъ идетъ въ церковь и съ разрѣшенія священника, а иногда и безъ вѣдома послѣдняго, произноситъ проклятіе на похитившаго. Проклятіе это, по вѣрованію народа, весьма часто исполняется на самомъ виновномъ, а можетъ разразиться на его внукѣ или правнукѣ. Причиной болѣзни и всякаго несчастія считается или дурной глазъ или проклятіе (*Сборн. матер.* X 110). Гурійцы продѣлываютъ проклятіе такимъ образомъ: пострадавшій беретъ образъ главнаго мѣстнаго святого, обращается лицомъ къ востоку, становится на колѣни и проситъ о наказаніи вора; при этомъ, опуская образъ ницъ, говоритъ: „св. (имя рекъ) такъ опрокинь, разруши все его состояніе" (*Сборн. матер.* XVIII, 107).

---

*) т. е. „если я этого не сдержу, то пусть всѣ боги и богини, которыми я поклялся, разгнѣваются на меня, и пусть я погибну ужасной гибелью и мое имущество также, и пусть земля не дастъ мнѣ плодовъ.

Принимая во вниманіе, что у классическихъ народовъ было весьма распространено обыкновеніе заклинать вора (см. *Помяловскаго*, Эпиграф. этюды, 26 и сл.), можно думать, что грузины въ старое время позаимствовали у классическаго міра обычай заклинанія воровъ.

На существованіе обычая, подобнаго вышеописаннымъ грузинскимъ, у великоруссовъ указываютъ такія изрѣченія, какъ „поднять икону“, „потянуть руки до Бога“, т. е. снимать икону при клятвѣ (*Даль*, 718).

Н. Ѳ. Сумцовъ.

Памяти Н. С. Тихонравова.

III.

(Обзоръ трудовъ Н. С. Тихонравова съ 1859—1874 г.).

Вступительная лекція Н. С. выясняетъ его взглядъ на современное ему положеніе исторіи новой русской литературы, на методъ ея изученія, на ея задачи и цѣли и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ бы служитъ общей программой его послѣдующей научной дѣятельности. „Если на западѣ, говоритъ онъ, только въ настоящемъ столѣтіи положены были прочныя основы литературной исторіи, то нѣтъ ничего удивительнаго, что у насъ, недавнихъ учениковъ западной науки, исторія отечественной литературы только что начинается и въ трудахъ, на нее обращенныхъ, большею частію господствуетъ совершенная неопредѣленность началъ, открывающая полный просторъ всякаго рода фантазіямъ. Наука, требующая въ настоящее время наиболѣе самостоятельнаго труда отъ своихъ дѣятелей, наука, каждый выводъ въ сферѣ которой достается съ боя, послѣ продолжительныхъ и сложныхъ изслѣдованій (по отсутствію многихъ приготовительныхъ работъ),—исторія нашей новой литературы служитъ часто предметомъ беллетристическихъ упражненій и поверхностныхъ этюдовъ. Обходя труднѣйшіе, наименѣе разработанные и какъ нарочно наиболѣе важные ея отдѣлы, оставивши совершенно въ сторонѣ старую и новую рукописную литературу и успокоившись на поверхностномъ разборѣ немногихъ представителей подражательнаго направленія нашей литературы XVIII вѣка, изслѣдователи комментировали ихъ характеристиками, наудачу вырванными изъ иностранныхъ курсовъ исторіи словесности. Но эти дѣтскія компиляціи, не выяснивши существеннаго содержанія и значенія литературы XVIII в., внесли только запутанность въ ея исторію и поставили ее внѣ всякой связи съ предшествующимъ литературнымъ развитіемъ.

Лишенные возможности понять историческое преемство литературныхъ явленій, они затруднялись указать исходную точку новой русской литературы, почти полстолѣтіе ея (до 40-хъ г. XVIII в.) невольно обрекали на безплодіе, въ Третьяковскомъ находили звѣно, связующее Кантемира съ

Ломоносовымъ, совершенно не замѣтили борьбы между „подлыми" книгами народнаго чтенія и вновь пересаженнымъ на русскую почву литературнымъ направленіемъ западной Европы; цѣлая фаланга писателей Екатерининскаго времени осталась въ сторонѣ, непонятая этими изслѣдователями, которые въ своихъ обзорахъ литературы XVIII в. давали мѣсто Хераскову, Петрову и множеству подобныхъ пiитовъ и совершенно упустили изъ виду литературныхъ дѣятелей, реставрировавшихъ въ новыхъ формахъ народныя книги прежняго времени".

Переходя къ вопросу о томъ, откуда слѣдуетъ начинать исторію новой русской лит., Н. С. даетъ общую характеристику литературнаго направленія въ XVII и первой половины XVIII в.

„XVII вѣкъ, говоритъ онъ, дѣятельно развивалъ содержаніе прежней повѣствовательной литературы въ новыхъ формахъ, и переводныя повѣсти, любимое чтеніе народа, обновлялись и исправлялись мотивами устной народной словесности. Печатная, рукописная и устная словесность часто сплетались въ неразрывное цѣлое, книжная литература давала пищу народному творчеству, которымъ новое содержаніе и обработывалось подъ вліяніемъ стараго эпическаго склада; народныя произведенія въ свою очередь передѣлывались въ силлабическіе вирши. Такъ, переведенная въ XV в. изъ тысячи и одной ночи повѣсть объ Акирѣ Премудромъ въ XVII вѣкѣ получаетъ новый видъ: Русскіе читатели нанесли на нее свой колоритъ, и мудрецъ Алевитской и Азорской земли, а вмѣстѣ съ нимъ и ближайшія къ нему лица разсказа получили значеніе угодниковъ Божіихъ. Народные „стихи" большею частію возникли или получили свою окончательную форму въ XVII в. Двоякимъ путемъ шло образованіе ихъ въ XVII в.: или прямо прозаическій разсказъ книжной литературы превращался въ народный стихъ, или силлабическіе вирши, въ которые облекалось библейское содержаніе, теряли мало-по-малу свой схоластическій характеръ и принимали свободную форму народной поэзіи.

Въ литературѣ Петровскаго времени, исключивши нѣкоторые переводные учебники, мы найдемъ знакомыя начала XVII в. или простое повтореніе его литературныхъ явленій. Троянская исторія, эзоповы басни и многія другія литературныя произведенія Петровской эпохи потому и нашли себѣ такое распространеніе въ народномъ чтеніи, что они не были новостью для читателя, что въ иной формѣ они передавали имъ старое содержаніе, съ которымъ они давно свыклись, сроднились. Повѣсти, переведенныя въ XV, XVI, и XVII ст., цѣликомъ переходятъ въ Петровское время, начинаютъ даже новую жизнь, появляясь въ лубочныхъ изданіяхъ, и составляютъ преобладающій элементъ въ народномъ чтеніи первой половины XVIII в. Брюсовскій календарь повторяетъ тѣже самыя толкованія и пред-

сказанія, которыя такъ хорошо были извѣстны читателямъ XVII в. изъ ихъ рукописныхъ планетниковъ и альманаховъ. Однимъ словомъ: средневѣковое содержаніе народной Европейской литературы, разными путями перешедшее въ нашу, обновленное литературнымъ движеніемъ второй половины XVII в., въ болѣе разнообразныхъ формахъ передано восемнадцатому и составляетъ важнѣйшее достояніе его литературы въ первую половину вѣка". Понять литературу временъ Петра Великаго безъ ближайшаго знакомства съ литературой XVII в., по мнѣнію Н. С., невозможно.

Прежнее, средневѣковое содержаніе перестаетъ быть преобладающимъ въ нашей литературѣ лишь со временъ Ломоносова и Сумарокова, которые дали нашей словесности новоевропейскія начала и отодвинули ее отъ старины XVII в. Вѣкъ Екатерины II-й вводитъ нашу литературу въ ближайшее и искреннее общеніе съ тѣми идеями, которыя даютъ XVIII в. его высокое нравственное и цивилизующее значеніе. Но и въ это время литературное наслѣдіе XVII вѣка еще не кончило своей роли; стѣсненное и сбитое съ своего мѣста напоромъ новыхъ началъ, оно отодвинулось въ средній и нисшій классъ народа и какъ дорогое завѣщаніе до петровской старины долго опредѣляло собою умственное и нравственное развитіе народа, мѣшая быстрому распространенію новыхъ воззрѣній и держа въ своей сильной опекѣ массы".

Вступительная лекція заканчивается такими словами: „По нашему убѣжденію, исторія новой русской литературы должна начаться обозрѣніемъ второй половины XVII в. Выяснивши себѣ содержаніе литературы этого времени, она осмыслитъ все историческое развитіе нашей словесности, въ первой половинѣ прошлаго столѣтія еще державшейся средневѣковыми началами, и, избавившись отъ ложной исключительности, оставитъ за второй половиной столѣтія тотъ богатый литературный запасъ, который удовлетворялъ потребностямъ нисшихъ классовъ народа и вызывалъ дѣятельность писателей, отдавшихъ народной массѣ свое полное сочувствіе. Ставши живою картиною *всего* русскаго общества XVIII ст. (а не высшаго только слоя его), она поставитъ лицомъ къ лицу нашъ древній и новый бытъ, укажетъ его переливы одинъ въ другой и, сдѣлавши невозможными возгласы о насильственности реформы Петра и ни на чемъ не основанныя похвалы нашей древней жизни, укрѣпитъ и возвыситъ вѣру въ нравственную силу европейскаго просвѣщенія. [1]).

Эта, по словамъ Л. Майкова, „замѣчательная вступительная лекція можетъ служить прекраснымъ примѣромъ того, какъ умѣлъ Н. С. ставить вопросы историко-литературнаго направленія. Высказанная тридцать-пять

---

[1]) Моск. Вѣд. 1859 г. № 232, стр. 1683—4.

лѣтъ тому назадъ мысль Тихонравова о характерѣ петровской и ближайшей за нимъ литературы могла казаться, тогда до нѣкоторой степени парадоксомъ; но еще онъ успѣлъ доказать ее достаточно убѣдительно, а дальнѣйшія изслѣдованія все сильнѣе и сильнѣе подтверждають ея справедливость [2]).

И съ внѣшней стороны, скажемъ мы, по отдѣлкѣ, по характерности слога эта лекція можетъ дать вѣрное понятіе о всѣхъ послѣдующихъ лекціяхъ Н. С., которыя, къ сожалѣнію, уже не печатались, но тщательное изданіе которыхъ было бы весьма желательно.

Къ числу ученыхъ трудовъ, предпринятыхъ Н. С. въ 1859 году, относится изданіе лѣтописей русской литературы. Цѣль этого изданія объяснена редакторомъ въ объявленіи, напечатанномъ въ Библіографическихъ запискахъ (1859 г. стр. 55—57).“ Въ настоящее время, говорится тамъ, исторія литературы заняла уже прочное мѣсто въ ряду наукъ *историческихъ*; она перестала быть сборникомъ эстетическихъ разборовъ избранныхъ писателей, прославленныхъ классическими; ея служебная роль эстетикѣ кончилась, и, отрекшись отъ празднаго удивленія литературнымъ корифеямъ, она вышла на широкое поле положительнаго изученія всей массы словесныхъ произведеній, поставивъ себѣ задачею уяснить историческій ходъ литературы, умственное и нравственное состояніе того общества, котораго послѣдняя была выраженіемъ, уловить въ произведеніяхъ слова постепенное развитіе народнаго сознанія, развитіе, которое не знаетъ скачковъ и перерывовъ. Отдѣльное литературное произведеніе эта наука перестала разсматривать какъ явленіе исключительное, внѣ всякой связи съ другими, перестала прилагать къ нему только чисто эстетическія требованія. Съ измѣненіемъ задачи измѣнилось и значеніе историко-литературныхъ источниковъ и пособій. Лѣтописи русской литературы имѣли въ виду расширить кругъ историко-литературныхъ и археологическихъ изслѣдованій, знакомя съ такими памятниками нашей литературы и древности, которые до сихъ поръ, не смотря на ихъ высокое значеніе, остаются неизданными и составъ которыхъ не подвергался тщательному изученію.“ Въ журналѣ помѣщались: a) изслѣдованія по исторіи русской литературы и искусства, b) изслѣдованія, относящіяся къ народнымъ преданіямъ, праздникамъ, языку и т. п., насколько эти изслѣдованія содѣйствуютъ уясненію памятниковъ народной литературы, c) обозрѣніе древности и литературъ иностранныхъ, на сколько это необходимо для успѣшной разработки литературы отечественной. Въ журналѣ принимали участіе многіе выдающіеся ученые, какъ то: Ѳ. И. Буслаевъ, И. Е. Забѣлинъ, С. М. Соловьевъ, К. П. Побѣдоносцевъ, Д. И. Иловайскій и мн. др. Большая же часть статей и памятниковъ при-

---

[2]) Журн. Мин. Нар. Пр. 1894 г. янв. стр. 83—84.

надлежала самому издателю. Такъ въ первыхъ двухъ книжкахъ, вышедшихъ въ 1859 году, Н. С. были напечатаны: a) Повѣсть объ Аполлонѣ Тирскомъ съ предисловіемъ, въ которомъ выяснена исторія этой повѣсти и путь, который та прошла, прежде чѣмъ явилась въ нашей литературѣ. b) Луцидаріусъ, напечатанный съ списка начала XVII в. Синодальной библіотеки, съ необходимыми варіантами и съ предисловіемъ. c) Трагедокомедія Варлаама Лащевскаго о мздѣ въ будущей жизни. Цѣль изданія такого памятника, по словамъ Н. С., дать нѣкоторыя данныя для изслѣдованія южнорусской письменности въ отношеніи къ сѣверной; именно въ періодъ времени отъ начала XVII до второй половины XVIII в., что составляетъ одну изъ важнѣйшихъ задачъ исторіи новой русской словесности. d) Повѣсть о прѣніи живота съ смертію, съ соотвѣтствующими поясненіями. e) Біографическая замѣтка объ А. О. Аблесимовѣ. f) Русскіе интерлюдіи первой половины XVIII в., съ небольшимъ предисловіемъ.

Кромѣ того, Н. С. были напечатаны тамъ же слѣдующіе памятники безъ всякихъ объясненій: 1) Петрида или описаніе стихотворное смерти Петра Великаго, императора Всероссійскаго; кн. Антіоха Кантемира. 2) Вопросные пункты, предложенные Н. И. Новикову митрополитомъ Платономъ. 3) Повѣсть, какъ приходилъ греческій царь Василій подъ Вавилонъ градъ 4) Записки Ломоносова къ Штелину. 5) Объ обязанностяхъ духовенства. Записка Ломон. 6) Повѣсть о Саввѣ Грудницынѣ. 7) Прѣніе литовскаго протопопа Лаврентія Зизанія съ игуменомъ Иліею и справщикомъ Григоріемъ по поводу исправленія, составленнаго Лаврентіемъ катихизиса. 8) Стихъ о книгѣ голубиной. 9) Повѣсть о Ѳедорѣ жидовинѣ. 10) Разговоръ о дѣтяхъ Адамовыхъ. 11) Повѣсть о чюдеси Пречистыя Богородицы, о гради Муромѣ и о епископѣ его, како пріиде на Рязань. 12) Русская легенда XVII в. о образѣ Богородицы. 13) Сказанія о индійскомъ царствѣ. 14) Примѣчаніе Ломоносова на сказанную о Сумароковѣ фразу: Quand un tel parallèle désigne deux génus créateurs. 15) Отрывокъ изъ письма племянника Н. И. Новикова къ А. И. Тургеневу. 16) Письмо Н. И. Новикова. 17) Біографическія замѣтки о русскихъ писателяхъ (М. И. Веревкинъ) XVIII вѣка.

Одного уже перечисленія этихъ статей достаточно, чтобы показать, на сколько было много труда у молодого издателя новаго спеціально-научнаго журнала, и онъ былъ правъ, говоря о себѣ: „Я работаю какъ жидъ". (Памяти Н. С. Тих. Изд. Арх. общ. и люб. р. сл. 22 стр.) Не лишнимъ считаемъ замѣтить, что всѣ пять томовъ лѣтописи русской литературы были изданы Н. С. на свой счетъ и, какъ ожидалъ и самъ издатель, не вернули затраченныхъ средствъ. По выходѣ въ свѣтъ 1-й книжки этого журнала въ № 100 Москов. Вѣдомостей явилась статья, за подписью Б., имѣющая своей цѣлью оправдать появленіе новаго спеціальнаго изда-

нія, тѣмъ болѣе что въ то время еще существовали Библіографическія Записки, въ которыхъ помѣщались преимущественно матеріалы по новой русской литературѣ (XVIII и XIX в.).

Въ томъ же году Н. С. было напечатано въ III-й кн. Архива истор. и практ. свѣдѣній, изд. Калачова" Извѣстіе о Россіи въ XVII в. Изъ книги космографія, яже переведена съ римскаго языка на словенскій отъ созданія міра 7173. (1665 г.) Сказаніе это было помѣщено въ хранившейся у Н. С. рукописной географіи съ атласомъ, писанной трудами протоіерея Суздальскаго собора Іоанна Іоаннова въ 1763 г.

Въ этой статьѣ находится много интересныхъ свѣдѣній о характерѣ, образѣ жизни и нравѣ русскихъ того времени: „Человѣцы же возрастомъ велики и добророднн и брадами сановиты, но корысти желательны и нравы непостоянны. Пити же народъ тотъ россійскій, наипаче же простіи поселяне зѣло любятъ много, понеже воздухъ имутъ вольный, ни вельми горячъ, ни вельми студенъ" и т. д.

Съ конца 59 г. Н. С. принимаетъ самое живое и энергичное участіе въ устройствѣ въ Москвѣ воскресныхъ школъ. Онъ привлекъ университетскую молодежь въ качествѣ учителей, самъ обучалъ студентовъ преподаванію, читалъ лекціи о звуковомъ методѣ обученіи грамотѣ, возилъ слушать выдающихся преподавателей, заботился о пріобрѣтеніи матерьяльныхъ средствъ, писалъ о нихъ отчеты,—однимъ словомъ: Н. С. предался этому дѣлу со всѣмъ ему свойственнымъ увлеченіемъ, и заботы о немъ поглощали большую часть его времени до самаго момента преобразованія воскресныхъ школъ, т. е. до начала 1861 г. Болѣе подробныя свѣдѣнія объ этой сторонѣ дѣятельности Н. С. можно найти въ статьѣ: „Н. С. въ корпусѣ и въ воскресныхъ школахъ". С. В—ій (Памяти Н. С. Тихонравова. Изд. Археолог. общества). Въ 1861 году были напечатаны въ 3-й книгѣ Чтеній въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и древностей Россійскихъ сообщенныя Н. С. письма профессоровъ. Моск. унив.: Двигубскаго, Мудрова, Болдырева, Тимковскаго и Чеботарева къ попечителю Московскаго учебнаго округа Михаилу Никитичу Муравьеву.

Въ высшей степени характерны по языку, по личности автора и интересны съ исторической точки зрѣнія письма проф. Мудрова. Отдавая въ въ нихъ отчетъ о своемъ заграничномъ путешествіи, онъ предварительно обрисовываетъ состояніе „рукодѣятельныхъ наукъ и вмѣстѣ искусствъ" (анатоміи и хирургіи) въ мед. фак. Моск. унив., оговариваяся, что онъ „не людей, а вещи предлагаетъ, не обинуясь своему начальнику, для поправленія". „Анатомію, пишетъ онъ, преподавалъ проф. Керестури,—человѣкъ глубокихъ свѣдѣній, но онъ никогда не могъ окончить курса; его кротость была причиной тому, что Прозекторъ Андреевскій приготовлялъ для лекцій весьма мало

Кромѣ скелетовъ, онъ не дѣлалъ никакихъ препаратовъ. Его должность была показывать намъ способъ препарированія. Но онъ не только не дѣлалъ сего, но еще препятствовалъ намъ заниматься разсѣканіемъ или давалъ протухлые трупы, или не впускалъ въ Анатомію, или ее не топилъ, или не давалъ инструментовъ или поздно требовалъ трупы изъ полиціи.

Проф. Рихтеръ, коего достоинства, способности и свѣдѣнія превышаютъ всякую похвалу, читалъ хирургію превосходно; но можно ли тому повѣрить, что онъ не показалъ ни одной операціи ни на живомъ, ни на кадаверѣ? И мы ни одной не сдѣлали. Можно ли тому повѣрить, что онъ училъ словами и мѣломъ дѣлать операціи, не показавъ строенія оперируемой части на кадаверѣ? И мы учились танцовать, не видавши какъ танцуютъ. „Въ такомъ же видѣ изображено имъ положеніе и другихъ отдѣловъ „рукодѣятельныхъ" наукъ: акушерства, патологической анатоміи.

Интересенъ взглядъ Мудрова на занятія, не входившія въ тѣсный кругъ его спеціальности, а также на развлеченія, которыя онъ изрѣдка дозволялъ себѣ: „Каждый разъ держа въ рукахъ не медицинскую книгу, пишетъ онъ, или сидя въ спектаклѣ, я упрекаю себя въ воровствѣ противъ университета и отечества. Представляя Проспектъ человѣколюбивыхъ заведеній, находящихся въ Парижѣ, съ которыми онъ имѣлъ возможность ознакомиться во время прогулокъ, онъ дѣлаетъ такую оговорку: „Естли читая мой Проспектъ назовете его произведеніемъ праздности и прибавите къ тому, что слоняться по городу есть убивать время, я доложу вамъ, что я имѣю талисманъ. носить въ рукѣ лоскутъ бумаги воровски, чтобы не показаться педантомъ, и дорогою твердить вокабулы. Вотъ мой способъ учиться языкамъ. Далѣе онъ обрисовываетъ свое матерьяльное положеніе. Имѣя столъ, квартиру и свѣчи готовыя, у него ничего не осталось изъ 1500 франковъ, переведенныхъ изъ университета, сверхъ жалованья.

Беречь изъ скупости деньги, назначенныя ему для воспитанія, онъ почитаетъ святотатствомъ. 30 копѣекъ съ всемощнымъ благословеніемъ, данныя ему его отцомъ для путешествія—онъ бережетъ только сей талисманъ. Изъ Салцбурга въ Вѣну прибылъ проф. Мудровъ съ однимъ дукатомъ и то по милости ногъ. Не отказывается Мудровъ, за неимѣніемъ денегъ, совершить путешествіе пѣшкомъ и изъ Вѣны въ Вильну. „Я не боюсь, говоритъ онъ, и не стыжусь ни котомки, ни посоха. Но стыдись, университетъ, до того довесть своего члена и питомца! Проѣзжать же университеты, академіи и человѣколюбивыя заведенія, не употребивъ на оныя ни вниманія, ни времени, ни денегъ, есть подобиться кучеру, видѣвшему большой свѣтъ на козлахъ [3]).

---

[3]) Чтенія въ Импер. Общ. Ист. и Древн. Рос. 1861 г. кн. 3, отд. V, стр. 26—74.

Въ 1861 г. вышелъ 3-й томъ „Лѣтописей русской литературы и древностей“. Здѣсь Н. С. были напечатаны слѣдующіе памятники: a) Жалостная комедія объ Адамѣ и Евѣ, b) Слово о вѣрѣ христіанской и жидовской, c) интермедія: смерть, воинъ и хлопецъ, d) автобіографія протопопа Аввакума, e) сказка о Иванѣ Бѣломъ, f) стихъ объ антихристѣ, g) слово іеромонаха Евѳимія, h) замѣтка о старинѣ и народности—Шемякинъ судъ; i) Воскресеніе мертвыхъ, въ пяти дѣйствіяхъ, показанное трудомъ Георгія Кониcскаго; k) новый списокъ Слова о Даніилѣ Заточникѣ.

Вмѣсто предисловія къ жалостной комедіи Н. С. были напечатаны три лекціи изъ курса, читаннаго имъ въ 1859—60 г., подъ заглавіемъ: Начало русскаго театра.

Эта капитальная статья наравнѣ съ изслѣдованіемъ Пекарскаго: „Мистеріи и старинный театръ въ Россіи“ (Современникъ 1857 г.) долгое время служили единственнымъ пособіемъ по изученію нашего русскаго театра.

Вообще эта малоизвѣстная область обязана своей научной разработкой главнѣйшимъ образомъ трудамъ Н. С. [4]).

Въ 1862 г. была издана отдѣльной книжкой автобіографія протопопа Аввакума, подъ заглавіемъ: Житіе протопопа Аввакума, имъ самимъ написанное. На этомъ замѣчательномъ памятникѣ я остановлюсь болѣе подробно, когда буду излагать читанный Н. С., въ бытность мою студентомъ, курсъ лекцій.

Въ томъ же 1862 г. Н. С. была напечатана въ Русскомъ Вѣстникѣ рецензія на 3-й выпускъ Памятниковъ русской литературы, издаваемыхъ графомъ Григоріемъ Кушелевымъ Безбородко, въ которомъ были изданы ложныя и отреченныя книги русской старины, собранныя А. Пыпинымъ.

Указавъ на исторію возникновенія „отреченыхъ“ книгъ, на время ихъ появленія въ Россіи, на ихъ значеніе въ исторіи русскаго просвѣщенія, Тих. обращаетъ вниманіе на то, что въ основу исторіи отреченной русской литературы обязательно должна быть положена критическая разработка индекса запрещенныхъ книгъ.

Между тѣмъ Пыпинъ или совершенно оставляетъ въ сторонѣ указанія индекса, а потому нарочно произвольно относитъ нѣкоторыя книги къ разряду отреченныхъ, или же, подыскивая ложныя книги даже по индексу, вноситъ въ свое изданіе совсѣмъ не ту статью, которую разумѣлъ индексъ, произвольно навязываетъ ей заглавіе искомой статьи и спокойно печатаетъ какъ ложную книгу русской старины. Нерѣдко отреченныя произведенія входятъ въ составъ какого-нибудь сборника или въ составъ какой-нибудь исторической компиляціи, въ родѣ Палеи; и въ томъ

[4]) Архангельскій. Памяти Н. С. Тихонравова. Стр. 52 и др.

и въ другомъ случаѣ они видоизмѣняются согласно характеру сборника, и критическое изданіе ложныхъ и отреченныхъ книгъ не возьметъ за норму того вида, въ какомъ они встрѣчаются въ этихъ сборникахъ. Пыпинъ впалъ и въ эту ошибку. Большая часть ложныхъ книгъ, извлеченныхъ Пыпинымъ изъ Палеи, представляетъ памятники не въ настоящемъ, истинномъ видѣ ихъ, а въ самой обезображенной и изуродованной формѣ. А между тѣмъ, добавляетъ Тих., самой легкой критики рукописей достаточно было для того, чтобы избѣжать этого легкомысленнаго искаженія нашей старой отреченной литературы. Палеографическія особенности рукописей, изъ которыхъ Пыпинъ заимствовалъ ложныя книги, также не всегда вѣрно оцѣнены.

„Произведенія, оставившія такой прочный и долговѣчный слѣдъ въ исторіи народной культуры, какъ отреченныя русскія книги, произведенія, около которыхъ группируется множество вопросовъ, важныхъ въ исторіи общеевропейской словесности,—должны внушать, замѣчаетъ Н. С., изслѣдователю нѣкоторое уваженіе и не подвергаться искаженіямъ ради какой-то „занимательности“. Предлагая ихъ въ первый разъ на судъ „исторической критики“, слѣдуетъ держаться только положительныхъ требованій науки и отказаться отъ дилеттантизма, оставляющаго при себѣ только то, что кажется ему „занимательнымъ“: подобные взгляды не имѣютъ ничего общаго съ исторической критикой“. Такими словами заканчиваетъ Н. С. упомянутую рецензію [5]).

Въ слѣдующемъ томѣ того же Русскаго Вѣстника была помѣщена статья Н. С. подъ заглавіемъ: „Четыре года изъ жизни Карамзина“, 1785—1788 г. Цѣль этой статьи “указать, какими вліяніями опредѣлялось литературное образованіе Карамзина въ Дружескомъ Обществѣ и бѣгло-познакомить съ тѣми людьми, которыхъ онъ тамъ встрѣтилъ. Здѣсь мы находимъ весьма рельефную обрисовку личности и просвѣтительной дѣятельности Н. И. Новикова, Шварца, Ленца, Петрова, Кутузова и другихъ членовъ Дружескаго Общества. Карамзинская школа ставится Н. С. въ тѣсную связь съ Новиковскимъ періодомъ.

Въ томъ же году былъ изданъ IV томъ Лѣтописей Русской Литературы, гдѣ Н. С. были напечатаны: 1) Повѣсть о царѣ Соломонѣ по рукописямъ XVIII в. съ приложеніемъ 6-ти снимковъ, 2) Рождественская драма, по рукописи также XVIII и 3) Слова и поученія, направленныя противъ языческихъ вѣрованій и обрядовъ, гдѣ указаны рукописи, изъ которыхъ были заимствованы поученія. Рукописи эти относятся къ XIV и XV вв.

Въ слѣдующемъ 1863 году были изданы Н. С. два тома „Памятниковъ отреченной русской литературы“, которые должны были составить при-

[5]) Рус. Вѣстн. т. XXXVII, кн. I, стр. 732—749.

ложеніе къ изслѣдованію подъ заглавіемъ: „Отреченныя книги древней Россіи“. Къ сожалѣнію, это изслѣдованіе не вышло въ свѣтъ, въ силу цензурныхъ соображеній.

На основаніи историческаго изученія разнообразныхъ редакцій и списковъ „статьи о книгахъ истинныхъ и ложныхъ“, сравнительно съ греческими и югославянскими индексами апокрифическихъ книгъ, Н. С. приходитъ къ заключенію, что древнею Россіею въ различныя времена считались ложными и отреченными до 100 произведеній, наименованіе которыхъ и приводится въ предисловіи. Въ двухъ изданныхъ томахъ напечатано 52 произведенія; былъ приготовленъ матеріалъ и для 3-го тома, но онъ не былъ изданъ.

Издаваемые „Памятники отреченной русской литературы“ должны были представить указанія для рѣшенія вопросовъ: 1) откуда, 2) когда отреченныя книги зашли въ нашу словесность и 3) какова была ихъ судьба на Руси.

Въ концѣ предисловія Н. С. указываетъ и методъ, котораго онъ держался при изданіи памятниковъ нашей старинной литературы.

Я предлагаю памятникъ, говоритъ Н. С., какъ нашелъ въ рукописи, не позволяя себѣ ни транскрипціи. ни сліянія нѣсколькихъ списковъ разныхъ вѣковъ въ одно цѣлое. Очевидныя описки рукописи я исправляю въ текстѣ или въ выноскахъ, *но всегда представляя и буквальное чтеніе рукописи* Всѣ особенности манускрипта я сохраняю въ своемъ изданіи, прибавляя кое-гдѣ въ выноскахъ свои коньектуры и объясненія. Быть можетъ, это поставятъ мнѣ въ ошибку. Но кому же неизвѣстно, что, благодаря транскрипціи первыхъ издателей Слова о полку Игоревѣ, многія мѣста этого произведенія до сихъ поръ остаются темными, несмотря на длинный рядъ болѣе или менѣе безплодныхъ комментаріевъ къ „Слову“. Скажутъ: судьба Слова о полку Игоревѣ исключительная; единственный его списокъ погибъ. Но мы уже и теперь не досчитываемся нѣкоторыхъ отреченныхъ книгъ древней Россіи, упомянутыхъ въ индексѣ и безпорно извѣстныхъ нашимъ предкамъ. Неуваженіе къ прошедшему, робкое невѣжество и узкій пуризмъ можетъ приготовить не лучшую судьбу и оставшимся произведеніямъ отреченной русской литературы (XI—XIII)“.

Памятники отреченной русской литературы принадлежатъ къ числу капитальнѣйшихъ изданій. Они легли въ основу многихъ изслѣдованій А. И. Веселовскаго, Порфирьева и др. Дополненіемъ къ нимъ служатъ сдѣланныя Ягичемъ изданія южно-славянскихъ памятниковъ.

Въ 1863 г. былъ изданъ V-й томъ Лѣтописей русской литературы, на которомъ, къ сожалѣнію, и остановилось дальнѣйшее изданіе этого весьма цѣннаго сборника. Повидимому, прекращеніе изданія было дѣломъ

непредвидѣннымъ и для самаго редактора, такъ какъ въ предисловіи къ „Новымъ свѣдѣніямъ о Н. И. Новиковѣ и членахъ компаніи типографической", сообщеннымъ Д. И. Иловайскимъ, Н. С. обѣщаетъ *въ слѣдующемъ* томѣ напечатать документы, обрисовывающіе положеніе Н. И. Новикова по выходѣ его изъ Шлюссельбургской крѣпости. Въ этомъ послѣднемъ томѣ труду редактора принадлежитъ изданіе нѣсколькихъ интересныхъ памятниковъ, относящихся къ исторіи раскола: Исторія о вѣрѣ и челобитная о стрѣльцахъ Саввы Романова по раскольничей рукописи настоящаго столѣтія. Обличеніе на Никона Патріарха, написанное для царя Алексѣя Михайловича, изъ раскольничьяго сборника XVII в. Раскольничья сатира прошлаго вѣка, изъ раскольничьей тетради настоящаго столѣтія. О напаствованіи протопопа Аввакума изъ раскольничьяго сборника XVII вѣка. О заточеніи дьякона Θеодора изъ раскольничьяго сборника XVII в. Въ концѣ тома находятся двѣ статьи, взятыя изъ полууставнаго сборника XVI в., принадлежавшаго нѣкогда Волоколамскому монастырю. Одна изъ нихъ озаглавлена „Слово о злыхъ женахъ, а другая относится къ исторіи Стоглаваго собора. Статья эта принадлежала неизвѣстному русскому архипастырю, который намѣтилъ въ ней нѣсколько церковныхъ неисправленій, ставшихъ впослѣдствіи однимъ изъ предметовъ обсужденія на Стоглавомъ соборѣ 1551 г.

Изданіе этой статьи имѣетъ тѣсную связь съ другимъ капитальнымъ трудомъ, предпринятымъ Н. С. совмѣстно съ А. В. Викторовымъ, хранителемъ рукописей въ Румянцевскомъ музеѣ, а именно—изданіемъ Стоглава по списку XVI в., съ варіантами изъ многихъ другихъ списковъ и съ приложеніемъ особой, донынѣ неизвѣстной редакціи этого памятника. О трудѣ этомъ говорится въ отчетѣ Московскаго унив., но самое изданіе не появлялось въ свѣтъ.

Галаховъ сдѣлалъ въ свое время прекрасную оцѣнку „Лѣтописей русской литературы и древностей" и справедливо замѣтилъ, что они имѣютъ такое же значеніе, какимъ пользуются относительно нѣмецкой литературы журналъ Гаупта: Zeitschrift für Deutsche Alterthum а относительно романской и англійской журналъ Эберта: Jahrbuch für romanische und Englische Literatur [6]).

Въ 1864 году Н. С. былъ удостоенъ академіей наукъ большой золотой медали за разборъ сочиненія П. А. Безсонова „Калѣки перехожіе" 5 вып. Москва 1863 г., представленнаго на соисканіе Демидовской преміи и удостоеннаго почетнаго отзыва.

23 апрѣля 1864 года въ публичномъ собраніи Московскаго университета Н. С. была прочитана рѣчь о Шекспирѣ, по случаю 300 лѣтней годовщины его рожденія.

---

[6]) Всеміри. Иллюстрація 1890 г. № 1135, стр. 278.

Небольшая статейка эта заслуживаетъ вниманія по вѣрной обрисовкѣ какъ того литературнаго направленія, которое было господствующимъ во время Шекспира, такъ и того, представителемъ котораго явился самъ Шекспиръ. Его эпоха была переходной отъ среднихъ вѣковъ къ новому времени. Во Франціи господствовалъ итальянскій вкусъ, подготовившій ложно-классическую литературную школу. „Итальянская поэзія отрѣшилась отъ дѣйствительности для фантастическаго міра, отъ жизни для идиллической пасторали, отъ народа для тѣсной сферы избраннаго круга, и скоро условныя правила приличія сковали мертвымъ однообразіемъ ея развитіе". Совершенно противоположную картину представляла литература сѣверогерманская. Реформація освобождала умы. „Обрядность рыцарства, его условныя понятія и мораль издавна вызывали противодѣйствіе въ простой, неиспорченной средѣ; рядомъ съ поэзіей этого привилегированнаго сословія росла (съ XIII в.), какъ ея рѣшительное противодѣйствіе, литература народная, желавшая естественности и правды. Въ XVI в. это различіе между южно-романской литературой и сѣверно-германской достигло рѣзкихъ границъ: первая была обращена къ красотѣ формы, къ идеально-фантастичному содержанію; вторая—къ естественности, природѣ и мало обращала вниманія на обработку формы: пусть дѣйствительность явится въ своей непосредственной, естественной формѣ; пусть искусство, какъ нидерландскій genre, будетъ возможно вѣрною копіею дѣйствительности". Эти два направленія, раздѣлявшія Зап. Европу, столкнулись въ Англіи при появленіи на лондонскую сцену Шекспира. Сначала Шекспиръ увлекся итальянскимъ направленіемъ; его сонеты можно было найти у каждой образованной дамы; но сила національныхъ началъ, здоровое направленіе времени не дали ему долго служить чужимъ образцамъ. Онъ отдалъ „шелковую фразу, искусно вытканную рѣчь сонета" за простую, старую народную пѣснь. На основаніи мыслей, высказанныхъ Шекспиромъ въ его произведеніяхъ, Н. С. обрисовываетъ его взглядъ на искусство, религію, отношенія къ дѣйствительности. Шекспиръ, по его мнѣнію, смотрѣлъ на искусство, какъ Бэконъ на науку: по Шекспиру искусство выше природы, побѣждаетъ ее, какъ и наука.

Искусство есть также „образъ существующаго", но такой, который даетъ видѣть законы существующаго. Вопреки природѣ оно придаетъ жизнь ничтожнымъ вещамъ": оно обнаруживаетъ „душу человѣка въ его глазахъ, умъ въ устахъ, и безмолвный жестъ краснорѣчивъ на картинѣ. Шекспиръ реалистъ въ искусствѣ, какъ Бэконъ въ наукѣ. Реализмъ—это та „истина времени", которую Шекспиръ и Бэконъ противопоставили авторитету классической древности. Какъ реалистъ, Шекспиръ любитъ людей дѣятельныхъ, практическихъ и отвращается отъ идеалистовъ, которые „разливаются въ безплодныхъ мечтаніяхъ и чужды дѣла". Въ свободномъ отно-

шеніи къ религіи Шекспиръ также сходится съ Бэкономъ. Шекспиръ врагъ религіознаго фанатизма и его источника—суевѣрія. Въ нравственныхъ положеніяхъ Шекспира не проглядываетъ ученія какой нибудь партіи религіозной; его мораль—мірская, человѣческая. Такое же свободное и безпристрастное отношеніе Шекспира къ государству: онъ и не республиканецъ и не строгій монархистъ,—онъ проводитъ лишь идеи, что государство не должно стѣснять нравственной природы человѣка. Истина и простота, дѣйствительность и исторія руководятъ Шекспира. Вотъ тѣ основныя начала, которыя развиваются въ указанной статьѣ Тихонравова болѣе подробно, на основаніи мыслей самого Шекспира, выраженныхъ въ его произведеніяхъ. Мнѣ кажется, что, не смотря на протекшіе 30 лѣтъ, эта рѣчь не утратила своего значенія и можетъ служить хорошимъ руководствомъ при общей характеристикѣ Шекспира. [1]).

8 мая 1864 г. скончался въ Парижѣ проф. Моск. унив. Степанъ Петровичъ Шевыревъ, и Н. С. посвятилъ своему наставнику двѣ статьи—одну краткую, въ видѣ некролога, другую, болѣе обширную, напечатанную въ отчетѣ Моск. унив., подъ заглавіемъ: „Памяти С. П. Шевырева". Вотъ какъ характеризуетъ Н. С. научное значеніе професорской дѣятельности Шевырева. Первые ученые труды Шевырева—говоритъ онъ въ некрологѣ— Дантъ и его вѣкъ, Теорія поэзіи въ историческомъ развитіи у древнихъ и новыхъ народовъ, Исторія поэзіи—представляли не совсѣмъ обыкновенныя явленія въ тогдашней литературѣ нашей и не потеряли своего значенія до сихъ поръ. Во время господства отвлеченныхъ эстетическихъ теорій, когда еще не замолкли въ русской литературѣ отголоски ложноклассическихъ воззрѣній, сочиненія Шевырева рѣзко выдѣлялись изъ трудовъ, посвященныхъ тому же предмету, историческимъ методомъ изученія литературы. Исторію русской литературы Шевыревъ первый сдѣлалъ предметомъ университетскаго преподаванія; исторія русскаго языка также введена была имъ въ университетскій курсъ словесности. Существенною и неотъемлемою заслугою Шевырева останется то, что онъ сдѣлалъ *исторію* русской литературы предметомъ интереса публики и изученія университетскихъ слушателей и первый написалъ *исторію древней русской словесности*. Болѣе подробно останавливается Н. С. на этомъ первомъ трудѣ по исторіи древней русской литературы въ статьѣ, посвященной памяти С. П. Шевырева. „Если его „исторія" древней русской литературы не свободна отъ сантиментальной идеализаціи древне-русской жизни и развитія, то не забудемъ, что она была первой и доселѣ (1864 г.) остается единственною попыткой представить полную картину истори-

---

[1]) Рус. Вѣстн. 1864 г. L, кн. 4. стр. 735—752.

ческаго развитія русской литературы. Шевыревъ увлекался въ одну сторону, одною идеею; но это была идея русской народности. Историческая школа изученія народной словесности, господствующая въ настоящее время въ Германіи, считаетъ своимъ главою Якова Гримма,—но она возникла на почвѣ, приготовленной романтиками. Точно также и первый эскизъ исторіи древней словесности, набросанный Шевыревымъ съ нескрываемымъ пристрастіемъ къ до-петровской исторіи русской народности, останется исходнымъ пунктомъ, къ которому примкнутъ изслѣдованія русской народной словесности, воздвигнутыя на строго научныхъ началахъ, чуждыя крайнихъ патріотическихъ увлеченій и сантиментальной идеализаціи. [8]).

Въ 1865 г. были напечатаны: a) программа по русскому языку и словесности для поступающихъ въ студенты Императорскаго Московскаго Университета; b) о литературной дѣятельности Ломоносова; c) Боярыня Морозова, эпизодъ изъ исторіи раскола.

Несмотря на многочисленные серьезные труды, связанные съ университетскимъ преподаваніемъ, Н. С. живо интересуется судьбою средней школы. Составленная имъ программа по рус. яз. и словесности выдвигаетъ на первый планъ практическій методъ взамѣнъ господствовавшаго до того времени теоретическаго. Отъ поступающихъ въ университетъ по этой программѣ требовались *не грамматическія правила, а отчетливое знаніе языка.* и *не содержаніе* литературныхъ произведеній, а *ближайшее непосредственное съ ними знакомство*, основанное на внимательномъ ихъ прочтеніи и изученіи. Изъ объемистыхъ произведеній позволялось ограничиваться отрывкомъ, но такъ какъ отрывокъ не можетъ быть вполнѣ понятъ безъ знанія цѣлаго, а литературное произведеніе безъ знакомства съ эпохой, то требуемое *изученіе части* не устраняетъ *ни прочтенія цѣлаго*, ни теоретическихъ и историческихъ обозрѣній, но не голословныхъ и бездоказательныхъ, а стоящихъ въ прямой связи съ тѣмъ произведеніемъ, изъ котораго взятъ отрывокъ. Этою программою требовалось также знакомство съ крупнѣйшими произведеніями всемірной литературы. (Пѣснь изъ Дантовскаго ада, Донъ-Кихотъ Сервантеса, трагедія Шекспира, Орлеанская дѣва Шиллера, романъ Вальт.-Скотта и др.) [9])

Въ рѣчи о литературной дѣятельности Ломоносова, произнесенной въ день торжественнаго празднованія Московскимъ университетомъ столѣтней годовщины Ломоносова, мы находимъ въ высшей степени рельефную обрисовку личности Ломоносова и произведенной имъ реформы. По словамъ

---

[8]) Отчетъ Моск. унив. за 1864 г. стр. 9.

[9]) Памяти Н. С. Тихонравова. Изд. Имп. Арх. Общ., стр. 38.

Н. С., онъ далъ нашей литературѣ ту централизацію, какую государство получило отъ Петра. Идеалы жизни и поэзіи Ломоносова сосредоточивались въ русской землѣ, на русскомъ народѣ. Отдаваясь подражательному направленію, Ломоносовъ всегда помнилъ Россію „свою возлюбленную мать". Онъ указывалъ искусству родное, русское содержаніе. Литературная реформа Ломоносова, въ существѣ своемъ глубоко проникнутая національными началами и вѣрная историческимъ преданіямъ русскаго народа, отбросила узкую для насъ форму силлабическаго стихотворенія и ввела въ литературныя права размѣръ, обусловленный элементами и исторіею рус. языка и искони господствовавшій въ народныхъ русскихъ пѣсняхъ. Вѣрный „собственному и природному", Ломоносовъ искалъ стихій литературнаго слога въ исторіи и въ жизни русскаго языка, а не въ мертвой полунепонятной смѣси церковнославянскаго съ дикими нелѣпостями иностранныхъ словъ. Онъ установилъ твердою рукою отношеніе русскаго языка къ церковнославянскому въ литературной сферѣ, глубоко сознавая, что историческая жизнь и религіозныя начала связали эти два нарѣчія великой славянской семьи. [10]) Изъ проведеннаго достаточно видно, до такой степени глубоко и вѣрно охарактеризована личность Ломоносова и его литературныя заслуги.

Разсказъ Боярыня Морозова составленъ на основаніи статьи, находящейся въ одномъ изъ рукописныхъ сборниковъ библіотеки автора. Вотъ какъ характеризуетъ Н. С. значеніе той эпохи, къ которой принадлежитъ главное дѣйствующее лицо.

Во второй половинѣ XVI в., говоритъ Н. С., стало ясно сказываться раздвоеніе въ русскомъ обществѣ. Строй старой русской жизни, во многомъ обусловленный вліяніемъ Византіи, началъ замѣтно колебаться: „многіе обычаи поисшатались".

XVII в. былъ временемъ самаго рѣшительнаго и мощнаго развитія старовѣрства. Борьба враждебныхъ направленій раздѣлила дворъ, общество, семейство. Старовѣрство никогда не выставляло такихъ сильныхъ характеровъ, такихъ горячихъ словомъ и дѣломъ борцовъ, какъ XVII вѣкъ.

Съ одной изъ такихъ личностей и имѣлъ въ виду познакомить Н. С. въ данной статьѣ. Дочь боярина Прокофія Саковнина, Өедосья Прокофьевна была замужемъ за Глѣбомъ Ивановичемъ Морозовымъ, роднымъ братомъ знаменитаго Бориса Морозова, который, по словамъ Протопопа Аввакума, былъ дядька и пѣстунъ и кормилецъ „тишайшаго государя". Морозова была склонна къ религіознымъ размышленіямъ и любила „духовныя словеса", а, лишившись вскорѣ мужа, понемногу отстранилась отъ мір-

[10]) Празднованіе столѣтней годовщины Ломон. Московск. унив. 11 апрѣля 1865 года, стр. 83, 85, 86.

ской суеты. Сближеніе же съ знаменитымъ представителемъ старовѣрства Аввакумомъ окончательно опредѣлило ея судьбу: она явилась достойной послѣдовательницей своего учителя, и вмѣстѣ съ нимъ даетъ яркій типъ борцевъ за „поисшатавшуюся старину".

Этотъ эпизодъ изъ исторіи раскола представляетъ въ довольно яркомъ свѣтѣ положеніе старой и новой партіи при царскомъ дворѣ въ XVII в. На сколько важно болѣе обстоятельное ознакомленіе съ подобными типичными представителями XVII в. даютъ понятіе заключительныя слова Н. С.: „Чтобы понять личность и реформу Петра, нужно пристально вглядѣться въ суровыя лица брадатыхъ поборниковъ русской старины, нужно вслушаться въ сильныя, подхваченныя стоустной толпой рѣчи ихъ о необходимости умирать за крестъ и молитву, за свою браду честную, нужно оцѣнить высокое историческое значеніе XVII вѣка для Россіи,—вѣка, пытавшаго тяжелою внутреннею борьбою силы русскаго народа и недаромъ представлявшагося современникамъ „антихристовымъ временемъ". Много жертвъ пало съ той и другой стороны. Исторія разсѣетъ взаимныя недоразумѣнія. Возможно спокойное, свободное и безпристрастное изученіе минувшихъ судебъ русскаго старовѣрства должно не мало тому содѣйствовать[11]).

На вечернихъ лекціяхъ, устроенныхъ въ этомъ году въ пользу недостаточныхъ студентовъ Моск. унив., Н. С. прочелъ оставшуюся ненапечатанной статью подъ заглавіемъ: „Изъ исторіи Парижскаго Университета.

Въ 1866 г. въ Русскомъ Вѣстникѣ была помѣщена библіографическая замѣтка по поводу изслѣдованія Петра Полеваго: „Историческіе очерки средневѣковой драмы. Начальный періодъ", представленнаго для полученія степени доктора русской словесности. Эта замѣтка заслуживаетъ вниманія по безпощадной критикѣ означеннаго изслѣдованія. Въ концѣ ея такъ говоритъ Н. С.: „мы не имѣли въ виду писать разборъ книги Полеваго (она того не стоитъ); мы хотѣли только заявить въ русской журналистикѣ фактъ, слишкомъ громко и рѣзко свидѣтельствующій объ упадкѣ серьезнаго ученія въ нашихъ гимназіяхъ, о печальномъ и превратномъ направленіи нашего школьнаго образованія. Не странно ли, что одинъ изъ русскихъ университетовъ удостоилъ магистерской степени по филологическому факультету человѣка, не умѣющаго ни склонять, ни спрягать по-латыни? Не возмутительно ли видѣть, какъ невѣжеетво и самозванство съ свойственными имъ нахальными ухватками судятъ вдоль и поперекъ о томъ, чего не только не понимаютъ, чего не въ состояніи, по своимъ средствамъ, понимать? Не прискорбно ли думать, что человѣкъ, снискавшій себѣ дипломъ беззастѣнчивымъ обращеніемъ съ наукой, будетъ учить съ каѳедръ молодое поко-

---

[11]) Рус. Вѣст. 1865 г. т. LIX, кн. 9, стр. 7, 36.

лѣніе тому, что Гербертъ жилъ въ XIII в. и что qui средняго, а quod мужескаго рода? П. Полевой представилъ диссертацію о *средневѣковой западно-европейской драмѣ* на степень доктора *русской* словесности. Новый уставъ объ ученыхъ степеняхъ учредилъ магистровъ и докторовъ *иностранной* словесности. Почему бы г. Полевому не искать скорѣе степени *доктора иностранной словесности*? Это было бы нисколько не смѣшнѣе и не обиднѣе попытки получить степень доктора *русской* словесности за то только, что докторантъ бранитъ нѣмцевъ и не знаетъ по-латыни" [12])

Въ этомъ же году Н. С. было издано для учащихся „Слово о полку Игоревѣ, со словаремъ и примѣчаніями, въ которыхъ сдѣланы указанія на параграфы Исторической грам. Буслаева. Подстрочныя замѣчанія къ тексту и предисловіе имѣли въ виду познакомить преподавателя со взглядомъ на рукопись Слова, а также съ тѣмъ методомъ, который былъ принятъ Н. С. при изданіи этого памятника. Говорить о научномъ значеніи этого изданія я не буду, такъ какъ оно и до сихъ поръ служитъ единственнымъ руководствомъ при изученіи въ средней школѣ Слова о полку Игоревѣ.

Въ циркулярахъ по Московскому учебному округу за 1866 г. напечатаны донесенія Н. С. Тихонравова, въ качествѣ депутата отъ округа, о ходѣ выпускныхъ экзаменовъ въ Рязанской (№ 1) и Московской 3-й гимназіи (№ II). Тотъ и другой отчетъ составленъ съ присущей всѣмъ трудамъ Н. С. обстоятельностью и заслуживаетъ особеннаго вниманія по высказанныхъ имъ взглядамъ на преподаваніе русскаго языка и словесности.

Вооружаясь противъ господствовавшаго въ то время крайне вреднаго, по мнѣнію Н. С., преподаванія словесности, которое пріучало учениковъ гимназіи легкомысленно бросаться на рѣшеніе всякаго рода литературныхъ, историческихъ и другихъ вопросовъ, онъ ставитъ на видъ, что существенная задача преподаванія русскаго языка въ гимназіяхъ — пріучить учениковъ правильно, въ логическомъ и орѳографическомъ отношеніи, излагать свои мысли. Въ гимназическомъ преподаваніи, говоритъ онъ, на первомъ планѣ долженъ стоять *языкъ*, на второмъ *словесность*. Что, кромѣ безполезнаго повторенія чужихъ и полупонятыхъ фразъ, замѣчаетъ Н. С., могли представить ученики VII кл. на такія темы: Фаустъ Гете, свойство Гомеровскаго эпоса, эпоха господства иностранцевъ въ Россіи, Россія до Петра І-го и *послѣ него*. Островскій и его произведенія и т. п? По мнѣнію Н. С., ученическія сочиненія должны быть скромны по заглавію и размѣрамъ, но плодотворны для серьезнаго умственнаго развитія гимназистовъ. Богатый запасъ такого рода темъ преподаватели найдутъ въ классномъ и внѣклассномъ чтеніи учениковъ, которое должно находиться подъ руководствомъ

[12]) Рус. Вѣст. 1866 г. т. LXI, кн. I, стр. 424.

преподавателя. Иначе, замѣчаетъ онъ, ученики лѣнивые и малодаровитые привыкаютъ презирать подобный трудъ; ученики же съ дарованіемъ, желающіе опытнаго руководства и не находящіе его, бросаются на послѣднюю новость и увлекаются ею.

За эти ученическія увлеченія безъ положительнаго знанія, безъ непосредственнаго практическаго знакомства съ литературными произведеніями, при плохомъ знаніи славянской и русской граматикъ, особенно досталось отъ Н. С. преподавателю 3-й Московской гимназіи Соснецкому.

1 дек. 1866 г. въ торжественномъ собраніи Московскаго университета Н. С. прочелъ рѣчь: „Карамзинъ въ исторіи русской литературы". Вотъ какой отзывъ находимъ мы объ этой рѣчи въ № 254 Моск. Вѣд. за тотъ же годъ: „Проф. Тихонравовъ представилъ очеркъ литературной дѣятельности Карамзина, его взглядовъ на иностранную литературу и современныхъ ему англійскихъ, французскихъ и нѣмецкихъ писателей; привелъ нѣкоторыя стихотворенія Карамзина, указалъ его взглядъ на нравственное дѣйствіе искусства на человѣка, на нравственное сближеніе народовъ и на отношеніе Карамзина къ другому знаменитому русскому писателю, Пушкину.

Этотъ обширный этюдъ, встрѣченный одобреніемъ и сочувствіемъ публики, по словамъ Моск. Вѣд., долженъ былъ быть помѣщенъ вполнѣ въ Рус. Вѣстн., но, какъ и весьма многое изъ написанннаго и прочитаннаго Н. С., остался ненапечатаннымъ.

Въ 1867 г. въ Отечественныхъ Запискахъ была напечатана рецензія на только что вышедшее въ свѣтъ изданіе Ефремова: Матеріалы для исторіи русской литературы.

Помѣщая эту статью, редакція сдѣлала такую оговорку: „Несмотря на слишкомъ строгій приговоръ, произносимый Тихонравовымъ объ изданіи Ефремова, мы все таки печатаемъ эту статью въ уваженіе любопытныхъ матеріаловъ и соображеній, представленныхъ въ ней почтеннымъ авторомъ". Эти любопытные матеріалы и соображенія относятся главнымъ образомъ къ опыту историческаго словаря о россійскихъ писателяхъ Новикова. Между прочимъ Н. С. приводитъ здѣсь въ переводѣ неизданное дополненіе Штелина къ „Извѣстію о русскихъ писателяхъ" (Дмитревскаго): Nachtrag zu den Nachrichten von der Dichtung der Russen, въ высшей степени интересное по довольно неблагопріятнымъ отзывамъ автора о классическихъ русскихъ писателяхъ XVIII в.—Ломоносовѣ, Сумароковѣ и Державинѣ.

Въ Русскомъ Вѣстникѣ за тотъ же годъ была напечатана статья: Квиринъ Кульманъ. „Исторія жизни и увлеченій этого фанатика бросаетъ нѣкоторый свѣтъ на религіозные и отчасти соціальные вопросы, находившіе отголосокъ въ нѣмецкой слободѣ и притомъ въ такое время, когда этотъ уголокъ Москвы готовился получить особенное значеніе для самаго преоб-

разователя Россіи". Нѣкоторые изслѣдователи, (Новицкій „О Духоборцахъ," Филаретъ „Исторія русской церкви") видѣли въ ученіи Кульмана зародыши нашей секты духоборцевъ. Но изученіе произведеній Кульмана и опредѣленныя указанія розыскного дѣла, по мнѣнію Н. С., положительно убѣждаютъ, что историческое развитіе такъ называемаго духоборства шло внѣ всякой связи съ дѣятельностью Кульмана въ Москвѣ и его ученіемъ. [13])

Эта статья Н. С. была въ 1873 году переведена на нѣмецкій языкъ, подъ заглавіемъ: Quirinus Kuhlmann. Eine culturhistorishe studie. N. Tichonrawow. Aus dem Russischen übersetzt von. A. W. Fachner.

Въ 1868 г. 2-го февраля въ торжественномъ собраніи Московскаго университета была произнесена Ник. Сав. рѣчь о Крыловѣ, оставшаяся ненапечатанной.

Въ слѣдующемъ году въ публичномъ засѣданіи Общества Любителей Россійской словесности при Московскомъ унив. Н. С. прочелъ свое изслѣдованіе: „Кіевскій Митрополитъ, Евгеній Болховитиновъ". Этотъ трудъ заслуживаетъ особеннаго вниманія, какъ первый опытъ біографіи одного изъ выдающихся іерарховъ нашей церкви, обладавшаго весьма солиднымъ образованіемъ и не мало потрудившагося на поприщѣ отечественной словесности. Воспитанникъ Слав.-Греко-Латинской Академіи и слушатель Москов. унив., Болховитиновъ былъ охваченъ въ Москвѣ, этой „столицѣ русской литературы" по его собственному выраженію, тѣмъ литературнымъ движеніемъ, которое создало и подготовило Карамзина. Съ полной силой, во всей энергіи развивалась въ Москвѣ дѣятельность Новиковскаго кружка, и свѣжему и живому человѣку трудно было избѣгнуть вліянія ученаго общества. Съ именемъ „компаніи типографической" былъ связанъ одинъ изъ первыхъ студенческихъ трудовъ Болховитинова: „Краткое описаніе жизней древнихъ философовъ съ присовокупленіемъ отборнѣйшихъ ихъ мнѣній, системъ и нравоученій, сочиненное Фенелономъ, архіепископомъ Камбрійскимъ. Переводчикамъ Фенелоновой книги (Болх. и Рязанову) особенно нравились въ ней" расположеніе порядочное и обстоятельное, штиль *естественный и отрывной*; напыщенный складъ русскихъ писателей половины прошлаго вѣка начиналъ надоѣдать; молодежь желала естественнаго, пріятнаго литературнаго языка: готовившаяся реформа литературной рѣчи явилась сознаваемою потребностью. Положительный реальный умъ Болховитинова чуждался безсодержательнаго риторства и болѣзненной искусственности ложнаго классицизма. Надобно стараться (писалъ онъ въ 1805 г. Державину), чтобы въ журналѣ было болѣе *матеріи*, нежели *словесныхъ расширеній*. Вѣкъ *словеснаго краснорѣчія* почти уже проходитъ. Всѣ жаждутъ *вещей, а не словъ*. Въ

[13]) Рус. Вѣст. 1867 г. т. LXXII, кн. 11, стр. 184—185.

авторствѣ (говоритъ Болховитиновъ словами одного изъ любимыхъ своихъ писателей) la nature fait mieux que l'art. Совершенная *тщаливость* и *исправность* въ сочиненіяхъ почти всегда пахнетъ *натужностью. Геній не терпитъ неволи и порабощенія правиламъ.* Карамзинъ шелъ далѣе по той дорогѣ, на которой стоялъ Болховитиновъ. Карамзинъ какъ бы осуществилъ литературныя надежды его. Что съ Шишковымъ они не сошлись (писалъ Болхов. о Карамзинѣ) это естественно проистекаетъ отъ различія ихъ ученія. Одинъ хочетъ еще составить правила, а другой *давно уже* написалъ *образцы почти классическіе. Не реторы, а ораторы плѣняютъ читателей* [14])

Вотъ что говоритъ объ этой статьѣ Н. С. Тихонравова позднѣйшій біографъ митрополита Евгенія Шмурло: „работа задумана въ широкихъ размѣрахъ, но, къ сожалѣнію, обрывается на 1800 г., годѣ перехода Евгенія въ Петербургъ. На сколько можно судить по началу, личность митрополита, по замысламъ автора, должна была быть изображена въ связи съ современною ему эпохой. Прекрасное знакомство Тихонравова съ литературой второй половины XVIII вѣка дало ему возможность нарисовать не менѣе прекрасно литературную обстановку, среди которой зрѣлъ юный умъ Евгенія. Повидимому, дорожа одной только этой стороной, Тих. оставляетъ безъ вниманія труды его изъ другой области. Рукописный матерьялъ не былъ извѣстенъ автору, и если отсутствіе его сказывается, то для своего времени это было положительно лучшее произведеніе о Евгеніи. Полагаемъ, что именно въ его достоинствахъ надо искать объясненій, почему оно остановилось, далеко не будучи окончено: безъ помощи рукописнаго матерьяла едва ли могло оно удержаться на той высотѣ, на которую его поставилъ авторъ въ первыхъ своихъ главахъ". [15])

Въ 1870 г. въ Русскомъ Вѣстникѣ начался печатаніемъ трудъ Ник. Сав. подъ заглавіемъ: „Московскіе вольнодумцы начала XVIII вѣка и Стефанъ Яворскій"; оконченъ онъ былъ въ 1871 году.

Эта статья ярко рисуетъ намъ борьбу двухъ партій. Тверетиновъ съ товарищи является сторонникомъ совершавшейся при Петрѣ реформы; „онъ отдался ей вполнѣ и сочувственно привѣтствовалъ освобожденіе русской жизни и мысли отъ оковъ преданія". Не догма лютеранскаго богословія отвлеченно интересовала Тверитинова; его занимали тѣ новыя условія, въ которыя окончательно вступала русская жизнь съ реформою Петра Великаго. Перелистывая тетради Тверитинова, говоритъ Н. С., знакомимся съ человѣкомъ, глубоко возмущеннымъ низкимъ нравственнымъ уровнемъ со-

[14]) Рус. Вѣст. 1869 г. т. LXXXI, кн. 5, стр. 1—18.

[15]) Митр. Евгеній, какъ ученый. Е. Шмурло. 1888 г., стр. XLIV.

временнаго ему общества, его суевѣріемъ, религіознымъ формализмомъ и невѣжествомъ, съ человѣкомъ, который желаетъ выхода къ лучшему, требуетъ новыхъ наставниковъ, и особенно занятъ разъясненіемъ свойствъ и обязанностей истиннаго пастыря и наставника. Увлеченіе Тверитинова, тѣ оригинальные, крайніе выводы, до которыхъ онъ иногда доходилъ, "новая догма" его (по выраженію Яворскаго) имѣли своимъ источникомъ рѣшительный протестъ его русской старинѣ, особенно въ дѣлахъ вѣры и церкви".

Эти новыя стремленія и мудрствованія, къ тому же окрашенныя протестантскимъ оттѣнкомъ, не могли не вызвать горячей, рѣшительной оппозиціи со стороны того, кому, волею Петра, поручено было блюсти уже обреченное на упраздненіе мѣсто патріарха. Своими задушевными симпатіями, всѣмъ складомъ своихъ воззрѣній Стефанъ Яворскій принадлежалъ отходящей сторонѣ: въ лицѣ его „замахивалась" на царя бородатая русская старина [16]).

Въ 1871 г. во 2-й книжкѣ Чтеній въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей была напечатана сообщенная Н. С. Записка, поданная духоборцами Екатеринославской губерніи въ 1791 году губернатору Каховскому.

Въ томъ же году въ Бесѣдѣ Общества Любителей Россійской Словесности было напечатано письмо М. В. Ломоносова къ И. И. Шувалову. Это письмо въ первый разъ появилось съ большими пропусками въ Журналѣ древней и новой словесности 1819 г., издававшемся Олинымъ. Въ Москвитянинѣ 1842 г., № 1, оно было напечатано также не вполнѣ. Н. С. оно было издано по рукописи, свѣренной съ текстомъ Олина и Москвитянина.

Въ 1872 году въ Русскомъ Архивѣ была напечатана сообщенная Н. С. „Краткая реляція восшествія Ея Императорскаго Величества всемилостивѣйшей государыни Елизаветы Петровны на Всероссійскій отеческій престолъ, королевства Великобританскаго великому адмиралу Россійскимъ резидентомъ (кн. И. А. Щербатовымъ) донесенная Декабря 18 дня 1741 года.

Въ той же книжкѣ была напечатана замѣтка Н. С. подъ заглавіемъ: Исторія изданія „Опыта о человѣкѣ" Попе въ переводѣ Поповскаго.

12 января 1873 г. въ торжественномъ собраніи Московскаго университета Н. С. была произнесена рѣчь: „Первое пятидесятилѣтіе русскаго театра" по случаю исполнившагося въ этотъ годъ двухсотлѣтія со дня основанія русскаго театра, этого, по словамъ Н. С., „могучаго двигателя народной образованности". Задавшись скромной цѣлью „попытаться возстановить существенныя характеристическія черты стараго русскаго те-

[16]) Рус. Вѣстн. 1870 г. т. LXXXIX, кн. 9, стр. 10—11.

атра,—одного изъ первыхъ благъ новаго просвѣщенія, Н. С. представилъ, по отзыву академика Сухомлинова, „замѣчательный вкладъ въ нашу ученую литературу по превосходному обозрѣнію драматической дѣятельности въ Россіи въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII столѣтія“ [17]).

Алякритскій.

---

[17]) Сборн. Отд. рус. яз. и слов. 1873 г. т. X, стр. LIII—LIV.

Опытъ историческаго изученія малорусскихъ пословицъ.

Судьба пословицы въ Малороссіи довольно странная. По временамъ обнаруживается ея популярность и большой къ ней интересъ; по временамъ она остается совсѣмъ въ тѣни, въ забвеніи и въ пренебреженіи. Русскіе люди далекаго стараго времени—до-монгольскаго періода любили бойкое и сжатое слово, что отразилось уже на первыхъ страницахъ Древней лѣтописи и въ особенности въ Словѣ о Полку Игоревѣ. Малорусскіе писатели XVII вѣка также любили пословицу и часто прибѣгали къ ея помощи для выраженія своихъ мыслей и чувствъ. Въ 1864 г. два „щирыхъ украинца“ А. Марковичъ и Симоновъ (Номисъ) соорудили изъ пословицъ превосходное изданіе, одинъ изъ лучшихъ памятниковъ живой и плодотворной любви къ родному слову. Достаточно сказать, что у Номиса 14339 пословицъ и поговорокъ. Послѣ этого труда можно было ожидать рядъ построенныхъ на немъ изслѣдованій, но научныхъ изслѣдованій о малорусскихъ пословицахъ, если не считать одной небольшой статьи общаго характера въ Запискахъ Юго-Зап. Отд. Геогр. Общ., не появилось. Дальнѣйшее собираніе сыраго матеріала пошло малой струей у Чубинскаго въ „Трудахъ“ т. I, Руликовскаго въ III т. Zbiór wiadomosci, Манжуры во 2 т. Сборн. X. Ист. Фил. Общ., Дикарева въ Ворон. Этн. Сбор. 271—286 и др. Въ совокупности, однако, накопился очень большой и почти совсѣмъ неизслѣдованный малорусскій пословичный матеріалъ. При всемъ томъ масса пословицъ разбросана въ старинныхъ южнорусскихъ и малорусскихъ письменныхъ памятникахъ, отъ неизвѣстныхъ составителей Древней лѣтописи, Слова о Полку Игоревѣ и думъ до Котляревскаго, Квитки и Гоголя. Старинныя письменныя свидѣтельства о пословицахъ весьма интересны въ историко-литературномъ отношеніи; далѣе мы подтвердимъ это замѣчаніе нѣсколькими характерными примѣрами и сопоставленіями. Предварительно считаемъ нужнымъ замѣтить, что много старинныхъ пословицъ живетъ и нынѣ въ народномъ обращеніи. Археологическое изученіе современной пословицы, быть можетъ, откроетъ такую обильную и характерную старину, какой нельзя извлечь изъ письменныхъ памятниковъ давняго происхожденія. Вся суть въ критическомъ, сравнительно—историческомъ и археологическомъ

изученіи пословицъ и, въ ожиданіи такого изученія, мы, не претендуя на полноту настоящаго очерка, что отмѣчено уже въ самомъ его заглавіи, предложимъ заинтересованнымъ читателямъ нѣсколько замѣтокъ объ отраженіи старины въ малорусскихъ пословицахъ и параллельно объ отраженіи пословицъ въ малорусской старинѣ.

Въ поискахъ за стариной въ современныхъ пословицахъ изслѣдователь прежде всего обратится къ тѣмъ пословицамъ, которыя въ сборникѣ Номиса идутъ подъ заголовками „ти года“, „старовына“, „гетьманъ“, „Сичъ“, „козакъ“, „ляхъ“ (657—884) и др. т. п. Многія изъ этихъ пословицъ, такъ сказать, сами идутъ изслѣдователю въ руки по заключающимся въ нихъ собственнымъ именамъ· Хмельницкаго, Вишневецкаго, Потоцкаго, Головатаго, Екатерины и пр. общеизвѣстныхъ дѣятелей. Въ нѣкоторыхъ пословицахъ безъ имени или съ самыми обычными и скромными именами могутъ скрываться крупныя историческія воспоминанія. Такова, напр., интересная пословица въ сборничкѣ П. С. Ефименка въ Черниг. Губ. Вѣдом. 1857 г.: „Иванъ несе плахту, а Настя булаву“. Кто догадается, безъ объясненія, что эта мѣткая историческая пословица указываетъ на слабохарактерность гетмана Скоропадскаго, которымъ заправляла жена Анастасія.

Какъ бы то ни было, опираясь на собственное имя, можно съ большей или меньшей точностью опредѣлить древность пословицы. Напр., знаменитая пословица „Романе! лыхымъ живеши, Литвою ореши“, хотя по содержанію и заключаетъ въ себѣ общій эпическій мотивъ притѣсненія посредствомъ запряганія людей (въ Древней Лѣтописи, въ Лѣтописи псевдо-Кониската и др.), по одному уже пріуроченію къ имени грознаго князя Романа Ростиславича, можетъ быть отнесена, по меньшей мѣрѣ, къ концу XII вѣка.

Гораздо труднѣе раскрывать древность пословицъ и поговорокъ общаго свойства. Тутъ одно какое-нибудь слово можетъ служить ключомъ. Приведу нѣсколько примѣровъ, сначала попроще, затѣмъ посложнѣе.
„Гримъ такій, що хочъ туры гоны, такъ не почуютъ“; „Такъ замерзло, що хочъ туры гоны“ (Номисъ, 562, 645). Пословицы эти возникли тогда, когда въ Малороссіи хорошо были знакомы съ турами, т. е. ранѣе XVI вѣка. По многимъ историческимъ свидѣтельствамъ (указаны въ моей монографіи о турѣ стр. 1—5) въ XVI ст. туръ становился рѣдкимъ звѣремъ. Въ это время уже пробовали охранить его отъ конечнаго истребленія, но безуспѣшно, и въ XVII в. туръ совсѣмъ исчезъ въ южной и западной Россіи.

Возьмемъ болѣе темную пословицу: „Богъ не дытына слухаты дурного галатына“. Тутъ весь смыслъ и отчасти возможность хронологическаго пріуроченія кроется въ одномъ словечкѣ—„галатына“. У Номиса, приведшаго эту пословицу, указано еще выраженіе „галатынъ при-

дурковатый". Повидимому, галатынъ былъ синонимъ глупаго великана. Проф. М. С. Дриновъ въ рецензіи на болгарскій словарь Дювернуа указалъ на употребленіе слова галате въ старинной болгарской письменности въ значеніи околдованнаго (или скорѣе колдуна). При этомъ М. С. Дриновъ даетъ интересное объясненіе, что названіе галловъ у средневѣковыхъ грековъ употреблялось въ значеніи колдуна, волхва. Съ такимъ значеніемъ это слово книжнымъ путемъ проникло къ болгарамъ, а когда и какимъ путемъ проникло оно въ Малороссію? вопросъ темный; вѣроятно, въ давнее время живаго политическаго и литературнаго общенія Южной Руси съ придунайскими странами.

Возьмемъ еще одну столь же темную пословицу или точнѣе—рядъ пословицъ на темное слово халепа: „Нехай ему халепа!" „Оттака халепа!" (Номисъ, 5130, 7858). Въ словарѣ Закревскаго слово халепа объяснено: „бѣда, напасть". Но этого мало. Съ словомъ „халепа" соединяется еще какое-то темное представленіе. Я думаю, что и тутъ мы имѣемъ любопытный отпрыскъ южнославянской демонологіи. Халепа происходитъ или отъ сербскаго ала или, что гораздо вѣроятнѣе по фонетической близости, отъ болгарской хали. У сербовъ ала—миѳическое злое чудовище, змѣй, повелитель вихрей и града, или огненный юнакъ, при полетѣ котораго летятъ искры, „ала несыта"—ненасытная (*Караджичъ*, Рјечник, 3). Болгарское хала—чудовище, производящее грозу и вихри. При рѣшеніи вопроса о заимствованіи малороссами халы отъ болгаръ значительный интересъ представляютъ болгарскія членныя формы слова—халата, халитѣ, увеличительная форма халетина (какъ дѣтина), такія прилагательныя, какъ халовита (одержимая халами). Въ болгарскихъ пѣсняхъ (у Миладиновыхъ, въ Періодич. Списаніи 1885 XIII 443 и др.) хала часто встрѣчается и нынѣ—хала халетина, зміа халовита и пр. (*Дювернуа* II 2466).

Если два послѣднія предположенія вѣрны, а мы не видимъ причины, почему можно было бы усомниться въ нихъ, то галатынъ и халепа, равно какъ и тѣ поговорки, которыя тѣсно съ ними связаны, остаются обрывками старыхъ малорусскихъ связей съ болгарами.

Многое можно извлечь еще изъ прямыхъ сопоставленій малорусскихъ пословицъ съ великорусскими, польскими, румынскими и др. иноплеменными. Въ громадномъ большинствѣ такого рода сопоставленій обнаружится сходство между пословицами разныхъ народовъ; но сходство это, обусловленное общимъ строемъ народной психологіи и общей точкой зрѣнія, не представляетъ большаго интереса. Важнѣе тѣ случаи сходства, гдѣ при тожествѣ мысли, обнаруживается также большое сходство въ формѣ, да еще при одинаково своеобразной и замысловатой формѣ выраженія—такіе случаи имѣютъ двойной интересъ, такъ какъ, помимо или

наряду съ общей народной психологіей, они говорятъ еще о прямомъ литературномъ вліяніи одного народа на другой. Въ этомъ отношеніи весьма интересна статья г. *Тимошенка* въ Русск. Филол. Вѣстн. за 1894 и 1895 г. „Византійскія пословицы и славянскія параллели къ нимъ". Здѣсь авторъ изъ Даля и Номиса выбираетъ такія пословицы, которыя совпадаютъ съ византійскими, преимущественно Плянуда (1210—1310 г.), собранными въ извѣстномъ капитальномъ трудѣ Крумбахера" „Mittelgriechische Sprichwörter" 1893 г.

Многія пословицы, при всемъ сходствѣ, могли возникнуть самостоятельно на общей всѣмъ культурнымъ народамъ психологической и нравственной почвѣ. Таковы, напр., весьма простыя по мысли и по формѣ, визант. „дураку, какъ и начальнику, дозволяется все" и малор. „пани дурни, що хотятъ те и роблять". Въ условіяхъ стараго крѣпостнаго быта въ Малороссіи было много поводовъ оправданій для столь нелюбезной къ панамъ пословицы. Такъ же просты и слѣдовательно такъ же самостоятельны могутъ быть и мн. др. приводимыя у г. Тимошенка пословицы (13, 24, 27, 30, 33 и нѣкот. др.). Кто не слушаетъ родителей, тотъ потомъ послушаетъ... навѣрно худшее, такова народная мораль, прекрасно выразившаяся въ извѣстной старинной русской повѣсти о Горѣ-Злосчастьѣ, а въ пословицахъ она выражается такимъ образомъ: въ визант.: „послушаетъ птицъ", т. е. въ положеніи висѣльника, въ великор.: „послушаетъ телячей кожи", т. е. кнута, въ малор. тожественно „послушаетъ собачьей шкуры".

Въ одномъ мѣстѣ (Р. Ф. В. 1894 IV 299) г. Тимошенко сопоставляетъ древ. греч. и визант. „сука въ поспѣшности мечетъ слѣпыхъ щенятъ" съ великор. „наскорѣ слѣпыхъ рожаютъ" и малор. „кто скоро робыть, той слипыхъ родыть" и спрашиваетъ: „могло ли у насъ, независимо отъ греческаго воззрѣнія, возникнуть такое странное представленіе, по которому рожденіе слѣпыхъ является результатомъ поспѣшности?" Г. Тимошенко не даетъ отвѣта, но по формулировкѣ вопроса, повидимому, склоняется къ отрицательному отвѣту. Мы, напротивъ, склонны болѣе къ положительному отвѣту, не только въ силу общаго соображенія, что въ области фольклора все возможное одному арійскому народу возможно и другому арійскому народу, какъ это доказываетъ масса всевозможныхъ фольклорныхъ совпаденій, но и потому еще, что у славянъ издавна было въ ходу насмѣшливое прозвище слѣпородъ: великор. вятичи—слѣпороды, польск. slepy Mazur, о чемъ интересныя подробности см. у Потебни въ „Къ ист. звуковъ" III 68—83.

Относя многое на счетъ случайныхъ совпаденій, нельзя, однако, не отмѣтить нѣкоторыхъ пословицъ, какъ заимствованныхъ малоруссами отъ византійцевъ въ старое время. Таковы:

1) Что городъ, то норовъ; у всякаго города свій нравъ и права—пословица, получившая широкую пѣсенную обработку, визант.: πολις και νόμος, χώμη χαὶ ἔδος; посл. эта извѣстна и новогрекамъ.

2) Каждый когутъ смилый на своимъ сміттю—буквальный переводъ визант. пословицы Και ὁ αλεχωρ ἐν τῇ οἴχρια χοπεια ἰσχυρός εστι (и пѣтухъ силенъ на своей навозной кучѣ). Древнѣйшимъ источникомъ пословицы служитъ сентенція, приписываемая Публилію Сиру (современнику Цезаря): In sterculino plurimum gallus potest.

3) Една ластивка не робытъ весни (Номисъ 5271); латинская пословица „una herundo non facit ver", тожественныя пословицы италіанская, испанская и нѣмецкая. Византійская Μια χελιδον ἔαρ ὀυ χτιξει ведетъ начало изъ классической древности. На существованіе въ древней Греціи указываютъ слова Аристофана „онъ нуждается не въ одной ласточкѣ", т. е. онъ нуждается въ веснѣ и въ теплѣ; рѣчь идетъ о сикофантѣ, на которомъ старый хитонъ.

4) Для извѣстной поговорки „дураку законъ не писанъ" (отмѣчена и у Номиса) указанъ источникъ въ словахъ одного холіаста μωρῷ—νομος ἄνραεος.

5) Малор. „тричи миряй, а разъ одрижъ" (Ном. 5902), или „десять разъ міръ" отвѣчаетъ визант. „Δέχα μέτρα χαι ἔν τέμνε"; есть сходныя чешскія и сербскія.

6) Малор. „пьяни и диты нехотя правду скажутъ" (*Ном.* 8079) соотвѣтствуетъ визант. „Отъ глупаго и пьянаго узнаешь правду (ἐξ ἀνοήτου και μεθύοντος μαθήση τό ἄλησες); тожественныя записаны у чеховъ и нѣмцовъ.

7) Малор. „де люблять—тамъ не учащай" (*Ном.* 11941)=великор. „гдѣ любятъ, тутъ не учащай" восходятъ къ византійской „Οπου φιλεῖς, μὴ δανειξε και ὅπου ἀγαπᾶς, μὴ σύχναξε".

8) Малор. „любитъ, какъ собака цыбулю" восходитъ къ визант.—„такъ тебя люблю, какъ собака лукъ" (ουτω σε ἀγαπῶ, ὡς ὁ χύων το χρομμίον).

9) Малор. „Вовка ноги годуютъ" и великор. „волка ноги кормятъ" представляютъ буквальный переводъ византійской пословицы Плянуда τον λύχον οἱ πόδες ἀυτοῦ τρέφοσιν".

10) „Одинъ дурень камень въ воду броситъ, а десять умныхъ не вытянутъ" (малор. и великор.) представляетъ почти буквальный переводъ пословицы Плянуда: μωρὸς ριφει λιθον εις φρέαρ, και δεχα φρόνιμοι τοῦτον ὀυχ ἀνελχυσουδιν. Пословица эта встрѣчается уже у польскихъ и южнорусскихъ писателей XVII в. (Wisla 1896 III ст. Брикнера).

11) „Ласковое телятко двухъ матокъ сосетъ" (малор. и великор.) представляетъ переводъ византійской пословицы τό χαλόν ἄρνιν δύο μάννας βυζανιε".

12) Въ ряду другихъ византійскихъ пословицъ г. Тимошенко (подъ № 55) приводитъ ὅταν ὁ θεὸς τὸ γέννημα, ὁ διάβολος τὸ σακκίον и переводъ Крумбахера: „если Богъ (даетъ) плоды, то дьяволъ (отнимаетъ) мѣшокъ". Г. Тимошенко находитъ этотъ переводъ темнымъ и предлагаетъ такой: „когда Богъ (даетъ) урожай, то дьяволъ калиту" въ смыслѣ русской пословицы, что „скупой собираетъ, а чертъ калиту шьетъ" Византійская пословица по смыслу, повидимому, подходитъ къ одной малорусской пословицѣ, которую я какъ то встрѣчалъ у Драгоманова: „Богъ далъ копіечку, а чортъ дирочку, и пишла Божа копіечка черезъ чортову дирочку".

13) Странная малор. пословица „це той панъ, що при мисяци воши бье" (Ном. 2931), повидимому, представляетъ передѣлку византійской „плѣшивые при лунѣ ищутъ вшей". Смыслъ малор. пословицы ироническій: онъ настолько бѣденъ, что не имѣетъ за что купить свѣчу; такъ объясняетъ эту пословицу г. Тимошенко.

14) „Собаку съѣлъ!" А. А. Потебня затруднялся объяснить происхожденіе этого выраженія. Въ III вып. „Къ ист. звуковъ" стр. 83 онъ привелъ разсказъ, который слышалъ въ Кочеткѣ Зміевскаго у. Харьк. губ.; но такой разсказъ, который возникъ для объясненія уже существующей популярной поговорки. Смыслъ поговорки виденъ изъ великор. пословицы „собаку съѣлъ, только хвостомъ подавился" и византійской „цѣлаго быка съѣлъ, а на хвостѣ усталъ".

15) „Зъ одного дерева и хрестъ и лопата" буквальный переводъ византійской пословицы „ἐκ ταὐτοῦ ξύλου καὶ σταυρὸς καὶ πτύον". Слѣды этой пословицы находятся у нѣкоторыхъ византійскихъ писателей, напр. въ хроникѣ Кедрина.

Оставляемъ въ сторонѣ нѣсколько другихъ приведенныхъ г. Тимошенкомъ пословицъ, родство которыхъ съ византійскими представляется возможнымъ („кишку бьють, а невистци замитку даютъ" подъ № 69, „зроблятъ зъ лемеша свайку" подъ № 63 и нѣкот. др.).

Масса цѣнныхъ указаній на пословицы и множество подлинныхъ пословицъ разсѣяно въ памятникахъ старинной литературы, въ Древней лѣтописи, въ Словѣ о Полку Игоревѣ, въ болѣе позднихъ южнорусскихъ лѣтописяхъ, религіозно-полемическихъ сочиненіяхъ, въ письмахъ частныхъ лицъ, въ думахъ и даже въ юридическихъ актахъ; но все это разбросано и неизслѣдовано. Лѣтописецъ приводитъ извѣстныя „притчи": „погибоша, аки Обре, ихъ же нѣсть ни племени, ни наслѣдка", „бѣда аки въ Роднѣ", „Руси веселье пити, не можемъ безъ того быти", „миръ стоитъ до рати, а рать до мира". Авторъ Слова о Полку Игоревѣ вспоминаетъ древнюю „припѣвку" Бояна „ни хитру, ни горазду, ни птицю горазду суда Божія не минути" и самъ употребляетъ много выраженій послович-

наго характера: „нъ розно ся имъ хоботы пашутъ“, „высѣдѣ изъ сѣдла злата, а въ сѣдло кощіево“, „мы, дружина, жадни веселія“ и др.

Попадаются интересныя пословицы и въ позднихъ малорусскихъ лѣтописяхъ, напр. въ Лѣтописи С. Величка „Хмельницкій зъ ордою началъ около нихъ (т. е. поляковъ), якъ приказуютъ, „веремія крутити“. Это темное выраженіе пытался объяснить Потебня въ III ч. Къ ист. звук. стр. 67, но неудачно.

Въ интересномъ западно-русскомъ литературномъ памятникѣ „Рѣчь Ивана Мелешка“ (см. нашу монографію въ Кіев. Стар. 1894 г.) находится нѣсколько выраженій, повидимому, пословичнаго свойства, напр. „правдою прямо кидывали“, „въ ладонь скребетъ“, „кулакомъ въ морду да въ зашей“, „за море скакнулъ“, „ляхъ коло дѣвокъ, что жеребецъ коло кобылъ и др.

Не мало пословичныхъ выраженій разбросано въ сочиненіяхъ Іоанна Вышенскаго: „помогли румянцы“ (червонцы), „шію напяливши, яко индійскій куръ“, „паны въ златоглавыхъ подушкахъ родятся“, „изъ одной мысочки борщикъ хлебчутъ“ и др.

Какую роль играла пословица въ полемикѣ православныхъ съ латино-уніатами въ XVII в. можно видѣть на слѣдующемъ характерномъ примѣрѣ: Смотрицкій въ „Obrona“ 1621 года привелъ пословицу: похвалился хрѣнъ, что съ медомъ сладокъ, а медъ услышалъ и сказалъ: я и безъ тебя, смердъ, сладокъ. Противники Смотрицкаго въ Examen obrony“ 1621 г. передѣлали пословицу на такой манеръ: „хвасталъ деготь что со смолой хорошъ для мази, а смола на это сказала, я и безъ тебя, смердъ, хороша“. Смотрицкій въ „Elenchu pism uszczyplivych“ 1622 г. придрался къ этой передѣлкѣ и замѣтилъ, что его противники потому такъ измѣнили пословицу, что чаще находятся у мазницы, чѣмъ у чернильницы (*Bruckner*, въ Wisla 1896 X г. 3, 611). Въ „Приказкахъ“ *Номиса* отмѣчена сходная пословица: „хринъ каже я добрый зъ мнясомъ, а мнясо каже я и безъ хрину добре“ (12387).

Въ литературныхъ памятникахъ XVII в. разсѣяно много пословицъ, даже въ памятникахъ нѣсколько формальныхъ и дѣловыхъ. Такъ въ „Перестрогѣ“ начала XVII в. мы находимъ такихъ старыхъ родственниковъ распространенной нынѣ пословицы про собаку, которая и сама не ѣстъ сѣна и другимъ его не даетъ: султанъ турецкій „песъ чужій, скарбовъ самъ ихъ (т. е. грековъ) не уживаючи, сторожемъ есть и расхищати ихъ никому не допускаетъ“. Въ другомъ мѣстѣ Перестроги: „онъ яко песъ сукно стережетъ, а самъ въ немъ не ходитъ“. Выраженія эти указываютъ на большую популярность пословицы.

А. Брикнеръ въ послѣдней книжкѣ польскаго этнографическаго журнала „Висла“ 1896 т. X ч. 3 стр. 600—619 помѣстилъ весьма интересную

статью „Przyczynki du dziejow przyslowi polskich". Здѣсь выбраны разныя пословичныя и поговорочныя выраженія изъ польскихъ книгъ XVI—XVII ст., между прочимъ и изъ такихъ, которыя были написаны природными малоруссами на польскомъ языкѣ за или противъ уніи, изъ Апокрисиса Филалета, изъ весьма рѣдкихъ и малоизвѣстныхъ сочиненій Мелетія Смотрицкаго. Выбираемъ изъ статьи Б. лишь то, что въ большей или меньшей степени можетъ быть въ связи съ старой малорусской словесностью.

Такъ у Номиса приведена изъ одного сборника начала XIX ст. пословица „два коты до едной мышки не помыстыця" (№ 8817). Въ sensu obscoeno пословица эта встрѣчается уже въ одномъ польскомъ сборникѣ Потоцкаго 1689 г.

Малор. пословица „де козамъ роги правлятъ" (у Номиса 3630—3631) соотвѣтствуетъ польская "gdzie kozy kuja"; намекъ на эту пословицу находится въ одной политической брошюрѣ 1667 г.—„мы въ Польшѣ, а не въ Бургундіи, гдѣ козы куютъ". Пословица должно быть заимствованная.

Въ „Obrona" 1621 г. Смотрицкій приводитъ народную пословицу (pospolicie mowią), что „съ чужого воза и посреди болота сведутъ, а украденную одежду и въ церкви снимутъ".

Въ Апокрисисѣ Филалета находится выраженіе „sam na się miotolke gotuje" (1597 г.)—пословица, должно быть, польская; у Чеховича; „sam na się, jako mowia, miotly nie nagotowal" (1583 г.)

„Hic de cepis, tu de alliis, a iak naszy mowią, on o Pawle, a tu o Sawle" (*Смотрицкiи*, въ „Obrona" 1621 г.) у Вацл. Потоцкаго (1689) „gdy mi pisze o czostku a ia o cebuli, o Pawle on o Sawle".

„Na kazdego mędrka starczy prostoty (ruskie przyslowie въ „Obrona" Смотрицкаго—на каждаго мудреца довольно простоты.

„To wielikaja derewnia, jak Rus mowi" (у Чеховича 1583 г.)

„Zajachawszy za Dunaj juz do domu ne dumaj" у Стрыйковскаго, Рысинскаго (1618 г.); нѣсколько новыхъ малор. пословицъ этого рода см. у Номиса 708; сюда же примыкаетъ: „за рѣками-дунаями" въ значеніи далеко.

„Pieknys mi dzięciolek a jeszcze y z noskiem" въ Exegesis С. Коссова (1635 г.); „mamy znac tego dzięcwlku po jego nosku" (у Смотрицкаго въ „Obrona" 1621 г.)

Въ „Facecyae polskie" 1624 г. приведена малор. пословица: „nie darmo Ruś mowi, nie wsio horoszem (грошемъ), inszoie rozumom".

Современнымъ поговоркамъ „съ хама не буде пана" и др. родственнымъ см. Номиса 1260—1270) отвѣчаетъ выраженіе Чеховича въ „Epistomium" 1583 г.: „Jako pospolicie tak mowią: iz nie masz nie tak hardego, nie masz nie tak szkodliwego, jako gdy z stanu podlego, z lotra lub z klechy szkolnego pan abo ksiądz pleban będzie; y Bog się tam nie obedzię".

У Номиса приведены изъ двухъ сборниковъ начала XIX в. пословицы: „що збанъ, то панъ“, „воды збанъ, а самъ панъ“ (1166—1167). Въ одномъ сочиненіи латино-уніатскимъ около 1630 г., направленномъ противъ Зизанія и Филалета, находится уже эта пословица „co dzbanek to panek“.

Въ „Огородкѣ“ Антонія Радивиловскаго 1676 г. встрѣчается интересная поговорка „не дастъ себѣ на губѣ играти“ (*Марковскій* 65). Поговорка эта могла быть заимствована у поляковъ. У Чеховича (1583 г.) она встрѣчается въ такой формѣ: „nie daią sobie grac na gębie y kolow ciosac na szyjach“ (*Bruckner*, 607).

Повидимому, польская, а не малорусская пословица отмѣчена Брикнеромъ въ „Exegesis“ Сильвестра Коссова 1635 г. „z wiatru sznury plesć“, у Поводовскаго 1582 г. „bicz z piasku nie bedzie“ Поговорки эти представляютъ подражаніе латинской: «ex harena funiculum nectere».

Обще-русскую пословицу привелъ Кассіанъ Саковичъ въ «Okulary» 2 изд. 1644 г. стр. 5: „не все то золото, что блеститъ“.

Знаменитый противникъ Саковича Петръ Могила также любилъ пословицы. Въ „Лиѳосѣ“ мы находимъ такія пословицы: „что городъ то норовъ“ (1644 года, стр. 20) „правитъ ни къ селу, ни къ городу“ (359), „когда то колбасы и жареные голуби по свѣту летали“ (353). Послѣднее выраженіе построено на анекдотѣ.

Охотно пользовались пословицами и малорусскіе писатели второй половины XVII ст., въ особенности Лазарь Барановичъ и Антоній Радивилловскій. Въ 8 кн. *Кіев. Стар.* 1887 г. стр. 780 я уже отмѣтилъ 13 пословицъ въ сочиненіяхъ Барановича. Гораздо болѣе пословицъ извлекъ г. *Марковскій* изъ Радивиловскаго въ монографіи о немъ стр. 64—65.

У Барановича въ „Lutnie“ и въ „Письмахъ“ находятся такія пословицы (70-ые годы XVII ст.).

Радъ бы въ ложкѣ воды утопить.

Что въ печи, то на столъ мечи.

Свое, какъ свое, мило, хоть и гнило.

Съ чужого коня и въ грязи слѣзаютъ.

О времена, о нравы (латинская).

Для козака воевода—великая невзгода.

Тише ѣдешь—дальше станешь.

Капля долбитъ и камень (латинская). Срав. у Номиса „вода и камень довба“ (1097).

Дѣлу время, а потѣхѣ часъ.

Совѣтъ падетъ, какъ горохъ къ стѣнѣ.

Небуди бѣды, когда она спитъ.

Противъ рожна идешь.

Кто людей не слушаетъ, тотъ Бога не боится.

Въ „Огородокъ“ Радивиловскаго 1676 вошли слѣд. пословицы:

Что мнѣ по животѣ, коли пусто въ калитѣ.

Не крычи и негдачъ, якъ курка, знесши яйце, кричитъ и кудкудакаетъ.

Хлѣбъ маетъ роги, а нендза ноги (съ поясненіемъ, что посполите люде мовятъ).

Которіи путешествуютъ, рѣдко святыми бываютъ (п. л. мовятъ).

Якое одѣяніе, такое и пошановане; якъ ти видятъ, такъ тежъ и пишутъ.

Праздникъ безъ мученика не бываетъ.

Пальцемъ на него тыкати будутъ.

Якъ искра лихая и поле выжигаетъ, и сама потомъ гинетъ (п. л. м.).

Тонучій хватается и меча (п. л. м.).

Псу битому тилько покажи кій, ажъ заразъ утѣкаетъ.

Смѣлшая далеко баба за стѣною, нежели рыцеръ въ поли.

На тебѣ, Боже, что мнѣ негоже.

Ни на волосокъ заснуты не можетъ (п. л. м.).

Гды кто утѣкъ, якъ десяти побилъ.

Оружіе приноситъ миръ.

Съ сильнымъ бороться—смерть на умѣ.

Новый царь, новое и право.

Что лысо уродится, лысо и сгніетъ.

Кто першій часомъ, першій и правомъ.

Колы мы кого въ першій разъ въ новой сукнѣ обачимо, поздоровляючи его и палцами щиплючи, звыклысмо мовити: тутъ моя нитка.

У сироты тогда праздникъ, коли кошуля бѣлая (п. л. м.).

Зроды, Боже, для всѣхъ и для убогихъ (п. л. м.).

Якій царь, такій и людъ (п. л. м.).

Знать пана по достатку.

Для гостя разрѣшается постъ.

Не завше бываютъ годы, часомъ бываютъ и глоды.

Гдѣ житко, тамъ вшитко („посполите мовятъ“).

Чрезъ слугъ до пана, а чрезъ святыхъ до Бога.

Кто молится и працуетъ, тому дати Богъ обѣцуетъ.

Якій панъ, такій и крамъ.

Богу служи а дьявола не гнѣви.

Зажій теперь свѣта, поки служатъ лѣта.

Безъ хлѣба ни обѣда.

Гды рано посѣешь, рано и пожнешь.

Кто рано встаетъ, тому и Богъ даетъ.

Голый разбою не боится.

Наложено на него, якъ на осла.

Цнота и покора не мѣла мѣста у двора.

Кому бѣда и нендза не докучитъ, той ся розуму николи не научитъ.

Голодному хлѣбъ на умѣ.

На вечерѣ у свѣта едни ѣдятъ, пьютъ, а другіе голодомъ мрутъ.

Една ластовица не чинитъ весны („есть присловіе“).

На чіимъ кто возку сидитъ, того и пѣсенку повиненъ спѣвати (п. л. м.)

Не я тебе бью, верба бьетъ (въ Вербную субботу).

Правда вамъ колитъ очи.

Накладаетъ (тяжущійся) поки въ калитѣ ставаетъ.

Большая часть этихъ пословицъ несомнѣнно была весьма популярна въ старой Малороссіи во всѣхъ слояхъ, между прочимъ, и среди простаго народа, на что указываетъ и частое поясненіе проповѣдника, что такъ посполите мовятъ.

Н. Ѳ. Сумцовъ.

Жаба и лягушка въ народныхъ повѣрьяхъ и сказкахъ.

(Къ предметной фольклорной библіографіи).

Милорадовичъ, Сказки о жабахъ, въ XI кн. Кіев. Стар. 1896, 287 (о ядовитости жабъ), *Дикаревъ*, въ Галицк. Этнограф. Сборн. 1896 II, 13 (жабы подъ кожей у волковъ), *Номисъ*, Приказки (см. по „Показчику" въ концѣ книги подъ сл. жаба), *Сборникъ* за народ. умотв. (болгар.) V 213 VII 133; *Романовъ*, Бѣлорус. сборн. (въ IV т. сказки), Wisla 1890, 103. *Шеинъ*, Матер. для изуч. зап. края II 580; *Воеводскій*, Каннибализмъ древ. грековъ, 148, *Калила и Димна* въ пер. Рябинина и Атаи 147, *Сборн.* матер. для изуч. Кавказа IX 109, X 83, 95, 109, XI 317, XIX 155, *Zbiór wiadomości* do antrop. krajow. XII 50, XIII 83, *Сборникъ* сказокъ дикихъ народовъ, 83 (зулусская ск.); *Benfey*, Pantchatantra I 217, *Germania* XX (статья Бласа), басни Эзопа и Федра (по оглавл.), *Минаевъ*, Инд. сказки 10, 13, *Чубинскій*, Труды этн. ст. экспед. въ 1 и 2 т. (по оглавл.), *Драгомановъ*, Малор. нар. преданія (см. по оглавл.), *Gubernatis* (глава о жабахъ и пр.), *Wisla* V 178, 1889 стр. 493, 1893 I 42, 157, *Антоновичъ* о колдовствѣ въ прилож. къ 1 т. „Трудовъ" Чубинскаго 356, *В. Миллеръ* Осет. этюды III 220, *Буше-Леклеркъ* о колд. въ антич. мірѣ (въ разн. мѣстахъ), *Rolland* Faune populaire (обширный матеріалъ), *Kolberg* Lud II 109, VII 61, VIII 6 Pokucie IV 7; *Revue* d. trad. pop. 1888 стр. 130 и сл., *Кіевск. Старина* 1886 V 177, *Потебня*, О миѳич. знач. нѣкот. обр. и пов. 200, *Wojcicki*, Klechdy 143, 154, *Kuhn*, Märkische Sagen § 154 и 192, *Schöppner*, Bayerische Sagen I 169, 179, 217, II 107, *Wolf*, Beiträge (въ разн. мѣстахъ), *Каравеловъ*, Памят. болг. нар. творч. 168, *Верещагинъ*, Вотяки 73, *Живая Старина* 1890 I 18—19, *Chelchowski*, Powiesci, podania (во 2 части); *Караджичъ*, Приповjетки 208, *Садовниковъ*, Сказки Самарскаго края 59, 245, *Дювернуа*, Словарь болгар. языка 1616, *Аѳанасьевъ*, Сказки II 523, IV 343; *Худяковъ*, Великор. Сказки II 47, *Ивановъ П. В.* въ статьяхъ о колдунахъ и вѣдьмахъ (въ разн. мѣстахъ объ оборотничествѣ въ жабу), *Zibrt*, Staroc. obyc. (по указат. на 293 стр.), *Veckenstedt*, Wendische Sagen (по предм. указат.), *Иваницкій* въ сказк. стр. 121, *Lang* Custom and Myth 64 и сл., *Добровольскій*, Смолен. этногр. сбор. 277, 279, 310, *Folklore* 1891 № 4,

Luzel, Legendes II 241, 247, *Харьков. Сборникъ* т. VII 460, *Liebrecht*, Otia Imperialia 113, 114; *Веселовскій* въ ст. о 12 снахъ Шахаихши 33, *Аѳанасьевъ*, Поэт. воззр. слав. III 450, Сборн. матер. для изуч. Кавказа XVIII отд. 3 стр. 251, XXI предисл. 8, 29, *Child*, The english and scotish ballads VI 504, *Потанинъ*, Очерки сѣв.-зап. Монг. IV 708, Русское обозрѣніе 1890 VII (въ ст. Зографа), *Cesky Lid* 1895 VI 517 (обращеніе въ жабу чародѣя).

Народныя повѣрья и сказки о жабѣ и лягушкѣ имѣютъ мало самостоятельнаго значенія; они входятъ большею частью въ составъ повѣрій и сказокъ о колдовствѣ. Главные мотивы сказокъ о жабѣ и лягушкѣ слѣдующіе:

1) *Жаба—орудіе для колдовства или оборотень вѣдьмы*: Wisla 1890 стр. 103 (на услуженіи у вѣдьмы), Schöppner II 107, Боричевскій II 172, Иваницкій 121, Kolberg VIII 6, Караджъ. 208, Худяковъ II 56, Chelchowski № 45, Потанинъ, Очерки IV 708, Wisla 1890 стр. 108—109 (обращеніе вѣдьмы въ жабу), Cesky Lid 1895 VI.

2) *Жаба—оборотень красавца царевича или царевны:* Этотъ мотивъ входитъ въ широко-распространенный и весьма богатый варіантами мотивъ о мужѣ оборотнѣ на классическую тему объ Амурѣ и Психеѣ. Кромѣ жабы красавецъ принцъ является и въ другихъ непривлекательныхъ зооморфическихъ образахъ; но объ этомъ отдѣльно. Въ видѣ жабы царевичъ, иногда царевна являются у Kolberg VIII 6, Караджъ. 208, Сборн. матер. Кавк. VI отд. 2, стр. 141 IX 95, XIX 155, XVII 88, XXI 106—181, Folklore 1891 № 4, Wisla 1893 I 42, 157, Child II № 34 и VI 504, *Аѳанас.* II 523.

3) *Жаба борется съ змѣей*—изъ круга наблюденій надъ дѣйствительными явленіями этого рода въ природѣ у *Liebrecht* Otia 113, *Веселовскій* въ ст. о снахъ Шахаихши 33, *Сборникъ* матер. для опис. Кавк. XIVII отд. 3 стр. 251 и XXI пред. VIII и отд. II стр. 1—8.

4) *Жаба* входитъ въ обширный циклъ сказокъ о *благодарныхъ* животныхъ, въ такомъ значеніи встрѣчается, напр., у Садовникова 59 (показываетъ путь), Luzel II 247 (помогаетъ дѣвицѣ).

5) *Жаба, какъ зооморфическій образъ зимы*, встрѣчается въ сказкахъ рѣдко, напр., въ лопарской сказкѣ въ Жив. Стар. 1890 I 18—19 лягушка-зима поѣдаетъ людей. Подробности о миѳическомъ значеніи жабы, съ значительными преувеличеніями, см. въ сочиненіяхъ Потебни, Аѳанасьева и Де-Губернатиса.

Н. Сумцовъ.

Реестръ козаковъ Золочевской, Валковской, Перекопской сотень, готовыхъ къ выступленію и отправленныхъ на смотръ въ Харьковъ.

Указъ о высылкѣ козаковъ для встрѣчи Императрицы Елизаветы Петровны.

Указъ Харьковской полковой канцеляріи о нарядѣ сотниковъ (имя рекъ) и подпрапорныхъ (имя рекъ) съ козаками для встрѣчи Императрицы Елизаветы Петровны (стр. 58, 59).

Доношенія прибывшихъ на сборный пунктъ сотниковъ и подпрапорныхъ (съ реестрами козаковъ).

О неисправностяхъ козаковъ Мерефянской, Салтовской и Угольчанской сотень.

О распредѣленіи команды между сотниками при встрѣчѣ Государини.

О временномъ роспускѣ козаковъ по домамъ.

О продажѣ Харьковской полковой канцеляріи 3 пудовъ $11^{1}/_{2}$ фунтовъ пороху для козаковъ, назначенныхъ для встрѣчи Государини.

Именной списокъ команды Харьковскаго полка, назначенной для встрѣчи Государини.

№ 89/1. 1744 года (на 379 листахъ).

О состояніи Харьковскаго полка.

Рапорты о состояніи сотень Харьковскаго полка (количество сотенной старшины и командировка ихъ): Золочевской, Соколовской, Валковской, Мерефянской, Пересѣчанской, Соколовской.

Вѣдомость Пересѣчанской сотни объ убыли козаковъ.

Инструкція для руководства при укомплектованіи козаковъ Харьковскаго полка.

Вѣдомость козаковъ Ольшанской сотни съ обозначеніемъ ихъ матеріальнаго состоянія.

Такая же вѣдомость козаковъ и ихъ свойственниковъ второй и первой Харьковскихъ сотень.

Вѣдомость козаковъ свойственниковъ и подпомощниковъ Люботинской сотни.

Вѣдомость козаковъ Липецкой сотни драгунъ, свойственниковъ и подпомощниковъ, съ обозначеніемъ ихъ матеріальнаго состоянія.

Такая же вѣдомость Тишковской сотни.

Тоже Деркачевской сотни.

Реестръ козаковъ, отправленныхъ для карауловъ въ Изюмъ.

О слободкѣ, поселенной Липецкимъ сотникомъ Авксентіевымъ подъ м. Валками: о захватѣ приказчикомъ этой слободки обывательскаго лѣса, о сходѣ туда обывателей (реестръ).

Перечневая вѣдомость Харьковскаго полка козаковъ, драгунъ, свойственниковъ и подпомощниковъ.

Вѣдомость Мерефянской сотни козаковъ свойственниковъ и подпомощниковъ съ обозначенiемъ ихъ имущества.

Такая же вѣдомость первой Харьковской сотни (здѣсь же вѣдомость цеховыхъ, положенныхъ въ дистриктъ).

Экстрактъ съ переписныхъ книгъ Харьковской второй сотни козачьихъ дворовъ, подпомощичьихъ и находящихся за владѣльцами.

Книга переписная второй полков. Харьковской сотни.

Рапорты о состоянiи Валковской и Деркачевской сотень.

Вѣдомость Соколовской сотни о козакахъ, драгунахъ, свойственникахъ и подпомощникахъ съ обозначенiемъ ихъ имущественнаго состоянiя.

Такая же вѣдомость Салтовской сотни.

Тоже Валковской, Перекопской и Пересѣчанской сотень.

Вѣдомость о козакахъ, драгунахъ, свойственникахъ и подпомощникахъ Харьковскаго полка.

№ 89/2. 1744 года (на 110 листахъ).

О поимкѣ разнаго званiя людей.

Указъ о сыскѣ и поимкѣ бѣжавшихъ изъ Бѣлогородскаго острога.

О сыскѣ бѣжавшаго изъ Чугуева арестанта Гончарова.

Промеморiя изъ канцелярiи Чугуевской команды въ Харьков. канцелярiю о присылкѣ Легашина, который будто укрывалъ бѣглаго Гончарова.

О сыскѣ бѣжавшаго хлопца Боровенского сотника Петра Карпова.

О сыскѣ Нижегольскаго жителя Короцкаго.

О сыскѣ бѣглаго квартирмистра Ингерманландскаго полка Аргомокова.

О сыскѣ и поимкѣ бѣжавшихъ изъ Старовѣрческой слободы.

О пропажѣ у поручика Костюрина пяти лошадей во время ночлега его въ с. Косахъ.

О сыскѣ бѣжавшихъ драгунъ съ линiи.

О сыскѣ грузинскаго подданнаго Кучмы.

О сыскѣ вора, обокравшаго Покровскую церковь въ Сорочинцахъ.

О бѣгствѣ фурштата фунета Куликова.

О бѣгствѣ крѣпостныхъ людей порутчика Дувилга.

О побѣгѣ колодниковъ изъ тюрмы г. Валуекъ.

О бѣгствѣ сѣдельника Астраханскаго полка Шубникова.

О бѣгствѣ фузелера Мешкова.

О бѣгствѣ Василенка и Сукаченка, смотрѣвшихъ за лошадьми и скотомъ въ имѣнiи гр. А. Г. Разумовскаго.

О Гриневѣ, истратившемъ 2398 руб. 34 коп. казенныхъ денегъ.

О сыскѣ канцелярскихъ писарей Свинцова и Роденкова.

О бѣклыхъ драгунахъ изъ Бѣлевской крѣпости.

О бѣгствѣ колодниковъ изъ Салтовской воеводской канцеляріи.

№ 90-й. 1745 года (на 195 листахъ).

О нарядѣ козаковъ и старшинъ къ походу.

О нарядѣ 2333 человѣкъ козаковъ Слободскихъ полковъ и о готовности ихъ къ походу.

Рапортъ полковаго городничаго Голуховича о неисправности походной артилеріи (съ реестромъ потребныхъ вещей для ея исправленія).

Объ исправленіи полковой Харьковской артилеріи и о заготовленіи всего нужнаго для этого.

Вѣдомость о наряженныхъ козакахъ и о припасахъ, находящихся при нихъ, лошадяхъ и погонщикахъ изъ сотень: Соколовской, Хорошевской и Ольшанской.

Доношеніе изъ Перекопской сотни о нарядѣ козаковъ.

Реестръ козаковъ Салтовской сотни, наряженныхъ въ походъ.

О нарядѣ въ походъ вмѣсто сотника Головашича сотника Андрея Тихоцкаго.

Реестръ козаковъ Деркачевской сотни, наряженныхъ въ походъ.

О нарядѣ старшины Харьковскаго полка (съ реестромъ).

Вѣдомость наряженныхъ козаковъ Харьковской полковой и Пересѣчанской сотень.

Вѣдомость о старшинахъ, назначенныхъ въ походъ.

Объ укомплектованіи Хорошевской сотни.

О предосторожности противъ нападенія татаръ въ виду сообщеній, сдѣланныхъ Сакаленовымъ, бывшимъ въ Польшѣ.

Доношеніе асаула Буцкаго объ увольненіи его отъ командировки.

Вѣдомость о наряженныхъ въ походъ козакахъ Угольчанской сотни.

Вѣдомость о наряженныхъ въ походъ козакахъ Мерефянской сотни.

Вѣдомость объ отправленныхъ въ Харьковъ на смотръ и для разъѣздовъ по проѣзжимъ дорогамъ (по случаю появленія воровъ) козакахъ Деркачевской сотни.

Доношеніе Буцкаго о томъ, что онъ за болѣзнью не можетъ явиться на смотръ въ Харьковѣ.

Указъ о лѣкарскомъ освидѣтельствованіи Буцкаго.

Вѣдомость о козакахъ Перекопской и Соколовской сотень, наряженныхъ въ походъ.

Имянной списокъ наряженныхъ въ походъ козаковъ Мерефянской, Тишковской и Липецкой сотень.

Росписаніе козаковъ, наряженныхъ изъ сотень Харьковскаго полка въ походъ.

Вѣдомость Валковской сотни о козакахъ, наряженныхъ въ походъ.

(Та же) вѣдомость Деркачевской сотни.

Вѣдомость о наряженныхъ въ походъ козакахъ Соколовской сотни.

Промеморіи Слободскихъ полковъ въ Харьковскую полковую канцелярію о нарядѣ козаковъ.

Вѣдомость о наряженныхъ въ походъ козакахъ Люботинской, Липецкой, Тишковской, Перекопской и Золочевской сотень.

Вѣдомость Мерефянской сотни о готовности къ походу сотника этой сотни и козаковъ.

Указъ о непричиненіи обидъ и разореній народу сотенной старшиной.

№ 91-й. 1745 года (на 317 листахъ).

О скотскомъ падежѣ.

Доношеніе сотника Богаевскаго о скотскомъ падежѣ въ м. Валкахъ.

Указы о предосторожностяхъ противъ скотскаго падежа.

Реестры павшаго скота въ Харьковскомъ полку.

О непропускѣ скота, отправляемаго изъ Малороссіи по случаю скотскаго тамъ падежа.

Доношенія сотень Харьковскаго полка о состояніи скотскаго падежа въ нихъ.

Вѣдомость о павшемъ скотѣ въ Харьковскомъ полку.

Указы, какъ поступать съ павшимъ скотомъ.

Доношеніе Липецкой сотни о скотскомъ падежѣ (съ присоединеніемъ вѣдомости о павшемъ скотѣ).

Рецептъ для лѣченія скота.

О предосторожностяхъ противъ скотскаго падежа, продолжавшагося еще въ нѣкоторыхъ сотняхъ Харьковскаго полка.

Вѣдомости о павшемъ скотѣ въ Мерефянской и Соколовской сотняхъ въ м. Тарановкѣ, въ имѣніяхъ полк. Ивана Григорьевича Квитки, въ сл. Свяченой и Артемовкѣ, въ с. Рокитномъ, въ хут. Голуховичевомъ, въ хут. Гузеевскомъ, въ сл. Тросной и Комаровкѣ, въ с. Боркахъ, въ сл. Старой-Водолагѣ, въ с. Гуляй полѣ.

Указъ, какъ поступать въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ есть падежъ скота.

Вѣдомости о павшемъ скотѣ Деркачевской, Золочевской сотень въ имѣніяхъ кн. Крапоткина, въ с. Даниловкѣ и Лопанскомъ хуторѣ, въ с.

Карасевкѣ, с. Березовкѣ, въ с. Лопани, въ имѣніяхъ Григорія Романовича Квитки, въ с. Лозовомъ, въ первой полковой Харьковской сотнѣ, во второй Харьковской полковой сотнѣ, въ Липецкой и Хорошевской сотняхъ.

Инструкція, какъ поступать для пресѣченія скотскаго падежа.

Указъ о предосторожности при перегонѣ скота изъ одной мѣстности въ другую.

Вѣдомость о павшемъ скотѣ въ м. Мурафѣ и въ с. Никитовкѣ (Ахтырскаго полка).

О появленіи скотскаго падежа въ м. Торѣ.

Вѣдомость о павшемъ скотѣ въ Пересѣчанской и Ольшанской сотняхъ въ с. Куряжѣ, въ деревняхъ полкового обознаго Ковалевскаго, въ с. Вертѣевкѣ, въ с. Кадницѣ, дер. Лютовкѣ, въ с. Рясномъ, въ с. Рѣпкахъ.

О присылкѣ свѣдѣній о скотскомъ падежѣ.

Доношеніе сотень Харьковскаго полка о скотскомъ падежѣ (приложены вѣдомости).

Указъ о предосторожности противъ скотскаго падежа (объ устройствѣ заставъ, о непродажѣ кожъ съ больного скота и пр.), появившагося въ Торѣ, Моякахъ, Райгородкѣ и др. селеніяхъ.

Указъ о задержаніи въ городахъ Бѣлгородской губерніи скота, купленнаго въ Малороссіи и Слободскихъ нолкахъ.

Указы о предосторожности противъ скотскаго падежа.

Вѣдомости о павшемъ скотѣ въ м. Перекопцѣ, въ Харьковск. полковыхъ сотняхъ, въ мѣстечкахъ Харьковскаго полка, въ Салтовской сотнѣ, въ Ново-Троицкомъ монастырскомъ сельцѣ, въ Тишковской сотнѣ, въ имѣніяхъ кн. Крапоткина.

Вѣдомость о павшемъ скотѣ во всемъ Харьковскомъ полку.

№ 92-й. Съ 1745 по 1764 годъ (на 304 листахъ).

Объ отдачѣ на откупъ винной продажи въ крѣпостяхъ украинской линіи.

Указы о публикаціи: не пожелаетъ ли кто взять на откупъ продажу вина въ крѣпостяхъ украинской линіи (разныхъ годовъ).

Указы объ отдачѣ на откупъ водяныхъ мельницъ при хр. Св. Параскевы и Св. Іоанна.

Указы объ отдачѣ на откупъ оброчныхъ статей вотчины Ея Императорскаго Величества въ м. Новой-Водолагѣ.

Указы объ отдачѣ на откупъ казенной винницы въ м. Новой-Водолагѣ

Публикаціи о сдачѣ на откупъ съѣстныхъ и питейныхъ припасовъ при крѣпостяхъ украинской линіи (за разные года).

О продажѣ винограда изъ казеннаго сада при Бѣлевской крѣпости.

Указы о сдачѣ на откупъ казеннаго винокуреннаго завода при м. Новой-Водолагѣ.

О продажѣ сукна, находящагося въ цейхаузѣ при Бѣлевской кр.

О сдачѣ на откупъ продажи съѣстныхъ и питейныхъ припасовъ при крѣпостяхъ украинской линіи.

О запрещеніи вольной продажи вина на ярмаркахъ при Бѣлевской крѣпости.

Объ отдачѣ на откупъ лавокъ, находящихся въ кр. Бѣлевской.

Указъ о непокупкѣ никѣмъ у Селиванова его имущества, пока онъ не заплатитъ за мельничные инструменты, удержанные имъ, когда онъ имѣлъ на откупу мельницу на р. Донцѣ.

О продажѣ казенныхъ построекъ при крѣпостяхъ украинской линіи, мельницы и винокурни при Новой-Водолагѣ.

№ 93-й. 1745 года (на 77 листахъ).

О пожалованныхъ въ чины.

О производствѣ канцеляриста Григорія Смородскаго въ полковые хорунжіе, а Максимовича въ полковые судьи.

О переводѣ сотника Квѣтки въ Хорошевскую, а Ковалевскаго въ Деркачевскую сотню сотниками.

О производствѣ въ чины придворныхъ медиковъ Риберо и Буркивена.

О производствѣ Семена Голуховича въ подпрапорные.

Указъ о награжденныхъ чинами по случаю заключенія мира со Швеціею.

Объ опредѣленіи въ военную контору въ Москвѣ секундъ-маіора Языкова.

О бытіи ассесору Рогозину при Сенатской конторѣ для взятія сказокъ у недорослей.

О производствѣ Антонова въ канцеляристы.

О производствѣ полковника Витковича въ бригадиры.

О присылкѣ въ комисаріатъ свѣдѣній объ отставныхъ ундеръ офицерахъ и прочихъ чинахъ.

Указъ о назначеніи Ушакова, Салтыкова и Репнина генералъ-адъютантами.

О пожалованіи камергера Нарышкина гофмаршаломъ.

О пожалованіи кн. Голицина въ дѣйствительные тайные совѣтники.

О пожалованіи Сердюкова въ чины.

О назначеніи гр. Девіера генеральнымъ полиціймейстеромъ.

О присутствіи въ сенатской конторѣ въ Москвѣ ген. Левакову.

Указъ о переводѣ сенатской Синодской канцеляріи и другихъ учрежденій изъ Москвы въ Петербургъ.

Указъ о наказаніи Симбирской провинціальной канцеляріи за доношеніе ею въ Сенатъ дѣла, непринадлежащаго сенатскому рѣшенію.

О переименованіи коллегіи экономіи въ канцелярію синодальную экономическаго правленія.

О пожалованіи гр. Кирилла Разумовскаго въ камергеры.

О крещеніи калмыцкой ханши Дундукъ-Омбы съ дѣтьми и о разрѣшеніи именоваться имъ князьями Дундуковыми.

Изслѣдованіе объ отставкѣ полкового обознаго Боярскаго и объ аттестатѣ, выданномъ его сыну.

Указъ о пожалованіи секундъ-маіора гр. Ефимовскаго въ генералъ-маіоры.

О пожалованіи Юрьева и Веселовскаго въ тайные совѣтники.

О пожалованіи проф. Штелина въ чинъ надворнаго совѣтника съ подполковничьимъ рангомъ.

№ 94-й. 1745 года (на 75 листахъ).

О содержаніи при Изюмскомъ форпостѣ карауловъ и разъѣздовъ.

Промеморіи изъ Изюмской полковой канцеляріи о высылкѣ изъ Харьковскаго полка козаковъ, недосланныхъ и бѣжавшихъ съ разъѣздовъ за гор. Изюмомъ.

О нарядѣ козаковъ для разъѣздовъ и карауловъ за г. Изюмомъ.

Доношенія Мерефянской, Соколовской, Липецкой, Мартовецкой и Деркачевской сотень о нарядѣ козаковъ.

О смѣнѣ и высылкѣ козаковъ на разъѣзды и караулы за городомъ Изюмомъ.

Доношеніе Соколовскаго сотника Жукова о смѣнѣ козаковъ Соколовской сотни, находящихся иа разъѣздахъ и караулахъ.

Промеморіи Изюмской полковой канцеляріи о побѣгѣ атамана Солодовника со всѣми козаками съ карауловъ.

О высылкѣ козаковъ къ Изюму, такъ какъ калмыцкій лома Лундукъ Улусовъ отложился отъ Россіи.

О высылкѣ козаковъ въ Изюмъ для разъѣздовъ и карауловъ (съ приложеніемъ росписанія высланныхъ).

О побѣгѣ атамана Стрижка съ 7 козаками съ карауловъ.

Реестръ наряженныхъ козаковъ въ Изюмъ для содержанія разъѣздовъ и патрулей.

№ 95-й. 1745 года (на 140 листахъ).

О командированіи на украинскую линію козаковъ.

Указъ о содержаніи подъ карауломъ козаковъ Дроботова и Бондаренкова до конфирмаціи судебнаго постановленія надъ ними за отъѣздъ ночью съ караула для воровства.

Указъ о доставленіи свѣдѣній гр. Румянцеву о смѣнѣ казаковъ, находящихся на линіи, ибо приносятся жалобы на несоблюденіе полковыми канцеляріями въ этомъ случаѣ очереди.

Указъ о высылкѣ на смѣну сотника Тихоцкаго другого сотника, а не подпрапорнаго.

Доношеніе полкового асаула Высочина о томъ, что на линію кр. Св. Алексѣя высылаются не дѣйствительные козаки, а наемные, и за неприсылкой имъ смѣны и провіанта они бѣгаютъ. О смѣнѣ сотника Тихоцкаго, находящагося въ Ефремовской кр., сотникомъ Яковомъ Квѣткою.

О заготовленіи сѣна для козаковъ въ урочищахъ рѣчекъ Орели, Береки и Самарской вершины.

Доношеніе Мерефянской сотни о высылкѣ на смѣну на линію козаковъ, и о заготовленіи лѣсу на дроги для казеннаго сада при Бѣлевской крѣпости.

О наказаніи козака с. Липецъ Клевскаго за побѣгъ изъ команды поручика Латырева, назначеннаго для сыска воровъ и разбойниковъ.

По доношенію есаула Высочина о замѣнѣ писаря Мерефянской сотни Лукьянова писаремъ Соколовской сотни Федоровымъ.

О высылкѣ на линію вмѣсто сотника Якова Квѣтки сот. Якова Ковалевскаго.

О высылкѣ находящимся на линіи козакамъ лошадей, отправленныхъ для прокорма домой.

О высылкѣ на линію вмѣсто писаря Федорова писаря Тишковской сот.

Доношеніе асаула Буцкаго объ укомплектованіи козаковъ въ сотняхъ Мерефянской, Угольчанской и Соколовской.

Доношеніе сотника Тихоцкаго о томъ, что въ Тишковской сотнѣ кромѣ писаря Цынбала нѣтъ другаго.

О нарядѣ на линію писаря Неменущаго.

О назначеніи на линію полкового хорунжаго Смородскаго вмѣсто Высочина.

Указъ о соблюденіи полками очереди при высылкѣ на линію старшинъ.

О высылкѣ на линію козакамъ косъ.

Доношеніе хорунжаго Смородскаго о деньгахъ неокладныхъ крѣпостныхъ доходовъ за 1740 и 1741 г. г.

О высылкѣ на украинскую линію сотника Голуховича на мѣсто сотника Якова Ковалевскаго.

О высылкѣ на линію къ командѣ писаря и писчей бумаги.

О высылкѣ на линію козакамъ косъ.

Промеморіи изъ Сумской, Ахтырской и Изюмской полковыхъ канцелярій о высылкѣ на линію старшинъ.

О высылкѣ на линію вмѣсто сотника Головашича подпрапорнаго.

Росписаніе, сколько на линію должно быть выслано козаковъ и старшинъ и въ какую крѣпость.

№ 96-й. 1745 года (на 64 листахъ).

О цѣнахъ на провіантъ и фуражъ.

Указъ о сообщеніи ежемѣсячно цѣнъ на провіантъ поручику Тутолмину, назначенному для закупки хлѣба въ линейный магазинъ.

Цѣны провіанта въ Харьковскомъ полку за разные мѣсяцы.

№ 97-й. 1745 и 1746 г. г. (на 45 листахъ).

О чудотворной въ г. Ахтыркѣ Богородичной иконѣ.

О высылкѣ изъ Харьковскаго полка людей, получившихъ исцѣленіе у образа Богоматери (въ Ахтыркѣ) въ слѣдственную коммисію. (Присоединенъ списокъ этихъ лицъ).

№ 98-й. 1745 году (на 93 листахъ).

О сыскѣ и поимкѣ разнаго званія людей.

О сыскѣ бѣглаго фуркнехта Кузьмы Куликова.

О сыскѣ и поимкѣ подканцеляриста Черниченкова, бѣглаго солдата Глушкова, бѣглаго колодника солдата Корина.

О сыскѣ бѣглаго гранадера Кузьмы Никитина, драгуна Концина.

О бѣгломъ козакѣ Семененкѣ, находящемся у подпрапорнаго Черняка.

О сыскѣ бѣглаго драгуна Бредихина.

О сыскѣ и поимкѣ атамана Перекопской сотни Решетила.

О сыскѣ деньщика барона фонъ Венделя Кирилова.

О сыскѣ двадцати человѣкъ солдатъ С.-Петербургскаго полка и солдата Невскаго гарнизоннаго полка Евсюкова.

О сыскѣ бѣжавшаго черкашенина Шевца.

О сыскѣ и поимкѣ бѣжавшаго копіиста Архангельскаго, вахмистра Василія Черкасова.

О сыскѣ служителя лѣкаря Гаскона Ивана Терещенка.

О сыскѣ наемнаго служителя сотника Парафеевскаго Алексѣя Лепетухи.

О сыскѣ и поимкѣ сержанта Дмитрія Аѳанасьева, бѣжавшаго изъ подъ караула.

О сыскѣ бѣжавшаго сержанта Лутовинова.

О сыскѣ цырульника новогородскаго драгунскаго полка Ѳедорова.

О сыскѣ и поимкѣ Поляковыхъ.

О сыскѣ драгуна Морозова.

О присылкѣ въ слѣдственную коммиссію капитана Щелина жителя с. Угольцовъ Луценка.

О сыскѣ кузнеца Родыгина, укравшаго изъ казеннаго магазина шкивы.

№ 99-й. 1739 года (на 139 листахъ).

О содержаніи почтъ въ Харьковскомъ полку.

О содержаніи въ Ольшанской сотнѣ почты.

Доношеніе о содержаніи почты въ м. Тарановкѣ.

О содержаніи почты въ г. Харьковѣ и въ Харьковскихъ полковыхъ сотняхъ.

Доношеніе Харьковской второй полковой сотни о томъ, что владѣльцы не доставляютъ сѣна и овса для почтовыхъ лошадей.

Доношеніе той же сотни о томъ, что почтовыя лошади этой сотни не смѣняются, а возятъ курьеровъ далѣе, чѣмъ слѣдуетъ.

Доношеніе Ольшанской сотни о томъ, что у обывателей нѣтъ лошадей для содержанія почты.

Росписаніе работниковъ, высланныхъ на бахмутскіе соляные заводы.

Указъ о скорѣйшемъ учрежденіи почтъ.

Доношеніе сотника Романовича о томъ, чтобы живущіе въ г. Харьковѣ греки и великороссы, имѣющіе свои дома и лавки, оказывали помощь обывателямъ въ содержаніи почты въ г. Харьковѣ.

Указы въ сотни Липецкую и Тишковскую о содержаніи почты.

Письмо Ласси объ учрежденіи почты отъ Бѣлгорода до Харькова и объ уничтоженіи почты отъ Бѣлгорода до Изюма.

Объ учрежденіи этой почты.

О завладѣніи Липецкимъ сотникомъ Авксентіевымъ казенными волами (изъ вотчины Цесаревны Елизаветы Петровны).

Указъ о присылкѣ точныхъ свѣдѣній о положеніи почты въ слободскихъ полкахъ.

Доношеніе Золочевской сотни о томъ, что сосѣдніе помѣщики не оказываютъ помощи Золочевскимъ обывателямъ въ содержаніи почты.

Указъ о томъ, чтобы завѣдующій казенными лошадьми сотникъ Голуховичъ за требованіемъ свѣчей относился въ Золочевскую таможню.

Вѣдомость о козакахъ Салтовской сотни, отправленныхъ въ Харьковъ на почту.

Доношеніе управителя вотчины Елизаветы Петровны о томъ, чтобы была выдана квитанція въ полученіи отъ этой вотчины сѣна для лошадей Казанскаго пѣхотнаго полка.

О недоставленіи провіанта и фуража на Харьковскую почту поповскими работниками, шинкарями и разночинцами.

О содержаніи въ с. Липцахъ почты Матвѣемъ Безбородовымъ и о неприсылкѣ атаманомъ Веселой сл. Вовченкомъ провіанта и фуража на эту почту.

Доношенія изъ Мерефы, Золочева и Соколова о томъ, что обыватели этихъ мѣстечекъ не въ состояніи сами содержать почты, а опредѣленныя окрестныя селенія не помогаютъ.

Объ опредѣленіи Валковскимъ обывателямъ вспоможенія со стороны обывателей окрестныхъ селеній въ содержаніи почты.

Промеморія изъ Изюмской полков. канцеляріи въ Харьковскую объ учрежденіи почты въ сл. Владимировкѣ (1739 г.).

Указъ Миниха о содержаніи почтъ въ добромъ порядкѣ (1738 г.).

Указъ Миниха о починкѣ дорогъ и постановкѣ вездѣ по дорогамъ верстовыхъ столбовъ.

Объ учрежденіи Чугуевской почты.

Реестръ козаковъ, отправленныхъ въ Рогань для возки писемъ.

Доношеніе Перекопскаго сотника о томъ, что нѣкоторые владѣльцы не дѣлаютъ вспомоществованія перекопской почтѣ.

Объ учрежденіи почты отъ Чугуева до Изюма вдали отъ жилыхъ помѣщеній по случаю опасной болѣзни.

Указъ Ласи объ увольненіи Трофима Гаевскаго отъ компаніи 1739 г и объ опредѣленіи ему присяжнаго двора.

Указъ объ учрежденіи почты въ Рогани.

№ 100. 1746 года (на 107 листахъ).

О нарядѣ козаковъ на линію и о содержаніи карауловъ отъ Усть-Самары по Днѣпру.

Объ отправленіи козаковъ Харьковскаго полка на линію въ форпосты по случаю выступленія оттуда регулярныхъ войскъ.

Доношеніе подпр. Протопопова о томъ, что онъ отправился на смѣну подпрапор. Филонова на линію.

О смѣнѣ козаковъ Сумскаго и Харьковскаго полковъ, находящихся на Крисовой сторожѣ.

Доношеніе сотника Картаваго о томъ, что по случаю челобитья капитана Бахтѣева онъ содержится при Бѣлгородской губернской канцеляріи и не можетъ явиться въ команду.

Доношеніе объ отправленныхъ изъ Мартовецкой сотни казакахъ на линію.

Доношеніе Андрея Щербины объ увольненіи отъ похода за болѣзнью и неготовностію его къ походу.

Доношеніе сотника Іосифа Жукова о томъ, что подпрапорный Василій Жуковъ выступить въ походъ не можетъ.

Извѣстіе, какое число козаковъ изъ сотень Харьков. полка должно быть отправлено на линію.

Указы о нарядѣ козаковъ для содержанія карауловъ и разъѣздовъ вмѣсто компанейскаго полка Чеснока отъ Усть-Самары по Днѣпру.

Доношеніе Смородскаго о томъ, что козаки, назначенные для высылки на линію, изъ сотень Харьковскаго полка въ Мерефу не явились.

Доношеніе нѣкоторыхъ сотень Харьковскаго полка (Тишковск., Хорошевской, полковой первой сотни Валковской и Салтовской) о высылкѣ козаковъ на линію.

О грабежѣ козакомъ Черкасенкомъ у Марченка воловъ и коровы по дѣлу найма сына Марченка для командировки для встрѣчи Императрицы Елизаветы Петровны.

О высылкѣ козаковъ на линію (приложены реестры высланныхъ).

Списокъ козаковъ, собранныхъ въ Мерефѣ для отсылки на линію.

Вѣдомость о козакахъ Липецкой сотни съ указаніемъ, кто куда командированъ.

Такая же вѣдомость Мерефянской сотни.

Доношеніе сотника Картаваго, находящагося при кр. Св. Параскевы, о замѣнѣ его другимъ.

О невысылкѣ на линію сотника Авксентіева по случаю тяжбы его съ Анастасіей Квиткиной и прочими о недвижимыхъ имѣніяхъ.

Списокъ козаковъ Золочевской сотни, отправленныхъ на линію.

Доношеніе Богаевскаго о недостающихъ до комплекта козакахъ, находящихся на линіи.

О сыскѣ козаковъ, бѣжавшихъ съ крѣпости Св. Параскевы.

О смѣнѣ сотника Жукова, находящагося на линіи сотникомъ Черноглазовымъ и Яковомъ Ковалевскимъ.

О смѣнѣ Якова Ковалевскаго сотникомъ Богаевскимъ.

№ 101-й. 1746 года (на 103 листахъ),

О нарядѣ козаковъ изъ Харьковскаго полка въ Лифляндскій походъ.

Указы о нарядѣ козаковъ изъ Слободскихъ полковъ въ Лифляндскій походъ.

Росписаніе наряженныхъ въ Лифляндскій походъ козаковъ Харьковскаго полка.

Имянной списокъ наряженныхъ въ походъ козаковъ Харьковскаго полка.

Инструкціи и указы изъ полковъ Харьковской канцеляріи о нарядѣ козаковъ въ походъ.

Промеморіи изъ Сумской полковой канцеляріи въ Харьковскую о томъ же.

Доношеніе сотника Андрея Тихоцкаго о дачѣ ему наставленія, какъ поступать съ командою въ походѣ.

Доношенія сотень Харьковскаго полка о высланныхъ въ походъ съ приложеніемъ реестровъ.

Доношеніе Андрея Тихоцкаго о томъ, что многіе изъ козаковъ, обозначенныхъ въ спискѣ, сами не явились въ походъ, а выслали за себя наймитовъ.

Доношенія сотень Харьковскаго полка о наряженныхъ въ походъ козакахъ (приложены реестры).

Объ увольненіи Андрея Тихоцкаго отъ командировокъ.

Вѣдомость, кто изъ бывшихъ козаковъ въ походѣ какія вещи (одежду, вооруженіе и пр.), продалъ.

№ 102-й. 1746 года (на 68 листахъ).

О скотскомъ падежѣ.

Указы о непропускѣ скота чрезъ мѣста, гдѣ находится падежъ скота, и о доставленіи вѣдомостей о пропущенномъ въ великороссійскія губ. и задержанномъ скотѣ.

Промеморія изъ Ахтырской полковой канцеляріи о томъ, что въ м. Алешнѣ начался скотскій падежъ.

Промеморія оттуда же о прекращеніи скотскаго падежа въ м. Алешнѣ.

Указъ о пропускѣ мелкаго скота въ великороссійскіе города изъ Малороссіи.

Указъ о предосторожности отъ скотскаго падежа, ибо таковой появился въ разныхъ мѣстахъ.

О появленіи скотскаго падежа въ Бѣлгородѣ.

Доношеніе сотника Андрея Петровскаго, назначеннаго для учрежденія карауловъ по случаю скотскаго падежа, о томъ, чтобы ему въ помощь вмѣсто подпрапорныхъ Турчанинова и Ковалевскаго назначены были другіе.

О скотскомъ падежѣ въ сл. Меловой.

О скотскомъ падежѣ въ Черниговскомъ полку.

Объ опредѣленіи подпрапорнаго Альбоскаго въ помощь сотнику Петровскому.

№ 104-й. 1746 года (на 50 листахъ).

О двухъ казенныхъ дубахъ, сдѣланныхъ для парома и взятыхъ судьею Черноглазовымъ.

Протестъ Опошнянскаго дозорцы о томъ, что дубы, купленные для парома на р. Ворсклѣ у валковскаго жителя Луценка, взяты судьей Черноглазовымъ и подарены сотнику Леонтію Г(о)луховичу.

Промеморія ротмистра Корольковскаго въ Харьковскую полковую канцелярію о томъ же.

О доставленіи Луценка въ полковую канцелярію.

Указъ о производствѣ слѣдствія въ Харьковской полковой канцеляріи о тѣхъ же дубахъ (1750 г.).

Промеморія изъ учрежденной къ наблюденію и содержанію кирасирскихъ полковъ конскихъ заводовъ вѣдомства примеръ-маіора Сингубина коммиссіи въ Харьковскую полковую канцелярію о томъ же (1750 г.)

Отвѣтъ полковаго судьи относительно этихъ дубовъ.

Отвѣтъ по этому же поводу сотника Голуховича.

Промеморія „третьяго кирасирскаго полка отъ содержанія конскихъ заводовъ и Гадяцкаго замка экономическаго правленія въ Харьковскую полковую канцелярію“ о командированіи унтеръ-офицера въ эту канцелярію впредь до окончанія слѣдствія о дубахъ (1750 г.).

Слѣдствіе объ этихъ дубахъ и по этому поводу переписка.

№ 105-й. 1746 года (на 21 листу).

О сыскѣ и поимкѣ разнаго званія людей.

О сыскѣ однодворца Лукотина, поселившагося при Ландмилицкомъ слободскомъ полку.

О сыскѣ и поимкѣ копіиста Петра Привалова.

Тоже Павла Яготинца.

Тоже бѣжавшаго малороссіянина Лупащенка.

О сыскѣ и поимкѣ однодворца Бочарова, поселеннаго при крѣпости Бѣлевской.

О сыскѣ гренадера Роткова.

О сыскѣ Полупана и Никиты Бута.

О сыскѣ и поимкѣ крѣпостныхъ людей Нестеревой.

Тоже драгуна Лелянова.

№ 107-й. 1747 года (на 179 листахъ).

О неупотребленіи козаковъ старшинами въ работы.

Подписка козаковъ Валковской сотни въ слѣдственную коммиссію вѣдомста бригадира Фролова-Багрѣева въ томъ, что они опредѣленною къ нимъ по комплекту подмогою довольны, и что изъ старшинъ козаковъ никто не обижаетъ.

Подписка о томъ же подпомощниковъ Валковской сотни.

Слѣдствіе о козакахъ Козаченкѣ и Разумномъ, находящихся въ куренщикахъ у судьи Черноглазова и недовольныхъ своимъ положеніемъ.

Подписка козаковъ Перекопской сотни о томъ, что они довольны подмогой своей и старшиной.

Такая же подписка подпомощниковъ той же сотни.

Подписка козаковъ с. Ковяги въ томъ, что они данной имъ подмогой недовольны.

Подписка козаковъ Ольшанской сотни въ томъ, что они довольны своей подмогой.

Подписка подпомощниковъ Ольшанской сотни о качествѣ ихъ службы.

Подписка козаковъ подпомощниковъ той же сотни въ томъ, что они полковымъ обознымъ Ковалевскимъ употреблялись въ партикулярныя работы.

Подписка Кирила Толпянскаго съ 20 поселенцами въ томъ, что они опредѣлены въ козачьи подпомощники только въ 1747 г., а не въ 1744 г.

Подписка козачьихъ подпомощниковъ Кирила Мехеда и др. о томъ же.

Подписка Мануйла Куриленка и др. въ томъ, что издавна они жили въ козачьихъ домахъ, а теперь опредѣлены подпомощниками.

Подписка козаковъ Золочевской сотни въ томъ, что они подмогою довольны, но хотятъ жаловаться на обиды отъ старшинъ.

Подписка казачьихъ подпомощниковъ той же сотни о томъ, что они въ партикулярныя работы не употреблялись

Подписка казачьихъ подпомощниковъ Пересѣчанской сотни о томъ же.

Подписка козаковъ Пересѣчанской сотни въ томъ, что они довольны подмогой и старшиной.

Подписка козаковъ первой Харьковской полковой сотни о томъ же.

Подписка козачьихъ подпомощниковъ той же сотни о неупотребленіи ихъ въ партикулярныя работы.

Подписка козачьяго подпомощника въ томъ, что полковой писарь Нестеровъ употребляетъ его въ партикулярныя работы.

Подписка козаковъ второй Харьковской сотни въ томъ, что они довольны подмогою и ихъ въ партикулярныя работы старшина не употребляла.

Подписка козачьихъ свойственниковъ той же сотни въ томъ, что они кромѣ козаковъ никому не „вспомогали".

Подписка козака Лессенка въ томъ, что ему подмоги не было дано.

Подписка козаковъ с. Даниловки, что они довольны своей подмогою и старшиной.

Подписка козачьихъ подпомощниковъ того-же села въ томъ, что ихъ въ партикулярныя работы не употребляли.

Подписка козаковъ Люботинской сотни въ томъ, что имъ не опредѣлено подмоги.

Подписка подпомощниковъ Люботинской сотни Якима Шамрина и др. о качествѣ своей службы.

Подписка козачьяго подпомощника Марченка объ отягощенiи его партикулярной работой судьей Черноглазовымъ.

Подписка козачьихъ подпомощниковъ Мерефянской сотни въ томъ, что они ни въ какiя партикулярныя работы не употреблялись.

Подписки козаковъ сотни Мерефянской Фоменка и Дубовика въ томъ, что имъ подмоги не было опредѣлено.

Подписка козаковъ с. Островерховки въ томъ, что они довольны подмогою и старшиною.

Подписка о томъ же козачьихъ подпомощниковъ того же села.

Подписка козачьихъ подпомощниковъ Кириченка и др. въ томъ, что Черноглазовъ употребляетъ ихъ въ партикулярныя работы.

Подписка козаковъ Соколовской сотни въ томъ, что они подмогой довольны и никто ихъ въ партикулярныя работы не употреблялъ.

Подписка подпомощника Покрышенка въ томъ, что онъ находился въ партикулярныхъ работахъ у сотника Жукова.

Подписка козаковъ м. Тарановка въ томъ, что они доволны подмогой и старшиной.

Подписка козачьихъ подпомощниковъ того-же м. о неупотребленiи ихъ въ партикулярныя работы.

Подписка козаковъ Хорошевской сотни о недовольствѣ ихъ своей подмогой.

Подписка подпомощниковъ о неупотребленiи ихъ въ партикулярныя работы.

Подписка козачьихъ подпомощниковъ Чапруна съ товарищами въ томъ, что они находились у асаула Буцкаго въ партикулярныхъ работахъ.